

Серия**2013****ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ****Выпуск 3 (15)**

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Professional Education «Perm State National Research University»

Серия «Философия. Психология. Социология» издается философско-социологическим факультетом Пермского государственного национального исследовательского университета с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований. Приоритетным правом на публикацию пользуются статьи молодых ученых.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles. The papers of young scientists use the priority right to the publication.

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия (ПИ № ФС77-53180 от 14 марта 2013 г.)

Территория распространения —
Российская Федерация

Подписной индекс журнала «Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология» в Объединенном каталоге «Пресса России» на 2013 год — 41011

© ФГБОУ ВПО «ПГНИУ», 2013

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**Главный редактор**

Александр Юрьевич Внутских (профессор, докт. филос. наук)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Николаевич Железняк (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Васильевич Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Михаил Иванович Ненашев* (профессор, докт. филос. наук, Киров), *Владимир Вячеславович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Виктор Дмитриевич Балин (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Асия Гарафоновна Исмаилова* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (профессор, докт. психол. наук, Киров), *Александр Октябринович Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Тула)

СОЦИОЛОГИЯ

Анатолий Григорьевич Антипов (профессор, докт. социол. наук, Пермь), *Евгения Анатольевна Козай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Галина Ивановна Осадчая* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (профессор, докт. социол. наук, Москва)

Международный редакционный совет

Джорджо Де Маркус (профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен МакДауэлл* (профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Рьюз* (профессор философского факультета, Университет штата Флорида, США), *Дьёрдь Сарвару* (доктор философии, директор Neosys Organisational Developmental Consulting, Венгрия), *Александр Строканов* (профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, Вермонт, США), *Дмитрий Широканов* (профессор, докт. филос. наук, акад. Национальной академии наук Беларуси, Минск, Белоруссия), *Жига Кнап* (профессор, докт. философии, Люблинский университет, Словения), *Исаак Эберштейн* (профессор социологии, заведующий кафедрой социологии, университет штата Флорида, США)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. +7(342) 2396-823.

E-mail: fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru, fsf-vestnik@yandex.ru.

Web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Методологический анализ космологии Аристотеля <i>А.Ю. Сторожук</i>	5	Methodological analysis of Aristotle cosmology <i>Anna Y. Storozhuk</i>
Школа одного сcholарха <i>Б.Т. Домбровский</i>	11	The school of one headteacher <i>Boris T. Dombrovski</i>
Проблема структуры физической реальности в контексте методологических и концептуальных установок современной философии науки <i>Р.В. Онуфрийчук</i>	20	Problem of the physical reality's structure in the context of methodological and conceptual prescriptions of the modern philosophy of science <i>Roman V. Onufriyчук</i>
Атемпорально-синхронистическая парадигма движения <i>М.Г. Годарев-Лозовский</i>	25	Atemporal-synchronistic paradigm of moving <i>Maxim G. Godarev-Lozovsky</i>
Антропный принцип в структуре представлений об эволюции вселенной и человека <i>М.Р. Зобова</i>	33	The anthropic principle in the structure of the ideas of the universe and man evolution <i>Maria R. Zobova</i>
Онтологические проблемы реализации федерального государственного образовательного стандарта <i>А.Г. Бермус</i>	41	Ontological problems of education state standarts realisation <i>Alexander G. Bermous</i>
К проблеме смысла индивидуальной смерти <i>Ю.В. Засядь-Волк</i>	50	To the individual death meaning <i>Yury V. Zasiad-Volk</i>
Апокалипсис сегодня? К вопросу о мифологии времени в современном мировосприятии <i>А.Н. Канев</i>	57	Apocalypse today? On the time mythology problem in modern perception of the world <i>Andrey N. Kanev</i>
Онтологические и гносеологические модели философии истории: от прошлого к будущему <i>Ф.Н. Нагой</i>	66	Ontological and gnoseological models of the philosophy of history: from the past to the future <i>Fatima N. Nagoy</i>
К вопросу о роли личности в истории: диалектический и синергетический подходы <i>А.Ф. Родюков</i>	74	The role of personality in history: dialectical and synergistic approaches <i>Alexei F. Rodyukov</i>
Философские метафоры в текстах культуры <i>Г.А. Ермоленко, С.Б. Кожевников</i>	81	Philosophical metaphors in cultural texts <i>Galina A. Ermolenko, Sergey B. Kozhevnikov</i>

Феномен массовой культуры: проблемы и противоречия <i>Е.В. Кузнецова</i>	89	Phenomenon of mass culture: problems and controversies <i>Evgeniya V. Kuznetsova</i>
Феномен персональной идентичности художника <i>Н.Ю. Мочалова</i>	96	The phenomenon of the personal identity of the artist <i>Nadezda Y. Mochalova</i>
К онтологической теории культуры <i>Н.В. Серов</i>	104	About ontological theory of culture <i>Nicolay V. Serov</i>
Феноменология традиционной духовности <i>К.М. Товбин</i>	114	The phenomenology of the traditional spirituality <i>Kyrill M. Tovbin</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Особенности идентичности «благополучных» и «проблемных» подростков и старшекласников <i>Т.Н. Яблонская</i>	123	Peculiarities of identity of «problem-free» and «problem» teenagers and high-school students <i>Tatyana N. Yablonska</i>
Ответственность как показатель информационной готовности будущих инженеров к профессиональной деятельности <i>Е.К. Папакица</i>	133	The responsibility as an indicator of information readiness of future engineers to their profession <i>E.K. Papakitsa</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Профессиональный комплекс в самоопределении личности <i>В.С. Волегов</i>	137	Professional complex of self-determination <i>Vladimir S. Volegov</i>
Инновационная активность молодежи: особенности и перспективы <i>Е.С. Бабосова</i>	144	Innovative youth activity: features and prospects <i>Ekaterina S. Babosova</i>
Факторы эмиграции молодежи Республики Бурятия <i>С.В. Болотова</i>	155	Factors of youth emigration in Buryat Republic <i>Svetlana V. Bolotova</i>
Проблемы миграционной политики современной России <i>А.В. Ляпанов</i>	164	Problems of migration policy in modern Russia <i>Artem V. Lyapanov</i>
Связи с общественностью: к вопросу формирования пролегоменов научного знания <i>М.Г. Шилина</i>	173	Public relations: to a question on forming of prolegomena of scientific knowledge <i>Marina G. Shilina</i>

Скрытые демократические и антидемократические ресурсы Интернета <i>Д.А. Гугуева</i>	183	Hidden democratic and anti-democratic resources of Internet <i>Darya A. Gugueva</i>
Влияние «новых» средств массовой информации на политические партии <i>Д.И. Каминченко</i>	191	The influence of «new» media to political parties <i>Dmirty I. Kaminchenko</i>
Информация для авторов	195	Instructions for English speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141.201

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОСМОЛОГИИ АРИСТОТЕЛЯ

А.Ю. Сторожук

В статье дается исторический и методологический анализ эмпирических и теоретических оснований космологической концепции Аристотеля. Показано влияние на Аристотеля как мифологических представлений, так и философских и преднаучных воззрений. Проанализированы основные свойства пространственных представлений геоцентрической модели: единственность Вселенной, ее ограниченность в пространстве и неограниченность во времени.

Ключевые слова: геоцентрическая модель; космология Аристотеля; конечность Вселенной; вечность.

Космология до Аристотеля, как мифологическая, так и преднаучная, имела по большому счету прагматический характер, поскольку была направлена в первом случае на постижение роли богов и своего места в мире, во втором — на решение технических проблем, связанных с определением координат, времен года и т.д. Для Аристотеля характерно стремление заниматься «чистой» наукой, особую ценность которой он видел в ее бесполезности, поскольку достижение выгоды, согласно Аристотелю, могло исказить поиск истины. Познание ради познания в области космологии привело Аристотеля как к построению общей геоцентрической картины мира, так и к исследованию ряда вопросов, связанных с определением размеров Вселенной, доказательством ее единственности и т.д.

Предпосылками аристотелевской модели Вселенной являются как мифологические и научные представления, так и философские учения. От мифологии Аристотель заимствовал:

- представление о вечности и неизменности небес;
- ценностное противопоставление земного (ограниченного) и небесного (совершенного);
- антропоморфный в целом характер объяснений;
- представление о божественной природе небес, выражающееся в убеждении, что за воспри-

нимаемым миром стоит причинно-первичное разумное начало.

Для астрономической науки того времени было также характерно представление о высшей сфере звезд как о неизменной, поскольку «согласно [историческим] преданиям, передававшимся из поколения в поколение, ни во всем высочайшем Небе, ни в какой-либо из его частей за все прошедшее время не наблюдалось никаких изменений» [2, с. 271].

Аристотель использует данные трудов Евдокса в вопросе определения количества круговых движений, которыми движутся планеты.

В числе философских предпосылок космологии Аристотеля следует назвать:

- представление о конечности мира, зародившееся из логических рассуждений, как стремление избегать бесконечной редукции при объяснении. В дальнейшем устранение логической редукции ad infinitum было распространено на пространственные (мир конечен, сферичен и замкнут), временные (мир имеет начало во времени) и причинные (учение о первопричинах) представления.
- представление о нечувственном характере познания, имеющее широкое распространение в античной философии и на долгое время полностью вытеснившее эпистемологические установки ранней натурфилософии. Отрицание возможности чувственного познания восходит, по всей

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-23-01015.

видимости, к Гераклиту, учившему о текучести и изменчивости мира. Поскольку каждое мгновение старое исчезает, уходя в небытие, а новое нарождается, чтобы тут же погибнуть, из концепции Гераклита о динамизме вещей логически следовала невозможность познания чувственно воспринимаемого мира, ибо последний меняется, равно как и познающий субъект. Первое решение проблемы Гераклита предложил Парменид, разделивший пути познания на путь истины и путь мнения. Истинное познание возможно лишь о неизменном нечувственном, ибо воспринимаемый мир подвержен изменениям. Парменид повлиял на Платона, у которого двадцать лет учился Аристотель. Платон предположил, что познаваемыми сущностями являются идеи — некие неизменные интеллигибельные начала. Аристотель в качестве нечувственного вечного начала принял формы.

Именно формы являются одним из трех начал, стоящим за сотворением мира. Но и форма, и материя — неопределенный субстрат, олицетворяя действительность и возможность, являются началами подвижными и изменчивыми. Боязнь бесконечности не позволяет одно движение объяснять через другое сколь угодно долго. В ряду причин следует положить конец и им должно стать третье первоначало, неподвижное, но приводящее в движение весь остальной мир. Это первое начало есть причина всего.

Природа первоначала подлежит дальнейшему исследованию в философии Аристотеля. Оно должно быть деятельным, чтобы творить, но деятельность есть изменение. Поскольку первоначало является чем-то совершенным, то движение будет означать утрату совершенства. Поэтому для первоначала допустимы только определенные типы движения, среди которых совершенным является круговое. Аристотель заключает, что первоначало, сущность которого заключается в деятельности, а природа вечная и неизменная, не может быть материальным. Как высшая и совершенная сущность начало должно двигаться совершенным, т.е. круговым движением. «Первый вид изменений — это перемещение, а первый вид перемещения — круговое движение. Круговое же движение вызывается [первым] движущим. Следовательно, [первое] движущее есть необходимо сущее; и, поскольку оно необходимо сущее, оно существует надлежащим образом, и в этом смысле оно начало... Так вот, от такого начала зависят небеса и [вся] природа» [1, с. 310].

Далее Аристотель задается вопросом, существует ли лишь одна такая сущность или больше, и сколько именно. «Так как движущееся должно чем-то приводиться в движение, а первое движущее

— быть неподвижным само по себе, причем вечное движение необходимо вызывается тем, что вечно, и одно движение — чем-то одним, и так как помимо простого пространственного движения мирового целого, движения, которое, как мы полагаем, вызвано первой и неподвижной сущностью, мы видим другие пространственные движения — вечные движения планет (ибо вечно и не знает покоя тело, совершающее круговое движение; это показано в сочинениях о природе), — то необходимо, чтобы и каждое из этих движений вызывалось самой по себе неподвижной и вечной сущностью. Ибо природа светил вечна, будучи некоторой сущностью, и то, что движет их, должно быть вечным и предшествовать тому, что им приводится в движение, а то, что предшествует сущности, само должно быть сущностью. Таким образом, очевидно, что должно существовать столько же сущностей, сколько имеется движений светил, и что они вечны по своей природе, сами по себе неподвижны и не имеют (по указанной выше причине) величины» [1, с. 312].

Поскольку число сущностей должно совпадать с количеством движений светил, Аристотель предлагает обратиться к учению о небесных светилах, которое он рассматривает как часть математики. Опираясь на учение Евдокса, Аристотель принимает, что «движение Солнца и Луны происходит у каждого в трех сферах, из которых первая — это сфера неподвижных звезд, вторая имеет движение по кругу, проходящему посередине созвездий зодиака, третье — по кругу, отклоняющемуся по широте от зодиака (при этом на большую широту отклоняется тот круг, по которому движется Луна, нежели тот, по которому движется Солнце). Движение планет, по мнению Евдокса, происходит в каждой в четырех сферах, и из них первая и вторая — те же, что и указанные выше (ведь сфера неподвижных звезд есть сфера, несущая с собой все [другие], и та, которая расположена ниже и имеет движение по кругу, проходящему посередине созвездий зодиака, также общая для всех); у третьей сферы всех планет полюсы находятся на круге, который проходит посередине созвездий зодиака, а движение четвертой совершается по кругу, наклоненному к среднему кругу третьей; и полюсы третьей сферы у каждой из других планет свои, а у Афродиты и Гермеса одни и те же.

У Каллиппа расположение сфер такое же, что и у Евдокса, и количество их для Зевса и Кроноса он отводил одинаковое с Евдоксом, но для Солнца и для Луны, по его мнению, надо было еще прибавлять по две сферы, если хотят объяснить

наблюдаемые явления, а для каждой из остальных планет — по одной.

Однако если эти сферы должны в своей совокупности объяснять наблюдаемые явления, то необходимо, чтобы для каждой планеты существовали другие сферы — числом меньше на одну, — такие, которые бы каждый раз поворачивали обратно и приводили в то же самое положение первую сферу светила, расположенного ниже, ибо только так может вся совокупность сфер производить движение планет. А так как [основных] сфер, в которых вращаются планеты, одних имеется восемь, других — двадцать пять и из них не требуют возвращения назад только те, в которых движется планета, расположенная ниже всего, то сфер, возвращающих назад сферы первых двух планет, будет шесть, а тех, которые возвращают назад сферы последующих четырех, — шестнадцать; и, таким образом, число всех сфер — и тех, которые несут планеты, и тех, которыми эти последние возвращаются обратно, — пятьдесят пять. А если для Луны и для Солнца не прибавлять тех движений, которые мы указали, то всех сфер будет сорок семь» [1, с. 313–314].

Поскольку для приведения в движение каждой небесной сферы должна быть отдельная сущность, то и сущностей следует предположить столько же, сколько сфер. Число их не может быть большим, поскольку они приводили бы тела в движение, а Аристотель считает перечень движений исчерпывающим. Движения происходят ради светил, которые хоть и чувственно воспринимаемы, но представляют собой вечные сущности.

Таким образом, предпосылки создания космологической картины у Аристотеля отчасти мифологические, а отчасти — онтологические. Научные данные используются для установления количества движений планет. Философское учение о сущностях, которое само по себе является антропоморфным, он использует для объяснения круговых движений планет, поскольку движущей причиной кругового движения является целевая причина.

Конечность Вселенной

Рассмотрению структуры космоса Аристотель посвящает специальный трактат «О небе», где рассматриваются некоторые частные вопросы устройства Вселенной.

В трактате «О небе» исследуется проблема размера Вселенной. Поскольку Вселенная рассматривается как составное тело, для решения вопроса о размере Вселенной важно показать, что каждая часть имеет конечный размер. Основными

частями Вселенной, по Аристотелю, являются элементы. Чтобы обосновать конечность Вселенной, Аристотелю требуется доказать конечность простых тел, так как то, что состоит из конечных частей, — само конечно.

Исходя из геометрических соображений, что бесконечно большое тело не может двигаться по кругу, Аристотель приходит к выводу о конечности Вселенной. «Если тело, движущееся по кругу, бесконечно, то линии, т.е. радиусы, проведенные из центра, будут также бесконечны. А если они бесконечны, то и промежуток между ними бесконечен. Под промежутком между двумя линиями я понимаю пространство, вне которого невозможно найти никакую протяженную величину, соприкасающуюся с обеими линиями. Этот промежуток, стало быть, должен быть бесконечным, во-первых, потому, что у конечных радиусов он всегда будет конечным, а во-вторых, потому что его всегда можно взять больше данного, и, следовательно, то же самое рассуждение, на основании которого мы говорим, что число бесконечно (“потому что наибольшего не существует”), имеет силу также и в отношении промежутка. Поэтому если бесконечное нельзя пройти из конца в конец, а в случае, если круговращающееся тело бесконечно, промежуток между радиусами по необходимости должен быть бесконечным, то оно не могло бы двигаться по кругу, а между тем мы воочию видим, что небо вращается по кругу» [2, с. 275].

Кроме того, время в пути при преодолении бесконечного расстояния должно быть также бесконечным, а наблюдения показывают, что небо совершает полный оборот за конечное время. «Следовательно, бесконечное не может двигаться вообще, ибо даже для движения на наименьшее расстояние ему понадобится бесконечное время» [2, с. 276.].

Аналогичные рассуждения Аристотель проводит и для прямолинейных движений вверх или вниз, которые должны быть ограничены, чтобы промежуток между ними был также ограниченным. В противном случае прямолинейное движение было бы бесконечным. Но это, согласно Аристотелю, невозможно, так как если одна из противоположностей ограничена, то будет ограничена и другая. Направление вниз ограничено центром Вселенной, следовательно, и направление вверх должно быть конечным.

Кроме того, бесконечно большое тело, естественное движение которого направлено к центру Вселенной, должно обладать бесконечно большим весом, что приводит к невозможным следствиям. В частности, такое тело невозможно привести в движение. «Что бесконечное существует,

уверенность в этом проистекает у исследователей прежде всего из пяти [оснований]: (1) из времени (ибо оно бесконечно); (2) из разделения величин (ведь и математики пользуются бесконечным); (3) далее, что только в том случае не прекратится возникновение и уничтожение, если будет бесконечное, откуда берется возникающее; (4) далее, из того, что ограниченное всегда граничит с чем-нибудь, так что необходимо, чтобы не было никакого предела, раз одно всегда необходимо граничит с другим (5). Но больше всего и главное всего — что составляет общую трудность для всех — на том основании, что мышление [никогда] не останавливается [на чем-нибудь] и число кажется бесконечным, и математические величины, и то, что находится за небом. А если находящееся за [небом] бесконечно, то кажется, что существуют и бесконечное тело, и бесконечные [по числу] миры, ибо почему пустоты будет больше здесь, чем там? Таким образом, если масса имеется в одном месте, то она [находится] и повсюду. Вместе с тем, если пустота и место бесконечны, необходимо, чтобы и тело было бесконечным, так как в вещах [вечных] возможность ничем не отличается от бытия. Рассмотрение бесконечного имеет свои трудности, так как и отрицание его существования, и признание приводят ко многим невозможным [следствиям]. Далее, каким образом существует бесконечное: как сущность или как свойство, само по себе присущее некоторой природе? Или ни так ни эдак, но все же бесконечное существует — или как бесконечное [по величине], или как бесчисленное множество. Для физика же важнее всего рассмотреть [вопрос], существует ли бесконечная чувственно-воспринимаемая величина» [3, с. 111].

Также бесконечное тело не может подвергаться воздействию со стороны другого тела — все равно, конечного или бесконечного — или производить действие на другое тело. Поэтому все чувственно воспринимаемые тела, действующие на наши органы чувств, не могут быть бесконечно большими.

Методологически рассуждения Аристотеля являются логико-математическими, а их отправной точкой служит учение об элементах, корнями уходящее в античную мифологию. В доказательстве конечности Вселенной используются ссылки и на чувственные данные. Следствия из предположений о размере элементов не должны входить в противоречие с наблюдениями. Но последний метод нельзя считать эмпирическим в современном смысле этого слова, так как доминирующую роль играют все-таки логические рассуждения, а

чувственно воспринимаемым данным отводится вспомогательная роль.

Единственность Вселенной

Возможно, Вселенная столь велика, что в ней существует несколько небосводов? «Слово “небо” — ouranos — имеет у греков три значения: 1) небо как внешняя, окаймляющая космос сфера, на которой размещены неподвижные звезды; 2) небо как часть космоса, расположенная между Луной и сферой неподвижных звезд; 3) Небо как обозначение всего того, что окружено сферой неподвижных звезд, включая подлунный мир и Землю. В последнем из этих значений термин “Небо” совпадает по своему содержанию с термином “Вселенная” (to pan). В заглавии аристотелевского трактата “Небо” выступает именно в этом, третьем значении, ибо темой трактата является устройство космоса в целом, а не какой-либо его части» [4, с. 31–32]. Небом называлось все мировое целое и Вселенная.

Невозможность существования многих миров Аристотель обосновывает, опираясь на учение о движении. Допустим, существует несколько небосводов. «Все космосы необходимо должны состоять из тех же самых тел, [что и наш,] коль скоро они одинаковы [с ним] по [своей] сути (physis)» [2, с. 286]. Каждому телу свойственно по природе двигаться либо от центра, либо к центру мира. Но относительно нашего космоса эти движения будут обратными: «число движений конечно и каждый элемент определяется одним движением. Таким образом, коль скоро движения тождественны, то и элементы везде должны быть одни и те же. Следовательно, частям земли другого космоса от природы свойственно двигаться также и к этому центру, а тамошнему огню — также и к здешней периферии. Но это невозможно, ибо в таком случае земля в своем космосе должна двигаться вверх, а огонь — к центру, равно как и здешняя земля должна естественно двигаться от центра в своем движении к тамошнему центру вследствие такого расположения космосов относительно друг друга» [2, с. 286]. Если бы помимо нашего существовал еще и другой мир, то в этом мире был бы свой центр, своя периферия и свои движения. Тогда движения круговые с точки зрения центра одного мира будут насильственными, т.е. не круговые для другого.

В своих рассуждениях Аристотель предполагает некую масштабную однородность пространства (природа тел не меняется в зависимости от их места), но его пространство неизотропно из-за наличия выделенных направлений — к центру и от центра Земли. Поскольку одинаковые по при-

роде тела должны двигаться одинаково относительно центра, Аристотель заключает, что центр — только один и, следовательно, небо тоже только одно.

Аристотель принимает, что множественность присуща материи, но небеса вечны и неизменны и потому нематериальны. «Первое движущее, будучи неподвижным, одно и по определению, и по числу; стало быть, всегда и непрерывно движущееся также только одно. Значит, есть только одно небо» [1, с. 314].

Кроме умозрительных рассуждений Аристотель использует и ссылку на опыт: «если всякое чувственно-воспринимаемое тело обладает либо способностью действовать, либо способностью подвергаться воздействию, либо обеими, то бесконечное тело не может быть чувственно-воспринимаемым. А между тем все тела, находящиеся в пространстве, чувственно-воспринимаемые. Следовательно, вне неба не существует никакого бесконечного тела. В то же время [там не существует и тела протяженного] до определенной границы. Следовательно, вне неба не существует вообще никакого тела. Ибо если [там есть] умопостигаемое [тело], то оно будет находиться в [определенном] месте, поскольку вне и внутри означают место. Тем самым оно будет чувственно-воспринимаемым» [2, с. 283–284]. Небо как чувственно-воспринимаемая вещь должно быть единичной вещью.

Аристотель доказывает не только единственность Неба, но и невозможность других небес. Поскольку небеса чувственно-воспринимаемы, а следовательно, материальны, то требуется обсудить вопрос: вся ли материя включается в наше небо или остается материя, достаточная, чтобы слагать иное Небо. Но ни одно тело не может находиться за пределами крайней сферы из соображений невозможности там движения. Круговращающееся тело не может сменить своего места. Тела, движущиеся к центру и от центра, «находиться там не могут, поскольку свойственные им места — другие» [2, с. 292]. Поэтому противоестественно предполагать наличие тел вне Неба. Наш космос, взятый в целом, состоит из всей «свойственной ему материи», поэтому иных небосводов нет и быть не может. Здесь аргументация Аристотеля основана на отрицании принципа, который сейчас принято называть принципом относительности. Согласно Аристотелю, видимое небо представляет собой выделенную систему — центр мира и все естественные движения тел направлены к центру мира. Из предположения о выделенном положении геоцентрической системы отсчета, рассматриваемой как центр мира,

Аристотель выводит единственность Вселенной. Концепция Аристотеля пользовалась большой популярностью и авторитетом в течение многих веков. В частности, Дж. Бруно был сожжен инквизицией за пропаганду множественности миров, что противоречило утверждению Аристотеля о единственности Вселенной.

Вечность Вселенной

Аристотель подробно исследует проблему возникновения и уничтожения, разбирая мнения других философов. С его точки зрения, учения философов, рассматривающих возникновение из элементов, не противоречит вечности космоса, так как элементы, слагающие тела, уже были до появления самих тел.

Аристотель доказывает, что Вселенная не возникла и не может быть уничтожена, так как все возникшее должно быть уничтожимым. Вне неба нет ни пустоты, ни места, ни времени. «Время есть счет движения, а движение без естественного тела невозможно. Между тем доказано, что вне Неба нет и не может оказаться тела. Следовательно, очевидно, что вне Неба нет ни места, ни пустоты, ни времени» [2, с. 293]. Опираясь на учение о противоположностях, Аристотель отмечает, что тела, движущиеся круговым движением, не обладают противоположностью, а потому не могут изменяться, ибо изменение предполагает переход в противоположное состояние. «Столь же логично будет считать его невозникающим, неуничтожимым и не подверженным ни росту, ни [качественному] изменению, так как все возникающее возникает из [своей] противоположности и из некоторого субстрата и уничтожается — равным образом при наличии некоторого субстрата — под действием противоположности и переходя при этом в свою противоположность... движения противоположностей также противоположны. Так вот, если у этого тела не может быть противоположности по той причине, что и круговому движению также никакое движение не противоположно, то, думается, природа поступила правильно, исключив из разряда противоположностей тело, которое [по ее замыслу] должно быть невозникшим и неуничтожимым: ведь возникновение и уничтожение имеют место в противоположностях» [2, с. 270–271].

Аристотель приходит к выводу, что небесные тела вечны, не растут, не убывают, не стареют, не изменяются качественно, что соответствует их божественной природе. То, что расположено над самой внешней орбитой, также не знает изменений и полный срок существования всего неба есть срок, объемлющий целокупное время и бесконеч-

чен. Основой для подобного заключения является мифологическое мировоззрение, согласно которому небесное противопоставлялось земному и полагалось вечным и неизменным. Аристотель дополнительно использует метафизические аргументы и ссылается на научные наблюдения, в которых за долгое время не было зафиксировано изменений на небесах.

В целом концепция Аристотеля представляет собой модель, переходную от мифа к научному мировоззрению. В качестве отправных посылок рассуждений он часто использует суждения, коренящиеся в мифологии, но его аргументация носит уже вполне научный характер, представляя собой логически строгие рассуждения. Для Ари-

стотеля также характерно всестороннее рассмотрение проблемы и ее исследование, что в эпоху нового времени вошло как элемент научного метода в системы Ф. Бэкона и Р. Декарта.

Список литературы

1. *Аристотель. Метафизика* // Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 63–367.
2. *Аристотель. О небе* // Там же. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 263–378.
3. *Аристотель. Физика* // Там же. С. 59–262.
4. *Рожанский И.Д. Естественнонаучные сочинения Аристотеля* // Там же. С. 5–58.

METHODOLOGICAL ANALYSIS OF ARISTOTLE COSMOLOGY

Anna Y. Storozhuk

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences;
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russia*

The aim of paper is historical and methodological analysis of empirical and theoretical foundations of Aristotle's conceptions. Aristotle was influenced by myth, philosophy, and protoscience. The main qualities of space imaginations was analyzed, its are the uniqueness of Universe, the space limited, and eternity.

Key words: geocentric model; Aristotle's cosmology; the limited of Universe; eternity.

УДК 14

ШКОЛА ОДНОГО СХОЛАРХА

К 75-летию со дня смерти Казимира Твардовского († 11.02.1938, г. Львов)

Б. Т. Домбровский

В статье излагаются причины возникновения львовско-варшавской философской школы. Утверждается, что, в отличие от школы теории объектов А. Мейнонга и феноменологии Э. Гуссерля, львовско-варшавская школа во главе с ее основателем К. Твардовским сумела выйти из тупика апофатической философии Brentano и получить выдающиеся результаты в катафатической философии, в частности, благодаря различению языка-объекта и метаязыка. Высказывается предположение, что школа прекратила свое существование не с началом Второй мировой войны в 1939 г., а со смертью ее основателя в 1938 г.

Ключевые слова: апофатическая философия; семиотика; дескрипция; львовско-варшавская школа; теория суждений.

1. Школа «почти из ничего»

В предисловии к своей монографии «Львовско-варшавская философская школа» Я. Воленский пишет: «...я быстро понял, что в содеянном Казимиром Твардовским и его учениками содержится не только мощный интеллектуальный импульс, но также и очаровательная история создания чего-то почти из ничего» [17, S. 6]. В этом признании, содержащем две части — оценочную характеристику философского сообщества и кокетливое замечание о его генезисе, вторая часть в монографии остается нераскрытой. Разумеется, автор и не ставит перед собой задачу объяснить возникновение «чего-то почти из ничего». А между тем в этой почти шуточной дефиниции генезиса школы содержится немалая доля правды, причем существенной, определившей не только пути учеников Твардовского, но также и естественный распад школы. Этому акту творения «чего-то почти из ничего» и будет уделено основное внимание в настоящем эссе. Но прежде чем приступить к содержательному анализу этого почти небытия, укажем, вслед за Воленским, в качестве внешних признаков школы следующие факторы, с перечисления которых автор монографии начинает изложение: «...генетический — педагогическая деятельность Казимира Твардовского и его учеников; географический — размещение школы во Львове и Варшаве; временной — школа возникла в конце XIX в. и функционировала до Второй мировой войны; наконец, содержательный — совокупность общих идей. Ни один из при-

веденных моментов, взятых отдельно, не определяет исчерпывающим образом львовско-варшавскую школу» [17, S. 9]. Рассматривая перечисленные выше факторы, Воленский приходит к выводу, что «генетический критерий является или слишком узким, или слишком широким»; географические центры — Львов и Варшава — оказываются не единственными городами, поскольку и в других польских городах — Вильно, Кракове и Познани — работали выдающиеся представители школы; временные рамки также могут быть подвергнуты сомнению, поскольку и после Второй мировой войны были активны представители школы, в том числе из первой генерации, т.е. прямые ученики Твардовского. Относительно содержательного фактора — набора общих идей в школе — во избежание искажений можно процитировать Я. Воленского: «Четвертый фактор является, несомненно, наиболее существенным, но также и наиболее трудным в однозначном определении. Повсеместно указывается, что идейная связность школы предreshалась не совокупностью всеобщих принятых взглядов на более или менее фундаментальные философские проблемы, а общей интеллектуальной позицией. Ведь среди представителей школы находились философы с весьма разной теоретической и мировоззренческой ориентацией — отсюда, с точки зрения идей, львовско-варшавская школа является течением, намного менее консолидированным, чем феноменология, экзистенциализм или неопозитивизм. Это обстоятельство не позволяет в начале привести синтетическую, со-

держательную характеристику [школы], а попытка такой характеристики будет предпринята в последнем разделе настоящей книги» [17, S. 10]. Последуем указаниям летописца отечественной философии, чтобы рассеять высказанные им выше недоумения касательно научного содружества, называемого сегодня повсеместно львовско-варшавской школой.

Последний раздел «Подведение итогов» открывает параграф, названный «Была ли львовско-варшавская школа философской школой?». Судя по вопросу, недоумения не только не рассеиваются, но даже сгущаются. Для ответа на этот вопрос автор фундаментальной монографии «Львовско-варшавская философская школа» использует критерий, позволяющий определить, какая школа является научной. Он перечисляет те факторы, которые уже встречались в начале книги: а) общая генеалогия, т.е. «мастер и ученики»; б) время, преемственность и место функционирования; в) сознание принадлежности к школе; г) общие методологические и содержательные взгляды. Каждый элемент критерия Воленский комментирует. Комментарии весьма интересны, оригинальны и точны, но только подчеркивают недоумения, возникающие при детальном знакомстве со взглядами философов школы, причем до такой степени, что впору говорить о школе как о загадочной комете, блеснувшей на горизонте науки и исчезнувшей с началом Второй мировой войны.

Раскрывая пункт а), Воленский отмечает, что «мастерство» или учительство повторялось. А это редко встречается в других философских школах. Как правило, в школе доминируют взгляды «мастера», однако в данном случае дело обстоит иначе: парадигма философии Твардовского по мере развития школы была заменена другими воззрениями, хотя влияние мастера оставалось заметным. По мнению Воленского, Твардовский не является наиболее репрезентативным философом львовско-варшавской школы. Педагогическое же мастерство и неприятие взглядов Твардовского в качестве канона объясняется появлением логической парадигмы в философии, а многочисленность школы Воленский связывает с мировоззренческим плюрализмом, который был принят в школе как элемент программы развития философии [18].

Пункт б) оставлен без комментариев как не вызывающий сомнений относительно места, времени и педагогической преемственности.

Пункт в) у Воленского также не вызывает возражений: и он отмечает, что сознание принадлежности к данному интеллектуальному содру-

жеству связывалось с сознанием своей отличности касательно иных ориентаций.

Пункт г) с учетом «теоретического плюрализма» обосновать трудно: общность взглядов сводится к метафилософскому постулату — требованию ясного и осознанного философствования. Нельзя школу отнести и какому-либо «изму». Понимая всю широту сформулированных требований и отсутствие самоидентификации в школе, Воленский признается: «Возможно, даже лучше сказать так: львовско-варшавская школа не подписалась ни под какой известной из прошлого формулой, организующей целостность философской системы, а также и не выдумала никакой новой формулы» [17, S. 311]. Попытку же объяснить целостность философского сообщества наличием семейных черт, пересечение которых образует концептуальное ядро школы, по-видимому, не может быть принято в качестве объяснения объединяющего начала. Впрочем, рассмотрим содержание этого ядра. Оно включает «постулат ясности, интеллектуализм, заинтересованность логикой и логическим анализом, классическую концепцию истины, эпистемологический реализм, антииррационализм, интенциональную концепцию психики, эпистемологический и аксиологический абсолютизм, объяснительную концепцию гуманитарных наук и минимализм в исходной философской позиции» [17, S. 311]. Место каждого философа в школе предлагается оценивать по расстоянию от центра описанного ядра. И Воленский признается, что его определение принадлежности к школе неточно, что оно может спровоцировать «редукционистский» взгляд на школу или отдельных ее членов, а поэтому предлагает рассматривать философское сообщество «в более узком или более широком значении». Таким образом, каждый волен определяет состав школы едва ли не так, как ему заблагорассудится. А поскольку «...Твардовский не является наиболее репрезентативным философом львовско-варшавской школы», то при желании можно и его исключить из рассматриваемого интеллектуального содружества, для чего достаточно ограничиться логически ориентированными философиями. Воленский замечает, что «в этом уточненном значении Твардовский, случается, бывает причислен к львовско-варшавской школе с определенными предосторожностями» [18, S. 70]. Абсурдность ситуации очевидна, но ее можно еще усилить, для чего достаточно задаться вопросом: кто наиболее известен миру из тех, кого называет в своем списке Воленский? В книге этого же ав-

тора можно найти и ответ — Альфред Тарский. Однако Тарский не философ, а математик, принадлежащий ко второму поколению в школе и к ее варшавской части. Если описанную с точки зрения социологии ситуацию со школой утрировать, то можно придти к выводу, что она не только возникла «почти из ничего», но и превратилась в почти ничто. А между тем значимость школы нигде, никем и никогда не оспаривалась, и во всех словарях и энциклопедиях обсуждаемое научное содружество фигурирует под именем «львовско-варшавская философская школа». Очевидно, что социологический критерий, в котором используются внешние признаки идентификации научной школы, в данном случае не работает, ибо он не может объяснить ни философской серости схоласта, иногда оправдываемого педагогическим талантом, ни повторения такого же учительского мастерства у учеников, обладавших, однако, признанием своих достижений в науке, ни плюрализма, и отнюдь не мировоззренческого, а философски содержательного, ни временных и географических рамок (многие члены школы продолжали работать после войны). Единственным элементом предложенного Воленским критерия научной школы, который не вызывает критики и не умножает недоумения, остается элемент самоидентификации. Но этот элемент не является внешним по отношению к школе, а проистекает из ее среды. Поэтому для того чтобы рассеять недоумения, возникающие в связи с изучением наследия школы, следует обратиться по примеру самоидентификации к внутренним факторам, которые помогут внести ясность в перечисленные выше пункты а) – д)? Говоря иначе, по-видимому, следует вернуться к истокам школы, вернуться к деятельности ее основателя Казимира Твардовского и внимательнее присмотреться к содержательным предпосылкам формирования рассматриваемого интеллектуального содружества?

В своих лекционных курсах, а особенно в курсе логики, повторяющемся каждые четыре года, Твардовский делал упор на философии своего учителя Ф. Brentano, которая не была известна ни в одном польском университете [5]. А это уже во все немало и отнюдь не «почти из ничего», если учесть, что в творчестве Brentano берет начало теория предметов А. Мейнонга [13], феноменология Гуссерля и, как окажется, львовско-варшавская школа, а также ряд других направлений, непосредственно не связанных с воззрениями венского профессора, например, фрейдизм. «Доказательству» того факта, что появление

львовско-варшавской школы инспирировано философией Brentano, в частности, наиболее уязвимой ее частью — т.н. идиогенической (в отличие от аллогенической, т.е. иного рода) теорией суждения — и будет посвящено дальнейшее изложение. Правда, одной философии Brentano, разумеется, недостаточно и для превращения ее в теории нужен был конгениальный толкователь, каковым и стал Казимир Твардовский [2].

2. Абрис воззрений Brentano с точки зрения истории философии

Свое видение современной ему философии Brentano основывает на эмпиризме, источником которого для него стала психология. Ее утверждения, свидетельствующие о ясном и отчетливом представлении в сознании предметов, он выразил в экзистенциальном одночленном суждении «А есть». Форму этого суждения называют также тетической, поскольку в нем полагается существование предмета А: истинные утвердительные суждения свидетельствуют о существовании предмета, а ложные — о несуществовании, причем отбрасывается не суждение, как это происходит в традиционной силлогистике, а сам предмет.

Brentano критикует Канта за априоризм, противопоставляя ему психологизм, черпающий знания из эмпирии внутреннего опыта индивида. Но и Фихте обращается к активности мыслящего Я. Однако вся немецкая классика продолжает оперировать понятиями, тогда как Brentano считает их априорными конструкциями, пригодными быть использованными только в общих суждениях, являющихся у него отрицательными, т.е. такими, в которых отрицается существование. А значит, судящий не может находиться в отношении идентичности с предметом суждения, что является у Brentano основанием для вынесения истинного суждения. Но независимо от того, существует предмет суждения или нет, сознание Brentano, а точнее сам Brentano, существует. Таким образом, если Кант постулировал существование внешнего мира, независимого от субъекта, то Brentano, чтобы утверждать существование этого мира, «втягивает» его в свое сознание, а лишь затем выносит истинное о нем суждение. Поэтому в философии Brentano «истина» не только относительна (зависит от судящего), но и вторична, поскольку для ее нахождения должен существовать как предмет представления, так и судящий, наделенный санкцией высказывать экзистенциальное суждение «Я есть» [8].

Итак, у Brentano утверждение о существовании предшествует истинности суждения. В истории философии, а точнее в теологии, подобная позиция встречалась и получила именование апофатического богословия. Существование, лишённое каких-либо атрибутов, ведёт в тупик безмолвия. Такое существование может быть только предметом веры. Именно поэтому познание в философии начинается не с постулирования существования, а с данности атрибутов, акциденций сущего. Онтология Brentano реистического периода и рассматривает акциденции как субстанцию, которую он называет акцидентально расширенной. Поэтому когда Brentano в экзистенциальном суждении утверждает существование предмета, он занимает позицию творца сущего по слову. А это уже не только тупик безмолвия апофатической философии, но и креационизм [10].

Позиция Brentano резко контрастирует со всей предшествующей философией. Он фактически говорит: «Я есть, значит, я мыслю, сужу, сомневаюсь, воспринимаю качества предметов и т.д. и т.п.», тогда как у Декарта наоборот — «Я мыслю, следовательно, я существую»; у Августина: «Если я ошибаюсь, то существую» («*si enim fallor sum*»). Античность же вообще не знакома с подобными конструкциями: древнегреческий язык не знает понятия субъекта, способного в любой момент превратиться в творца, ограничиваясь соотношением микрокосм – макрокосм. Для этого соотношения более подходит вопрос: приводящим ли образом или нет свойство присуще предмету, в том числе и субъекту, высказывающему суждение? Ответить на поставленный вопрос удобнее при помощи суждения, материя которого состоит из субъекта и предиката. Однако это аристотелевское суждение Brentano модифицирует и приближается к лектону стоиков с тем отличием, что функция именованного предмета суждением у него выходит на первый план, а истинность оказывается производной от существования представляемого предмета. Таким образом, круг истории замкнулся: для утверждения собственного существования Средневековье должно было сказать «я ошибаюсь», Новое время — «я мыслю», а современность возвратиться к античному парадоксу лжеца — «я лгу». А возвратиться нужно было потому, что в конструкции самоприменения в действительности утверждается существование субъекта высказывания, т.е. удастся создать, по крайней мере, самого себя по слову. Человек становится, казалось бы, творцом в полном соответствии с христианским догматом. Однако парадокс

лжеца окончательно дезавуирует последнее высказывание, ибо в естественном языке срабатывают защитные механизмы от творения бытия по слову, а для реализации задуманного или только представленного существования приходится создавать *свой* язык. Поэтому становится понятной реформа естественного языка Brentano, сетующего на его несовершенство, и использование идиогенической теории суждения [10].

Обратимся теперь к теории суждений Brentano, имея в виду только частные суждения, поскольку общие исходят из трактовки терминов для понятий и оказываются отрицательными суждениями (табл.).

Такое прочтение согласуется с реистическими установками Brentano. Именно частные экзистенциальные суждения наиболее полно приближаются к обозначающему выражению представленного предмета. Легко заметить, что выражение «существует», которым должно завершаться написание экзистенциального суждения и которое выражает момент утверждения, для обозначения предмета не играет никакой роли. А без него интерпретация частных суждений почти совпадает с выражением для дескрипции «тот S, который P». И иного способа донести образ сознания собеседнику, кроме описания, у Brentano не было. Так же, при помощи дескрипции, объяснял студентам экзистенциальное суждение и Твардовский. Возникает неестественная для естественного языка ситуация: Brentano полагает, что все формы традиционного суждения можно редуцировать к экзистенциальному суждению, но для объяснения последнего вновь приходится применять некую процедуру редукции, но уже к дескрипции.

<i>Традиционное прочтение</i>	<i>Возможное прочтение Brentano [9]</i>
(I) Некоторые S суть P	следует читать: Существует S, которое P
(O) Некоторые S не есть P	следует читать: Существует S, которое не-P

Результат повторно проделанной редукции не является неожиданным, ведь нет иного способа представить вовне имманентный сознанию, а значит, уникальный предмет, кроме как при помощи дескрипции, которая и позволяет стать ему трансцендентным. Вот как этот момент отражен в монографии Приста: «Brentano допускает, что ментальное в некотором смысле “индивидуально” (“private”). Данное слово имеет несколько смыслов в философии сознания, но Brentano упот-

ребляет его в следующем смысле: “Ни один психический феномен более чем одним-единственным человеком не воспринимается” [1, с. 107], поэтому вполне законно определять ментальное как “область внутреннего восприятия”. Верно, что физические объекты являются в некотором смысле общедоступными. Вы, я и другие можем одновременно или последовательно воспринимать один и тот же физический объект. Но вы, я и другие не можем иметь восприятия данного объекта друг другом, равно как и не можем чувствовать депрессию другого или обладать чужой болью. Ваше восприятие — это ваше восприятие, а мое восприятие — мое восприятие. Почему это должно быть так в нетавтологическом и нетривиальном смысле — фундаментальный вопрос философии сознания. Но Brentano этот вопрос не интересуется» [4, с. 123]. Как окажется, из-за этого безразличия Brentano остался непонятым, а его надежды на открытие нового этапа в истории философии в результате ревизии взглядов предшественников потерпели крах. Непосредственной причиной краха стала его теория суждений, необходимым условием которой было существование представленного предмета, что и привело в тупик апофатизма.

3. Поиски выхода из тупика апофатической философии К. Твардовским

Итак, экзистенциальное суждение Brentano не удовлетворяет критерию интерсубъективности. С его помощью он выражает свой образ предмета, *для себя*, тогда как собеседнику предлагается трактовка образа при помощи описания, т.е. *для нас*. Преодолению разрыва в восприятии образа *для себя* и *для нас* без отказа от идиогенической теории суждений Brentano была посвящена вся научная деятельность Твардовского. В своей неоконченной и неопубликованной «Теории суждений» он пишет: «Мы имеем также обозримое представление о собственных явлениях сознания, о наших чувствах и суждениях и т.п., поскольку они подпадают под понятие внутреннего опыта, тогда как о явлениях сознания иных существ, имеющих таковые, мы не обладаем обозримыми представлениями, а иметь их может только существо, “смотрящее в сердце” (курсив мой. — Б.Д.) и знающее сокровеннейшие мысли всех мыслящих существ» [7, с. 52]. В «Теории суждений» Твардовский пытается обнаружить логическую форму экзистенциального суждения без насилия над естественным языком, предполагая соответствие частей материи суждения и представ-

ленного предмета, не исключая и метафизического аспекта у целого и его частей. В отличие от Brentano, он идет «от языка» к существованию представленного предмета: «Но, говоря о представлениях вообще, очевидно, что под ними мы вынуждены понимать и понятия; почему представления, взятые в уточненном значении, и понятия охвачены общим названием, образуют единую группу явлений сознания — это удастся показать лишь после исследования суждений» [7, с. 52]. Таким образом, Твардовский принимает во внимание понятия, а значит, и термины для них, т.е. принимает актуальное состояние языка, а с другой стороны, намеревается обнаружить суждение как обозначающее выражение имманентного сознанию предмета. Однако установка Твардовского на идиогеническую теорию суждений Brentano была столь сильна, что построить даже *для себя* такую теорию он не смог. С точки зрения языка эта установка состояла в том, что экзистенциальное суждение должно было не только именовать, но и (о чем вряд ли догадывался сам Brentano) создавать сущее по слову. Задачи заведомо невыполнимые: решение первой утрачено еще Адамом, а вторая предполагает занятие позиции Творца [15].

Одна из причин неудачи в построении теории суждений Твардовским — индуктивный подход к выражениям естественного языка, характерный сегодня для аналитической философии. Твардовский пишет: «А ведь теория суждений может появиться из индукции, проведенной на основе всевозможных видов суждений: только тогда она охватит естественным образом все суждения и будет выражать их сущность» [7, с. 53]. Очевидно, что эффективно применить индукцию к естественному языку, который при помощи тропов защищается от гипостазирования сущего, едва ли возможно. Для создания новой теории суждений и построения на ее основе логики нужно было отыскать логическую форму тегического высказывания, а не просто объявить его экзистенциальным, а этого не сделал ни Brentano, ни Твардовский.

В идиогенической теории суждений материя односоставного выражения языка непосредственно должна предъявлять представленный предмет, однако экспликация такого суждения проходит при помощи дескрипции, придаточное предложение которой как раз и выражает содержание, которое следует усвоить при восприятии материи, то ли суждения, то ли дескрипции. Может ли содержание однозначно идентифицировать предмет представления? В кратком реферате «О идио-

аллогенетических теориях суждения» Твардовский содержание понимает как существование. Он пишет, что «в каждом суждении следует отличать акт, содержание, предмет суждения. Актом суждения является утверждение (признание) или отрицание (отбрасывание). Содержанием каждого суждения является действительность (существование). Предмет суждения есть то, действительность (существование) чего мы утверждаем (признаем) или отбрасываем (отрицаем)» [14]. Учитывая историческую роль понятия, эта точка зрения принимает во внимание только экстенционал. Уточнение составного обозначающего выражения Твардовский пытается провести с помощью интенционала как набор общих черт сущего с учетом выражения психического акта суждения. Теперь становится понятна роль работы Твардовского «О действиях и результатах». В ней уточняется роль языкового знака, в нашем случае суждения, способного удовлетворять критерию интерсубъективности, т.е. сделать предмет *для себя* предметом *для нас*. Достигается такое присвоение уподоблением «психического результата (образа — *Б.Д.*) психофизическому (выраженному суждению. — *Б.Д.*) таким образом, что он воздействует на разные индивиды, часто выражая один и тот же психофизический результат. Благодаря этому обстоятельству психический результат, повторяющийся почти идентичным образом в разных особах, приобретает характер чего-то независимого от этих действий» [6, с. 187]. Таким образом, в работе «О действиях и результатах» Твардовский намеревается преодолеть пропасть в восприятии одного и того же предмета высказывающим суждение и воспринимающим его при помощи психофизического результата, каковым является языковое выражение для представления и суждения. Два последних психических акта фактически не различаются и все рассуждения данной работы подготавливают к преодолению дистанции между двумя образами сознания — *для себя* и *для нас*. Задача была бы решена, если бы в работе прозвучал ответ о логической форме экстенционального суждения. Несомненно и тот факт, что работа «О действиях и результатах» является продолжением незаконченной, а потому и неопубликованной «Теории суждений», она является еще одной попыткой в более широких границах решить проблему интерсубъективности для идиогенетической теории суждений. Границы эти определены гуманитарными науками, поскольку именно в них легче всего обнаружить проявления психической деятельности.

Учитывая негативный опыт построения идиогенетической теории суждений, Твардовский сосредоточился на онтологическом ее аспекте, развивая учение о понятиях и образах [17]. Воленский в своей монографии о школе замечает: «Твардовский отдавал предпочтение психологическому анализу в духе дескриптивной психологии. Этот тип анализа я не буду реконструировать, поскольку в львовско-варшавской школе у Твардовского не было учеников, продолжавших [культивировать] такой анализ, во всяком случае, таким анализом не занимался ни один из его выдающихся учеников. Я ограничусь — продолжает исследователь школы — единственно указанием подчеркиваемых Твардовским общих достоинств аналитического метода. Аналитическая позиция может предостеречь философию от спекуляций, ведь анализ придает дискутируемым проблемам однозначный смысл, обеспечивает *интерсубъективный характер* (курсив мой. — *Б.Д.*) дискуссий и способствует применению критического метода» [17, S. 38]. Приведенная цитата, как нам кажется, требует уточнения. Действительно, первое поколение учеников Твардовского, принеших школе славу и признание — Лукасевич, Лесневский, Чежовский, Котарбинский, Айдукевич, — не культивировали в *своем* творчестве психологический анализ, но это не значит, что не пробовали. Зато вторая генерация львовян — И. Домбская, Л. Блауштайн, Д. Громская, Г. Слоневская, собранные в т.н. приватиссимум, продолжили психологический анализ представлений, разрабатывая онтологию идиогенетической теории суждений. Напрашивается вопрос: почему никто из выдающихся учеников основателя школы не продолжил его в предмете исследования, но все восприняли методологию, получившую позже именование аналитической? И уж совсем трудно согласиться с утверждением Воленского об интерсубъективном характере проходивших в школе дискуссий. Не могла быть обсуждаемой проблема построения идиогенетической теории суждений, зато таковыми были ее компоненты — проблема абсолютизма истины, проблема существования предметов, их номинации. Теорию суждений Brentano Твардовский разделял и излагал ее на лекциях своим ученикам во всех подробностях, стараясь убедить их в ее правильности, для чего использовал метод парафраз, широко применяемый ими (особенно Айдукевичем) впоследствии [17]. Но все старания прекрасного педагога были напрасны: никто из первого поколения студентов не смог присвоить эту теорию суждений, сделать ее *своей*. Более того, никто прямо и не вос-

стал против идиогенической теории суждений. И дело здесь не в авторитете Твардовского, который мог бы подавлять оппонента. Наверное, Твардовский был бы рад, если кто-нибудь из его учеников высказывал возражения, которые смогли бы помочь исправить недостатки теории. Можно даже допустить, что учитель провоцировал учеников на такие возражения, постоянно подчеркивая критическую составляющую аналитического метода, культивируемого в школе. Все было напрасным: предмет экзистенциального суждения *для себя* никак не удавалось сделать предметом *для нас*. А мешал этому присвоению естественный язык, превращавший представленный предмет в процессе трактовки суждения в его описание, которое в изложении Твардовского при помощи парафраз растягивалось во времени не на одну лекцию, образуя контекстуальное определение дескрипции. И во время описания, когда студентам предъявлялись все «за» и «против» излагаемой теории, совершенствовалась методология широко понимаемой логики, которую и усвоили ученики Твардовского. Понятие «широко понимаемой логики», как отмечает Воленский, включало в себя семиотику, что очевидно, ведь вопрос о предмете суждения оставался открытым: — именуется ли его экзистенциальное суждение или описывает, как того требовал метод дескриптивной психологии. Остается открытым и науковедческий вопрос: что это за философская школа, в которой никто не наследует предмет исследования схоласта, но только его метод? Но именно поэтому школа и оказывается сугубо философской, ибо у королевы наук нет своего предмета, но только служащие ей методы [16].

Наконец, отметим решение проблемы существования (правильнее будет сказать — восприятия существования) в экстенциональном и интенциональном выражении, т.е. в экзистенциальном суждении и дескрипции. Brentano она была решена радикально, а именно — принятием концепции реизма, для чего он отказывается от бикатегориальной онтологии Аристотеля, посчитав все сущее акцидентально расширенной субстанцией. Таким образом, акциденция — это тоже субстанция и только поэтому она может быть воспринята. Проблему же выражения такой расширенной акцидентально субстанции Brentano якобы уже решил в «Психологии с эмпирической точки зрения», редуцировав традиционное суждение к экзистенциальному, которое не удовлетворяет критерию интерсубъективности, вследствие чего возникает проблема утверждения такого суждения. А возникает она потому, что выносящий экзистенциальное сужде-

ние, например Brentano, неявно полагает акциденции оценками (в действительности, еще хуже — ценностями), ибо подводя их под критерий очевидности (*Evidenz*), утверждает на его основании и истинность высказывания. И если сделанное предположение верно, то остается заметить, что относительно эстетических оценок согласия нет, и тем самым объяснить невыполнение критерия интерсубъективности. Твардовский же, как было показано, пытался уточнить существование представленного предмета, развивая теорию образов и понятий, а вместе с тем искал пути выражения представленного предмета в суждении.

4. Центростремительные и центробежные тенденции в школе

Вследствие ограниченного объема статьи речь о центростремительных тенденциях в школе не может быть продолжена. Достаточно заметить, что объединению философов служили различные институциональные начинания Твардовского, а главное — его харизматическая личность.

С 1918 г. начали сказываться и центробежные тенденции в школе, приведшие к ее распаду с началом Второй мировой войны в 1939 г. Но можно высказать и иную мысль, внося в последнюю дату поправку: школа перестала существовать со смертью Твардовского, наступившей 11 февраля 1938 г. Основанием для подобного утверждения может служить тот факт, что психологический анализ, порожденный попытками обосновать идиогеническую теорию суждений, больше никому было культивировать. Говоря иначе, интерсубъективная пропасть, вызванная к жизни суждением «для себя» и «для нас», пропала, исчез раздражитель, побуждавший двигаться в направлении от онтологии к семиотике, да и первое поколение (за исключением Т. Чежовского) свою часть дистанции прошло, а второе поколение львовян сосредоточилось главным образом на онтологии в рамках дескриптивной психологии (за исключением Домбской). В Варшаве же консолидирующим началом стала математическая логика, вершиной исследований которой можно считать работу Тарского об определении понятия истины в дедуктивных науках. Эта работа и позволяет, по крайней мере, внешним образом провести различие между львовской частью школы и варшавской: во Львове философствовали на естественном языке, а в Варшаве отдавали предпочтение искусственному. Символическая логика была экстенциональной, тогда как на пути восприятия предмета экзистенциального суждения, на что и

указывал Твардовский, вставал, скажем так, интенциональный контекст содержания. Прочтение же суждения при помощи оборота «тот S, который P» приоткрывало интенциональность в придаточном предложении, но в школе никто на эту особенность не обращал внимания. Это сделал Б. Рассел в результате прочтения работ школы А. Мейнонга. Замечание Рассела по поводу выражения объектива Мейнонгом, якобы оно является дескрипцией, было верным, но для экспликации последней он использовал пропозициональную функцию, заимствованную им у Г. Фреге, что позволило уточнить возможные предметные области, но оказалась неадекватной, ибо анализ предмета представления должен проводиться в парадигме целого — части, а не элемента и класса.

Итак, причиной появления центробежной тенденции в школе следует считать пропаганду идиогенической теории суждений ее основателем К. Твардовским. Ученики Твардовского оказывались перед выбором: обозначать предмет представления или описывать его, как требовала дескриптивная психология. Зарождавшаяся математическая логика, заимствовав у математиков стандартное высказывание «обозначим», склонила чашу весов в свою пользу.

Теперь вкратце коснемся нескольких персоналий. Первым провозгласил свой отход от психологизма Я. Лукасевич, создавший трехзначную логику. В своем дневнике он писал: «Я уже давно не любил психологизма, культивируемого Твардовским, сейчас порвал с ним окончательно» [19, S. 32]. Целью габилитационной работы «Анализ и конструкция понятия причины», в которой Лукасевич выступает детерминистом, являются исследования необходимых отношений: «До сих пор никто не пытался систематическим образом разработать теорию необходимых отношений» [12, S. 54]. В качестве необходимых отношений между абстрактными предметами Лукасевич выберет логические законы непротиворечия и исключенного среднего, которые он называет «онтологическими принципами». Но существование по слову не позволит ревизовать эти законы и тогда он волюнтаристски введет третье истинностное значение «возможно», ища ему оправдание в статье «О детерминизме» [3]. Так Лукасевич перейдет от *необходимости* к *возможности*, нарушив принцип бивалентности и став индетерминистом. Однако его третья истинностная оценка, в отличие от Brentano, лишена каких-либо экзистенциальных коннотаций. Но результат оказался тем же:

Brentano отваживается на реформу естественного языка, а Лукасевич вынужден создавать свой язык, конструируя семантику логических связок создавая т.н. польскую нотацию. Созидание языка, хотя бы и в форме исчисления, свидетельствует о том, что Лукасевичу не удалось уйти от апофатической философии Brentano, а его третье истинностное значение есть такой же предмет представления, как и предметы идиогенической теории суждений.

Если Лукасевич отошел от психологизма Твардовского, то С. Лесневский воспринял вызовы, поставленные философией Brentano. Его теории реализуют функцию именования в области психологии, превращенной им в методологию (Мереология), в онтологии и логике (Прототетика). Поэтому в предваряющем работу «Об основаниях математики» посвящении Твардовскому, в котором Лесневский называет себя «благодарным учеником и апостатом философии», можно увидеть не столько отступничество, сколько извинение.

К. Айдукевич сделал упор на конвенционализм, частично преодолевающий нарушение интересу субъективности в теории Brentano, а также на выяснение смысла выражений естественного языка, не допуская при помощи семантических категорий превратиться смыслу в трансценденталии, оправдывающие существование гипостазированных предметов. А поскольку Айдукевича часто называют «философом языка», разумеется, естественного, то это значит, что изначальной его позицией было не существование представляемых предметов, а язык. Поэтому его философия катафатическая, а не апофатическая.

А. Тарский в духе работы Твардовского «О процессах и результатах» и вопреки Лукасевичу выяснил природу логической оценки «истина», указав на ее процессуальный характер даже в формализованных языках (понятие выполнения), а отнюдь не результата (вещи). Превратив же язык комментариев своего учителя Лесневского в метаязык, Тарский возвратил функцию номинации собственно языку, окончательно изъяв ее у носителя языка, чем и положил конец апофатизму в философии, вернув ее на путь катафатизма. Различение в органоне философии языка-объекта и метаязыка расчистило русло течению, получившему название «аналитическая философия». Но следует помнить, что в значительной мере эта философия инспирирована взглядами Brentano, на преодоление которых Твардовский с учениками положили немало трудов.

Из первого поколения учеников Твардовского только Т. Чезовский продолжал разделять теорию Brentano, пытаясь выяснить роль трансценденталий в обосновании предметов суждений и провести демаркационную линию между онтологией и аксиологией.

Все творческое наследие львовско-варшавской школы свидетельствует о наступлении нового этапа в истории философии — апофатической философии (с первой фазой расцвета — аналитической философией) и даже наступлении второй фазы (упадка — постмодернизм) в соответствии с известной теорией Brentano о четырех фазах развития философии.

Апофатическая философия должна выявить защитные механизмы языка (как естественного, так и искусственного), запрещающие создание вещей на основе индивидуальных оценок, превращая их в категории онтологии (пространства у Brentano и времени у Лукасевича), что позволяет обнаружить экзистенциальный провал конструируемых в языке вещей и поставить заслон реизму.

Список литературы

1. *Брентано Ф.* Избранные работы: пер. с нем. М.: Дом интеллект. книги: РФО, 1996. 172 с.
2. *Домбровский Б.Т.* Позитивная метафизика: от Аристотеля к Brentano: препринт N2-92 ИППММ АН Украины. Львов, 1992. 97 с.
3. *Лукасевич Я.* О детерминизме: пер. с пол. // О принципе противоречия у Аристотеля. М.; СПб., 2012. 255 с.
4. *Прист С.* Теории сознания: пер. с англ. М.: Идея-Пресс: Дом интеллект. книги, 2000. 312 с.
5. *Твардовский К.* Автобиография: пер. с нем. // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 63–74.
6. *Твардовский К.* О действиях и результатах. Несколько замечаний о пограничных проблемах психологии, грамматики и логики // Твардовский К. Логико-философские и психологические исследования. М.: РОССПЭН, 1997. 251 с.
7. *Твардовский К.* Теория суждений: пер. с пол. // Философско-литературный журнал «Логос». 1999. №7. С. 50–66.
8. *Твардовский К.* Франц Brentano и история философии: пер. с пол. // Твардовский К. Логико-философские и психологические исследования. М.: РОССПЭН, 1997. 251 с.
9. *Черноскутов Ю.Ю.* О силлогистике Франца Brentano // Седьмые Смирновские чтения по логике: материалы Междунар. науч. конф. 22–24 июня 2011. М., 2011. С. 154–156.
10. *Brentano F.* Die Lehre vom richtigen Urteil. Nach den Vorlesungen über Logik / ed. F. Mayer-Hillebrand. Bern, 1956. 211 S.
11. *Brentano F.* Die vier Phasen der Philosophie und ihr augenblicklicher Stand. Nebst Abhandlungen über Plotinus, Thomas von Aquin, Kant, Schopenhauer und Comte. Meiner. Leipzig, 1926. 23 S.
12. *Lukasiewicz J.* Analiza i konstrukcja pojęcia przyczyny // Z zagadnień logiki i filozofii. Pisma wybrane. Warszawa: PWN. 1961. 309 S.
13. *Philosophenbriefe.* Aus der wissenschaftlichen Korrespondenz von Alexius Meinong / ed. Rudolf Kindinger. Graz, 1965. S. 143–144.
14. *Twardowski K.* O idio-i allogenetycznych teoriach sądu // Przegląd Filozoficzny. 1907. X. S. 476–478.
15. *Twardowski K.* Przemówienie wygłoszone na zebraniu jubileuszowym Polskiego Towarzystwa Filozoficznego we Lwowie dn., 12 lutego 1929 r. // Wybrane pisma filozoficzne. Warszawa: PWN, 1965. 393 S.
16. *Twardowski K.* Wyobrażenia i pojęcia. Lwów, w komisie AL, 1898. 151 S.
17. *Woleński J.* Filozoficzna szkoła lwowsko-warszawska. Warszawa, 1985. 348 S.
18. *Woleński J.* Szkoła lwowsko-warszawska: między brentanizmem a pozytywizmem // Principia. T. VIII–IX. Kraków, 1994. S. 69–90.
19. *Wolenski J.* Szkoła lwowsko-warszawska w polemikach. Warszawa, 1997. 206 S.

THE SCHOOL OF ONE HEADTEACHER

Boris T. Dombrovski

79054, Ukraine, Lvov, Kulchitskoy str., 1-70

The article analyses the reasons of the arrival of the Lvov-Warsaw School. The author argues that the L-W school, lead by its founder Kazimierz Twardowski managed to find the exit from the apophatic philosophy to cataphatic philosophy while the school of Meinong's theory of objects and Husserl's phenomenology did not succeed in it. It was possible to achieve such excellent results mainly due to the distinction, which the L-W School made between the language as an object and metalanguage. The author supposes that the School came to an end with the death of its founder in 1938, not with the outbreak of World War II.

Key words: apophatic philosophy; semiotic; description; Lvov-Warsaw School; theory of judgement.

УДК 165.24

ПРОБЛЕМА СТРУКТУРЫ ФИЗИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ УСТАНОВОК СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Р.В. Онуфрийчук

Исследуется природа реальности в контексте современной философии науки. Утверждается, что построение единой картины (системы) реальности может быть реализовано в предложенной многомерно-целостной модели реальности.

Ключевые слова: физическая реальность; структура реальности; концепция; модель; многомерная целостная реальность.

Проблема реальности как проблема научная и философская возникает в различных модификациях на разных этапах исторического развития человечества. На наш взгляд, речь сегодня не идет о построении какой-либо единой теории — скорее требуется выявить тот набор смыслов, который несет в себе рассматриваемое понятие. Спектр реальности в историческом контексте — разнообразный и часто неопределенный. В частности, физикам начала XX в. было нелегко принять новый взгляд на реальность.

Философы и методологи науки, давая определение категории «реальность», встречаются с трудностями. Так, в своем предисловии к I тому «Идей» Гуссерль писал: «Охотнее всего я исключил бы обремененное тяжким грузом слово реальное, если бы только представилась какая-либо подходящая замена ему» [4, с. 24]. Эту мысль дополняет Роджер Пенроуз, автор монографии «Путь к реальности»: «В самом деле, можно спросить: что такое реальность? Этот вопрос был поставлен тысячи лет назад, и в течение веков поразному пытались на него ответить. Сегодня, оглядываясь назад с высот современной науки, мы предпочитаем занять более трезвую позицию. Вместо того, чтобы пытаться ответить на вопрос “что такое?”, большинство современных физиков старается обойти его. Эти физики заявляют, что вопрос неправильно поставлен: следует спрашивать не что есть реальность, а как она проявляется» [9, с. 850].

Прежде всего в объяснении нуждается факт сосуществования в рамках одной и той же науки различных описаний, т.е. описаний, как бы не

встречающихся друг с другом. Ведь с помощью дифференциального и интегрального исчислений в виде математических формул могут быть представлены механические, электрические, оптические явления. Однако сведение их в целостный каскад формул, в единую систему оказывается весьма проблематичным. Области физики оказываются слишком автономными. И вот создаются все новые и новые объединительные теории. Сегодня это выражается в стремлении объединить четыре фундаментальных взаимодействия в рамках концепции суперобъединения.

Также выяснилось, что физический вакуум как основное понятие квантовой теории поля — это не абсолютное ничто, пустое пространство, а состояние с существенными физическими качествами, которые проявляются в реальных физических процессах. Так, например, если на вакуум воздействовать определенной энергией, то произойдет рождение фотона. Известный отечественный философ В. Налимов впервые вводит понятие семантического вакуума как аналога физического вакуума исходя из онтологии двух реальностей — физической и психической [8, с. 1–23]. Анализируя современное состояние научных представлений физиков о материи, сформулированных в XX в., ученый обращается одновременно к понятиям и представлениям древних философских систем, сравнивая их с новыми научными идеями.

Мир возникает одновременно из двух начал, которые дополняют друг друга: элементарных частиц и полей физических систем, континуальных по своей природе [8, с. 30]. Физические вели-

чины, характеризующие их состояние, имеют непрерывное распределение.

Возможность единого дискретно-волнового описания явлений микромира осуществляется в квантовой теории поля с помощью введения нового понятия — вторичного квантования, репрезентирующего особый метод описания полей (систем с бесконечным числом степеней свободы) с помощью операторов, действие которых задает поглощение или порождение квантов поля. В. Налимов отмечает, что наши попытки описать психические явления в их глубинном понимании, связанном с обращением к бессознательному, напоминают современные представления квантовой теории поля. Дискретность и континуальность — опять же не разные основания психического бытия, а только различные проявления. Или, другими словами, человек оказывается одним из возможных состояний семантического поля.

Важно обратить внимание на то, что семантическое поле так же, как и поле физическое, играет роль той среды, в которой происходит взаимодействие. Человек взаимодействует сам с собой, считает В. Налимов, с помощью дискретов — слов или символов. Этот процесс осуществляется путем порождения слов (или символов) и их понимания. На языке физики это звучит как испускание и поглощение квантов семантического поля. Сама возможность взаимодействия частиц в квантовой теории поля реализуется путем поглощения и порождения виртуальных частиц, что следует из соотношения неопределенности Гейзенберга, которая задает размытость состояния физической системы. Нечто подобное имеет место и в психической реальности: семантическое взаимодействие людей, которое описано Налимовым с помощью модели, основанной на теореме Бейеса, возможно только с учетом размытости как самой психики человека, так и семантики слов и символов [8, с. 61–62].

Развитие науки неожиданным образом уточнило правило единства реальности с учетом существования в ней раздельных (резко отличающихся по содержанию и методике изучения явлений) пластов, в пределах которых замыкаются научно установленные факты. Речь идет о так называемых «квантовых ступеньках» Вайскопфа [2, с. 46–53]. Считается, что в строго определенных диапазонах энергий существуют замкнутые уровни структурно однообразных явлений, отделенных друг от друга энергетическими порогами, которые образуют энергетическую иерархическую глобальную структуру Вселенной. Если теперь

шаг за шагом спускаться квантовыми ступенями с самого известного ныне уровня энергий вниз, «то раскрывается структура Вселенной как большая интегральная динамическая метафора: мелкие подструктуры вещества не участвуют в энергетическом обмене, пока средняя энергия не достигнет уровня квантового возбуждения» [6, с. 62].

Согласно метафоризованной онтологии квантовой лестницы Вселенной сама пирамида физических теорий подвергается трансформации. Поскольку от бесконечного разнообразия природных явлений, которые доступны для описания средствами классической физики, мы движемся к математически абстрактным теориям, которые феноменологически непосредственно не связаны с чувственным макромиром.

Вопрос, который всегда беспокоит естествоиспытателей, заключается в том, каким образом нужно представлять реальность на столь высоких уровнях энергии, что экспериментальное подтверждение здесь окажется невозможным.

Образ замкнутой системы понятий свидетельствует, что каждая теория имеет определенную сферу применения, заранее очерченную основными метафорами реальности при ее создании и постоянно уточняемую. Можно предположить, что каждая теория имеет замкнутую, внутренне непротиворечивую систему абстракций, которые навсегда остаются истинными в определенной области применения. Более того, переход от одной фундаментальной теории к другой всегда создает прецедент строгого соответствия между ними, в результате чего возникает иерархия фундаментальных теорий, которую образует «протофизика» и с помощью которой абстракции теорий «высшего уровня» косвенно, но все же «укореняются» в реальности наблюдаемых природных явлений [6, с. 67].

В научной литературе встречается еще один вариант попытки герменевтического перехода от классического базиса «достоверной реальности» к реальности теорий высшего уровня, связанный с принципом соответствия. Как известно, впервые этот принцип как чисто физический сформулировал Н. Бор. Однако очень скоро ему придали общеметодологическое значение, в результате чего фактически он теперь означает признание того факта, что в описании результатов любой микроскопической теории следует пользоваться терминологией, применяемой в макромире. Фактически был проложен «герменевтический канал» трансляции наблюдаемой реальности между различными ее видами. Естественным исходным пунк-

том в таком осмысленном толковании теории становится критический параметр квантовой ступеньки, который гарантирует, что построенная на его основе концептуальная конструкция защищена от смысловых противоречий.

Критический параметр выполняет также и другую важную функцию: с его помощью предыдущая теория превращается в протофизику, которая поставляет новой теории понятные нам интерпретационные смыслы и тем самым обеспечивает «осмысленное толкование».

Итак, протофизика включает в себя всю предыдущую физику, которая является действительной для определенной квантовой ступеньки. Те или иные общие онтологические предположения относительно строения Вселенной и методологические принципы построения и «стыковки» конкретных теорий способствуют образованию определенной архитектуры физики. При этом старые фундаментальные теории, такие как классическая механика, никуда не исчезают и исчезнуть не могут, поскольку играют активную протофизическую роль в формировании и утверждении новых теорий и структуры физики в целом. В этом смысле «классическая механика как “протофизика” составляет основу всей теоретической физики...» [6, с. 68]. Далее иерархию протофизической достоверности образуют классические теории относительности, квантовая механика и т.д.

Особого внимания заслуживает квантовая физика, которая делает попытку решения некоторых методологических проблем, связанных с пониманием физической реальности. Известно, что в современных исследованиях фундаментальной физики существует несколько вариантов интерпретаций квантовой теории. По поводу этих интерпретаций ведутся дискуссии, но, как замечает Е.А. Мамчур, «я ни разу не слышала, чтобы кто-либо из ученых заявил, что эти дискуссии бесполезны, поскольку все интерпретации имеют право на существование. Напротив, пафос дискуссий в том, что ученые стремятся выяснить, какая из них соответствует реальному положению дел в микромире» [7, с. 80]. Наше внимание обращено на два варианта такой интерпретации: теория скрытых параметров де Бройля, Бома и интерпретация Эверетта, Уилера.

Теория скрытых параметров предполагает, что квантовые объекты и их свойства существуют как элементы реальности и существуют даже тогда, когда их не наблюдают, точно так же, как и объекты классической физики. Наиболее радикальные сторонники этой точки зрения даже ут-

верждают, что индетерминизм, допускающий объективное существование случайности, неприемлем, он отсутствует для микрообъектов, равно как и для объектов классической физики. Случайности, требующие применения вероятностных методов в квантовой физике, обусловлены нашим незнанием. Это незнание возникает у наблюдателя по причине наличия скрытых параметров физической системы, которые недоступны ему. Знание этих параметров позволило бы наблюдателю избавиться от вероятного подхода и получить данные о предсказуемом поведении квантовых объектов, как это возможно для классических объектов [3, с. 159].

Основной принцип концепции Д. Бома заключается в том, что реальность бытия едина, она представляет собой неделимую целостность, которая положена в основу Вселенной и которая охватывает как материю, так и сознание.

Соответственно, с этих позиций процесс эволюции — это не порождение чего-то нового, а только новое проявление того, что первично задано, единства всего сущего, поскольку оно — разнообразие форм и бесконечность возможностей существования одного и того же. Эволюция — это серия последовательных переходов, т.е. апостериорная функция распределения, которая на следующем этапе становится априорной, превращаясь в новый фильм.

Другим крайним вариантом интерпретации квантовой физики является интерпретация, предложенная американским теоретиком Х. Эвереттом и несколько позже поддержанная Дж. Уилером и Б. де Виттом. Волновая функция в этой интерпретации описывает не объективно существующие потенциальные возможности, а множество реально существующих «миров – Вселенных», в которых реализуются различные возможности [3, с. 162]. С этой точки зрения существует не одна Вселенная с определенной реальностью, а много разных вселенных, каждая из которых может быть описана определенным «проектом» реальности. Каждый раз при измерении, когда квантовая механика предполагает, что результат будет с некоторой вероятностью тем или иным, происходит расщепление Вселенной на множество вариантов, так что в одной вселенной реализуется один результат, а во второй — другой. Расщепление испытывает также и сам наблюдатель, однако он не в состоянии ощутить себя в качестве многих копий, поэтому он отождествляет себя с одной из них, остальные считая несуществующими. Впоследствии идея расщепле-

ния вселенных в этой концепции была заменена идеей изначального существования многих миров.

Примером физической картины реальности, построенной в соответствии с требованиями этой концепции, может служить модель, предложенная К.П. Станюкович, согласно которой «Метагалактика является лишь структурной долей в многомерной иерархии “частиц” бесконечной Вселенной. В других системах, подобных нашей Метагалактике, могут быть другие запасы энергии, скорость света, размеры частиц (по нашим масштабам). Эти системы могут возникать в результате взаимодействия (столкновения) “частных” или флуктуаций еще более масштабных структурных образований» [1, с. 258].

Данные концепции реальности имеют как сторонников, так и оппонентов. Дело в том, что любая модель реальности, предложенная специалистом в конкретной области науки, содержит много методологических и логических противоречий, и потому зачастую их критика вполне обоснованна. В частности, Ф. Андерсон пишет: «Физика элементарных частиц обладает лишь ограниченной возможностью объяснять устройство мироздания. Реальность имеет иерархическую структуру, каждый уровень которой в определенной степени независим от других уровней. На каждой стадии необходимы совершенно новые законы, концепции и обобщения, требующие не менее вдохновения и творчества, чем на предыдущих. Психология — это не прикладная биология, равно как и биология — это не прикладная химия» [10].

Наряду с внутренним «расслоением» физики изменяются ее отношения с другими науками. Здесь важно отметить, что неудачи тех, кто стремился создать универсальную теорию, в которой все феномены получили бы исчерпывающее объяснение, послужили причиной рождения множества научных онтологий. Каждая наука поспешила обзавестись своей собственной реальностью. К физической реальности прибавилась химическая, биологическая и т.д., а распространение методологических идеалов естествознания на комплекс социально-гуманитарных наук привело к появлению в языке исследователей таких концептов, как «историческая реальность», «лингвистическая реальность» и т.п. Обусловленная развитием науки, эта новая ситуация нуждалась в философском осмыслении и интерпретации. Философы с энтузиазмом взялись за создание моделей, которые мог-

ли бы объединить различные реальности в единое целое.

Представление о целостной реальности предусматривает, что нам необходимо рассматривать Вселенную как целое, характеризующееся бесконечной длительностью, начало и конец развития которого наблюдать нам не дано. Метафора, на которой настаивает современная философия науки, заключается в том, что реальность бесконечно разнообразна и одновременно единственна в своей целостности. В процессе ее исследования мы познаем одни за другими ее свойства и грани. Н. Гудмен в «Способах построения мира» подчеркивал, что существенным результатом современной философии является то, что «она началась с кантовской замены структуры мира структурой духа и пришла в конце концов к замене структуры понятий разнообразными структурами символических систем науки, философии, искусств» [5, с. 85].

Итак, сегодня философами науки предлагается модель многомерной целостной реальности, которая служит той теоретической конструкцией, в рамках которой может быть реализована предложенная метафора и с помощью которой и мы будем в будущем строить наше познание во всех областях науки. Появление этой концепции вызвано наличием основных установок современной науки: многомерности, многофакторности и целостности, которые следует рассматривать в контексте современных установок холистической философии науки.

Список литературы

1. *Алексеев И.С.* Деятельностная концепция познания и реальности. Избранные труды по методологии и истории физики. М.: Руссо, 1995. 528 с.
2. *Вайскопф В.* Физика в двадцатом столетии / пер. с англ. М.: Атомиздат, 1977. 272 с.
3. *Гриб А.А.* Концепции современного естествознания. М.: БИНОМ: Лаборатория знаний, 2003. 311 с.
4. *Гуссерль Э.* Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: ДИК, 1999. Т. I. 336 с.
5. *Зандколер Х.Й.* Репрезентация, или Как реальность может быть понята философски // Вопросы философии. 2009. № 9. С. 81–91.
6. *Кравченко О.М.* Фізична картина Всесвіту: пошук нової репрезентації реальності // Лук'янець В.С., Кравченко О.М., Озадовська Л.В. та ін. Науковий світогляд на зламі століть. Київ: Вид. ПАРАПАН, 2006. С. 36–112.

7. Мамчур Е.А. О релятивности, релятивизме и истине // Эпистемология и философия науки. 2004. № 1. С. 76–80.
8. Налимов В.В. Дрогалина Ж.А. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательно-го. М.: Мир идей: Акрон, 1995. 432 с.
9. Пенроуз Р. Путь к реальности или законы, управляющие вселенной / пер. с англ. А.Р. Логунова и М. Эпштейна. М.: ИКИ, 2007. 911 с.
10. Полищук Р.Ф. Современная физическая картина мира. URL: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/polischuk_kartina.pdf (дата обращения: 26.02.2013).
-

PROBLEM OF THE PHYSICAL REALITY'S STRUCTURE IN THE CONTEXT OF
METHODOLOGICAL AND CONCEPTUAL PRESCRIPTIONS OF THE MODERN
PHILOSOPHY OF SCIENCE

Roman V. Onufriychuk

Chernovtsy National University; 2, Kotsjubynsky str., Chernovtsy, 58012, Ukraine

Problem of the structure of physical reality in the context of the methodological and conceptual installations of contemporary philosophy of science. The nature of reality in the context of contemporary philosophy of science is explored. Author argues that the construction of a unified view of reality can be implemented in the proposed multidimensional holistic model of reality.

Key words: physical reality; the structure of reality; a concept model; multidimensional holistic reality.

УДК 125

АТЕМПОРАЛЬНО-СИНХРОНИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ДВИЖЕНИЯ

М.Г. Годарев-Лозовский

В статье обосновывается и постулируется эвристичный принцип существования в природе фундаментального типа вневременной связи явлений.

Ключевые слова: бесконечность; атемпоральность; синхронистичность; детерминизм; причинность.

Вступление

Как известно, именно Парменида (род. ок. 515 г. до н.э.) считают основателем современной онтологии. Логика в его произведении «О природе» следующая. Небытия и пустоты нет. Соответственно бытие и материя непрерывны. Непрерывное неделимо на отдельные части, а значит, перемещение отдельных вещей — иллюзия. Вопреки всякой очевидности в мире никакого движения в пространстве нет.

Это означает, что только в случае, если мир физически делим на отдельные части, возможно физическое перемещение этих частей.

Помните у А.С. Пушкина:

«Движенья нет, — сказал мудрец брадатый,
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый».

Если не брать в расчет общепринятое мнение, кто же из мудрецов прав, или правы оба?

1. Постановка проблемы

*То, что движется, не движется
ни в том месте, где оно есть,
ни в том месте, где его нет.*

Зенон Элейский.

В действительности есть три логические возможности отношения «движение – покой», которые исторически реализуются в следующей последовательности:

1. Признается как покой, так и движение (Аристотелева физика).

2. Движение может быть абсолютно, покой — относителен (отождествление покоя и равномерного прямолинейного движения в Ньютоновой физике).

3. Де-факто признается только покой (отказ от траекторного движения в квантовой механике).

В контексте настоящей работы предлагается понимать движение в узком смысле этого слова, как перемещение физического объекта в пространстве, но не как его (объекта) физические взаимодействия. Какова же альтернатива тезису в заглавии этой статьи?

Рассмотримдвигающееся тело в сколь угодно малый промежуток времени, за который оно совершит сколь угодно малое приращение пути. Обозначим такое приращение как момент движения, эквивалентный состоянию покоя макротела. Так классическая физика понимает движение. В свою очередь, в частности, Р. Фейнман в 1942 г. с помощью метода бесконечномерного интегрирования по траекториям описал движение микрочастиц в микромире [17, с. 13–53].

Из его описания напрашивается поразительный философский вывод: микрообъект движется в пространстве по всем возможным траекториям одновременно [14, с. 39–67]! К этому вопросу мы еще вернемся позже, в разделах 3, 4.

Определим текстуально традиционную парадигму понимания перемещения в пространстве: покой — это состояние движения тела.

Следуя законам формальной логики, констатируем, что обе обозначенные парадигмы (т.е. та, что декларируется в заглавии, и другая, приведенная чуть выше) — диаметрально противоположны друг другу. Предположим, что эти парадигмы дополняют друг друга, но необходим выбор одной из них, как фундаментальной.

Парадигму, которая считает движение онтологически первичным, обозначим как динамиче-

скую, а противоположную ей по смыслу, т.е. ту, которая полагает первичным покой, обозначим как атемпорально-синхронистическую (АС) парадигму (последний термин будет обоснован в разделе б).

2. Основное логическое противоречие и его разрешение в господствующей динамической парадигме движения

Это противоречие известно в философии как одна из апорий Зенона [3]. Заключается оно в следующем. Как возможно перемещение физического объекта через бесконечную последовательность отрезков пути непрерывного пространства?

Аристотель в связи с этим противоречием отмечает, что делимо до бесконечности не только пространство, но и время и, таким образом, двигающееся тело за бесконечно малый промежуток времени проходит бесконечно малый отрезок пути. В этом случае бесконечности взаимно сокращаются и противоречие разрешается [2, с. 252–265]. Однако подобное разрешение трудностей динамической парадигмы не распространяется на микромир и движение объектов в нем.

3. Особенности движения в микромире

Договоримся под пространством и временем понимать умозрительно бесконечно делимые, непрерывные физическое трехмерное евклидово пространство и физическое время. Противоположное допущение о фундаментальной дискретности пространства и времени логически приводит к признанию абсолютной пустоты, что в свою очередь противоречит принципу причинности, который, естественно, не может реализовываться в пустоте. Но как понимать квантование пространства?

«Единственное понимание квантования пространства таково: протяженность континуальна, бесконечно делима, но физические процессы таковы, что не требуется пространственных мер меньше определенной величины. На “шахматной доске” пространства нет клеток, но фигуры передвигаются так, будто поле расчерчено» [12, с. 335]. Не вызывает сомнений целесообразность привлечения математических пространств для описания перемещения микрообъектов. Однако подобное абстрагирование действительно оправдано только в случае инвариантности фундаментальных свойств реального физического пространства общего для микро и макромиров.

Допустим, что микромир более фундаментален, чем макромир, ибо первый из них может существовать без второго, но не наоборот. Соответственно справедливо будет полагать, что принцип перемещения, свойственный микромиру, является фундаментальным принципом.

Познание микромира выявило квантовую нелокальность, которая не согласуется с близкодействием [20, с. 6–37]. Если статистические предсказания квантовой теории истинны, то объективная Вселенная не совместима с локальностью, понимаемой как ограничение взаимодействий квантовых объектов причинным горизонтом событий или какой-либо скоростью передачи сигнала.

К тому же микромир таков, что, в отличие от макромира, мы непосредственно не наблюдаем движение его объектов.

В чем же конкретном проявляется квантовая нелокальность?

1. Функционально связанные квантовые объекты вне зависимости от относительной дистанции между ними мгновенно реагируют на положение в пространстве и состояние друг друга (двухщелевые эксперименты, эксперименты А. Аспека, квантовая запутанность).

2. Квантовый микрообъект может одновременно находиться в двух относительно удаленных точках пространства (квантовый туннельный эффект, принцип неопределенности Гейзенберга, состояние суперпозиции).

3. Квантовый микрообъект не имеет скрытых параметров перемещения по сплошной траектории (теорема фон Неймана, корпускулярно-волновой дуализм).

Вот как охарактеризовал квантовые странности Р. Оппенгеймер: «На вопрос, остается ли положение электрона всегда одним и тем же, мы должны ответить нет, на вопрос, меняется ли положение электрона со временем, мы должны ответить нет. На вопрос, является ли он неподвижным, мы должны ответить нет, на вопрос, находится ли он в движении, мы должны ответить нет» [1, с. 148].

Из всего вышеизложенного можно заключить, что основной трудностью в понимании движения в микромире является ненаглядность перемещения квантовых объектов. Вспомним логический вывод из фейнмановского интегрирования (гл. 1): микрообъект двигается по всем воз-

можным траекториям одновременно. Как такое наглядно представить?

4. Перемещение скачком

На вопрос в конце предыдущего раздела спрашивается следующий ответ. Представить, что микрообъект двигается в пространстве по всем возможным траекториям, допустимо, если эти траектории дискретны и не включают в себя сплошности.

Углубимся в историю. Еще в античный период описываются два различных вида движения:

а) движение как последовательное изменение пространственного положения тела, протекающее во времени (*motus*);

б) мгновенное изменение (*mutatio*), происходящее вне времени [7, с. 67].

Мультиазилит ан-Наззам (760–846 гг.) полагал, что движущаяся вещь не перебирает все возможные пункты дистанции, но «прыгает» над ними. И ашарит ал-Каланиси также полагал, что «...покой состоит из двух последующих состояний бытия в одном и том же месте, тогда как движение состоит из двух последующих состояний в двух *разных* местах» (курсив мой. — М.Г.Л.) [4, с. 68]. Действительно, в средневековой арабской философии физическое движение могло рассматриваться как уничтожение тела и его возникновение заново или, что то же самое, как движение путем скачка, которое совершает тело от одного места к другому, минуя промежуточные места.

В конце XVIII в. Г. Лейбницу такого рода перемещение представляется чудом, в случае доказательства которого было бы доказано и существование «создателя вещей» [11, т. 3, с. 228–266].

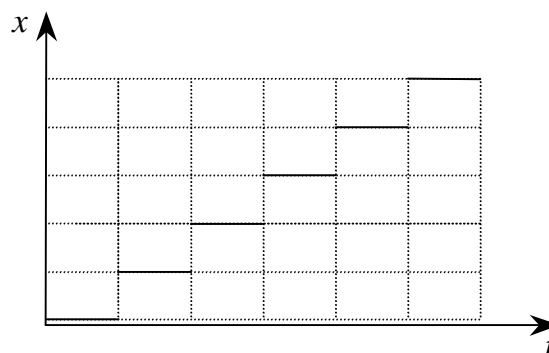
В 1934 г. «...Д. Гильберт и П. Бернайс, комментируя одну из апорий Зенона, предложили радикальное решение, согласно которому реальное движение в области микромасштабов протекает не так, как в классике, где точка проходит траекторию последовательно и поточечно» [12, с. 335]. И еще эта же мысль имеет иной контекст: «Подобно тому, как при неограниченном пространственном дроблении вода перестает быть водой, при неограниченном дроблении движения также возникает нечто такое, что едва ли может быть охарактеризовано как движение» [8, с. 41].

Выдающийся советский физик Я. Френкель в 1949 г. предлагает к рассмотрению аналогичную регенеративную модель обыкновенного движения микрочастицы [5, с. 132–154].

Еще в 1927 г. В. Гейзенберг, анализируя логически движение квантового объекта в пространстве, отмечает, что место непрерывной траектории должна занять точечная траектория, а это делает бессмысленным вопрос о местонахождении частицы в интервалах между точками существования и двусмысленным вопрос о скорости частицы в этих точках [21].

Вышеприведенный обзор далеко не полный. Тем не менее он отражает тенденцию рассматривать перемещение в пространстве как мгновенную телепортацию физического объекта. При этом невозможно говорить о его бесконечно большой скорости, допустимой исключительно в абсолютно пустом пространстве и при участии бесконечной энергии.

Созданная в 2010 г. теория детерминированной бесконечности постулирует телепортацию квантового микрообъекта, реализуемую атемпорально по дискретной траектории в бесконечно делимом пространстве. Подобное перемещение независимо от физических взаимодействий, а его причиной выступает универсальная нефизическая Сила [9].

Графическая схема дискретного движения частицы [6, с. 49]

Думается, что описанный тип движения в пространстве показывает и характер перемещения микрообъекта в случае его квантового туннелирования.

П.П. Гайденко отмечает, что, по мнению Р. Декарта, в мире, где нет пустоты, где непрерывная материя заполняет беспредельное пространство, невозможно ни одной частице сдвинуться со своего места иначе, как передвинувшись на место другой, которая в свою очередь становится на место третьей и т.д. [7, с. 131].

В случае с микрочастицами подобное коллективное движение их по замкнутой траектории представляется крайне маловероятным, а поэтому, учитывая атемпоральность, цепи взаимных перемещений в микромире, по-видимому, бесконечны, как «вширь», так и «вглубь» материи.

Теперь о движении во времени скачком — ведь парадоксально не только движение в пространстве. Как физический объект преодолевает бесконечную последовательность временных промежутков? В работе В.Д. Эрекаева [18] отмечается, что на планковском уровне за счет наличия предельно малого интервала времени должны быть и предельно большие скорости физических процессов, а последнее весьма сомнительно. В частности, на этом основании делается вывод о том, что на планковском уровне не должно быть никакого движения.

Думается, что за допланковский промежуток времени 10^{-44} с известные науке объекты не успевают физически провзаимодействовать, и в этом смысле его можно рассматривать как «пустое» время для этих объектов. Но это последнее обстоятельство, по-видимому, отнюдь не означает, что допланковский промежуток времени ограничивает все виртуальные физические процессы, которые в бесконечном множестве протекают во всяком объеме физического пространства и во всякое время.

Таким образом, квантовые объекты, вероятно, совершают скачки не только в пространстве, но и в потенциально бесконечно делимом времени.

5. Метаболическое движение макротел

Будем исходить из того, что макротело, которое состоит из микрообъектов, реально перемещается в пространстве и во времени. Но «движение происходит не путем “раздвигания” элементов субстанции, а путем их замены в системе, т.е. “вхождения” в систему одних “точек” метаболического пространства и “выхода” других» [10]. Причем, как уже отмечалось выше, подобная замена одной точки другой не мыслится иначе как совершенно синхронный процесс перемещения несчетного множества функционально связанных микрообъектов.

Метаболическое движение, по А.П. Левичу, наглядно согласовывает атемпоральный принцип перемещения в микромире с классическими представлениями о движении тел, устраняя «страх утраты движения», свойственный многим великим умам.

6. Атемпорально-синхронистический принцип

Этот принцип состоит из нескольких частных принципов.

1. Принцип атемпоральности перемещения квантовых микрообъектов в пространстве: элементарные перемещения квантового микрообъекта атемпоральны и реализуются по дискретной (без сплошностей) траектории.

2. Принцип синхронистичности квантовых перемещений: перемещение функционально связанного множества квантовых микрообъектов реализуется абсолютно синхронно.

3. Принцип атемпоральности пространственной связи: специфическая информационная связь явлений в пространстве реализуется вне времени.

Сформулируем общий АС-принцип.

Специфическая информационная связь явлений в пространстве атемпоральна и синхронистична, в т.ч. атемпорально перемещение квантового микрообъекта и синхронизировано с перемещением множества функционально связанных с ним объектов.

Интересно, что этот принцип полностью согласуется с подходом В.И. Фалько к фундаментальным типам реальности. В интерпретации автора настоящей статьи в соответствии с этим подходом фундаментальных реальностей четыре:

а) физический процесс, который реализуется в пространстве и во времени (например физические взаимодействия);

б) информационный процесс, который реализуется в пространстве, но не во времени (например, всеобщая связь явлений, перемещения микрообъектов);

в) психический процесс, который реализуется во времени, но нелокализуем в пространстве;

г) духовный процесс, который реализуется вне времени и вне пространства [16].

Программа некоторых возможных исследований в развитии АС-парадигмы:

1. Учитывая, что в соответствии с АС-парадигмой перемещение микрообъекта не является физическим процессом, каковы теоретические физико-математические аспекты подобного подхода?

2. Необходимы эксперименты по телепортации (в т.ч. по туннелированию) множества микросистем и анализ этих экспериментов с позиции АС-парадигмы и других конкурирующих подходов. (Уже проведены эксперименты по туннели-

рованию 10^5 электронов одним пакетом [22].) Приведем описание эксперимента, который теоретически допустим в будущем для подтверждения абсолютно синхронного перемещения множеств микрообъектов. Пусть некоторое множество микрообъектов, имеющих координаты (x_1, y_1) , туннелирует в область с координатами (x_2, y_2) , в тот же момент множество микрообъектов, занимающих координаты (x_2, y_2) , туннелирует в область с координатами (x_3, y_3) , а множество частиц, имеющее координаты (x_3, y_3) , туннелирует в область с координатами (x_4, y_4) и т.д. Предсказание, исходя из АС-парадигмы, будет следующим. По мере увеличения количества звеньев в вышеприведенной цепи время процесса не изменится и будет постоянно стремиться к нулю.

3. Нужны историко-философские исследования проблемы движения, в т.ч. проблемы движения «скачком».

4. Должны проводиться дальнейшие исследования и анализ запутанных состояний в квантовых и астрономических системах.

7. Связь времени и связь пространства

В соответствии с представлениями Г. Лейбница, активная Сила гармонично соединяет:

а) прошлое с будущим;

б) присутствующее здесь в настоящий момент с присутствующим в настоящий момент в другом месте [11, т. 4, с. 228–265].

Действительно, ведь прошлое, настоящее и будущее в природе связывают два специфических вида связи, а именно: причинность (генетическая связь явлений) и детерминизм (коррелятивная связь). Не вызывает сомнений, что и настоящее связано в пространстве в одно целое. Но какая связь это реализует?

К. Юнг вводит в философию науки термин «синхронистичность», понимая под ней смысловую непричинную связь [19, с. 185–314]. Но разве причинность и детерминизм лишены смысла?

Е.А. Мамчур предлагает рассматривать синхронистичность как особый тип отношений между природными явлениями, отличный от причинной зависимости [13, с. 245–286]. Но в этом случае к подобному типу отношений справедливо было бы отнести и детерминизм, как коррелятивную связь.

Учитывая вышеизложенное, предлагается понимать под синхронистичностью вневременную связь явлений. Именно вневременной характер является специфической особенностью синхронистичности.

Таким образом, мы выявляем специфическую связь пространства и связь в пространстве. Настоящее существует в действительности пространства как «поперечный срез реки времени» на том же онтологическом основании, на котором существуют в реальности прошлое и будущее. Различие только в том, что в настоящем заложена и реализуется потенция будущего. В соответствии с исследованиями А.Н. Спаскова у самого времени есть два измерения, а именно: существует время, которое проявляется в неповторимости каждого процесса в каждый момент, в открытости будущего настоящему (например, дата и время настоящего момента). Но существует и другое время, проявляющееся в цикличности всех процессов (например календарный год) [15, с. 146–151].

Так же, как физическое пространство характеризует три пространственных измерения, физическое время характеризует два временных.

8. Структура всеобщей связи явлений

I. Предпосылки

<p>Определения</p> <p>1. Пространство — порядок одновременно сосуществующих явлений.</p> <p>2. Одновременность — отсутствие временных связей</p> <p>3. Событие — это то, что протекает в пространстве и во времени</p>	<p>Принцип различия</p> <p>«Существует только то, что имеет различие»:</p> <p>а) события не тождественны ни по своему положению в пространстве, ни по качеству, ни по продолжительности;</p> <p>б) в природе отсутствуют абсолютно синхронные события, т.е. происходящие ни до, ни после одно другого;</p> <p>в) объединение пространства и времени в единый континуум для микромира логически противоречиво, потому что существуют вневременные процессы</p>
--	---

II. Таблица соответствия фундаментальных типов всеобщей связи явлений

Фундаментальный тип связи	Тип множества по Г. Кантору	Тип нематематического континуума	Соответствующий процесс	Аналогия классической физики	Философско-методологические основания
Причинность как генетическая связь явлений во времени	Конечное множество	Временной континуум	Физический процесс	Ньютоново абсолютное время, независимое от пространства и массы	<ol style="list-style-type: none"> 1. Все явления имеют причины. 2. Следствие не может опережать причину. 3. Физические явления имеют конечную продолжительность
Детерминизм как коррелятивная связь явлений во времени	Счетное (бесконечное) множество	Континуум событий, упорядочиваемых по продолжительности	Процесс человеческого мышления	Ньютонова масса, независимая от пространства и времени	<ol style="list-style-type: none"> 1. Все связано со всем. 2. Относительность одновременности событий
Синхронистичность как вневременная связь явлений	Несчетное (бесконечное) множество	Пространственный континуум	Вневременные процессы квантовой телепортации микробъектов, которые разрешают логическую проблему невозможности движения через бесконечную последовательность отрезков пути в непрерывном пространстве	Ньютоново абсолютное пространство и абсолютное движение, независимые от массы и времени	<p>Всякое событие мгновенно отражается на информационном плане бытия</p>

III. Выводы

1. Теоретически возможно линейно упорядочить все счетное множество событий, располагая их в порядке возрастания продолжительности.

2. При отсутствии абсолютно синхронных событий происходит бесконечное множество абсолютно синхронных перемещений в микромире.

Обобщая, констатируем: множество синхронных событий — пустое; событий — счетное; синхронных перемещений — несчетное.

Заключительное обобщение

Общепризнанно, что характерной особенностью микромира является дискретность его процессов. Дискретность перемещения во времени заключается в квантованности времени и действия. Дискретность перемещения в пространстве обнаруживает себя в прерывности траекторий и атемпоральности.

Интересно, что АС-парадигма находится в русле традиции китайской философии, которая начиная с IV в. до н.э. утверждает онтологическую первичность покоя по отношению к движению. Однако динамическая парадигма движения справедлива для макромира, но не распространяется на микромир. Для микромира справедлива АС-парадигма движения. При этом микромир фундаментален.

В соответствии с Ньютоновой механикой в макромире сила — причина ускорения, но не перемещения тел. В соответствии с АС-парадигмой в микромире — бесконечное разнообразие физических взаимодействий микрообъекта является причиной квантовой неопределенности его координаты и времени [9].

Характерно, что как динамическая парадигма, так и АС-парадигма едины в главном: физические взаимодействия (силы) не являются причиной перемещения физических объектов в пространстве.

Список литературы

1. Аккарди Луиджи. Диалоги о квантовой механике / Ин-т компьютерных исследований. М.; Ижевск, 2004. 447 с.
2. Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 3: Физика. М.: Мысль, 1981. 613 с.
3. Вилесов Ю.Ф. Апории Зенона и соотношение неопределенностей Гейзенберга // Вестник Московского государственного университета. Сер. 7. Философия. 2002. № 6. С. 20–28.
4. Вольф А.Н. Средневековая арабская философия: ашаритский калам / Новосибирск. гос. ун-т.

- Новосибирск, 2008. 151 с.
5. *Вопросы* теоретической физики: сб. ст. к столетию со дня рождения Я.И. Френкеля. СПб., 1994. 259 с.
 6. *Вяльцев А.Н.* Дискретное пространство-время. М.: Наука, 1965. 399 с.
 7. *Гайденок П.П.* История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М.: Кн. дом «Либроком», 2011. 373 с.
 8. *Гильберт Д., Бернайс П.* Основания математики. Логические исчисления и формализация арифметики. М.: Наука, 1979. 557 с.
 9. *Годарев-Лозовский М.Г.* Теория детерминированной бесконечности и ее научно-философские основания // *Фундаментальные проблемы естествознания и техники. Сер. Проблемы исследования вселенной.* 2012. № 35. С. 191–206.
 10. *Левич А.П.* Моделирование времени как методологическая задача физики // *Философия физики: материалы Междунар. науч. конф. 17–18 июня 2010 г.* М.: Кн. дом «Либроком», 2010. С. 80–82.
 11. *Лейбниц Г.* Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 3. 734 с.; Т. 4. 554 с.
 12. *Полуян П.В.* Квантовая онтология и дискретность протяженности // *Философия физики: материалы Междунар. науч. конф. 17–18 июня 2010 г.* М.: Кн. дом «Либроком», 2010. 335–337 с.
 13. *Причинность* и телеономизм в современной естественно-научной картине мира: сб. / под ред. Е.А. Мамчур, Ю.В. Сачкова. М.: РАН. Ин-т философии, 2002. 286 с.
 14. *Севальников А.Ю.* Интерпретации квантовой механики. В поисках новой онтологии. М.: Кн. дом «Либроком», 2009. 189 с.
 15. *Спасков А.* Размерность времени. Философский анализ проблемы. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 172 с.
 16. *Фалько В.И.* Типы философских онтологий физики // *Философия физики: материалы науч. конф. 17–18 июня 2010 г.* М.: Кн. дом «Либроком», 2010. С. 161–163
 17. *Фейнман Р., Хипс А.* Квантовая механика и интегралы по траекториям. М.: Мир, 1968. 382 с.
 18. *Эрекаев В.Д.* Онтология планковской космологии // *Космология, физика, культура / под ред. В.В. Казютинского.* М.: РАН, Ин-т философии, 2011. С. 163–190
 19. *Юнг К.* Синхрония: акаузальный объединяющий принцип. М.: АСТ, 2010. 347 с.
 20. *Янчилин В.Л.* Квантовая нелокальность. М.: Кн. дом «Либроком», 2010. 142 с.
 21. *Heisenberg W.* Über den Anschaulichen Inhalt der quantentheoretischen Kinematik und Mechanik // *Zeitschrift Für Physik a Hadrons and Nuclei.* 1927.

V. 43, № 3–4. P. 172–198.

22. *Mitrabhanu Sahu, Myung-Ho Bae, Andrey Rogachev et al.* Individual topological tunnelling events of a quantum field probed through their

macroscopic consequences // *Nature Physics*. 2009.

Vol. 5. P. 503–508.

ATEMPORAL-SYNCHRONISTIC PARADIGM OF MOVING

Maxim G. Godarev-Lozovsky

Russian Christian Humanitarian Academy; 15, Fontanka river emb., Saint Petersburg, 191023, Russia

Present work proves and postulates the heuristic principle of the existence the fundamental type of timeless connection of phenomena in a nature.

Key words: infinite; atemporal; synchronicity; determinism; causality.

УДК 141.1

АНТРОПНЫЙ ПРИНЦИП В СТРУКТУРЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ВСЕЛЕННОЙ И ЧЕЛОВЕКА

М.Р. Зобова

Чтобы утвердить статус антропного принципа как принципа следует обнаружить в нем нечто такое, без чего представление о нашей Вселенной вне рамок АП было бы внутренне противоречивым. Пользуясь методологией синергетического историзма, мы попытались обосновать корреляцию между антропным принципом и теми возможностями эволюции Вселенной, реализация которых привела в конце концов к появлению в ней наблюдателей.

Ключевые слова: философские принципы; вселенная; самоорганизация; отбор; материальное; идеальное; бифуркация; антропный принцип; наблюдатель.

Принцип развития (эволюции) в онтологическом аспекте предполагает *способ (механизм)*, посредством которого разворачивается (развивается) реальность — материальная и идеальная. Есть ли существенные различия в способах становления материальной и идеальной реальности — или они одинаковы? Дихотомию материального–идеального следует рассмотреть с позиций нескольких принципов (критериев): эволюции (развития), системности, противоречивости, сложности, конкретности, относительности, нелинейности (неопределенности), а также с позиций антропного принципа (АП). Критерий *эволюции* — это принцип, устанавливающий онтологические и гносеологические границы различия и тождества материального и идеального, а именно то, что механизмы эволюции материального и идеального имеют как сходные, так и различные черты. Так, знакомясь с той или иной концепцией бытия или создавая ее, мы посредством принципа развития, а также множества других принципов и категорий можем определиться с такими оппозициями, как истина/ложь, истина/идеал, знание/вера и т.д.

Материальное (реальное) *отбирается* (эволюция — через естественный отбор), а идеальное *выводится/отбирается* (эволюция — через социальный/психологический отбор и в конечном счете через логический вывод). Необоснованное сведение отбора — механизма эволюции — к выводу, т.е. механизму мышления, приводит к упрощению образа реальности, которая включает единство возможного и действительного, т.е. бытие и его становление. Критерий *эволюции* (как

критерий отбора) может служить своеобразным определителем истинности становления знаний. Тонкость проблемы в том, что феномен отбора и феномен логического вывода нередко образуются в разных мыслительных плоскостях. Механизм *отбора* часто формируется в сфере интуиции или, если выразиться более общо, в сфере ненаучного и вненаучного мышления, хотя опыт рационального мышления имеет здесь фундаментальное значение, а способ логического *вывода* почти всегда подвержен тотальному влиянию рационального опыта, он непосредственно связан со стереотипами научного подхода и здравого смысла. При этом нельзя забывать, что элементы логического вывода присутствуют в отборе, а элементы отбора — в выводе. В сфере сознания отбор и логический вывод — это конструкты или такие элементы мыслительной системы, которые пропускают через себя разнообразную информацию, производя определенного рода селекцию знаний и впечатлений о мире. Вне сферы сознания отбор — это механизм объективного процесса эволюции систем, но и в сфере сознания он также действует как механизм объективного процесса духовной жизнедеятельности, или, более точно, духовного производства. Однако в сфере логического мышления отбор принимает форму вывода со всеми присущими последнему культурно-историческими ограничениями. Отбор приобретает внешнюю форму вывода, вместе с тем не переставая быть отбором, т.е. действуя на других уровнях мышления (интуиция, образное мышле-

ние и т.д.) как способ духовной и, в частности, мыслительной деятельности.

Здесь же присутствует проблема рационального и иррационального в духовной деятельности. Рациональное пытается строго следовать логической процедуре (выводу), как бы подчиняясь необходимости, закону, порядку. Оно следует парадигме логической интерпретации реального, полагая в ней кратчайший путь к истине. А иррациональное допускает веру в то или иное толкование реального, поэтому допускает разные способы интерпретации: эмоциональные, художественные, мистические и пр. Эти последние составляют разнообразный арсенал форм, которые принимает механизм отбора в духовном производстве. Это совсем не означает, что такие формы проявления механизма отбора в духовном производстве, как интуиция, или мистическое откровение, или художественное творчество, более адекватны отбору, чем логический вывод. Но речь идет о том, что следует учитывать все многообразие форм мыслительной деятельности, поскольку только вся система форм мышления наиболее адекватна объективному механизму отбора, действующему в процессе эволюции сознания, а не отдельные формы, которым люди придают абсолютные качества. При этом необходимо помнить, что интуиция, откровение или художественное мышление — все это также относится к категории вывода, поскольку в общем и целом вывод есть мыслительный процесс, включающий элементы рационального и иррационального подходов. Тогда как отбор — это внутренний механизм вывода, некая почти неуправляемая стихия, действующая в основном на бессознательном уровне. Так, в дискуссии А.Ю. Внутских и М.И. Ненашева по поводу антропного принципа присутствует оба подхода, включающих разнообразные механизмы вывода и отбора, вплоть до «вкусовщины», что не мешает отнести данную дискуссию к уровням научной и философской со всеми присущими этим уровням признаками. М.И. Ненашев защищает тезис «появление чело­века есть дело случая» (клинамен) [3, с. 7]. То, что это «дело случая», спорить не приходится, но то, что это клинамен, скорее, ошибочно, поскольку термин антропомофный, а подход иррационально-эмоциональный. К определению случайности традиционно ведет определенность в понимании необходимости: необходимость как способ превращения возможности в действительность (1); необходимость как закон, ограничивающий сферу возможностей существования (развития)

системы (2). Первое определение идет от Аристотеля, а второе — от Гегеля. «Всякое действие, всякий переход от возможности к действительности *необходим* (на уровне общего), поскольку совершается всегда в рамках какой-либо закономерности, представляющей массу возможностей существования и ограничивающей ее, но также он и *случаен*, поскольку совершается в единичности, здесь и теперь, в условиях отбора одной возможности из множества других» [2, с. 132]. Последнее суждение соотносится с условиями *нашего* (макро) мира (четырёхмерность пространственно-временного континуума). Случайность понимается как форма проявления необходимости и ее дополнение, а также как результат отбора одной из множества возможностей в условиях, эволюционно сформировавшихся во Вселенной. И здесь действительно не обойтись без антропного принципа, который призван ограничить сферу возможных вариантов условий случайности появления разумных существ, а также сферу возможных предположений (суждений, интерпретаций, гипотез и пр.) по поводу данной случайности (флуктуации).

Отбор — естественный механизм (сущность) эволюции природы, общества и мышления. Он создается независимо от воли и желания людей. Характерными чертами отбора являются его *нелинейность, стохастичность (неоднозначность), сложность, открытость и необратимость*. В идеале вывод должен строиться в соответствии с механизмом отбора, т.е. представлять его рациональную модель. Но на практике вывод берет от отбора только то, что соответствует определенной мыслительной норме, т.е. фактически подчиняется культурному логическому стереотипу, распространенному в данный исторический период среди людей определенного круга (парадигма). Логическая парадигма довлеет до тех пор, пока противоречие между этими конструктами, отбором и выводом, не достигнет определенной степени. Здесь логическая система подвергается естественному отбору, в этой зоне она испытывает значительные флуктуации, а сдерживающие механизмы сознательного контроля над ней перестают действовать. Тогда происходит революция в способах мышления, бифуркация, или качественный скачок, переход к другой форме соответствия отбора и вывода. Здесь возможен прогресс, т.е. усложнение форм вывода, их усовершенствование, придание им характера, более адекватного процессам отбора и адекватного процессам свободного выбора.

Следует уточнить один немаловажный момент, а именно то, как и чем отбор и выбор отличаются друг от друга. Отбор — это, как правило, естественный механизм, т.е. объективный сущностный механизм эволюции, действующий способом, по сути, независимым от воли и желания людей. Однако отбор, а именно социальный отбор, имеет место и в общественной эволюции. Спутать социальный отбор с естественным отбором — значит отождествить существенно разные понятия. Социальное отличается от природного тем, что в социальном отборе действует еще и подсистема выбора, т.е. определенная внешняя форма социального отбора. Выбор, в свою очередь, тесно связан с механизмом воли, действующим на уровне психики как отдельных людей, так и групп. Особое взаимодействие социального отбора, выбора и воли формирует феномен свободы, т.е. важнейшее системное качество общественной жизни, присущее жизнедеятельности отдельных людей и групп. Отбор, выбор и воля — это основные уровни системы, которую можно назвать «системой свободы». Каждый уровень обладает множеством элементов и отличается особым качеством, но несомненно и большое сходство этих уровней. Уровни выбора и воли повторяют в существенных чертах уровень отбора. Связанные в единую систему, которую мы обозначили как систему свободы, они действуют когерентно, а потому вся система представляет собой целостность (согласованное множество).

Отбор (выбор) *совпадает* с выводом — назовем это *верификацией*. Отбор (выбор) *расходится* с выводом, что обнаруживается через многообразие мыслительных процедур, в которые необходимо, видимо, включить также и внерациональные методы. Традиционный метод верификации (рациональный) зауживает это многообразие. Что касается *эксперимента*, то опять же все сводится к толкованию его данных. Однако роль эксперимента фундаментальна, поскольку он погружает реальность в рамки искусственного как упрощенной модели естественного. Но механизмы отбора (выбора) как в рамках искусственного, так и в рамках естественного в основном совпадают, они сходны. Отсюда возникает возможность производства *вывода*, адекватного *выбору*. Вывод должен совпадать с результатом искусственного отбора, а посредством него есть вероятность совпадения и с результатом естественного отбора.

Следует отметить, что современный философский взгляд на мир сводит любой объект к понятию системы, т.е. в любом объекте следует

видеть системность, которой присущи всеобщие свойства, атрибуты. Несистемный взгляд на мир все больше утрачивает свое право на существование. Принцип *системности*, как и другие принципы, приобретает функцию критерия, когда требуется установить момент совпадения системы познания с системой действительности или их различия. Он предполагает *целостность* объекта, т.е. как минимум одно такое качество, которое присуще всем частям системы, что делает их едиными в ее рамках и заставляет все части (и элементы) функционировать когерентно, согласованно, как единое целое. Критерий *системности* тянет за собой ряд других критериев, по которым можно более углубленно произвести сравнение модели и оригинала на предмет их тождества и различия. Таков, прежде всего, критерий *противоречивости*. Он присущ как онтологическому, так и гносеологическому аспектам исследования соотношения модели и оригинала. Он вытекает из дихотомии *тождества–противоположности* и позволяет рассматривать требуемый объем альтернатив, в которых происходит становление действительности. Сюда отнесем: устойчивость/изменчивость, порядок/хаос. Столь же важен и критерий *сложности*. Дихотомия *сложности–простоты* определяет масштабы, глубину и перспективу соотношения модели и объекта. Здесь уместен элементно-структурный подход, который в синергетической парадигме приобретает новый уровень разрешения проблем. Так, критерий сложности предполагает, с одной стороны, многообразие возможных состояний системы, а с другой — действительное состояние квалифицируется как неоднозначное и неопределенное в связи с наличием множества элементов и уровней.

Далее рассмотрим дихотомию *универсального–специфического*. Она важна в онтологическом аспекте, поскольку предполагает, с одной стороны, наличие всеобщих основ, объединяющих все вещи в мире, а с другой — наличие особенных и единичных качеств, делающих вещи уникальными. В философии существует аналогичная категориальная пара «субстанция–акциденция» — вариация соотношений необходимости и случайности. Универсальное наделено признаками субстанции, т.е. универсальной структурой. Отсюда вытекает категориальная пара структура–процесс, конкретизирующая категории устойчивости–изменчивости; структура обладает признаком устойчивости более всех прочих элементов, включенных в систему, другие же элементы характе-

ризируют процессуальность, изменчивость системы, ее специфичность. Однако нельзя сводить субстанцию только к структуре и отделять ее от процесса, поскольку субстанция характеризуется как инвариантностью (устойчивостью), так и изменчивостью. Следовательно, субстанции ближе категория сущности, чем понятие структуры. В свою очередь, сущность проявляется и как структура, и как процесс. Она объединяет (несет в себе) все богатство возможного и действительного. Сущность богаче явления, потому что она включает также то, что возможно, тогда как явление выражает лишь действительное состояние вещи и действительный процесс, т.е. то, что существует здесь и теперь. Единичное и специфическое — это действительные проявления сущности, но не сама сущность.

Действительное явление в контексте понятия системы выражено в единстве элемента и его функции. Возникает вопрос: а способен ли элемент в действительности производить сразу несколько функций? Проблема «один орган — одна функция» стоит в аспекте возможного и действительного существования бытия. И это важная проблема, рассмотреть которую необходимо. В психологии существует принцип, согласно которому сознание в данный момент времени и в данной ситуации способно выполнить лишь одну функцию, одно действие, произвести одну мысль. Однако в следующую секунду и в иной ситуации оно последовательно и с необходимостью произведет уже другую мысль, выполнит иную функцию. Очевидно, следует принять принцип «один элемент — одна функция» как непротиворечивый (что, впрочем, еще надо доказать).

Изменчивое и устойчивое проявляется в системе в виде определенных функций. Как уже говорилось, крайними выражениями таких функций выступают хаотизация и упорядочение (хаос и порядок). Одни и те же структуры, одни и те же элементы последовательно во времени могут активировать как хаос, так и порядок, т.е. противоположные состояния/процессы. И здесь на первое место выступает принцип *конкретности* (логико-гносеологический аспект), означающий, что в действительности может быть лишь определенная связь элемента и функции. *Действительный* элемент обладает массой *возможных* функций, но в той или иной ситуации, например в направлении к хаотизации, у элемента проявится лишь одна определенная функция и определенная связь. Логика возможностей — это диалектическая логика (гегелевская), а логика действительности — фор-

мальная (аристотелевская). В гносеологическом аспекте принцип конкретности важен, поскольку разворачивает системный принцип в сторону логики восхождения от абстрактного к конкретному, лежащего в основе процесса конкретизации познания. Назовем это критерием *конкретности*. С одной стороны, конкретное просто, поскольку в действительности — это «один элемент — одна функция», но с другой стороны, конкретное сложно, поскольку система в синхронии наделена массой элементов с разными функциями, а в диахронии — вдобавок к синхроническому разнообразию — каждый элемент разворачивает во времени последовательность своего функционального потенциала. Таким образом, сложность системы возрастает на порядок. Это как раз и выражается в критерии конкретности.

Далее — принцип *относительности*. В нем проявляется дихотомия абсолютного–относительного. Критерий *относительности* выливается в гносеологический принцип всеобщей относительности конкретного, т.е. запрета на абсолютизацию в познании чего-либо реального и конкретного. У принципа относительности существует мощный онтологический базис, который мы здесь не рассматриваем.

Принцип *детерминизма*. Дихотомия линейного–нелинейного. Отсюда вырисовывается онтологический критерий *нелинейности* (*неопределенности*), который подкрепляется рядом других принципов, в том числе принципом необратимости. Этот принцип тесно смыкается с критерием *эволюции*, но конкретизирует его в части *диахронии* процессов. При условии попадания в определенный аттрактор система уже не может вернуться к исходным условиям существования.

Принцип *открытости*. Этот принцип соотносится с принципами *системности* и *сложности*. Он заключается в том, что системность предполагает взаимодействия элементов и систем, а всякое взаимодействие есть обмен веществом, энергией (и информацией — для живых систем). Этот принцип конкретизирует нелинейность в моменте синхронии процессов.

Принцип *направленности изменений*. Он развивает принцип необратимости, уточняя его в том, что существует нечто, к чему стремится любое изменение системы. Это нечто — *квазицелевая* структура (в синергетике — набор *аттракторов*), в отношении которой выстраивается весь механизм отбора с его параметрами случайности — необходимости, возможности — действи-

тельности, однозначности – неоднозначности и т.д.

Английский астрофизик Б. Картер (1972), наблюдая Вселенную, изучая историю ее эволюции, посчитал, что в ней действует некий принцип, организующий ее определенным образом. Антропный принцип (АП) следует соотнести с рядом выше рассмотренных принципов и рассмотреть его как особый критерий в аспекте как верификации, так и фальсификации системы принципов и категорий, используемых при описании эволюции Вселенной, жизни, социума и человека. Существует ряд модификаций АП, важнейшие из них: 1. Слабый АП: «То, что мы ожидаем наблюдать, должно быть ограничено условиями нашего существования как наблюдателей». 2. Сильный АП: «Вселенная такова, потому что существуем мы» [7, с. 369–379].

Согласно последним исследованиям в космологии энергия начального расширения Вселенной очень хорошо согласовывалась с ее гравитационной энергией, обеспечивая ей тем самым максимально длительный срок существования. В связи с этим несколько ученых-физиков и философов предположили, что структура мира неотделима от его обитателей, наблюдающих мир — особых элементов, включенных в высшие уровни организации [15; 16, р. 220; 14, р. 23]. По их мнению, существует принцип, реализующий невероятно тонкую подстройку всех явлений и процессов во Вселенной, но это отнюдь не физический принцип, а антропный, связанный с человеком как частью Вселенной. Очевидно, что наше существование требует условий, которые встречаются только в определенных уровнях и регионах Вселенной и на определенных этапах ее истории. Возникновение разумной формы существования определяется особой конфигурацией начальных условий нашей Вселенной, выделенной на области множества других возможных (фридмановских и пр.) вселенных. Разумное существование (будь то социум или какая-либо иная форма) является аттрактором, предзаданным в фазовом пространстве универсума. Потенциальные возможности возникновения высших форм существования, как пишет В.С. Степин, были заложены уже на начальных стадиях развития Метагалактики, когда формировались численные значения мировых констант, определившие характер дальнейших эволюционных изменений [12, с. 641]. Многие из свойств Универсума определяются численными значениями фундаментальных физических констант, таких как гравитационная постоянная, за-

ряд электрона, масса протона, постоянная Планка, скорость света в вакууме и пр. Рассмотрим в этой связи что такое структура-аттрактор. Согласно Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмову, спектр аттракторов предопределен как спектр возможностей. При этом они считают, что направление эволюции всегда открыто. С одной стороны, имеют место разбрасывающие, случайностные процессы, а с другой — процессы выхода на структуры-аттракторы, предзаданные в данной среде [8, с. 98–101]. С выходом на структуру-аттрактор (в нашем случае это полный набор условий возникновения наблюдателя) случайность «выжигает», отсекает все «лишнее». Таким образом, те структуры, которые энергетически невыгодны, нежизнеспособны, исчезают, разрушаются, а появляются, сохраняются, воспроизводятся те структуры, которые отвечают тенденции изменений среды. Н.Н. Моисеев формулирует гипотезу, согласно которой среди возможных форм организации системы наблюдаются лишь те, которым соответствует *минимум рассеивания энергии* (принцип минимума диссипации) [11, с. 206]. В своей эволюции Вселенная прошла ряд этапов; переход от одного этапа к другому подчинялся ряду бифуркаций, сопровождавшихся нарушениями симметрии. Мы выделяем тренд, определяющий наше появление (АП как принцип направленности и необратимости), составляющий (условно) четыре бифуркации. Первая бифуркация — это начало становления физики микромира и макромира Вселенной: сформировалась трехмерная пространственная структура, отобранная из множества возможных пространственных структур; образовалась материя, состоящая из частиц (бозоны), соответственно, «темная материя» и т.д. Вторая бифуркация — возникновение химической формы движения материи, т.е. химических элементов с определенными свойствами (валентностями), что привело в свою очередь к образованию белков и аминокислот — левовращательных изомеров (белков) и спиралей ДНК, закрученных вправо. Третья бифуркация — это биология, т.е. образование клеток и многоклеточных организмов. Четвертая бифуркация — возникновение человека (наблюдателя). Все бифуркации характеризуются общим свойством — вбрасыванием возможностей дальнейшей эволюции, на основе которых отбирались варианты структур, соответствующие ограниченному набору точных численных значений фундаментальных физических констант, а также наиболее энергетически выгодным состояниям, связанным с изменениями среды. Переход к

новым устойчивым структурам, что следует особо подчеркнуть, всегда связан с существенным *нарушением симметрии*. Например, появление частиц во Вселенной является следствием нарушения симметрии физического вакуума, который является неустойчивой системой, где малейшая флуктуация (случайность) приводит к переходу вакуума в новое энергетическое состояние; при этом выделяется большое количество энергии, создающей поля и частицы в соответствии с формулой Эйнштейна $E = mc^2$. Каждая точка бифуркации определяет набор возможных структур эволюции Вселенной на последующих этапах — физическом, химическом, биологическом и социальном. На первом этапе отбирается один из множества вариантов, который определяет набор возможностей уже в следующей точке бифуркации (на втором этапе), а отбор в этой точке детерминирует спектр вариантов в точке бифуркации третьего этапа и т.д. Хотя отбор в каждой точке бифуркации однозначно не предопределен, а носит случайный характер, тем не менее общая тенденция самоорганизации, обусловленная серией отборов, носит в целом *направленный* характер [1, с. 119]. В этом случае АП приобретает черты принципа сложности, поскольку способствует наложению одного уровня развития на другой (усложнение системы).

Чтобы утвердить статус АП как принципа, следует обнаружить в *слабом* его варианте (наблюдатель видит лишь те условия, при которых он может существовать) нечто такое, без чего любое иное представление о нашей Вселенной было бы внутренне противоречивым, софистическим. Пользуясь методологией синергетического историзма, мы попробуем обосновать корреляцию между АП и теми возможностями, реализация которых привела в конце концов к появлению во Вселенной наблюдателей. Эти возможности описаны как численные константы, сформировавшиеся на начальных этапах эволюции Вселенной в виде принципа минимума диссипации, позволяющего существовать энергетически выгодным структурам и т.д. АП выступает в качестве «посоха» для слабовидящего, поскольку придает уверенность последнему в том, что он, как наблюдатель, не лишен перспективы истинного знания, а именно знания о подлинных условиях своего существования. Наша задача, следовательно, в том, чтобы прояснить позицию наблюдателя за счет исследования характеристик *самоорганизации* Вселенной, описываемой в терминах синергетики и ряда других, сходных с ней, теорий.

В.В. Казютинским, Э. Янчем, Э. Ласло и рядом других ученых и философов была сформулирована идея о возможности объяснить с точки зрения принципа *самоорганизации*, почему наша Вселенная такова, какой мы ее наблюдаем [6; 17; 9, с. 80–84]. Излагаемая точка зрения основана на предположении, что существуют общесистемные законы самоорганизации и эволюции. К ним можно отнести биологическую эволюцию, отбор, прочие закономерности самоорганизации. На уровне философско-мировоззренческих традиций естественнонаучное содержание АП подвергается категориальному анализу. В частности, это может быть *телеологическое* объяснение, при котором АП включается в контекст идей Аристотеля (все имеет цель своего существования; целью Вселенной является человек) или Лейбница (мы живем в наилучшем из возможных миров). Теолог Дж. Лесли полагает, что сильный антропный принцип является естественно-научным доказательством существования Творца. Из «тонкой подстройки» численных значений фундаментальных физических констант делается далеко идущий вывод о том, что наша Вселенная была «запрограммирована» высшим существом и при этом наилучшим образом. В противовес такой позиции теологов ученые выдвинули гипотезу множественности вселенных, каждая из которых имеет собственные начальные условия, свой набор научных законов и численных значений фундаментальных физических констант. В большей части этих вселенных условия были непригодными для развития сложных структур; лишь в нескольких похожих на нашу вселенных смогли развиться разумные существа, у которых возник вопрос: «Почему наша Вселенная такая, какой мы ее видим?» Ответ здесь очевиден: «Если бы Вселенная была другой, здесь нас не было бы!». Законы современной науки содержат ряд фундаментальных физических констант, таких как заряд электрона, масса протона, отношение массы протона к массе электрона, гравитационная постоянная и др. [18, р. 150]. Впрочем, нельзя однозначно отождествить АП с какой-нибудь одной традицией, а все другие исключить. Однако вернуться к уровню научной картины мира. Объясняет ли АП, почему фундаментальные параметры и константы нашей Вселенной оказались так хорошо подогнаны друг к другу, что стало возможно появление человека? Рассмотрим идею ансамбля вселенных (А. Гут и П. Стейнхард, А.Д. Линде), раскрывающую смысл АП [4, 10]. Наша Вселенная возникла не одна, а одновременно с ней, по-

добно мыльным пузырям, появлялись и другие вселенные, в которых были свои численные значения фундаментальных физических констант, соответственно своя тонкая подстройка, свои свойства, своя эволюция. Современная математика обнаружила вероятность появления в результате Большого взрыва более 10^{50} вселенных. Существовала, таким образом, реальная возможность появления наблюдателя в ограниченном подмножестве таких вселенных. В одной из таких вселенных с необходимостью должны были сложиться некие условия, которые привели к возможности существования человека-наблюдателя.

С философско-мировоззренческих позиций категориальный анализ позволяет сделать такой вывод: чтобы причина начала действовать, необходима полнота условий, т.е. чтобы возможность перешла в действительность здесь и сейчас. Во множестве вселенных должна была существовать какая-то общая тенденция (область пересечения закономерностей, фундаментальных условий, наконец, самих этих вселенных), определившая тенденцию, характерную только для нашей Вселенной. Если взять в качестве исходной инфляционную теорию Вселенной, то возникает вопрос, как она соотносится с принятыми в современной науке нормами и идеалами. Во-первых, она должна отвечать принципу соответствия фридмановской теории. Во-вторых, как заметил В.В. Казютинский, она преодолевает ограниченность фридмановского сценария, поскольку «ослабляет» парадокс сингулярности тем, что рассматривает начало Вселенной как квантового объекта. В-третьих, она смогла ответить на коренной вопрос: почему Вселенная расширяется? [5, с. 84]. Набор условий должен быть уникальным, коль скоро речь идет о случайности. Воспроизведение одних и тех же общих условий в процессе самоорганизации системы говорит в пользу необходимости. Вообще необходимость есть то, без воспроизведения чего бытие вещи оказывается несостоятельным (невозможным). По словам Ф. Энгельса, «с железной необходимостью» порождаются жизнь и мыслящий дух в одном месте Вселенной, если в другом он исчезает. Там же он уточняет, что жизнь возникает там и тогда, когда возникают соответствующие условия [13]. Рассуждения классика марксизма относятся к типу «линейного мышления», но в мировоззренческом смысле они верны, поскольку утверждают принцип детерминизма, а именно мысль о всеобщей причинной обусловленности всех вещей в мире.

На философском уровне проблема АП имеет экзистенциальное ответвление. Приведем пример. Когда и почему наша Вселенная стала нашей — это вопрос, по сути аналогичный тому вопросу, который может задать любой ребенок, например, когда или почему родители Липочки стали ее родителями? Для философии эти проблемы по сложности объяснения равнозначны. Для девочки существует *принцип Липочки*. Только этот принцип важен для нее одной, а АП имеет к тому же еще дисциплинарный выход.

Антропный принцип необходим, чтобы во Вселенной мог существовать ценностный ориентир (человек), но такой ориентир должен появиться в результате Самоорганизации Природы без какого бы то ни было участия внешнего дизайнера, преследующего свои цели в отличие от Природы, не преследующей никаких целей. Синергетическая интерпретация АП исключает его телеологическую, а следовательно, и теологическую, интерпретацию. Самоорганизация социальной реальности (общества), так же, как и самоорганизация Природы, не преследует никаких целей («бесцельна») потому, что она является результатом взаимодействия множества целей, мешающих друг другу в полном осуществлении. АП, рассматриваемый как критерий истины, предполагает вывод о том, что не ценностный ориентир («предел совершенства») предшествует Природе, а Природа — такому ориентиру.

АП в системе принципов и категорий должен занять свое определенное место. Поскольку мы наблюдаем нашу Вселенную, Метагалактику не откуда-то извне, а как существа, являющиеся ее неотъемлемой частью и порожденные ею как целостным образованием. Имеющиеся свойства Вселенной допускают возможность нашего существования как наблюдателей. Задача всех исследований АП в том, чтобы обосновать следующий немаловажный тезис: не служит ли факт существования наблюдателя весомым аргументом в пользу той или иной теории, например, теории инфляции против альтернативной теории и т.д.? Конечно, существует множество подходов к АП. Задача исследователей в том, чтобы провести корректную философскую интерпретацию связи АП с другими принципами и категориями философии и обратить этот инструмент на пользу науки, в частности космологии.

Список литературы

1. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Синергетический историзм — философия истории XXI века

- // Синергетическая философия истории / под ред. В.П. Бранского и С.Д. Пожарского. Рязань: Копи-Принт, 2009. С. 13–176.
2. *Бусов С.В.* Феноменология и эссенциология выбора: экзистенциальный аспект // Актуальные проблемы российской философии. Пермь, 2011. Т. 2. С. 128–135.
 3. *Внутских А.Ю., Ненашев М.И.* О некоторых альтернативах философской интерпретации антропного принципа // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 3. С. 6–16.
 4. *Гут А., Стейнхард П.Дж.* Раздувающаяся Вселенная // В мире науки. 1984. № 7. С. 56–70.
 5. *Казютинский В.В.* Концепция глобального эволюционизма в научной картине мира // О современном статусе идеи глобального эволюционизма. М., 1986. С. 61–84.
 6. *Казютинский В.В.* Теория и факт в космологии // Современная космология: философские горизонты / под ред. В.В. Казютинского. М.: Канон: Реабилитация, 2011. С. 55–103.
 7. *Картер Б.* Совпадения больших чисел и антропологический принцип в космологии // Космология: Теории и наблюдения. М.: Мир, 1978. С. 369–380.
 8. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомеры. СПб.: Алетейя, 2002. 414 с.
 9. *Ласло Э.* Основания трансдисциплинарной единой теории // Вопросы философии. 1997. № 3. С. 80–89.
 10. *Линде А.Д.* Раздувающаяся Вселенная // Наука и жизнь. 1985. № 8. С. 25–31.
 11. *Муссеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Языки русской культуры, 2000. 224 с.
 12. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс–Традиция, 2003. 744 с.
 13. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1961. Т. 20. С. 339–626.
 14. *Barrow J.D., Tipler F.J.* The Anthropic Cosmological Principle. Oxford, 1996. 706 p.
 15. *Dicke R.H.* Dirac's Cosmology and Mach's Principle // Nature. 1961. V. 192. P. 440–441.
 16. *Hoyle F.* The Intelligent Universe., London: Michael Joseph Limited, 1983. 255 p.
 17. *Jantsch E.* The Self-Organizing Universe. Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution. N.Y., 1980. 343 p.
 18. *Leslie J.* Anthropic Principle, World Ensemble, Design // American Philosophical Quarterly. 1982. V. 19. No. 2. P. 141–151.

THE ANTHROPIC PRINCIPLE IN THE STRUCTURE OF THE IDEAS OF THE UNIVERSE AND MAN EVOLUTION

Maria R. Zobova

*Petersburg State University of Telecommunications;
61, Moika river emb., Saint Petersburg, 191186, Russia*

In order to confirm the status of the anthropic principle as a principle, one should find in it something without what our understanding of the universe would have interior contradictions. Using the methodology of the synergistic historicism, we tried to prove the correlation between the anthropic principle and the opportunities of the universe evolution, which led, finally, to the appearance of the observers in it.

Key words: philosophical principles; the universe; self-organization; selection; material; perfect; bifurcation; the anthropic principle; the observer.

УДК 168.53; 37.012.1

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА

А.Г. Бермус

Статья посвящена исследованию феномена стандартизации высшего образования в связи с изменениями смысла основных категорий образования и онтологической трансформацией наук об образовании. Рассматриваются имплицитные онтологические представления, свойственные психолого-педагогическим наукам о высшем образовании. Особое внимание уделяется концептуальным проблемам и противоречиям реализации деятельностного подхода. Формулируются некоторые онтологические основания для реализации инновационных образовательных практик и развития современной теории стандартизации образования.

Ключевые слова: образовательный стандарт; онтология образования; психолого-педагогические науки; деятельностный подход.

Реализация федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) ставит перед отечественной системой образования множество проблем. Неясны принципы разработки компетентностно-ориентированных образовательных программ, имеются сложности в диалоге с работодателями, недостаточна технологическая база. Однако за этим множеством недостатков не всегда осознается глубинная проблема — отсутствие философской рефлексии феномена образовательного стандарта. Как правило, философские исследования затрагивают отдельные аспекты образовательной деятельности [5] и останавливаются перед комплексным анализом практических проблем.

В статье мы попытаемся осмыслить онтологические основания ФГОС ВПО и определить возможные направления трансформации теории образования. Некоторые подходы к этой проблеме были заявлены [2, 3, 4], а общая логика изменения может быть определена как переход от классической философии к неклассической и далее — к постнеклассической [1].

Так, в классической философии, базирующейся на известном тезисе Парменида («бытие и мысль о нем — одно и то же»), предметом философии являлись способы и формы мышления, а наука, как практика приобретения новых знаний о мире, находилась в теснейшей связи с философией. По этой причине вплоть до XIX в., основания

будущих естественных и гуманитарных наук закладываются в контексте философской рефлексии: Р. Декарт и Б. Спиноза, Дж. Локк и И. Ньютон, Г. Лейбниц и О. Конт могут быть с равным правом отнесены и к философам, и к основоположникам современных наук: математики, этики, педагогики, физики, социологии и др.

Начиная с XIX в. (в особенности второй его половины) пути философии и науки расходятся. В то время как наука с все большим вниманием вглядываются в то, как устроен *мир*, философия возвращается к обсуждению того, как устроен *человек*, и, в частности, феноменов сознания и самосознания; деятельности, языка и речи. При этом установка на выявление общих правил и норм рассуждения сменяется попыткой осмыслить ситуацию человека, сделать философию своеобразной *наукой жизни*, искусством *обретения себя* и др.

Между тем любые одномерные представления о взаимной трансформации философского и научного знания заведомо ложны. Подлинная проблема знания заключается в том, что в каждом феномене знания присутствуют самые разные его аспекты и смыслы, а каждое новое знание возникает на стыке множества вопрошаний (М.М. Бахтин, В.С. Библер).

В этом отношении научно-философские основы современной практики высшего образования и, соответственно, стандартизации определяются динамическими соотношениями между фи-

лософскими и научными (психолого-педагогическими) представлениями. В качестве примера обратимся к популярному пособию [12], представляющему современный взгляд на проблемы высшего образования.

Первое, на что следует обратить внимание: *сущностные* проблемы высшего образования (равно как и общеобразовательной школы) осмысливаются в контексте *психолого-педагогических наук*. При всей привычности этой интерпретации подобная точка зрения возникла только у И. Гербарта, рассматривавшего педагогику в качестве науки *между философией и психологией*.

Ведущим компонентом при этом являются *общие основы педагогики*, в состав которых входят тезисы *о развитии личности как главенствующей цели образования; диалектического единства и дополнительности процессов развития человека, образовательной системы и общества, в целом; необходимости комплексного подхода к решению образовательных проблем*. Одной из проблем содержательной интерпретации этих тезисов является дистанцированность отечественной (в первую очередь советской) образовательной традиции от интеллектуальных течений, которые могли рассматриваться с идеологической точки зрения как «идеалистические», в том числе: философии культуры (В. Дильтей), неокантианства (Э. Кассирер), феноменологии (Э. Гуссерль и М. Хайдеггер). В результате концепты *символических форм, жизненного мира, бытия-в-мире*, заимствуемые в целях гуманитаризации российского образования, нередко лишены содержательного наполнения, противоречат гораздо более привычным формулам отечественной философии о *диалектическом мышлении, восхождении от абстрактного к конкретному и др.*

Следующий компонент психолого-педагогических представлений об образовании определяется двумя взаимодополняющими версиями классической философии — Г. Лейбница и Г. Гегеля. Наследие Г. Лейбница (в интерпретации Хр. Вольфа) проявляется в попытке построения единой многоуровневой классификации психолого-педагогических категорий, разделов, научных специальностей и дисциплин, находящихся в универсальном иерархическом отношении; при этом сама педагогическая действительность осмысливается в контексте гегелевской «науки логики», определяющей образование как процесс восхождения человека к своей родовой сущности.

Основным недостатком этой схемы является ее предельная абстрактность и формализм.

В последние годы критика методологической бесосновательности психолого-педагогических исследований, формализма результатов и выводов стала популярной в академической среде (В.В. Краевский, Д.И. Фельдштейн, В.И. Загвязинский и др.). При этом не вполне осознана внутренняя противоречивость установок, с одной стороны, на преодоление формальности и монологизма классической педагогической традиции и, с другой стороны, на сохранение ценностно-смыслового единства педагогики, понимания образования как «восхождения к культуре».

Следующий блок психолого-педагогических представлений опирается на концепцию и методологию деятельностного подхода, включающего идеи *рациональности и целенаправленности человеческого поведения; взаимосвязи и взаимобусловленности сознания и предметной активности; деятельности и общения; возможности неограниченной рационализации деятельности в системе управления*. Одновременно предполагается, что успешный *опыт* любой деятельности может быть трансформирован в *технологии*, т.е. приведен к идеальной форме, позволяющей добиваться запланированного результата в любом случае.

Отметим, что фундаментальная роль деятельностного подхода в психолого-педагогических науках на протяжении всей второй половины XX в. диктовалась прежде всего совокупностью политико-идеологических факторов. В первую очередь обеспечивалась преемственность советской гуманитаристики с марксизмом и центральным антропологическим тезисом Ф. Энгельса: *«труд создал человека»*. Одновременно деятельностный подход позволял абстрагироваться от ценностных аспектов человеческой практики, концентрируясь исключительно на внутриспсихологических проблемах мотивации, целеполагания и целеследования. Наконец, деятельностный подход позволял игнорировать социально-политические проблемы, интерпретируя их как не-антагонистические противоречия в деятельности. Естественно, что большинство актуальных проблем современной школы (в том числе коррупция и криминализация образовательной среды, социальная и культурная депривация и др.) не могут быть адекватно поставлены и разрешены в контексте деятельностного подхода.

Заключительный блок представлений об образовании представляет собой попытку «психологизации» и «индивидуализации» образования сквозь призму *личности*. С одной стороны, это означает психологическую интерпретацию образовательного процесса как изменений в мышлении, поведении и сознании, происходящих под действием внешних факторов (цели, содержание, формы и методы, образовательная среда). На другом полюсе происходит индивидуализация и психологизация педагогического труда, успешность которого соотносится уже не с анонимными педагогическими технологиями, но с ценностными ориентациями личности, уровнем ее культурного развития, педагогическим опытом и др.

В дальнейшем мы попытаемся осмыслить базовые концепты современной системы образовательных стандартов высшего образования (взяв в качестве примера ФГОС ВПО по направлению 050100 – Педагогическое образование, утвержденных Приказом МОН РФ от 14 января 2010 г., № 35 «Об утверждении и введении в действие ФГОС»). Для этого обратимся к феноменологическому анализу используемых во ФГОС понятий, с тем, чтобы определить различия между традиционными смыслами образования и конструктами, задающими «поле актуального будущего» образования.

Как известно, наиболее существенные проблемы интерпретации возникают в четвертой части стандарта, где содержатся *«характеристики профессиональной деятельности»*. Наиболее фундаментальной категорией, устанавливаемой стандартом, является *«область профессиональной деятельности бакалавров (магистров)»*, среди которых выделяются образование, социальная сфера и культура. Несмотря на то что во ФГОС именно «область» вводится как базовое понятие, в математической топологии оно является произвольным от более общей категории пространства, а именно: областью называется *открытое связное подмножество топологического пространства*. Попробуем придать каждому из атрибутов определенный смысл [16].

Атрибут *открытости* образовательного пространства может быть интерпретирован следующим образом: в окрестности каждого элемента пространства находится хотя бы один элемент, также принадлежащий этому пространству. Характеристика *связности* предполагает, что исследуемое пространство (область) невозможно представить в виде суммы двух (или большего количества) отделенных частей. Иначе говоря, два

этих свойства в совокупности определяют системный характер каждого элемента: смысл и содержание могут быть поняты только в связи с другими элементами. Таким образом, любая область профессиональной практики может быть представлена совокупностью *полей исследования* (научных, образовательных, коммуникативных), каждое из которых представляет собой совокупность элементов.

Другим, не менее важным понятием, использованным во ФГОС, являются *«объекты профессиональной деятельности»*, в числе которых указываются *обучение, воспитание, развитие, просвещение, образовательные системы*. Очевидно, что понятие *объекта деятельности* относится, в первую очередь, к философии и соотносится с понятием *субъекта деятельности*; а в процессе анализа соотношений субъекта и объекта формируются различные *онтологические картины*. Классические представления противопоставляют субъекта и объект познания как активное и пассивное начала, при этом объект представляется реальностью «вне нас», отчужденной от человека и вызывающей сугубо познавательный и преобразовательный интерес. Напротив, с субъектом связана вся полнота человеческого бытия — будь то в форме индивидуума (личности), социальной или профессиональной группы или человеческого общества.

Феноменология в лице Э. Гуссерля [7, 8] намечает принципиально иную перспективу рассмотрения соотношений между субъектом и объектом и в конечном счете построения онтологии образования. Суть этой альтернативы в том, что ни субъект, ни объект изначально не даны, но заданы в пространстве *«жизненного мира»*, интегрирующего как субъективные, так и объективные компоненты. В контексте жизненного мира разные регионы и формы бытия обращены друг к другу смысловыми отношениями — интенциями, которые могут быть объективированы (т.е. систематизированы как вещная предметность) либо субъективированы (осмыслены как личностное основание самой активности). Таким образом, и объект, и субъект оказываются производными от более фундаментальной реальности — интенциональности пребывания человека в мире.

Это позволяет говорить о фактически бесконечном и непрерывном множестве онтологических представлений, различающихся степенью автономности и активности различных компонентов бытия. Наиболее яркими (хотя и не единст-

венными) представляются следующие модели онтологических картин:

- объективистского типа (отвлекающиеся от особенностей познающего разума и представляющие мир исходя из единой и универсальной сущности; таковы материализм и объективный идеализм);
- субъективистского типа (представляющие реальность порождением индивидуального человеческого сознания и воли — таковы «философия жизни», субъективный идеализм и др.);
- субъект-объектные, представляющие мир результатом сложного переплетения субъективных и объективных компонентов (таковы эмпиризм и прагматизм) [13, 14].

В связи с этим, соотношение между субъектными и объектными компонентами в онтологической картине оказывается основанием, позволяющим систематически представить историю философии [15]. Применительно к образовательным онтологиям выбор между объективистскими, субъективистскими и субъект-объектными онтологиями в значительной степени определяется ценностными и целевыми приоритетами. В контексте объективистской онтологии основное внимание уделяется сообщению обучающимся полных и достоверных знаний о мире, обеспечению последовательности и систематичности процесса обучения. В контексте субъективистских онтологий большее внимание уделяется развитию индивидуальных способностей (в особенности творческих), стимулированию аутентичности каждого ребенка. Наконец, субъект-объектные онтологии концентрируются на формировании практико-ориентированных видов деятельности и в этом отношении компетентностный подход представляет собой одну из наиболее современных субъект-объектных онтологий образования. При этом «серединный» характер этой онтологии требует особой четкости в определении как объектных, так и субъектных компонентов, равно как и уточнения соотношений между ними.

Следующий класс проблем возникает в связи с ключевой для всего комплекса психолого-педагогических представлений идеей деятельностного подхода. Во ФГОС обозначены виды деятельности, к которым должен быть готов выпускник, среди которых *педагогическая, культурно-просветительская и научно-исследовательская (уровень бакалавриата), дополняющиеся в магистратуре методическим, проектным и управленческим видами*.

В этой связи следует более внимательно отнестись к категории деятельности. Традиционно в понятие деятельности входит представление о процессуальности этого феномена, активности взаимодействия субъекта и объекта, а также — о целенаправленности деятельности (т.е. наличия у субъекта базового интереса, на удовлетворение которого и направлена деятельность). Внутри деятельности, как правило, выделяется несколько этапов, в том числе: мотивации (вовлечение в деятельность), целеполагания (формирование опережающего образа результата), проектирования (формирование последовательности действий по достижению результата), оперативный этап (осуществление деятельности), рефлексивный этап (этап оценки и соотнесения полученных результатов с предполагаемым образом).

Естественно, что при проецировании общей схемы на отдельные области деятельности подход начинает трансформироваться [6]. В частности, исходным этапом педагогической деятельности является *диагностика*, в ходе которой выявляются возможности и потребности учащихся. Далее следует *проектный и организаторский этапы*, в рамках которых определяются цели и осуществляется взаимодействие с обучающимися. Внутри них выделяются *информационные и коммуникативные задачи*, первые из которых предполагают передачу знаний, а вторые — обмен знаниями, чувствами, представлениями с целью достижения оптимального результата образовательного процесса. Наконец, завершающий этап каждого цикла педагогической деятельности выражается в *профессионально-личностной рефлексии*, развитии и росте.

К сожалению, моделируемая в деятельностном подходе гуманитарная ситуация оказывается не вполне реалистичной для современного мира. Во-первых, базовые для деятельностного подхода представления о *последовательности этапов* деятельности разбиваются о высокую степень неопределенности и стохастичности современного образования, в нем отмечается преобладание ситуативных взаимодействий над регулярными процессами. Другая проблема заключается в том, что в сложноорганизованном обществе одновременно присутствуют разные ценностные системы, следствием чего становится *невозможность четкой дифференциации субъекта и объекта деятельности*; субъектные и объектные свойства оказываются глубоко переплетенными. Наконец, деятельностный подход не позволяет осмыслить динамические отношения между ценностными и

целевыми основаниями, источниками и формами целеполагания, эффектами бессознательного воздействия и взаимодействия (внушение, непроизвольное внимание, катарсис и др.). Таким образом, ключевой проблемой стандартизации оказывается включение новых онтологических представлений об образовании.

Следующий круг проблем тесно связан с осмыслением основных типов результатов образования. Наиболее интересным и противоречивым в этом отношении представляется феномен «владения». Действительно, этот концепт используется в текстах ФГОС трояким образом.

Во-первых, систематическое описание и определение формируемых компетенций предвзвешивается тезисом: «Выпускник должен *обладать* следующими компетенциями», т.е. фундаментальный модус отношения субъекта образования к результатам образовательного процесса определяется как «обладание» или «владение». Соответственно понимание смысла этого отношения невозможно вне контекста европейской политико-идеологической и правовой традиций толкования собственности, имущества и механизмов регулирования возникающих в этой сфере правоотношений.

Как известно, еще со времен римского права [9, с. 224–272] владение означало правомочие, представляющее единство трех отношений: *фактического обладания, пользования и права наследования*. Очевидно, что адекватное понимание смысла этой категории применительно к идеальным сущностям (к каковым, несомненно, относится *компетенция*) требует дополнительной интерпретации. На наш взгляд, фактическое обладание имеет в этом случае смысл *рефлексивного отношения*, т.е. идеальный объект опознается в качестве наличной собственности, его обладатель может оценить свой уровень владения соответствующим объектом (уровень компетенции), кроме того, субъект вполне осознает внешние нормы и правила применения соответствующих моделей поведения и деятельности. *Пользование* означает, что субъект не только способен проявлять соответствующую компетенцию, но систематически реализует ее для достижения профессионально значимых целей. *Право наследования* имеет смысл принадлежности субъекта некоторой культурной и профессиональной традиции, в отношении к которой каждый субъект одновременно принимает, совершенствует и передает некоторый объект от предшествующих поколений к последующим.

Сказанное означает, что использование категории «владения» качественно меняет наш взгляд на смысл образования и его институты. Прежде всего ключом к компетентностному подходу оказывается *практическая способность*, возникающая как в стенах образовательного учреждения, так и в среде профессиональной деятельности или коммуникации. Более значимым в этом отношении является *не знание, но опыт*, возникающий как следствие участия во множестве профессионально значимых ситуаций. При этом возникший опыт должен быть объективирован и осмыслен, т.е. поняты его основания, истоки, возможности развития и продолжения, а также — неизбежные ограничения. Кроме того, индивидуальный опыт должен быть встроен в некоторую профессиональную и культурную традицию.

Другой аспект *владения* представлен в качестве *одного из типов компетенций* (наряду с «осознанием», «готовностью», «способностью»). Так, в ФГОС говорится об общекультурных компетенциях ОК-1 («владение культурой мышления»), ОК-10 («владение одним из иностранных языков в объеме, позволяющем получать и оценивать информацию из иноязычных источников»); общепрофессиональных компетенциях ОПК-3 («владение основами речевой профессиональной культуры») и ОПК-5 («владение одним из иностранных языков на уровне профессионального общения»). Во всех приведенных выше формулировках владение уже воплощает не столько юридическую, сколько — психологическую реальность использования языковых и культурных ресурсов как *средств достижения* индивидуально и профессионально значимого результата.

В целом владение означает распоряжение некоторой совокупностью средств (лексических, грамматических, коммуникативных), каждое из которых обладает определенным функционалом. В практическом смысле *овладение* некоторым видом деятельности или материалом предполагает выстраивание образовательного процесса вокруг небольшого количества специально организованных «empowerment strategies» [19]. Следует отметить, что понятие *empowerment* еще не вполне адаптировано в отечественной образовательной традиции. В частности, приведенный в «Википедии» перевод как *повышение компетентности* не охватывает таких оттенков смысла, как «усиление», «приобретение полномочий», «эмансипация» и др.

В-третьих, *владение* (наряду со знаниями и умениями) — это один из трех проектируемых результатов освоения ООП. При этом объектами владения являются *способы организации деятельности, методы обработки информации, технологии приобретения знаний, навыки рефлексии, самооценки и самоконтроля и пр.*, т.е. владение оказывается синонимом навыковой составляющей результатов обучения. Соответственно, создание условий для овладения изученным материалом должно поощрять обучающихся к выполнению заданий во все возрастающем темпе, с использованием различных средств, при постоянной смене деятельностных позиций.

Помимо *владения* как многоуровневой и многоаспектной категории весьма существенную (хотя до сих пор не вполне осознанную) роль в категориальном аппарате компетентностного подхода, реализуемого во ФГОС, играют понятия «осознание», «способность» и «готовность».

Феномен *осознания* относится к числу глубоких философских явлений, включающих элементы эзотерического и даже мистического опыта. То, что является предметом осознания, предстает перед человеком в своем сущностном основании, подлинности, при этом субъект и предмет сознания отождествляются, внешнее и внутреннее предстают в неразрывном единстве. В религиозных практиках это состояние характеризуется как «просветление», «очищение», психологи склонны атрибутировать его как *трансперсональный или трансцендентальный опыт*. В этой связи формальные знания никоим образом не являются исчерпывающим основанием для осознания. Огромную роль в осознании играет специфика ситуации, индивидуальный опыт, духовный статус и состояние индивидуума, т.е. практически не объективируемые сущности и эффекты. Соответственно и технология осознания должна включать не только рациональные модели приобретения знания и опыта, но, вполне возможно, элементы психотренингов (в первую очередь гештальт-терапии, психоанализа и психосинтеза), а также — элементы «глубинного диалога». Следует признать, что до последнего времени арсенал этих средств оставался за пределами педагогической науки, находясь в распоряжении психологии и психотерапии; отсюда же следует перспективная проблема — переосмысление и реконструкция этих методов в культурно-образовательном контексте.

Наряду с формированием способности к осознанию некоторых явлений и ценностей гла-

венствующую роль в достижении профессионализма играют компетенции-способности. Следует отметить, что понятие «способности» многогранно и может проявляться и в интеллектуальных видах деятельности (способности к обобщению, анализу, восприятию информации), и в речевой деятельности (способность аргументированно строить устную и письменную речь), и в организационно-управленческой практике (способность к реализации программ, организации взаимодействия, развитию потенциала, формированию базы знаний для решения задач).

Ключевой образовательной проблемой является *развитие способностей*: в отличие от знаний и представлений, которые могут и отсутствовать (например, подавляющее большинство первоклассников не имеют никаких представлений о высшей математике), способности не могут отсутствовать вообще. Развитие способностей носит процессуальный характер и происходит под действием нескольких взаимосвязанных факторов, среди которых *систематичность и концентрация усилий, чередование видов деятельности, мотивация, вариативность и пр.* [17]. Иными словами, способности не только проявляются в деятельности, но и возникают и формируются в ней, являясь индивидуально-личностным коррелятом успешности. Таким образом, основным инструментом развития компетенций-способностей будет создание *ситуаций управляемой и самостоятельной деятельности*.

Готовность в качестве формируемой компетенции представляет, на первый взгляд, прямой синоним *способности*: наличие способности к деятельности, кажется, должно означать готовность к ее выполнению, с другой стороны, готовность невозможна без необходимого запаса знаний и в конечном счете способностей. В то же время перечень основных объектов, к которым должна возникнуть *готовность* (взаимодействие в коллективе, использование методов получения, хранения и переработки информации, работе с текстами), предполагает, что *готовность есть качественно отличный от способности феномен*.

В первую очередь готовность характеризует определенная установка, связанная с мобилизацией усилий и наличием образа предстоящей деятельности, осознанным желанием добиться результата, несмотря на неизбежные трудности. Вообще понятие *готовности/неготовности к школе* актуализировалось только в 80–90-е гг. XX в., в связи с широким распространением систем развивающего обучения (в первую очередь,

Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова) и переходом к обучению с 6 лет. Именно тогда выяснилось, что многие дети, имевшие при поступлении в школу достаточно высокий уровень интеллектуального развития и предметно-практических навыков, оказывались не вполне успешными в классе. Парадоксальным было и то, что чем раньше родители приступали к подготовке ребенка к школе, тем с большими сложностями происходила его адаптация и тем выше оказывался риск неготовности.

В результате, пришло понимание, что готовность (в данном случае к обучению в школе, но в более широком смысле к любой новой жизненной ситуации) крайне опосредованно связана с развитием отдельных психических функций и способностей. Более значимыми показателями готовности оказывались *личностная позиция, принятие существующих правил и норм поведения, эмоциональное «перерастание» видов деятельности, характерных для предыдущего этапа образования, умение дифференцировать существенные и несущественные факторы в каждой ситуации и др.*

Очевидно, что содержание понятия «готовность» существенным образом меняется в зависимости от возраста и вида деятельности. Как утверждают современные исследователи [10, 11, 18], компонентами готовности к профессиональному самосовершенствованию являются:

- 1) ценностно-ориентационный — положительное отношение к будущей профессиональной деятельности, потребность совершенствоваться в ней;
- 2) эмоционально-волевой — способность добиваться положительных результатов в профессии; профессионально значимые особенности восприятия, внимания, мышления, эмоциональных и волевых процессов;
- 3) когнитивный — теоретические и эмпирические знания в области профессиональной деятельности, а также знания о себе как субъекте профессиональной деятельности;
- 4) операционно-поведенческий — владение способами профессиональной деятельности, специальными умениями и навыками;
- 5) рефлексивный — способность проанализировать ход и результаты собственной профессиональной деятельности, видеть целостность линии профессионального развития.

Таким образом, **готовность к профессиональному самосовершенствованию** (равно как и к любой другой вид *готовности*) оказывается сложным интегративным образованием, включающем не только способности, но и личностные

особенности, проявляющиеся в потребности и умении организовывать профессиональное саморазвитие. Следует помнить и о том, что готовность возникает как результат интеграции множества способностей и предполагает как активное участие в формируемой деятельности, так и содержательную рефлексию выполненных действий и достигнутых результатов. Наконец, в процессе формирования готовности происходят самоорганизация и саморазвитие личности, складывается адекватная самооценка и определяется уровень притязаний, осмысливается жизненная и профессиональная карьера.

В заключение скажем несколько слов о необходимости переопределения отношений между тремя наиболее традиционными категориями педагогических целей, используемыми в текстах ФГОС: требованиями к знаниям, умениям и уровню владения.

Как известно, объектами знания являются **теории и технологии, основы деятельности, основные закономерности, тенденции развития, механизмы, категории и проблемы и т.д.** В общем смысле объектом знания выступает онтология профессионального мира. Умения проявляются в форме использования **различных форм и методов мышления, речи, общения, проектирования, управления, применения знаний для решения профессиональных задач**, т.е. объемлющим представлением для умений выступает сама профессиональная деятельность. Наконец, владение проявляется в ситуациях **обработки новой информации, приобретения знаний, самооценки, рефлексии и коммуникации**, т.е. в тех ситуациях, где отсутствуют жесткие алгоритмы и ожидаемые результаты, но востребованы творчество и самоопределение.

В итоге мы приходим к некоторой целостной системе представлений о результатах образования, возникших в традиционной («классической») онтологии образования, в центре которой — система традиционных интерпретаций феномена образования (знания), которую поддерживает совокупность видов деятельности (умения), а на периферии существует подвижное поле социально-образовательных контекстов и ситуаций, востребующих индивидуальное творчество и самоопределение (опыт).

Напротив, инновационная онтология образования задается полностью и исключительно нынешней реальностью и связанными с ней проблемами. В этом отношении ключом становится **осознание**, предполагающее конструирование об-

раза реальности «здесь и сейчас», на основе которого принимаются решения (*готовность*) и достигаются ожидаемые результаты (*развитие способностей*). Таким образом, мы можем говорить о столь же различных, сколь и взаимно дополняющих онтологиях современного образования, реализующихся в ФГОС.

И, наконец, обозначим новую перспективу развития образовательной теории, находящуюся несколько в стороне от традиционных психолого-педагогических интерпретаций. Речь идет о заимствовании и содержательной интерпретации двух дополняющих друг друга категориальных систем: *философской онтологии*, находящейся в основе антропологических представлений, и *теоретико-множественного подхода*, из которого в свое время вышла вся современная математика (Ф. Клейн, «Эрлангенская программа»).

Отметим три основных направления, когда внедрение и взаимодействие этих представлений может оказаться эффективным.

Во-первых, следует осмыслить и дать содержательную интерпретацию заимствованиям современной теории и философии образования из математических наук, в первую очередь из топологии. К числу таких понятий относится *пространство (открытое и закрытое), область, образовательная траектория и др.* Существует ряд понятий (например, *узел, граф, расслоение, размерность*), которые еще не используются в теории образования, но имеют существенный потенциал для исследований образовательных проблем. Например, переход от традиционного линейного построения занятия, когда все обучающиеся заняты одной и той же деятельностью, к дифференциации, когда каждый обучающийся (или их группа) осуществляет индивидуализированный процесс обучения, может быть описан как *расслоение* образовательного пространства. Другой пример: мера сложности любого материала может быть количественно оценена как *связность* графов, моделирующих содержание соответствующего раздела или модуля.

Во-вторых, приоритетом философии и теории образования в контексте разработки и реализации ФГОС должна стать ревизия образовательных концептов в контексте философской традиции («онтологизация образования»). Этот процесс связан с действием множества факторов: на теоретическом уровне образование начинает рассматриваться как результат осмысления социально-экономических и культурных практик; на методологическом уровне приоритет отдается кри-

териям качества и эффективности, в то время как принципы научности, последовательности и доступности теряют свою значимость; на практическом уровне реализация ФГОС обусловлена включением в образовательную систему работодателей, экспертов, аналитиков, т.е. субъектов, обладающих существенно иными функциями и компетенциями. Все перечисленные факторы приводят к качественному изменению образовательной ситуации.

В-третьих, должна произойти смена парадигмы научного исследования в сфере образования. В частности, существующее разделение фундаментальных (целью которых является приращение знаний о психолого-педагогической реальности) и прикладных исследований (целью которых является совершенствование соответствующих практик) становится неадекватным: происходит интеграция этих типов познания в контексте масштабных культурно-образовательных проектов. Нуждается в существенном переосмыслении роль математического знания в теории образования (как известно, «наука начинается тогда, когда начинают измерять»). Словом, в сущностной реконструкции нуждается не только педагогическая практика, но и методологические основы наук об образовании, а цель предстоящих трансформаций — достижение качественно нового уровня общности и доказательности выводов, прозрачности исследовательских процедур, концептуальности создаваемых теорий.

Список литературы

1. Ахутин А.В. Смещение философского внимания. О философии // Русский журнал. <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Smeschenie-filosofskogo-vnimanija> (дата обращения: 21.01.13).
2. Бермус А.Г. Введение в гуманитарную методологию. М.: Канон + Реабилитация. 2007. 336 с.
3. Бермус А.Г. Модернизация образования: философия, политика, культура. М.: Канон + Реабилитация, 2008. 384 с.
4. Бермус А.Г. Гуманитарная методология в образовании: истоки, контексты, опыт // Педагогика. 2008. № 6. С. 15–22.
5. Богданова В.О., Борисов С.В. Способы проектирования и применения конструктивистского подхода в преподавании философии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. № 4. С. 41–46.
6. Гуляхин В.Н. Логико-философский анализ некоторых концептуальных проблем теории деятельности // Вестник Волгоградского государст-

- венного университета. Серия 7 : Философия. Социология и социальные технологии. 2003. Вып. 3. С. 23–28.
7. Гуссерль Э. Интенциональные предметы / предисл. и пер. Р. Громова // Философско-литературный журнал «Логос». 2001. № 5/6. С. 135–164.
8. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / пер. В.И. Молчанова // Философско-литературный журнал «Логос». 2002. № 1. С. 132–143.
9. Зайков А.В. Римское частное право в систематическом изложении. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. 480 с.
10. Коджастирова Г.М. Культура профессионального самообразования педагога. М.: Наука и жизнь, 2000. 246 с.
11. Осипова Т.П. Формирование готовности студентов к профессиональному самосовершенствованию // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2. Т. II: Психолого-педагогические науки. С. 150–153.
12. Педагогика и психология высшей школы: учеб. пособие / под ред. М.В. Булановой-Топорковой. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 544 с.
13. Розов Н.С. Полипарадигмальная онтология и ритуально-институциональная концепция бытования и исторического развития артефактов // Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира. М.: Дело, 2012. С. 90–112.
14. Розов Н.С. Онтология научного знания: можно ли пройти между Сциллой Платонизма и Харрибдой социологизма? // Вестник Новосибирского государственного университета. Философия и право. 2004. Т. 2, вып. 1. С. 5–17.
15. Соколов В.В. Субъект-объектная парадигма как стержень выявления единства историко-философского процесса // Философия и общество. 2009. № 3. С. 5–11.
16. Стинорд Н., Чинн У. Первые понятия топологии: Современная математика. Популярная серия. М.: Мир, 1967. 224 с.
17. Теплов Б.М. Способности и одаренность // Семенов Л.М. Хрестоматия по возрастной психологии: учеб. пособие для студентов / под ред. Д.И. Фельдштейна. 2-е изд., доп. М.: Ин-т практ. психологии, 1996. 304 с.
18. Янкина Н.В. Формирование готовности студента университета к интеркультурной коммуникации: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 120 с.
19. Thomas K.W., Velthouse B.A. Cognitive Elements of Empowerment: An 'Interpretive' Model of Intrinsic Task Motivation // Academy of Management Review. 1990. Vol. 15, № 4. P. 666–681.

ONTOLOGICAL PROBLEMS OF EDUCATION STATE STANDARDS REALISATION

Alexander G. Bermous

Southern Federal University; 105/42, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia

The article is devoted to studies of the higher education standards respective the changes in meaning of the basic educational categories and also the ontological transformation in educational sciences. Implicit ontologies of the educational sciences in the field of the higher education are considered and the fundamental problems' review is produced. Special attention is given to the problems and contradictions of the activity approach applications. Some ontology backgrounds for innovation educational practices and the development of the higher education standards are formulated.

Key words: higher education standard; ontology of education; educational sciences; activity approach.

УДК 130.30

К ПРОБЛЕМЕ СМЫСЛА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СМЕРТИ**Ю.В. Засядь-Волк**

Понятие смысла индивидуальной смерти сопряжено с понятием смысла жизни. Раскрыто значение конкретно-всеобщего компонента в смыслах жизни и смерти. Смысл смерти человеческого индивида носит исторический характер. Выдвигается гипотеза посмертного личностного существования в материалистической интерпретации.

Ключевые слова: человек; жизнь; смерть; конкретно-всеобщее; смысл жизни; смысл смерти.

Содержание понятия «смысл» включает три взаимосвязанные стороны: 1) осознанное отображение сущности осмысляемого предмета, 2) оценку последнего и 3) понимание функции, выполняемой данным предметом, и результата. Следует различать «смысл» как субъективный феномен и объективные основания смысла.

Обобщая субстратное содержание и активность предшествующих форм материи, человек занимает вершину пирамиды мирового устройства и представляет собой единственное в мире существо, самостоятельно творящее собственные сущность и смысл. Предназначением человека становится сознательное управление эволюцией материи, т.е. не только усложнение социального бытия, но и преобразование окружающей природной среды и совершенствование собственных природных оснований. В силу своих содержания и функций, человек обладает высшей ценностью в мире [26, 27].

В истории общественного сознания многотысячелетний поиск ответа на вопрос о смысле бытия человеческого привел в научной философии к выводу, что смысл жизни человека (индивида, общества, социальных цивилизаций, не обязательно земного типа) состоит в полноте гуманного бытия, нескончаемо поднимаемого к высшему. Жизненный смысл человека неисчерпаем и представляет собой противоречие конечного и бесконечного. Будучи управляющим звеном мировой системы, человек актуализирует гуманистический потенциал материи, придавая тем самым смысл ее бытию. Единичное и особенные виды содержания смысла немаловажны, однако определяющим является его всеобщее содержание [подробнее см.: 8; 14; 24; 25, с. 4–7; 26, вып. 1, с. 227–228].

Человек (социальная форма материи, общество, человеческий индивид) есть интегрально-социальное образование, в котором собственно социальный уровень (социум, личность) объединяет нижележащие уровни, соответствующие ступеням предшествующей эволюционной лестницы материи, и управляет их иерархией. Заданные биологической наследственностью органы чувств позволяют индивиду воспринимать лишь отдельные объективные предметы физико-химического качества, и к выводу о наличии «бесспорных» физического и химического, а затем «неочевидных» биологического и социального субстратов человек приходит путем умозаключения: физическая и химическая, а также биологическая и социальная формы движения и развития должны обеспечиваться субстратом соответствующей сложности [28, с. 11–12]. Материальный интегрально-социальный субстрат не сводится к природным.

Объективная диалектическая связь сущностей жизни и смерти субъективно отображается в виде исторически углубляемого соотношения смыслов жизни и смерти. Строго говоря, выражение «смысл жизни человека» неточно, поскольку жизнь как таковая присуща лишь социальной биологии, а собственно социальный уровень обладает социальным бытием. Соответственно и смерть человеческого индивида разделяется на несовпадающие формы ухода в небытие — социальную и биологическую.

Биологическая смерть — необходимый компонент биологической эволюции, поскольку является, во-первых, условием естественного отбора, т.е. имманентным механизмом биологической эволюции, и, во-вторых, ограничителем биологической экспансии в окружающую среду. В обще-

ственной истории вплоть до настоящего времени биологическая смерть «повторяет» свой биологический смысл и, кроме того, будучи включенной в интегрально-социальное качество человека, служит стихийным природным механизмом общественно-исторического развития.

Социальная смерть означает прекращение (или глубокое извращение) трудовой деятельности, фундаментальное искажение функционирования и развития сознания и обрыв утверждающих личность социальных связей. Социальное ничтожество, фактическое общественное и/или личностное небытие может наступить и при сохранении биологической жизни индивида. Социальная смерть — неизбежный момент социальной эволюции: смена поколений обязательна для развития культуры — материальной и духовной. Используя биологически заданные сенситивные периоды формирования психики и телесной организации, каждый индивид овладевает исторически определенным уровнем культуры в восходящей фазе возрастного развития. Различие в темпах смены ступеней биологического и социального развития вызывает преждевременную социальную смерть. Трагедия индивидуальной смерти сопровождается людей с момента возникновения человечества.

Проблема всеобщей и особенных сущностей смерти не решена до настоящего дня: «Несмотря на успехи науки в различных областях исследований, на достижения прогресса в последние столетия, все тайны, касающиеся смерти, тайнами и остаются» [35, с. 75]. Извечная эта загадка включает два необъясненные момента: неотвратимость смерти и неизвестность относительно того, что ждет индивида после окончания его биологической жизни. Факту неизбежности «ухода» противостояла давняя идея индивидуального бессмертия, которой постоянно сопутствовала (и до сих пор сопровождает) мысль о том, что «никто не знает истины о жизни после смерти. <...> не знают ни последователи основных мировых религий, ни ученые» [32, с. 9].

Как правило, идеализм и религия признают бессмертие сознания (души) личности [34]. Традиционный материализм, отстаивая необходимость материального субстрата психики, вынужден был, во-первых, прийти к выводу о прекращении духовной (идеальной) деятельности субъекта после разрушения физического (вещественного) тела, а во-вторых, отрицать наличие парапсихологических (ψ -) явлений, ибо объяснить их на основе нейрофизиологических структур и

функций мозга невозможно. Позиция материализма искони подвергалась и продолжает подвергаться суровой критике со стороны идеализма и религии прежде всего за «научные предрассудки» — чрезмерный скептицизм по отношению к ψ -явлениям, обусловленный исторически устоявшейся гносеологической парадигмой, удовлетворяющей двум основным требованиям: материалистического сенсуализма и общенаучного критерия повторяемости опытных фактов; критике продолжает подвергаться существенное обеднение нравственного смысла жизни у смертной личности.

Метафизические крайности в решении проблемы неотвратимости смерти предполагают либо признать ее (смерти) фатальную неизбежность, перед которой остается склонить голову, либо полностью отказаться от самой проблемы как таковой и ввести идею радикального преоборения смерти, иными словами — перспективу индивидуального бессмертия [2, 37].

На протяжении общественной истории человек последовательно овладевает собственными биологическими основаниями и сознательно и неуклонно продлевает свою биологическую жизнь, отодвигая смерть настолько это в человеческих силах. Хронологическая длительность биологической жизни индивида обусловлена историческими успехами медицины и валеологии и, как показывают философские и частнонаучные социально-биологические исследования, принципиально не имеет предела, т.е. видовых ограничений продолжительности биологической жизни индивида нет [23, 39]. Угрозе социальной смерти человек противопоставляет исторически полноценное социальное развитие в восходящей возрастной фазе субъекта. Длительность биологической и социальной жизни индивида в перспективе приближается ко времени существования текущей цивилизации. Абстрактной и предельной целью указанной исторической борьбы является победа над смертью, и неизбежно возникает соблазн оценить эту абстракцию как реально достижимую.

Необычным способом неограниченно продлить жизнь — требующим, как правило, особой подготовки — становится «духовное» (т.е. не привычно вещественное, а преимущественно полевое) бытие [18, с. 398–409], связанное с отказом от потребления пищи («солнцееды»). (Рациональное объяснение данного метода преодоления смерти следует освободить от мистических элементов.)

Своеобразным решением проблемы выступает идея продолжения жизни после телесной смерти. В 1850–1930-х гг., в период общественного увлечения спиритизмом — учением, сулившим общение с душами умерших с помощью посредника-медиума, — научное сообщество раскололось на две полярно-непримиримые группы, в каждую из которых входили всемирно известные ученые. Три наиболее авторитетные в мире комиссии — английского Логического общества (1869–1870), русская под руководством Д.И. Менделеева (1875–1876) и американская Сейбертовская (1884–1887) — дали в целом негативную оценку медиумическим явлениям, при этом первая «...комиссия пришла к выводу, что предмет заслуживает более серьезного внимания и более тщательного изучения, чем прежде» [40, с. 305], однако отчет комиссии встретил публицистическое неприятие [40, с. 304–334]. Дальнейшее научное изучение спиритических явлений прекратилось, что было связано со сформированным стойким предубеждением специалистов: факты объявлялись несуществующими, а попытки их объяснения — «мистикой». Научные исследования тех лет и не могли прийти к иным выводам, в силу применяемых исторически обусловленных частнонаучных методов, отсутствия специальной аппаратуры, соответствующих условий для экспериментов и укоренившейся общепринятой научной парадигмы. Что касается временных ученых комиссий XX в., то «...последняя самая авторитетная из них, созданная Национальным научно-исследовательским советом Национальной академии наук США спустя сто лет после Сейбертовской, в 1987 году предоставила отчет, в котором утверждалось, что “научного подтверждения существованию парапсихологических явлений в исследованиях, проводимых уже свыше 130 лет”, не найдено» [40, с. 333–334]. Таким образом, частные науки современного уровня развития и материализм текущей исторической формы не в состоянии дать объяснение фактам, с которыми человечество сталкивалось издавна.

Начиная с 70-х гг. прошлого века важнейшим направлением борьбы со смертью является наступление на индивидуальное небытие, для чего, прежде всего, используются терминальные состояния (переходные между жизнью и смертью), ранее расцениваемые как смерть и относимые к небытию, однако на деле их следует отнести к особому уровню бытия. Околосмертный опыт (как обычный [6, 7], так и разделенный [21]) известен людям с древнейших времен и аналогичен

у всех мировых культур [21, с. 214]. На предсмертных переживаниях (ПСП) не сказываются расовые, географические, этнографические, возрастные, половые, культурные особенности индивидов [19, с. 76–77, 216–218].

История общественного сознания связана с мечтой о возвращении личности после ее смерти к какой-либо форме жизни [5]. Идея реинкарнации пытается устранить обесмысливание индивидуальной жизни смертью, понимаемой как полное небытие [17, 38]. Своеобразный вариант этого учения представлен концепцией А.В. Мартынова о спиралевидном характере перевоплощений, направленных к поселению души в «тонком» мире [20, с. 299–316]. В настоящее время специалисты Вооруженных сил РФ эмпирическим способом подтвердили факт реальности предыдущих жизней, однако, скорее всего, можно говорить о неких «вставках» прошлого в наличную жизнь [31, с. 290–291, 345] или о промежуточных периодах между различными воплощениями. Попытками преодолеть неизбежность смерти являются крионика [35, с. 86–98] и сохранение индивида в состоянии анабиоза (самадхи, шаматхи) [5, с. 127–161].

Относительно того, что ожидает психику человека после смерти, допустимо предположить возможность двух материалистических вариантов: 1) полная дисфункция сознания, поскольку от индивида остается лишь разлагающийся труп, 2) сохранение (длительное или кратковременное) бытия сознания в какой-либо особой форме, связанной с соответствующим субстратом (еще не открытым).

Голографическая трактовка сознания [29, 36] признает волновую природу деятельности субстрата сознания и в материалистической интерпретации позволяет продвинуться в объяснении необычных явлений сознания. В перспективе мыслятся попытки обнаружить и использовать гипотетические голографические посмертные копии личности. Самым совершенным «прибором», способным обнаружить необычные явления действительности, оказывается человек. Индивиды с развитыми парапсихологическими способностями заявляют о возможности посмертных контактов [33, с. 241–330, 346], однако академическая наука не приемлет подобных данных в силу неповторимости экспериментов. В то же время экстрасенсы предупреждают о ненаблюдаемости эффекта в присутствии недоброжелательных свидетелей [40, с. 88–89, 197]. Последнее обстоятельство указывает на субъективный компонент эксперимента, в связи с чем возникает гносеологиче-

ская проблема материалистической трактовки результатов опыта. Достоверная трактовка объективной сущности подобных явлений особенно усложняется, так как при ПСП зрительные впечатления возникают даже у людей с врожденной слепотой [19, с. 72–73, 125–137].

В настоящее время проверенных частнонаучных данных все же недостаточно, чтобы сделать неопровержимое заключение о посмертном существовании личности. Однако допустимо оценить реальность некоторых гипотез в терминах всеобщего. Императивный — по отношению к теоретическим конструкциям — характер эмпирического материала заставляет согласиться с абстрактной теоретической возможностью сохранения некой разновидности сознания, продолжающей существовать на базе невещественной части социального субстрата после смерти вещественного тела индивида [6, 7, 21, 22]. Продолжительность существования виртуальных форм личности остается неустановленной; по-видимому, она меняется при переходе от одной такой формы к другой. Нельзя исключить перспективу — при наличии соответствующего инструментария, который надо будет создать, — повторного воплощения ранее жившей личности или ее фрагментов в какой-либо не известной нам сейчас форме. Фантастическая мечта Н.Ф. Федорова начинает обретать возможность осуществления, пока еще предельно абстрактную. Реставрация умерших индивидов будет связана, по-видимому, с громадными затратами энергии, подобными объемами которой человечество в настоящее время не владеет [4, с. 10 и др.]. Вероятное научное открытие субфизической формы материи сулит перспективу подобным ожиданиям.

Введение в сферу науки (философской и частных) вышеуказанного эмпирического и теоретического материала, включая экспериментальное подтверждение гипотезы сохранения голографической копии личности после разрушения вещественной части интегрально-социального субстрата индивида, обусловит переход к новой, более высокой исторической форме научного материализма, в которой потребуются обогатить значения понятий объективной и субъективной реальностей, т.е. придать большую определенность конкретно-всеобщему содержанию этих понятий и усложнить трактовку их взаимосвязи.

В соответствии с глубокой догадкой Г. Гегеля Всеобщее может быть выражено с различной степенью полноты абстрактно- и конкретно-всеобщими понятиями [3, с. 112].

Воспроизведенное в субъективных понятиях объективное конкретно-всеобщее (КВО), помимо абстрактно-всеобщего (АВО), содержит одновременно моменты особенного и единичного, соотношение же конкретно-всеобщего, особенно (ОС) и единичного (Е) диалектично: так, «...единичность, поднятая во Всеобщее, получает способности всеобщего, а Всеобщность, спустившаяся к единичному, получает черты единичного» [16, с. 145]. Признак принадлежности к одному и тому же целому (Ц) присущ каждой части (Ч) данного целого и, следовательно, является *общим*. Частичность, взятая как момент общего (О), в то же время диалектически неразрывна со своими признаками Е и ОС и, следовательно, синтезирует отношения О–ОС–Е и Ц–Ч, а применительно к масштабу мира, где функционирует Всеобщее (ВО), синтезирует ВО–ОС–Е и Ц–Ч. Охватывая признак целостности, конкретно-всеобщее выступает одновременно и как всеобщее, и как целое. Конкретная всеобщность включает моменты особенности и единичности абстрактно-всеобщих свойств единства и специфичности происхождения всех предметов объективного мира из одной и той же материальной субстанции (СБ), а также моменты конкретно-исторических особенности и единичности аспекта ухода в небытие (НБ) [подробнее об этом см.: 1, с. 24; 8, с. 87–92; 15, с. 272–276, 279–281]

$$КВО = f(АВО, \sum ОС', Е', Ц', Ч', СБ', НБ'),$$

где штрихами отмечены моменты соответствующих видов содержания, включенные в КВО. (В истории философии абстрактно-всеобщее философское знание, в силу своего характера стремящееся к абстрактному объективно-истинному пределу, сменяется знанием конкретно-всеобщим, обладающим в принципе бесконечной глубиной.)

Смысл смерти зависит от понимания структуры материи и ее атрибута — развития. Парадокс развития разрешается путем введения в состав материи актуального и потенциального уровней и способности к самоусложнению, т.е. тенденции движения от низшего к высшему [27, с. 256–257]. Если предположить, что до своего появления в высшем на актуальном (действительном) уровне добавочное содержание высшего присутствует в низшем потенциально в тождественном своему актуальному состоянию объеме и в готовом виде, то суммарное содержание высшего и низшего остается неизменным, и, следовательно, развития в точном значении термина, т.е. *возникновения* но-

вой сложности, не происходит, а имеет место лишь простое передвижение законченного и ранее глубинно скрытого потенциального содержания на проявляемое актуальное «обозрение» (что в данном варианте и получает название развития). В случае этого исходного предположения материя понималась бы метафизически застывшей, «закаменевшей». Отличие подобной трактовки материи от спинозовской состоит лишь во введении актуального и потенциального уровней, а подлинное возникновение нового содержания, реальное творчество материи в этой трактовке отсутствует. Однако если считать добавку сложности, входящей в состав потенциального уровня, *возникающей*, то придется ввести добавочный потенциальный уровень в структуру самого потенциального, иначе сказать — потенциальное в потенциальном. Применительно же ко всей аккумулятивной структуре целостного высшего и всем ступеням «лестницы развития» — аналогично и непрерывно. Логично полагать, что подобно иерархически устроенному актуальному, где уровни образуют нечто вроде уходящей в бесконечную глубь собственной «упаковки», потенциальный уровень имеет аналогичную структуру, но с иной иерархией уровней. Материя окажется представленной двумя содержательными бесконечностями — актуальной и потенциальной.

В этом, последнем, варианте смерть как переход в потенциальное, в небытие, выступает в виде сложнейшего сущностного феномена, смысл которого уходит в бесконечность. Два направления смертоборческих усилий человека — продление актуальной (действительной) интегрально-социальной жизни и атака на мнимое небытие (субъективно не отображаемое, но объективно существующее бытие) — будут сопровождаться систематической, неизменной победой над каждой исторически наличной формой смерти и неустранимой встречей с исторически новой, более глубокой формой (уровнем) смерти. Развитие невозможно без отказа от устаревшего содержания уходящей ступени. Но статус устаревшего будет распространяться преимущественно на особенное и единичное содержание, абстрактно-всеобщее при этом останется практически неизменным, конкретно же всеобщее будет исторически интенсивно углубляться. Поэтому, в силу диалектики индивидуального и общественного, смерть индивида не оказывается «чисто» индивидуальной и «полностью законченной».

Различие биологической и социальной смерти позволяет подойти к разрешению нравственного

парадокса смерти, сформулированного русской философией: смерть есть, но ее не должно быть (В.Д. Кудрявцев-Платонов) [30, с. 114–116]. Биологическая смерть неизбежна, неотвратима, ибо биологический способ бытия не имеет самостоятельных средств ее преодоления, человек же, сознательно управляя социальной биологией, в принципе неограниченно продляет свою биологическую жизнь, чем обуславливает безостановочное социальное развитие, социальное бессмертие.

Ребенок и здоровый взрослый молодого или зрелого возраста далеко не случайно неосознанно ощущают себя бессмертными, несмотря на то что разумом понимают неотвратимую конечность своей жизни. Такое ощущение помогает нестесненности исторических и возрастных дерзаний личности. В факте ощущения бессмертия сказывается действие абстрактно-всеобщей родовой сущности человека, принципиально не имеющей конкретных («роковых») ограничений продолжительности своего бытия. Абстрактная необходимость ухода в небытие сохраняется в силу неумолимой смены ступеней развития в закономерном мировом процессе. Конкретно-всеобщий характер человеческой сущности связывает смерть с исторической ограниченностью объема знаний и с конкретно-исторической практической неспособностью человека продлить жизнь.

Осознание «справедливости» персональной смерти также носит исторический характер, ибо в связи с исторической пролонгацией индивидуальной жизни будет меняться понимание сущности смерти индивида и ее необходимости. В обозримой перспективе открывается абстрактная гипотетическая возможность *сознательной смерти* в форме преднамеренной трансформации биологических оснований личности в условиях, когда сформированные в определенную цивилизационную эпоху нейродинамические мозговые структуры перестают отвечать возросшим социальным требованиям.

Помимо трех известных форм социального и биологического бессмертия — в делах, потомстве и памяти живущих — подлинное, буквальное бессмертие индивид сможет обрести, если человечество научится встраивать исторически сформированную личность в исторически новую личностную структуру, для чего потребуются перестройка биологических оснований исторически отживающих индивидов. В данном случае прежняя личность перестанет, строго говоря, существовать и, следовательно, будет испытывать соци-

альную смерть, — однако неполную, ибо старая личность сохранится в «снятом» виде. При этом необходимо успевать «добираться» до все более глубоких природных оснований личности прежде, чем будут исчерпаны возможности исторически достигнутых, современных умений. В противном случае имеющиеся способности личности не будут соответствовать исторически новым потребностям личностного развития. Здесь вступит в силу закон рекурсивного развития, состоящий в развитии высшего на базе преобразований низшего с последовательно возрастающей глубиной сознательного воздействия собственно высшего на иерархию низших уровней [8, с. 48].

В понятиях всеобщего итоговая неизбежность смерти детерминирована неразрывной связью бытия и небытия, и в то же время бесконечное историческое развертывание жизненного смысла объясняет историческую неисчерпаемость смысла смерти. Оба этих смысла по-новому раскрывают свою глубину на каждой последующей восходящей ступени развития человеческой сущности — общественной и индивидуальной. Реальное решение проблемы заключается не в стремлении достигнуть буквального бессмертия личности, а предполагает последовательность *исторически меняющихся способов преодоления смерти* [9, 10, 11, 12, 13]. Подобно абсолютной истине индивидуальное бессмертие выступает в виде предела, предполагающего бесконечное и разнообразное движение к нему.

Проблема смысла смерти не имеет в настоящее время и в принципе не может иметь «окончательного» решения. Неисчерпаемая иерархически организованная сущность природы и бесконечный потенциал человека обуславливают неограниченное историческое развитие смысла жизни и сопряженного с ним исторически меняющегося смысла смерти.

Список литературы

1. Барг О.А. Живое в едином мировом процессе. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. 227 с.
2. Вишев И.В. На пути к практическому бессмертию. М.: МЗ-Пресс, 2002. 324 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970. 502 с.
4. Дяттерев Н.Д. Потусторонний мир: миф или реальность? СПб.: Невский проспект, 2003. 160 с.
5. Ершова Г.Г. В поисках бессмертия. От египетской Книги Мертвых до феномена ламы Итигэлова. М.: Эксмо, 2009. 448 с.
6. Жизнь после смерти: сб. ст. / под. ред. П.С. Гуревича. М.: Сов. писатель, 1990. 320 с.

7. Жизнь земная и последующая / сост. П.С. Гуревич, С.Я. Левит. М.: Политиздат, 1991. 415 с.
8. Засядь-Волк Ю.В. Возможно ли научное решение проблемы смысла жизни? // Вестник Томского государственного университета. Философия, социология, политология. 2010. № 337. С. 43–50.
9. Засядь-Волк Ю.В. К проблеме смысла жизни и смерти // Новые идеи в философии. Вып. 14: Актуальные проблемы научной философии: межвуз. сб. науч. трудов (по материалам Междунар. науч. конф. Пермь, 14–16 апр. 2005 г.): в 2 т. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2005. Т. 2. С. 51–59.
10. Засядь-Волк Ю.В. К проблеме смысла смерти // Сб. науч. тр. SWorld по материалам междунар. науч.-практ. конф. «Научные исследования и их практические приложения. Современное состояние и пути развития. '2011». Т. 26: Философия и филология. История. Геология. Одесса: Черноморье, 2011. С. 40–51. URL: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/philosophy-and-philology-311/philosophical-antropology-3> (дата обращения: 29.04.2013).
11. Засядь-Волк Ю.В. Конкретно-всеобщее содержание смысложизненной проблемы // Доклады СО АН ВШ. 2003. № 2(8). С. 87–94.
12. Засядь-Волк Ю.В. О различиях в понимании смысла смерти // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 6(13): Исторические науки, философские науки, искусствоведение, культурология, политические науки, юридические науки и методика их преподавания: в 2 ч. Ч. 2. С. 72–74.
13. Засядь-Волк Ю.В. Об историческом характере смысла индивидуальной смерти // сб. науч. тр. SWorld по материалам Междунар. науч.-практ. конф. «Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития '2012». Вып. 3. Т. 29. Одесса: КУПРИЕНКО, 2012. ЦИТ: 312–842. С. 21–26 URL: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/conference/the-content-of-conferences/imprint-collections>. (дата обращения: 29.04.2013).
14. Засядь-Волк Ю.В. Проблема смысла жизни в истории философских учений // Социальная онтология России: сб. науч. статей по докл. V Междунар. Копыловских чтений / под ред. В.В. Крюкова, В.Г. Новоселова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. С. 50–74.
15. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1984. 320 с.
16. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. М.: Русская книга,

2002. Т. I: Учение о Боге. 448 с.
17. *Калужин А.В.* Реинкарнация — учение о перевоплощении душ. Ростов н/Д.: Феникс, 2007. 221 с.
 18. *Клюев А.В.* О смысле человеческого существования. М.: Профит Стайл, 2012. 416 с.
 19. *Лонг Дж.* Доказательство жизни после смерти. М.: Эксмо, 2012. 320 с.
 20. *Мартынов А.В.* Философия жизни. Исповедимый путь к богочеловечности. СПб.: ЮР.В.АН, 2001. 400 с.
 21. *Моуди Р., Пери П.* Проблемы вечности: Абсолютно новые доказательства жизни после смерти. М.: София, 2011. 256 с.
 22. *Налчаджян А.А.* Загадка смерти. Очерки психологической танатологии. СПб.: Питер, 2004. 224 с.
 23. *Никонов А.П.* Формула бессмертия. На пути к неизбежному. М.: ЭНАС; СПб.: Питер, 2012. 720 с.
 24. *Орлов В.В.* История человеческого интеллекта. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. Ч. 3: Современный интеллект. 184 с.
 25. *Орлов В.В.* История человеческого интеллекта: учеб пособие / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2012. 188 с.
 26. *Орлов В.В.* Основы философии. Ч. 1. Общая философия: учеб. пособие. в 2 вып. / ПГНИУ. Пермь, 2012. Вып. 1. 231 с.; Вып. 2. 197 с.
 27. *Орлов В.В.* Проблема системы категорий философии: монография / ПГНИУ. Пермь, 2012. 262 с.
 28. *Орлов В.В., Васильева Т.С.* Труд и социализм. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1991. 204 с.
 29. *Прибрам К.Х.* Язык мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. 2-е изд. М.: Либроком, 2010. 466 с.
 30. *Пугачев О.С.* Этический контекст проблемы бессмертия в русской религиозной философии (конец XIX – начало XX вв.). Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 1998. 167 с.
 31. *Ратников Б.К., Rogovin Г.Г., Фонарев Д.Н.* За гранью познанного: Антология. М.: НОУ «Академия управления», 2010. 388 с.
 32. *Рэндлс Дж., Хок П.* Потусторонний мир: жизнь после смерти. Исследования и свидетельства. М.: АСТ: Астрель, 2008. 287 с.
 33. *Сафонов В.И.* Невероятное. М.: Физкультура и спорт, 1993. 400 с.
 34. *Смерть и жизнь после смерти в мировых религиях / сост. Дж. Ньюзнер.* М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2007. 123 с.
 35. *Соболь А.А.* Тайны смерти и бессмертия. М.: Эксмо, 2011. 192 с.
 36. *Талбот М.* Голографическая Вселенная: Новая теория реальности. М.: София, 2011. 416 с.
 37. *Тихоплав В.Ю., Тихоплав Т.С.* Таблетка бессмертия, или как выключить счетчик возраста. М.: АСТ: Астрель, 2007. 125 с.
 38. *Хаммерман Д., Ленард Л.* Реинкарнация. М.: АСТ: Астрель, 2007. XXVIII. 370 с.
 39. *Человек в единстве социальных и биологических качеств / отв. ред. А.А. Гусейнов.* М.: Либроком, 2012. 384 с.
 40. *Шаров А.С., Винокуров И.В.* Два лика неведомого. М.: Олма-Пресс: Звездный мир, 2006. 384 с.

TO THE INDIVIDUAL DEATH MEANING

Yury V. Zasiad-Volk

Novosibirsk State Technical University; 20, K. Marx av., Novosibirsk, 630073, Russia

The notion of individual death meaning is conjugated with the notion of life meaning. The importance of concrete-universal component in meanings of life and death is described. The individual death meaning has a historical character. The hypothesis of post death personal existence in the materialistic interpretation is put forward.

Key words: human being, life, death, concrete-universal, meaning of life, meaning of death.

УДК 130.2

АПОКАЛИПСИС СЕГОДНЯ? К ВОПРОСУ О МИФОЛОГИИ ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ МИРОВОСПРИЯТИИ

А.Н. Канев

В статье рассматривается феномен апокалипсических настроений в обществе на примере ожиданий конца света в 2012 г. По предположению автора, этот феномен связан с актуализацией мифологического сознания в наши дни. Анализируются различные аспекты проблемы мифологизации времени в современном массовом сознании и в традиционной культуре.

Ключевые слова: апокалипсис 2012; мифологизация времени; мифологическое сознание в современной культуре.

Вполне вероятно, что 2012 год запомнится всплеском мифологического сознания наших современников. В то время как уже не одно десятилетие идет дискуссия о вероятности существования мифологического сознания, его актуализации в современной культуре, весь мир находился в ожидании конца света, предсказанного по календарю племени майя. Огромное количество публикаций в СМИ, телепередачи, интервью известных людей, книги и фильмы-катастрофы способствовали созданию глобального мифа о том, что апокалипсис непременно наступит 21 декабря 2012 г.

Любопытно, что попытки потомков майя, ученых объяснить нелепость тревог о конце мира, которые также несложно было обнаружить в средствах массовой информации, не оказывали должного влияния. Не могли не привлечь внимания и заявления высоких чиновников в различных регионах России о том, что конца света не будет. Столь «тяжелая артиллерия» на борьбу с мифами выходит не часто, и это обусловлено тем, что апокалиптические настроения в обществе распространились широко.

В СМИ были опубликованы результаты статистического исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) на тему «Наступит ли конец света 21 декабря 2012 г.?» Утвердительно на данный вопрос ответили всего 9 % россиян. Согласно проведенным опросам социологов, почти все россияне точно знают, что по некоторым предсказаниям племени майя в 2012 г. может наступить апокалипсис (57 % опрошенных) [3].

Чем же объяснить доверчивость наших современников? Что это — мифологическая диверсия или симптом болезни культуры? Возможно ли сейчас функционирование мифологического мировоззрения?

Раскрытие понятия «мировоззрение», казалось бы, заложено само в себе: мировоззрение — это воззрение человека на окружающий его мир. Но это не просто взгляд, не отвлеченное, по М. Хайдеггеру, «бездеятельное разглядывание мира» [21, с. 51]. По замечанию А.Ф. Лосева, для человека просто «увидеть мир» невыполнимая задача. Если представлять мир лишь как совокупность частей мира, то разглядывание частей — это не взгляд на целое, поскольку «мир как целое отнюдь не простая сумма своих частей и увидеть дерево, луну, солнце и т.д. не значит еще увидеть мир» [10, с. 120].

Несколько иначе рассуждает о понятии «мир» Х.-Г. Гадамер, говоря о концептуальной взаимосвязи языка и человеческого бытия в мире. Философ пишет, что «мир дан как язык», поскольку «на языке основано и в нем выражается то, что для человека вообще есть мир» [4, с. 512]. Принцип Гадамера также является спорным в связи с возможным концом «письменной культуры» и заменой ее «культурой экранной» [18, с. 41]. При таком анализе мировидения вполне возможно говорить о мировоззрении, поскольку любой вариант мировоззрения, в том числе и мифологический, выражается в словах, повествовательных конструкциях, т.е. в языке. Однако не является ли принцип Гадамера спорным в связи с возможным

концом «письменной культуры» и заменой ее «культурой экранной» [18, с. 41]? В теоретическом же смысле возникают две проблемы.

Во-первых, по Гадамеру, «мир есть... общее основание, на которое никто не вступает, которое все признают и которое связывает между собой всех тех, кто разговаривает друг с другом» [4, с. 516]. Мир ограничен только бытием языковой общности или этноса. Любой этнос живет в окружении других иноязычных (иномирных, если рассуждать в русле философии Гадамера) народов, что дробит бытие на множество мирков и миров. С этим согласиться сложно, поскольку мир гораздо шире, чем мир языковой общины и даже повествований общины о мире. Этот тезис Гадамера о мире, отраженном в языке, становится еще более сомнительным, если соотнести язык с мифом. К примеру, М.К. Мамардашвили предполагал, что функциональная нагрузка мифологического представления не содержится в правильных или неправильных утверждениях о мире, и, следовательно, миф есть нечто независимое от того, что он утверждает о мире. Язык не может «позволить себе» неправильно утверждать о мире, но выстроить мир может. Это может сделать миф, который, по мысли Мамардашвили, вносит порядок в человека и его мир [12].

Во-вторых, если мир приравнивать к языку, то необходимо говорить о появлении вербальной, идеальной версии человеческого бытия, отличного от бытия сущего. С этим тоже трудно согласиться, поскольку мировоззрение — это не некая воображаемая, идеальная реальность. М. Хайдеггер отмечает, что «мир не простое скопление наличествующих счетных и несчетных, знакомых и незнакомых вещей, но мир — это и не воображаемая рамка, добавляемая к сумме всего наличествующего» [22, с. 77].

Мир, в котором существует человек и пытается воззреть на него, — это и есть бытие вообще, бытие всего сущего. М. Хайдеггер писал: «Мир бытийствует, и в своем бытийствовании он бытийнее всего того осязаемого и внятного, что мы принимаем за родное себе. Мир никогда ни бывает предметом, который стоит перед нами, который мы можем созерцать. Мир то непредметное, чему мы подвластны, доколе круговращения рождения и смерти, благословения и проклятия отторгают нас вовнутрь бытия. Где выносятся сущностные решения нашего исторического совершения, где мы следуем или перестаем следовать им, где мы не осознаем их и вновь их испрашиваем — везде, всюду бытийствует мир» [22, с. 77].

В понимании Хайдеггера мир гораздо сложнее и шире жизненного пространства человека и охватывает все сферы бытия, которое предстает, с одной стороны, как единое целое, а с другой, как сложная система переплетений различных планов бытия. Поэтому и мировоззрение, говоря словами М. Хайдеггера, необходимо понимать как принципиальное отношение человека к сущему [21, с. 51]. Необходимо подчеркнуть, что это отношение не некий единый взгляд на мир, а система или совокупность взглядов, принципов, определяющих понимание мира как бытия и места человека в нем.

Следует также отметить, что система мировоззрения — это не просто отвлеченные метафизические построения, а жизненная ориентация в мире, это убеждения, идеалы, аксиологические принципы, векторы познания и деятельности человека, т.е. жизнь. Как отмечал М. Хайдеггер, «мировоззренческая позиция означает также, и даже в первую очередь, жизненную позицию». Мировоззрение, по М. Хайдеггеру, — это система взглядов, выражающих принципиальное отношение человека к сущему, являющая себя в его жизненной позиции и в полноте человеческого бытия.

Приступая к выявлению сущности мифологического мировоззрения необходимо обратиться к творчеству А.Ф. Лосева, который писал, что «миф — это совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от случайности и произвола. Это подлинная и максимально конкретная реальность» [10, с. 9–10]. Причем реальность, которая всегда окружает человека, независимо от исторического времени. Философ приходит к выводу, что миф — это интеллигентно данный символ жизни, необходимость которого диалектически очевидна. Миф, по мысли А.Ф. Лосева, — это не идеальное бытие, но жизненно ощущаемая и творимая вещественная реальность [10, с. 73]. Придумать можно все что угодно, но только правдивость жизни, в ее настоящем личностном ощущении может раскрыть нам, что есть миф.

О соотношении мифа и мира писал К. Хьюбнер, который предполагал, что миф и жизненный мир не идентичны, поскольку первый относится к священной, а второй — к профанной реальности. Но в то же время «они совпадают друг с другом, поскольку оба определяют повседневное отношение человека к природе и другим людям» [23, с. 252]. С одной стороны, с К. Хьюбнером можно согласиться в том, что реальность мифа или мифологического воззрения

на мир и сам мир, как сущее, не одно и то же. Но при их «совпадении» в повседневной жизни человека любое явление мира как сущего обретает мифологические черты, поскольку попадает в область воззрения человека на мир через призму мифа, не оставляя места для дифференциации профанного и священного, а интегрируя его в целостное восприятие мира. Хотя сам мир, т.е. сущее — космос с мифологической точки зрения, может восприниматься, например по Лосеву, как система с различной уплотненностью пространства и времени [10, с. 90–91].

Оригинально оформленную мысль о функционировании мифа и мифологического сознания предложил М.К. Мамардашвили, который писал, что миф — это «человекообразующая машина». То есть миф — это способ организации и конструирования человеческих сил и самого человека, а не представление о мире — правильное или неправильное. По мысли Мамардашвили, миф не некое абстрактное представление, а «восполнение и созидание человеком себя в бытии». Поскольку онтологически человек не имеет такого механизма самовоссоздания, поэтому на месте отсутствующих оснований и появляются определенные «машины» культуры, называемые мифом [12].

«Человекообразование» через «машину мифа» (как бы это техногенно не звучало) — это процесс формирования его мировоззрения, его картины мира. Мифология, т.е. действие «машины», обнаруживается в обществе в виде различных социализирующих установлений, например, традиций, ритуалов, которые, по мысли М.К. Мамардашвили, служат определенными социальными формами, конструируя внутренний мир человека. Мифологические знания прививают человеческому индивиду способность понимать и принимать мир, утверждаться в нем [13].

О феномене толпы как среды возникновения мифологических бессознательных коллективных страстей, инстинктов, чувств пишет Г. Лебон, изучая вполне современное общество. Толпа — это среда, в которой с мгновенной быстротой проявляется и начинает доминировать мифологическое сознание. Г. Лебон отмечал, что «между великим математиком и его сапожником может существовать целая пропасть с точки зрения интеллектуальной жизни, но с точки зрения характера между ними часто не замечается никакой разницы или очень небольшая. Эти общие качества характера, управляемые бессознательным... соединяются вместе в толпе... разнородное утопает в однородном, и берут верх бессознательные

качества» [8, с. 14–15]. Нетрудно представить, что «великий математик» Лебон обладает научным мировоззрением, философским. Но в среде толпы у него актуализируется мифологическое сознание, рождающее и добывающееся «иллюзий». Г. Лебон считал, что без этих политических, социальных, художественных иллюзий, т.е. мифов, вообще была невозможна эволюция народов.

Рассуждения о том, что первобытное, т.е. мифологическое, мышление продолжает существовать и в нашем обществе встречается достаточно широко у современных исследователей. К примеру, о современном состоянии сознания как о первобытном, мифологическом писали А.В. Павлов, В.Т. Галкин [16]. Изучение мифологического видения мира носит, по их мнению, практический смысл: ведь это не просто некоторое явление в чистом виде — оно расположено в глубинах подсознания человечества и диктует его поступки, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Чем внимательнее мы проследим нюансы первобытного мышления, тем понятнее нам будут некоторые поступки наших современников.

Эти высказывания ценны не только тем, что реабилитируют миф как феномен культуры, но и тем, что создают основу для философского осмысления мировоззрения современного общества. В качестве фундаментального понятия определим *сущность мифологического мировоззрения, которая заключена в мифе как необходимой категории мысли и жизни, выражающейся в специфической синкретической форме общественного сознания, которая являет себя в полноте личностного бытия независимо от исторического времени и типа культуры*. Или, по мысли М. Элиаде, мифологическое мировоззрение — наиболее значительная форма коллективного мышления в общей истории мысли [25, с. 23].

М. Хайдеггер ставит глубокую проблему — что есть картина мира. Особенно это важно в исследовании мифологического мышления в современной культуре. Только ли изображение мира, мира как сущего, с его историей и основой мира, независимо от того, как мыслится ее отношение к миру? Философ писал, что «при слове “картина” мы думаем, прежде всего, об изображении чего-то. Картина мира будет тогда соответственно как бы полотном сущего в целом. Картина мира, однако, говорит о большем» [21, с. 49]. Это большее — сам мир, сущее, в его целостности и полноте, которое не срисовано, а предстает само, так, как есть. М. Хайдеггер отмечает важную особенность картины мира — она «составляется», т.е.

сущее предстало во всем, что ему присуще, и оно составляет как система.

Это не просто система самостоятельного существования мира — это система восприятия мира человеком. Поэтому философ делает замечательный вывод, что картина мира, сущностно понятая, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины. Сущее в целом берется теперь так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком. Где дело доходит до картины мира, там выносятся кардинальные решения относительно сущего в целом. Бытие сущего ищут и находят в представленности сущего [21, с. 49]. М. Хайдеггер отрицал возможность иметь картину мира в подобной формулировке в античной, т.е. архаической, культуре. Более того, философ писал о человеке нового времени, что он, представляя сущее как мир, и самого себя выводит на сцену, на которой сущее должно впредь представлять, показывать себя, т.е. быть картиной.

Несмотря на это, идея о бытии сущего как представленности сущего вполне применима к мифологическому мировоззрению, в котором все бытие или сущее имеет свою представленность человеком, если под представленностью понимать не абстрактную метафизическую мысль, но реально, вещественно и чувственно творимую действительность, содержащую в себе разную степень отрешенности, о которой писал А.Ф. Лосев.

В мифологическом мировоззрении эту систему картины мира человек не содержит интеллектуально, как писал М. Хайдеггер, но тем не менее она существует и возникает в различных явлениях мифологического мировоззрения. А.Ф. Косарев отмечал, что образное мифологическое видение мира являет себя как триада «мысль–слово–дело», связанная общей системой мифологических представлений [6, с. 34–47]. Поскольку, по М. Мамардашвили, миф как «человекообразующая машина» формирует внутренний мир человека, то механизм мифа будет проявляться не только единожды, но и всегда и во всем. Поэтому концептуально важно отметить, что для анализа картины мира мифологического мировоззрения необходимо привлекать различные явления мифологического, которые охватывают все бытие человека и отражены в культуре.

О картине мира и доверии чувствам в мифологическом мировосприятии пишет Е.Н. Ростошинский. Он отмечает, что при попыт-

ке определить структуру мифопоэтической мысли и сравнить ее с научной мыслью сразу же всплывает различие между субъективным и объективным. Научная мысль создает все увеличивающуюся пропасть между нашим восприятием явлений и концепциями, при помощи которых мы делаем их понятными. Мы видим восход и закат Солнца, но астрономия говорит о том, что Земля движется вокруг Солнца. Мы видим различные цвета, но оптика описывает их как волны с различной частотой колебаний. Мифология дает эмоциональную, а философия — рациональную картину мира. В мифологии различие между реальностью и видимостью лишено смысла. Все, что способно воздействовать на ум, чувство, волю, утверждает свою жизненную реальность. В связи с этим не существует никакой причины полагать, что сны, например, должны считаться менее реальными, чем впечатления, полученные наяву; галлюцинации — тоже реальны [17].

Это может означать то, что благодаря мифу человек выстраивает не только мировоззренческую картину мира, но и весь спектр своей деятельности, т.е. культуру. Причем это свойственно не только традиционной культуре, но и современной, индустриальной. Именно в этом смысле можно понимать значение и функционирование мифа у Р. Барта, для которого фундаментальным значением мифа является создание из разорванного техногенного существования современного человека гармоничной, «природной» картины мира: миф осуществляет превращение «антифюзиса» в «псевдофюзис». Р. Барт определяет миф так: *это деполитизированное слово* [1, с. 72–130], т.е. слово, выражающее не социально-экономическую реальность, а некоторую воображаемую «природность», но воображаемую, вернее переживаемую, мифологически.

М. Элиаде писал, что лучший способ понять структуру мифологической мысли — это исследовать те факты культуры, где миф является «живым», где он составляет саму основу религиозной жизни, те формы культур, где, не являясь вымыслом, миф по преимуществу выражает истину, так как повествует о реальном, о действительном [26, с. 100].

В исследованиях мифологического мировоззрения часто встречается высказывание о единстве мира как макрокосма и человека в мифологическом мировоззрении. Но какова сущность этого единства?

Проблема соотношения человека и макрокосмоса в мифологическом мировоззрении гораздо

глубже простых коннотаций о простом единстве их природы. Только через призму философского анализа можно увидеть скрытую сложность этого вопроса.

Размышляя о сущности вещи, М. Хайдеггер писал о «ладности» как важной характеристике вещи, что «ладна вещь: чаша и стол, мост и плуг. Но по-своему тоже вещи — ель и пруд, ключ и холм. Вещи, каждый раз по-своему веществующие, — цапля и лось, конь и бык. Вещи, каждый раз своим способом веществующие, — зеркало и пряжка, книга и картина, корона и крест» [19, с. 326].

С другой стороны, если развивать мысль М. Хайдеггера, то человек — это вещь, веществующая «каждый раз по-своему». Несмотря на единство происхождения, сущностное тождество, у микрокосмоса — человека с макрокосмосом существует и принципиальное различие. Сущность этого различия уловлена Хайдеггером. Веществование человека «по-своему», как признак его особенной жизни, предполагает его независимость от космоса в смысле личностного осмысленного бытия. Вещественно человек тождественен космосу, но в этом веществовании имеется аспект независимости, самости, самосознания. Эту проблему можно анализировать в различных ракурсах философских категорий — тождества и различия, целого и части. Человек принадлежит космосу и одновременно не принадлежит — он тождественен бытию космоса и не тождественен в своем личностном существе, он принадлежит целостному миру и принципиально обособлен как его часть.

Можно обозначить соотношение человека и космоса как проблему самоосмысления человека, которая и делает его обособленной частью целого всеохватывающего мира. Человек как одушевленная, мыслящая вещь мыслит себя и поэтому не тождественен космосу. Если бы человек не имел сознания, разума, то был бы полностью слит с миром. Значит, вся проблема нетождественности человека макрокосмосу заключена в способности осмыслять человеком свое бытие? Но с этим трудно согласиться.

Соотношение макрокосмоса и микрокосмоса в мифологии, наоборот, необходимо искать в способности мыслить — как средстве, соединяющем в себе тождество и различие. По этому поводу можно привести слова С. Лангер, которая отмечала, что сила представления — сила «обладания идеями» — это особо ценное качество человека, а осознание этой способности придает волнующее

ощущение человеческого могущества. Ничто не волнует так сильно, как возникновение нового представления. Символы, воплощающие основные идеи жизни и смерти, человека и мира, естественным образом являются священными [7].

Интересную мысль предложил Л. Мамфорд. Он считает, что мыслительность человека это условие существования всего сущего. Поскольку, по мнению философа, лишь в свете человеческого сознания Вселенная и становится видимой, а исчезни этот свет — и останется лишь ничто. Могущественный космос предстает таковым лишь на освещенной сцене человеческого сознания, вне ее он окажется бессмысленной фикцией. Лишь благодаря человеческим словам и символам, фиксирующим человеческую мысль, Вселенную, открытую астрономией, можно спасти от ее извечной пустоты. Без этой освещенной сцены, без той человеческой драмы, что на ней разворачивается, весь театр величественных небес, столь глубоко трогающий человеческую душу, возвышающий ее и приводящий в замешательство, — вновь ввергся бы в экзистенциальное ничто, словно выморочный мир кудесника Просперо [14]. Эта мысль интересна своей своеобразной мифологической наполненностью. В ней мыслительность человека становится демиургическим актом, от которого сам космос получает свое экзистенциальное начало. Это тоже мифология, но не традиционная, поскольку подобная инверсия сущности бытия в мифологическом сознании этнической культуры родиться не может из-за стремления человека к тождеству с природой космоса.

Человек только через осмысление себя постоянно обнаруживает себя нетождественным макрокосмосу и стремится стать ему тождественным. Это осмысление не было осмыслением метафизическим, абстрагированной мыслью, оно было мифологическим самоопределением. По этому поводу Ф.И. Буслаев писал, что «простосердечное мышление не понимало в языке суетной красоты, и изобразительность языка, в древнейшем его периоде, казалась естественным, прямым выражением мысли: ибо мысль не могла еще во всей отвлеченности отрешиться от тех жизненных образов, от тех верований и наивных убеждений, которые собственно выражались словом» [2, с. 10].

В доказательство тезиса о мыслительности как проблеме самоопределения нетождественности человека космосу и стремления к этой тождественности можно привести мысль Э. Кассирера. Философ отмечал, что в мифологическом созна-

нии «мы находим нечто совершенно иное — глубокую тоску и желание индивида отождествить себя самого с жизнью общества, с жизнью природы» [5]. Если перефразировать эту мысль, то можно сказать, что глубокая тоска — это мифологическое ощущение человеком своей нетождественности по отношению к макрокосмосу. Именно оно дает возможность осознать свое положение и стремиться к тождественности.

В связи с этим актуализируется проблема исследования образа микрокосмоса в мифологической системе культуры. Окружающий мир не абсолютен, имеет свое рождение и течет к эсхатологии, имеет разные стороны своего бытия. В мифологических системах космос будет выглядеть по-разному, разные аспекты действительности профанируются или становятся сакральными. Поэтому исследование того, с чем и как выстраивает свое тождество человек, может стать основой для типологизации мифологических картин мира и вероятного прогноза развития культуры.

На примере ожиданий «апокалипсиса 2012» можно увидеть мифологизацию времени, предсказанного в прошлом будущего. Казалось бы, что может быть прозаичнее, чем представления о времени в современной культуре. В нашем обыденном понимании время четко разграничено, оно включает в себя прошлое, настоящее и будущее. Время в представлениях современного человека сжато в секунды, минуты, часы, сутки. Оно структурировано и «помещено» в недели, месяцы, годы, столетия. Поэтому крупные структуры времени, например прошлое или будущее, разграничены так же, как и настоящее, — на часы, дни, месяца, годы и т.д. Всем понятно, что сто лет назад сутки включали в себя 24 часа и через сто лет сутки будут такими же. Подобная структурированность времени позволяет современному человеку создать иллюзию контроля над временем. Имея единую точку летоисчисления, линейный образ течения времени, структурированность его измерения, человек как бы заглядывает в будущее, планирует его, ведь оно тоже будет иметь сутки, месяцы, годы. Четкое ограничение прошлого и ожидаемая структурированность неизвестного будущего создает обманчивый комфорт настоящего. Но тем не менее структуры времени становятся объектом для мифотворчества. Отрванность от традиций, от собственных духовных корней заставляет современного человека мифологизировать прошлое, замыкаться в собственном впечатлении о действительности и не доверять научным данным. Иллюзия структурности време-

ни скрывает глубокий мифологический пласт современного сознания, конфликт между субъективным и естественно-научным представлениями.

К. Хюбнер дает естественно-научную формулировку сущности времени. Во-первых, отмечает философ, время является средой, в которой находятся объекты, во-вторых, каждый из объектов, рассматриваемый как реальный, находится на некой точке времени. В-третьих, время описывается как имеющее одно измерение, представлено как прямая, открытая с двух концов. В-четвертых, время необратимо и имеет одно направление. В-пятых, в нем подчеркнута и выделено «сейчас» как настоящее, в отличие от других отрезков времени. В-шестых, время представлено как текущее из прошлого в будущее в том смысле, что прошедшие события больше не существуют, а будущие события еще не существуют [23, с. 142–143]. Исследуя мифологические представления о времени в Античности, К. Хюбнер отмечал, что мифическое время находится в противоречии к естественно-научному представлению.

А.Ф. Лосев обозначает стиль новоевропейского видения времени как однородного и бесконечного, пустого и темного факта бытия физического мира [10, с. 87]. Эта бесконечность и однородность времени также являются следствием мифологии нигилизма, если рассуждать в русле философии Лосева, и может считаться «метафизическими предрассудками и слепым верованием» [9, с. 226]. Просчитанность, пустота и бесконечность новоевропейского представления о времени явно перестали отвечать желаниям людей, готовых поверить во что угодно без всякой проверки, анализа, чтобы заполнить пустоту своей картины мира.

Данное противоречие отражено в рассуждениях о сущности мировоззрения человека Нового времени у М. Хайдеггера, который отмечает, что одно из его явлений — это обезбожение. Этот процесс, по наблюдению философа, заключен не только в грубом атеизме и изгнании богов, обезбожение — это «процесс, когда, с одной стороны, картина мира расхристианизируется, поскольку вводится основание мира в качестве бесконечного, безусловного, абсолютного... Обезбожение есть состояние принципиальной нерешенности относительно Бога и богов... Возникшая пустота заменяется историческим и психологическим исследованием мифа» [21, с. 42]. Можно иначе развить мысль Хайдеггера об обезбожении — как потере современным человеком реального жизненного мифа или ощущения времени как важной катего-

рии жизни, имеющей сложную природу, которая выявляется в бытии личности. А.Ф. Лосев писал об идее бесконечного, гомогенного времени: «можно поручиться, что не только в различных религиозно-мифологических системах, но и теперь никто никогда так не переживает времени. Если вы хотите говорить о подлинно реальном времени, то оно, конечно, всегда неоднородно, сжимаемо и расширяемо, совершенно относительно и условно. Кто же не переживал три секунды как целый год и год как три секунды?» [10, с. 87].

Необходимо сделать уточнение, касающееся философии мифа А.Ф. Лосева. Философ писал, что «миф это — совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от случайности и произвола. Это подлинная и максимально конкретная реальность» [10, с. 9–10]. Наблюдая волну апокалиптических настроений, вызванных псевдопророчествами, можно сделать вывод, что миф в философии А.Ф. Лосева как форма личного бытия и миф массовой культуры — это два разных явления. Миф личностный — это глубоко духовное переживание бытия, зависящее от качеств личности, укорененной в духовной традиции, способной через призму мифа оценивать мир. Миф массовый или макромиф — это эрзац мифоторчества, искусственная замена внутренней духовной работы, универсальный мифологический шаблон для создания поведенческих матриц как новых традиций и ценностей. В случае с «апокалипсисом 2012 года» можно наблюдать возникновение подобного макромифа о будущем времени.

М. Хайдеггер писал, что времени нет без человека. Рассмотрим эти слова в аспекте мифологического анализа. Время мифологично не в силу измерения его длительности или способа его метрического измерения, а в силу человеческого переживания. Миф времени связан с типом мифологического переживания. Поэтому можно утверждать, что миф времени заключен не в числе, а в человеческом чувстве его течения. Это чувство не делает время временем. М. Хайдеггер отмечает, что время не нечто, сделанное человеком, человек не нечто, сделанное временем. Мифологическое чувство времени позволяет человеку жить в нем, переживать его. Способность переживания или вживания времени отмечена М. Хайдеггером как обозначение сущности времени: «Собственно время есть единящая троякий просвет его протяжения близость присутствия из настоящего, осуществившегося и будущего» [20, с. 401].

Принципиально иное отношение ко времени существует в культуре традиционного этноса. Именно к такому восприятию — не однородному и личностно переживаемому — относятся слова А.Ф. Лосева о том, что «времен очень много, что они сжимаемы и расширяемы, что они имеют свое фигурное строение» [10, с. 83]. В своем труде «Античный космос и современная наука» он выявляет основоположение мифологического времени в древнегреческой философии. «Время космоса также в различной степени напряженно, то есть в различной степени осмысливается как время. Время космоса сжимаемо и расширяемо. Именно сама временность как таковая текуча и что сама она, а не только ее проявления в разной степени напряжены и доступны сжиманию и расширению» [9, с. 226].

Время в представлении человека европейской культуры обезличено, сжато и структурировано в строгий календарь, воплощено в цифры и даты. При сложной бездуховной обстановке в современном обществе европейский календарь тоже стал бездуховным, как и переживаемое время. Восточный календарь (китайский, японский) продолжает нести на себе следы восточной мистики, языческих и буддийских духовных практик, связанных с представлениями о времени, которому покровительствуют стихии, боги или звезды [27].

Этническая и религиозная мифология задают свой особенный тон в мифологическом восприятии времени. А.Ф. Лосев писал об античном мифе времени так: «Греческая религия впервые дала полное ощущение времени как настоящего. Тут — длительность, но без индийской безнадежности и гибели, постоянство, но без китайского оцепенения, ожидание будущего, но без ветхозаветного игнорирования природного процесса. Здесь вечное и временное сливаются в одно цельное настоящее, причем они не приносятся в жертву друг другу, но остаются в своей свободе и нетронутости» [10, с. 86].

Феномен неоднородности времени отмечал М. Хайдеггер, наблюдая развитие современной культуры: «Все временные и пространственные дали сжимаются. Куда раньше человек добирался неделями и месяцами, туда теперь он попадает на летающей машине за ночь. О чем в старину он узнавал лишь спустя годы, а то и вообще никогда, о том сегодня радио извещает его ежечасно в мгновение ока» [19, с. 316]. К этому следует добавить, что такая информированность не только образовывает современного человека, но и включает его в глобальную мифологическую среду.

СМИ становятся мифотворцами и сказителями, говорящими на весь мир, создающими макромиф, макротрадиции и меняющими культуру. В данном макромифе совсем не важна информационная подоснова, важен прецедент мифотворчества. В этом принципиальное отличие современного макромифа от мифа традиционной культуры, например культуры майя. Сказитель мифа переживает миф как духовно-ритуальный факт, он отвечает за правильность и истинность мифологического сказания, за те слова и действия, которые он производит своей жизнью и жизнью своей общины. От правильности воспроизведения мифа зависит не размер гонорара, а судьба мира, реальность его существования. В данном контексте миф не придумывается, а воспроизводится.

По логике древних обрядов инициации после ритуального возрождения неопита посвящали в тайны мифологической древности. Именно тогда происходило то осязательное переживание и вживание в миф, которое давало возможность человеку прикоснуться к могучей стихии космогонии.

В обществе традиции люди переживают время, но по-особенному. Они больше видят прошлое, которое живо. Оно напитано стихиями творения, демиургическими силами. Поэтому во многих обрядах и мифах принято обращаться к космогонии, чтобы стать сопричастным этим силам, вновь, услышав о сотворении, иметь власть над вещами. М. Элиаде по этому поводу пишет, что знать мифы — значит, приблизиться к тайне происхождения вещей. Вспоминая и воспроизводя их, человек оказывается способным повторить то, что боги или герои совершили в Начале. А.Ф. Лосев отмечал сущность языческого воззрения на прошлое — античность не знала мистики истории, концы и начала мира следуют одни за другими; мир рождается и гибнет в вечном возвращении. Космос греков един, но видов и периодов его — бесконечное множество [11, с. 771]. В этом же состояла мифологическая специфика календаря майя — время циклично и не имеет идеи конечности времени. Оно имеет свое начало в космогонии, которую необходимо понимать как процесс творения мира во всем его современном совершенстве и инверсии будущего. Его нельзя ограничивать временем далекого прошлого. Потому что оно живо, оно пульсирует творческой энергией, поэтому не только появление земли и космоса как мироздания, но и появление человека, каждого персонально, тоже будет действием этой творческой энергии. Это тоже продолжение космогонии, потому что каждый человек — часть

космоса. И все, что было в прошлом, важно для каждого, как и обращение к опыту и мифу прошлого, потому что это опыт и миф каждого члена общества. Поэтому так часто в религиозных языческих верованиях и ритуальных практиках происходит обращение к прошлому, которое не закрыто для человека, в нем нет мелочей или происшествий, оно состоит только из жизненно важных событий.

Человек традиционной культуры, как уже отмечено выше, с одной стороны, регулярно окунается в демиургическую энергию космогонии, с другой стороны — видит над собой жесткую руку судьбы, рока — некоей заранее утвержденной в своей хаотичности и прописанной безличной данности. От нее не спастись, ничего изменить невозможно — случай и судьба капризны, непостоянны, изменчивы. Именно поэтому человеку традиционной культуры необходимо регулярно возвращаться к космогонии, которая в отличие от нестабильной, случайной действительности и совершенно страшного в своей непознаваемости будущего — постоянна, наполнена живительной структурирующей деятельностью. С помощью космогонии человек пытался бороться со случаем, роком, некоей страшной неизбежностью.

Современный человек, живущий в эпоху апокалипсиса традиций, потеряв связь с прошлым, не имея космогонии как основы для построения фундаментального мировоззрения, оказывается доверчив ко всяким лжепророчествам и открыт для микро- и макромифологии.

В информационной лавине под названием «апокалипсис 2012» можно увидеть яркий феномен общественного сознания, требующий разностороннего исследования и пристального внимания. Поскольку он основан на мифологическом восприятии времени, то одним из аспектов исследования может быть анализ макромифологии массовой культуры. Демифологизация особенно актуальна сегодня, поскольку в российском обществе возникла идеальная среда для возникновения новых и возрождения старых мифологий [15, с. 8; 24].

Список литературы

1. *Барт Р.* Миф сегодня // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс: Универс, 1994. 616 с.
2. *Буслаев Ф.И.* О влиянии христианства на славянский язык // Исцеление языка: Опыт национального самопознания. Работы разных лет / сост. А.А. Чех СПб.: Библиополис, 2005. 520 с.
3. *Всероссийский* центр исследования обществен-

- ного мнения. «Конец света: запланирован, но не состоится?» / Пресс-выпуск. № 2192. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113474> (дата обращения: 18.02.2013).
4. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
 5. *Кассирер Э.* Функция мифа в социальной жизни человека / пер. М.О. Альмаганбетова. URL: <http://ihtika.net/?qwe=loginfromfile&filein=88636> (дата обращения: 30.01.2013).
 6. *Косарев А.Ф.* Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость. М.: ПЭР СЭ; СПб.: Универ. книга, 2000. 303 с.
 7. *Лангер С.* Философия в новом ключе: Исследования символики разума, ритуала и искусства: пер. с англ. С.П. Евтушенко / общ. ред. и предисл. В.П. Шестакова. М.: Республика, 2000. 287 с.
 8. *Лебон Г.* Психология масс. Самара: Изд. дом «Бахрах», 1998. 592 с.
 9. *Лосев А.Ф.* Античный космос и современная наука // Бытие – Имя – Космос / сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. 956 с.
 10. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Миф – Число – Сущность / сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1994. 919 с.
 11. *Лосев А.Ф.* Мировоззрение Скрябина // Форма – Стиль – Выражение / сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1995. 944 с.
 12. *Мамардашвили М.К.* Введение в философию // Необходимость себя. URL: <http://www.ligis.ru/psylib/090417/books/mamar02/index.htm> (дата обращения: 07.02.2013).
 13. *Мамардашвили М.К.* Лекции по античной философии / под. ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Аграф, 1998. 312 с.
 14. *Мамфорд Л.* Миф машины. Техника и развитие человечества / пер. с англ. Т. Азаркович, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001. 408 с.
 15. *Найдыш В.М.* Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. М.: Гардарики, 2002. 556 с.
 16. *Павлов А.В., Галкин В.Т.* Современная первобытность. Тюмень: ТОГИРРО, 1999. 133 с.
 17. *Ростошинский Е.Н.* Структура мифологического мировоззрения. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/rostosh/index.html> (дата обращения: 04.02.2013).
 18. *Столбова Н.В.* Онтологический статус смыслов в постхайдеггерианской герменевтике и его роль в пространстве духовного // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2013. № 7. С. 37–45.
 19. *Хайдеггер М.* Вещь // Время и бытие: Статьи и выступления: пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 316–326.
 20. *Хайдеггер М.* Время и бытие // Там же. С. 391–406.
 21. *Хайдеггер М.* Время картины мира // Там же. С. 41–62.
 22. *Хайдеггер М.* Работы и размышления разных лет: пер. с нем. / сост., пер., вступ. статья, примеч. А.В. Михайлова. М.: Гнозис, 1993. 464 с.
 23. *Хьюбнер К.* Истина мифа. М., 1996. 448 с.
 24. *Чащин Е.В.* О некоторых глобальных проблемах природного генезиса и их влиянии на социум // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2013. № 7. С. 46–53.
 25. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. М.: REFL-book, Киев: Ваклер, 1996. 288 с.
 26. *Элиаде М.* Ностальгия по истокам. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2006. 216 с.
 27. *Японская мифология.* М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2004. 462 с.

APOCALYPSE TODAY? ON THE TIME MYTHOLOGY PROBLEM IN MODERN PERCEPTION OF THE WORLD

Andrey N. Kanev

Russian state professional-pedagogical university; 11, Mashinostroiteley, Ekaterinburg, 620012, Russia

The phenomenon apocalyptic moods of the society is considered in the article at the example of the end of the world expectation in the 2012. According to the author's supposition, this phenomenon represents an actualization of mythological mind during our days. Various aspects of the problem of the time mythologization in modern mass consciousness and in the traditional culture are analyzed.

Key words: apocalypse 2012; time mythologization; mythological mind in modern culture.

УДК 111.1:93

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ: ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ

Ф.Н. Нагой

Начиная с французских просветителей развитие философии истории обнаруживает диалектическую взаимосвязь историзма как способа мышления (онтологический аспект) с историзмом как принципом познания (гносеологический аспект), что формирует парадигму истории как образ единой истории на длительные периоды времени. Современное видение истории соединяет как перспективный, так и ретроспективный подходы, интенциональный и критический взгляд на историю, включая идею обратимости исторического времени. Наряду с традиционным видением истории актуализируется запрос на нерелятивистскую плюралистическую и диалогическую философию истории.

Ключевые слова: философия истории; онтологическая модель; гносеологическая модель; интенциональность; критическая история; герменевтика; структуралистский подход; плюралистическая истина; аксиология.

Какой тип социальной памяти нужен человеку и обществу сегодня? Современный человек постоянно сталкивается с многообразием, сложностью и давлением мира, отдельные истории, внушаемые ему средствами массовой информации и не связанные в одну систему, — благоприятная почва для манипуляции единичным и общественным сознанием.

Отметим, что философское познание предполагает утверждение определенной реальности с ее последующим исследованием (поэтому философия есть область реального). В этой связи к особенностям исторического познания принято относить: принадлежность субъекта и изучаемого им явления одному целому — истории (историческое познание — самопознание общества); качественную незавершенность процесса развития истории. Открытость движения истории приводит к изменениям не только общетеоретических представлений историка, но и его конкретно-исторических взглядов и оценок тех или иных событий. Следует подчеркнуть, что это не только развитие знания как такового, но и такое его развитие, которое обусловлено движением самой истории, что актуализирует данное направление исследований.

Исторический опыт, уроки истории представлены историческим познанием и обеспечены историческим сознанием. История учит, но она не может заставить учиться. Общим условием извлечения уроков из истории является наличие не-

которого объективного сходства между реальной ситуацией и событиями прошлого. По мнению Г.В.Ф. Гегеля, если такого сходства нет, то нет возможности опираться на это прошлое. Извлеченный опыт не только схема, которая переносится из прошлого на современную ситуацию, но и признание индивидуального своеобразия конкретных событий и целых эпох в их отношении к современным ценностным ориентирам.

Вспомним, что понятие «философия истории» введено в философский оборот в работах просветителей, Гегелем были впервые прочитаны лекции по философии истории. Укрепили эту традицию онтологические (субстанциональные) модели философии истории (метаистория), и с самого начала историзм как способ мышления (онтологический аспект) диалектически связан с историзмом как принципом познания (гносеологический аспект), требующим изучения явлений в генезисе и развитии, конкретно-исторической обусловленности и индивидуальности.

Основной чертой господствовавшего в XIX в. образа истории (парадигмы истории) являлось убеждение в научности истории, ее способности давать достоверное знание о своем предмете, не зависящее от субъективных пристрастий автора и имеющее объективно-истинный характер, создающее отображение, а не оценку. Следовательно, задача историка — обнаружить непреложные исторические факты, а затем на их основе вы-

строить прочное здание исторической концепции. Отсюда характерный для этого столетия масштаб исторического исследования, в котором на обширном фактическом материале в широких пространственно-временных границах формулировались исторические законы, не только объясняющие прошлое, но и проясняющие настоящее, а также предсказывающие будущее.

История выступала как направленный, имеющий смысл процесс, и хотя этот смысл разными историками понимался по-разному, общим для всех являлось убеждение в несомненности и единстве прогресса, что и позволяло выявлять единые его критерии. Можно многое не знать, но понимать все — такова удивительная особенность историографии XIX в., отраженная в признании Ф. Гизо: «В истории человечества есть для меня пробелы, огромные пробелы, но тайн для меня нет. Я многого не знаю, миллионы событий мне неизвестны, но ни одно меня не удивляет» [3, с. 19–20]. Как ни одна другая наука в это время, история соответствовала самому духу века, который справедливо называли историческим. «Наш век, — пояснял В.Г. Белинский, — век по преимуществу исторический. Все думы, все вопросы наши и ответы на них, вся наша деятельность вырастает из исторической почвы и на исторической почве» [1, с. 518].

Еще одна черта парадигмы исторической науки XIX в. — ее последовательный монизм. Одни мыслители видели доминирующий фактор исторического прогресса в развитии производства, другие — в действии божественного Провидения, третьи — в движении Абсолютного духа, четвертые — в прогрессе человеческого разума и т.д., но всех объединяло убеждение в существовании некоего начала, обуславливающего прямо или опосредованно все развитие человеческого общества, в особенности — изменение его институциональных форм.

Так, европоцентристская парадигма, явно или имплицитно рассматривавшая европейскую цивилизацию как эталонную и выстраивавшая по ее подобию образ истории, выступила основой «функционалистских» подходов к истории — позитивизма и марксизма. Влияние позитивизма на историков было в XIX в. неизмеримо большим, чем влияние марксизма, но в XX в. марксизм стал весьма заметной парадигмой социально-гуманитарных наук.

Основоположник позитивизма О. Конт считал, что человеческое общество является продолжением природы: человек сближался со всеми

другими живыми существами, общество — с природой (например, железные дороги сравнивались с кровеносной системой живого организма). Отсюда следовало, что общественные законы едины с законами естественных наук. Не отдавая предпочтение ни одному из факторов, историки-позитивисты вместе с тем в исследовательской практике подчеркнуто усиливали значение одного.

К. Маркс использовал научные принципы и создал прообраз системного подхода к изучению общественных проблем. Автор системного метода Л. фон Берталанфи высоко ценил вклад К. Маркса в разработку методологии исследования систем.

Назовем основные регулятивные принципы марксистской диалектики: объект познания должен рассматриваться во всем реальном многообразии; постановка научной проблемы не должна иметь никаких ограничений; никакой метод научного познания не может быть абсолютным и для успешного решения исследовательской задачи необходимо применение различных, адекватных ее сути методов. При такой интерпретации конкретно-научных фактов и раскрытии сущности исследуемых явлений должно учитываться воздействие на них других факторов, т.е. подход к объяснению должен быть самым широким. Маркс исходил из идеи универсализации всемирно-исторических связей, наличия всеобщего труда. Он полагал, что человечество делает решительный шаг к единению с установлением капиталистических отношений. Не случайно его теорию последовательной смены общественно-экономических формаций критикуют, прежде всего, за чрезмерную склонность к выявлению универсальных всеобщих законов исторического развития, не учитывающую природу человека как существа, обладающего определенной свободой выбора.

Вместе с тем предложенное Марксом истолкование истории как результата всеобщего труда — итога деятельности человечества как единого целого, его мысли о членении ее на формационные ансамбли, о постоянной универсализации всемирных социальных связей представляют интерес и сегодня. Современно звучит и тезис о постижении прошлого в его связи с настоящим сквозь призму результатов социально-практического действия, способных менять горизонт понимания смысловой целостности истории. Многие известные сегодня теории — результат критики марксизма. Под воздействием марксизма сложилось социологическое направление, исследу-

дующее связи истории с социальными отношениями.

Так, Э. Дюркгейм отстаивал необходимость распространения рациональных (позитивистских) методов на познание общества, которое рассматривалось как интегрированное целое, состоящее из взаимосвязанных элементов. Иными словами, общество — это целостная система, органически-ми элементами которой являются экономические, географические и иные факторы, а также «коллективные представления» (общие идеи, верования, моральные нормы, мотивы деятельности), образующие в своей совокупности некоторую целостность, изучение которой требует применения по образцу естественных наук объективных методов.

А. Берр известен как создатель теории исторического синтеза, постулировавшей, что история и философия должны стать двумя главными аспектами будущей науки, которая приобретет характер исторического синтеза. Речь шла о науке как умозрительной, так и основанной на практике, ретроспективной и обращенной в будущее. Такая наука противопоставлялась утратившей себя фактографической «историзирующей истории».

В свою очередь М. Вебер подверг критике марксистскую идею о первичности «базиса» по отношению к «надстройке», считая, что марксизм всегда хорош как пропедевтика и плох как догма. В целом совокупность веберовских исторических идей может быть обозначена как социология политических отношений и власти. Вебер искал различия и взаимосвязи между тремя основными сферами общественной жизни: властью, экономикой и ценностями. Экономика создает преимущества, но необходимо наличие определенной системы ценностей и убеждений, на которых покоится послушание управляемых.

Марксистский взгляд на историю повлиял на становление конфликтологических теорий ее понимания. Например, Р. Дарендорф видел причину формирования конфликтных групп в обществе в отношениях господства и подчинения, отсюда определение классов как конфликтующих неоднородных социальных групп, имеющих разные жизненные шансы, которые выступают как проявления двух возможностей — выбора (свободы) и социальных связей (неравенства).

Мы видим, как личная философия историка диктует ему выбор системы мышления, в соответствии с которой он будет действовать, воссоздавая и объясняя прошлое. Так возникает пони-

мание бессмысленности идеологического противостояния историков, когда необходим синтез идей и методов. Вечная философия истории невозможна, так же, как вечная философия, и приходится отказаться от претензии на возможность создания неких универсальных и абсолютных теорий, а значит, и методов исторического познания. Как следствие, известные философско-исторические теории позволяют выработать ограниченные концепции исторического развития.

Подтверждая сказанное выше, К. Поппер видит основную задачу историзма социальных наук в предсказании, что возможно, когда в основе исторической эволюции выявляются «ритмы», «схемы», «законы» или «тенденции». Каких-либо объективных, не зависящих от человека законов, по которым развивается история, не существует. Пророчества невозможны в силу того, что люди обладают воображением, а соответственно всегда имеют определенную свободу выбора. Поэтому реальны только краткосрочные прогнозы. Такого рода предсказания можно назвать технологическими, поскольку они образуют базу для социальной инженерии. Это конструктивные предсказания, они знакомят нас с шагами, которые мы можем предпринять, если желаем достигнуть определенных результатов. Для такой технологической методологии исторический опыт служил бы важнейшим источником информации. Согласно К. Попперу, теория должна помогать действию, т.е. нам изменять наши действия. В частности, «задача теоретических социальных наук — пытаться предвидеть непреднамеренные последствия наших действий» [4, с. 322].

Таким образом, историческое познание осуществлялось как поиск метода, адекватного природе объекта, движение к истинному знанию происходило как постепенное устранение несоответствия метода (и знания, получаемого с помощью этого метода) объекту.

После Второй мировой войны в познании истории формируются концепции социального, в основе которых лежит идея множественности социального времени. «Ткань» истории, по мнению Ф. Броделя, формирует взаимодействие различных типов времени: «длительного времени», регулируемого столетними (тысячелетними) природными изменениями; «социального времени», связанного с изменениями социальных структур в пределах столетий; «событийного, поверхностного времени», что отрицает возможность объяснения истории господствующим фактором.

Новая история в 80-х гг. — «история молчаливого человечества», как море, на поверхности которого плавают исторические события, а в глубине существует анонимный народ. Необходимо проникнуть в глубины, поставив в центр исследования не героя, а безымянного человека и его повседневную жизнь. Возникает иная форма интеллектуального и морального исторического авторитета, о чем свидетельствуют рост числа исторических бестселлеров и других изданий, отличающихся от академических. Вновь развитие исторического знания стало для философии истории потерей программы и единства. Такие ситуации стали называть «историографическим взрывом» или пессимистически — «историей в осколках». Иными словами, возник некий «хаотический позитивизм», находящий свое выражение в «теории равноправных факторов». Эмпирический подход уводит историка в мир случайностей и позволяет объяснять события любыми факторами, последствия — субъективизм и произвол историка.

Философская ситуация постмодерна выросла из глубокого сомнения в способности философии быть основой мировоззренческого единства, отказа от попыток систематизации представлений о мире в замкнутую философскую систему. «Кризис духа» XX в. ознаменовался полной потерей доверия и к гуманизму и к рационализму как к спекулятивным и подозрительным идеалам. Постмодернизм пронизан недоверием к логическим формам, к высказываниям, в которых видится, прежде всего, дискурс власти, скрытое насилие и предпринимается попытка преодолеть заложенную в них предсказуемую рациональность. Изучая структуру языка, постмодернисты утверждают ценность «языка-в-себе» и вместе с тем свободное, ассоциативное и творческое мышление, не воспринимающее бытие как изначально обладающее логикой и закономерностью.

В философии истории такой подход означает отрицание смысла истории. С этой позиции история является не наукой, не искусством, а чем-то третьим — искусной игрой слов, подменяющей реальное, где метафоры истории как науки или истории как искусства отражают структуру власти, которая вводит эти метафоры в игру. Философы, которые отвергают классическую модель, отрицают возможность увидеть историю как смысловую целостность, т.к., по их мнению, прогресс в истории есть лишь одна из возможных моделей познания действительности, а не объективно существующее явление.

Таким образом, «идеологическая» составляющая гуманитарного познания абсолютизируется в концепциях философского постмодернизма, согласно которым в науке воплощена воля к власти. Возможный выход из-под диктата власти — в отказе от так называемого «истинного», «научного» познания. Вследствие такой установки возникает фрагментация предмета гуманитарного знания и многообразие «объектов», конструируемых исследователями. Можно сказать, что, отбрасывая категории истины и объективности, постмодернизм обрекает гуманитарные науки на методологический хаос или методологический плюрализм.

В современных условиях задачей профессионального историка становится противостояние социально мотивированным ложным истолкованиям прошлого. Однако при преодолении «ложного» истолкования прошлого невозможно отказаться от «социально мотивированного» исторического знания. Ложное выявляется только в сопоставлении с истинным, а взгляд историка обусловлен как социальными, так и психологическими (а часто и идеологическими) факторами. Кроме того, современный историк стремится соответствовать социальному запросу на разнообразие исторических описаний.

Представляет интерес подход Х. Уайта, применившего методы литературоведения к исследованию исторических произведений. В работе «Метаистория» он указал на связь содержания и формы изложения исторического сочинения. В современных условиях глубинными структурами рассуждений становятся нарративные (повествовательные) и дескриптивные (описательные) механизмы, которым присуща своя логика. Согласно концепции Уайта, раскрытие формальной связности различных событий и явлений в историческом сочинении достигается: объяснением посредством построения сюжета; объяснением посредством доказательства; объяснением посредством идеологического подтекста. Эти подходы проявляются в формировании системы аргументации: формистской, органицистской (целое как «микроскоп–макроскоп»), механистической (сумма как «часть–часть») и контекстуалистской.

Из сказанного выше понятно, что в каждом из случаев число возможных объяснительных стратегий не бесконечно, не прямое восприятие реальности не означает полного произвола историка в ее «конструировании», что ставит под удар идею постмодернистов о произвольности описания истории. То, что историк не может оторваться от

аудитории, для которой он пишет, ограничивает его выбор. «Новая культурная история» формируется в точках роста «новой социальной истории» через преодоление известного содержания категории «социального».

Безусловно, человек, рожденный в определенной культуре, усваивает смысл и назначение знаков, которые обуславливают в ней коммуникацию людей. По мнению Ю. Лотмана, самосознание личности равно сумме текстов в потоке других текстов, составляющих мир культуры. В связи с тем что структурно-семиотические методы позволяют реконструировать тексты и ритуалы далекой древности, вновь укрепляется идея культурного многоголосия.

Действительно, герменевтические вопросы возникают там, где зарождается желание отдавать себе отчет в понимании слова как знака сообщения. Христианский философ Августин сформулировал принцип конгенности, входящий в состав современных герменевтических методик. Далее в герменевтику вводятся принцип контекстуальной интерпретации; принцип герменевтического круга; принцип учета цели и замысла автора; принцип различения понимания и интерпретации, а также принцип диалога. Философский статус герменевтики получает в программе обоснования гуманитарных наук В. Дильтея, считавшего, что для наук о природе характерны номотетические приемы исследования, а науки о духе не могут существовать без интерпретационных методик. Понимание побуждается переживанием отдельных состояний сознания в сфере осознанной общности.

Изложение герменевтики М. Хайдеггером основано на определении понятия «жизнь» как той единицы, в которой представлена (истолкована, структурирована) однородность сознания и предмета. «Кто хочет понять текст, — комментирует его Х. Гадамер, — тот всегда делает предположение. Он предполагает смысл целого, который кажется ему первым смыслом в тексте. Так получается потому, что текст читают уже со значительным ожиданием определенного смысла» [2, с. 355].

Следует изучать «мир истории» прежде всего на основе внутреннего переживания, непосредственных данных сознания, являющихся условием общечеловеческой коммуникации, которая обеспечивает индивидуальному сознанию «подъем над собой к всеобщему». Препятствием к субъективному истолкованию истории является историчность человеческого сознания. Отметим,

что понимание является действенно-историческим решением.

Герменевтическую связь определяет сам язык, который говорит нами или через нас и должен быть понят как субстанция исторического процесса, определяющая собой направление развития (вопрос о смысле существования равен вопросу о смысле познанного). Интересна универсальная методология П. Рикера, в которой реконструкция текста как целого имеет характер круга, причем многозначность целого является дополнительным побудительным мотивом для герменевтических вопросов. Понимание всегда есть сопонимание, оно всегда связано с со-знанием и со-общением.

Таким образом, задачей исторического познания какого-либо определенного текста становится построение его модели. Следует учесть, что модели автора текста, современников автора, интерпретатора и современников интерпретатора различны. Различие их основано на принципиально разном восприятии одного и того же текста, что формирует веер интерпретаций и даже мысль о случайности автора, т.к. все эти модели могут быть отнесены к одному тексту.

Идея направленности и смысла истории находит отражение в концепции К. Ясперса как линейная теория «осевого времени», становления некой общей для всего мира духовной философской основы — веры, сформировавшей тип современного человека. Иными словами, смысл истории заключается не в ее движении к некоторой цели, а в характере направленности логики общемирового развития.

Позиция М. Бахтина возвращает нас к проблеме диалогического движения понимания. Перенесение исследуемого текста в настоящее время (возможно, даже его перевод на современный язык) является началом движения понимания, т.к. тексты всегда принадлежат прошлому. Содержание следующего этапа составляет движение назад — изучение данного произведения в прошлых контекстах. Заключительный этап характеризуется движением вперед, стремлением к «предвосхищению будущего контекста». Следовательно, понимание есть синтез многих интерпретаций на всех этапах, и полнота произведения раскрывается только в «большом времени». В целом понимание осуществляется посредством построения моделей (реконструкций), в которые могут быть включены как естественно-научные методы исследования и приемы объяснения, так и специфические гуманитарные приемы истолкования тек-

стов по цепочке «текст – ситуация непонимания – реконструкционная гипотеза – восполняющая интерпретация – теоретическая модель – понимание текста».

Если слово есть принцип культуры, то принципы анализа слова должны последовательно распространяться и на анализ культуры. Интерпретацию и понимание текстов обеспечивают особенные методологические средства: герменевтический круг, вопрос-ответные методики, контекстный метод, специальные логические средства, семиотические и психологические приемы. Следует учитывать, что понимание особым образом связано с интенциональностью, а введение понятия «субъективная реальность» дает возможность допустить, что оформленное содержание мышления и есть мысленные образования-концепты.

Если классическая логика отвлекалась от времени произнесения высказываний, то логика времени явным образом учитывает временные параметры, причем использует разные понимания сущности временных процессов и может исследовать разные типы высказываний с временными характеристиками. В истории последующее не выводится логически из предыдущего как частное из общего, поэтому общие понятия не могут выступать субъектами «исторических суждений». В своих построениях историк использует номологические и типологические обобщения и сохраняет особенность герменевтических рассуждений как тесную связь с иррациональными моментами (творчество), присущим гуманитарным явлениям.

История зависит от различных уровней понимания причинности, и на смену принципу историзма приходит принцип историчности, в соответствии с которым история есть способ существования всего сущего и прежде всего человека (человек — существо историческое). Стремление постичь «план» истории, ее «замысел», «идею» в сфере трансцендентного уступает место поискам смысла истории в сфере «имманентного», т.е. внутри самой историчной по существу человеческой деятельности с присущей ей способностью к порождению новых смыслов. Историк — человек и поэтому не может не быть субъективным.

Проверить историка можно эпистемологически, по мнению П. Рикера, «объективно то, что разработано, приведено в порядок и методически осмыслено... мы ждем от истории, что она найдет доступ к прошлому человеческих обществ, обладающему таким достоинством объективности... существует столько уровней объективности,

сколько существует методических подходов. Стало быть, мы ожидаем, что история прибавит новую область к меняющей свои границы империи объективности» [5, с. 35–36].

Если философия истории стремится к познанию мирового целого, то ее предмет — ценность, погруженная в действительность. Объективируя человека, мы сводим его к объекту, в то время как он не просто звено причинно-следственной связи; субъективируя человека, мы задумываемся над соприкосновением психического бытия с ценностями. Иными словами, именно установление границ науки освобождает место философии, а теперь и философии истории.

Механизмы формирования опыта, задающие характер ориентации в мире, предваряются понятиями-ценностями. Опыт мира складывается из «опыта жизни», «опыта истории», «опыта искусства». В отличие от эпохи Просвещения для современной философии процесс исторического познания включает такие шаги: предпонимание (начальный уровень), предрассудок (форма знакомства с миром), историчность (то, как дана форма бытия мира и мышления), ситуация (в которой себя застаёт человек, внеисторичность субъекта — иллюзия). Следующий шаг — осознание того, что истина не является характеристикой познания, она — характеристика самого бытия. И вместе с тем истина «свершается» преимущественно в событиях искусства, осмысление которых есть «опыт традиции», представляющий собой самоосмысление индивида и общества. Мы можем утверждать, что понимание становится возможным как «применение», соотнесение содержания текста и факта с культурным и мыслительным опытом современности.

Таким образом, истина не имеет свидетельства о рождении, она приемлема пока не появится новая истина. Время не пропасть, а возможность припоминания. Сохранение прошлого — такой же акт свободы, как и выступление против него. Данный подход дает нам возможность иначе интерпретировать опыт (по сравнению с философией Нового времени и позитивистской трактовкой). Первая составляющая — наши ожидания. Вторая — «опыт делающего», включающий «опыт ошибок». Подлинный опыт всегда негативен, а не универсален. Отрицание придает нашему опыту определенность, и он приобретает диалектические черты: опытность — завершающий себя скептицизм, т.е. человек не убеждается дважды в одном и том же. Став опытными, мы обретаем новый горизонт: опытный человек адогматичен. И, наконец,

третья составляющая опыта — осознание собственной ограниченности (учимся благодаря страданию, осознавая пределы человеческого бытия, приобретая трагический опыт, часто религиозный). Обобщающим подлинным опытом становится опыт собственной историчности. Убежденность иллюзорна, мы начинаем понимать, что ничто не повторяется, не впадая в пессимизм.

Интерпретация-понимание является ретроспективным воспроизведением генезиса смысла, т.е. переосмыслением послания, и трактует личность как орган истины или «сущностное окно в бытие». Приобретает подтверждение идея о существовании нерелятивистского плюралистического понимания истины, а значит и истории. Только диалог удерживает единство истории через синтез трех начал.

Первое начало представляет собой историческую условность или «дух времени» (исторические вызовы). Второе начало дано как спекулятивная ценность философии. Третье — личностное — как ответственность автора. Конфилософия и есть современная философия как ценность. Таким образом, нет многих истин, но есть истина других. Истина одна, а философий много. История одна, но много философий истории. Если истина излучает смыслы, то каждый выбирает свой вариант солидарности истины и личности.

С одной стороны, новый кризис философии сместил идею истины и, как следствие, опроверг существование философии, управляющей всеми видами знания, вследствие этого возникают «специфические логики в разных витальных секторах», встреча несхожих культур становится все более обыденной. Становятся понятными парадоксальные слова Ф. Ницше о том, что нынешнему сознанию более адекватно «мычание». Очевидность теперь не является знаком истины, а правдоподобие может выглядеть как клише.

С другой стороны, в этом контексте начинают кристаллизоваться герменевтические предпосылки мышления, для которого существовать означает быть в контакте с миром. Так как язык историчен, то мы понимаем, что лингвистический горизонт не является априорной структурой разума, он — ансамбль исторически узнаваемых событий. Категории, понятия, теории проявляют качество эпохи, пусть временное и нестабильное. Смысл истории, судьбы человечества, сентенции о природе человека метафизически исчерпаем. Человек видит мир и пытается его осмыслить через понимание множественности перспектив и культур-

ных универсумов, что делает априори возможными и опыт, и наследие.

Возникают две опоры слабого, но понимающего свой недуг мышления: идея человека, читающего мир и идея исторически меняющегося категориального аппарата. Таким образом, утверждение, что всеобщего смысла истории и абсолютной истины не существует, означает конец стабильной структуры бытия. В ситуации «конца истории» как определенности по поводу человеческой истории и законов, ею управляющих, получают признание истории разные по уровню и моделям реконструкции прошлого в коллективном сознании и воображении. Образ рациональности меняется, так называемое движение в «теневую сторону» означает рождение нового через внимательное отношение к прошлому и настоящему, высвобождение все новых участков пространства для свободной инициативы, терпимости, диалога культур.

Подводя общие итоги, подчеркнем, что черты «новой научности» истории включают способность научных теорий решать проблемы, допускают множественность частных образов научности, смягчают ригоризм в отношении независимости науки от социокультурных ценностей. История как прошлое сегодня может изучаться различными дисциплинами, быть объектом литературы и искусства, да и самих «историй» может быть бесчисленное множество. Критерием профессионализма является не знание некоей универсальной объективной истины, а владение методом и соблюдение основных принципов исторического исследования.

Объективность научного подхода к историческим фактам достигается специально организованным исследовательским процессом. Он предполагает всесторонний охват изучаемого явления с целью раскрытия его сущности и описания многообразия взаимосвязей с историческим миром, опору на достигнутый уровень научного знания с учетом выдвинутых по данной проблеме точек зрения, творческий подход к историческому исследованию. Следовательно, проверка историка на «хорошую» субъективность осуществляется по принципу соответствия применяемых им приемов и методов требованиям научной программы, в рамках которой он осуществляет исследование.

Список литературы

1. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 4. 674 с.
2. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М.: Прогресс,

1988. 704 с.
3. *Далин В.М.* Историки Франции XIX–XX веков. М.: Наука, 1981. 328 с.
4. *Поппер К.* Разум или революция? // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовского и В.К. Финна; пер. с англ. Д.Г. Лахути. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 464 с.
5. *Рикер П.* История и истина. СПб.: Алетейя, 2002. 400 с.
-

ONTOLOGICAL AND GNOSEOLOGICAL MODELS OF THE PHILOSOPHY OF
HISTORY: FROM THE PAST TO THE FUTURE

Fatima N. Nagoy

*Volgograd branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 8,
Gagarin str., Volgograd, 400131, Russia*

Beginning with French Enlightenment the development of the philosophy of history creates dialectic interrelationship between the historicism as a way of thinking (ontological aspect) and the historicism as a principle of learning (gnoseological aspect) and it forms the paradigm of history as an integrated pattern for long periods. Modern vision of history joins as perspective so as retrospective approaches, intentional and critical view of history, including the idea of historic time reversibility. Along with traditional understanding of history we can observe the development of nonrelativistic pluralistic and dialogic philosophy of history.

Key words: philosophy of history; the ontological model; gnoseological model; intentionality; a critical history; hermeneutics; structuralist approach; pluralistic truth; axiology.

УДК 16

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ: ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ И СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ

А.Ф. Родюков

Впервые предпринята попытка сопоставления марксистской и синергетической парадигм применительно к решению проблемы роли личности в истории. Отмечена близость данных концепций, основанная, во-первых, на их последовательно научном характере и, во-вторых, на глубокой диалектической идее принципиального единства личности, общества и человеческой истории, единства свободы и необходимости, объективных (независимых от воли личности обстоятельств) и ее субъективных качеств.

Ключевые слова: персонализм; имперсонализм; выбор; социальный отбор; тезаурус; детектор; селектор.

Как известно, проблема роли личности в истории была поставлена еще в античной и древневосточной историографии и философской мысли. На протяжении многих веков, вплоть до настоящего времени проблема принимает форму ряда теоретических оппозиций, главными из которых являются концепции персонализма и имперсонализма. При этом обнаруживается, что в обоих случаях проявляются две противоположные тенденции: мифологизации (сакрализации) исторической личности, с одной стороны, и ее десакрализации — с другой. Поскольку же в рамках первой концепции роль личности в историческом процессе признается, а во второй отрицается, то обсуждаемая проблема не получала адекватного решения. Подобный скептицизм распространяется и на марксизм, который интерпретируется в духе имперсоналистского направления в историософии (наряду с гегельянством). В историческом материализме «великая личность» рассматривается как порождение развивающихся производственных отношений, а ее деятельность — как, в конечном счете, зависящая от деятельности масс [2, с. 35].

На деле марксизм совершает синтез противоположных концепций, не являясь уже ни персонализмом, ни имперсонализмом в вопросе о роли личности в истории. Отрицая различные религиозно-идеалистические подходы, связанные с мифологизацией и сакрализацией личности, марксизм исходит из диалектического понимания взаимосвязи исторического субъекта и объективных законов общественного развития. Как нет

личности без общества, так нет и «великой личности» без общества. Только в рамках данной аксиомы и не впадая в мистицизм или волюнтаризм нужно ставить и решать вопрос о роли личности в истории, учитывая при этом особенности, безусловно, связанные со статусом правителя.

Тем самым в основу решения проблемы полагается идея, адекватная научной форме философии. На этой основе марксизм решает и все другие аспекты данной проблемы: соотношение народа и выдающейся личности, случайности и необходимости в становлении и деятельности «великой личности», ее успешность или не успешность, замена ее другой личностью и пр. По сути, все эти аспекты можно свести к парным диалектическим противоположностям, образующим движущее противоречие социально-политического развития общества. А потому на теоретическом уровне противоположность персонализма и имперсонализма образует диалектическое противоречие, выражающее объективное противоречие между «великой личностью» и объективными законами (потребностями) общественного развития.

Марксизм не умаляет роль личности. Деятельность руководителей — необходимый элемент исторического процесса. Она велика в силу особого места и особой функции, которую она призвана выполнить. Более того, для исторического материализма характерен активизм, полагающий, что желания, мечты, знания, интересы и воля людей становятся силами в развитии общества в том случае, если их субъект владеет знани-

ем о законах общественно-исторического развития. Таким образом, и активизм народных масс, классов, социальных групп, и активизм «великой личности» определяются степенью осознания и использования ими объективных потребностей прогрессивного исторического развития. Выдвижение личности обуславливается и потребностями общества, и личными качествами людей. Таковы марксистские диалектические основания решения проблемы роли личности в истории с их ориентацией на усмотрение смысла исторических событий, переступающих пределы причинного объяснения. Все остальные аспекты этой развитой теории переводятся на эмпирический уровень и носят, по сути, феноменологический характер, основанный на исторических обобщениях.

Не ставя под сомнение научный и диалектический характер данной концепции, отметим, что все же присущий марксизму холизм и склонность к тотальности не способны были раскрыть «механизмы» выдвижения исторических деятелей, тонкие и неочевидные детерминации подобных процессов. В целом концепция прекрасно описывает различные аспекты роли «великой личности» в истории государства. Однако понятие отбора как объяснительного принципа здесь отсутствует. У Маркса данное понятие встречается главным образом в его экономической теории («конкуренция») и в его обращении к евгенической проблематике, где он отмечает разрушительный для человеческой биологии характер отбора при капитализме — «вырождение промышленного населения...» [4, с. 279]. В рамках же рассматриваемой проблемы понятие отбора сужается до отрицательного выражения реакции социальной среды на лидера. Это понятие имеет здесь скорее смысл «выбраковки» исторической личности как приговор общества за неоправданные в отношении этой личности ожидания. Тем самым понятие отбора сужается до значения чего-то локального, не связанного с эволюционным механизмом исторического развития. В качестве такового процесс отбора лишь «приспосабливает» деятельность «великой личности» к заранее заданной прогрессивной эволюции социума.

Именно потому марксистская рационалистическая концепция роли личности в истории включает в себе идею ее безальтернативности, фрактально повторяя линейную теорию неизбежности прогрессивной смены общественно-экономических формаций. И даже случайный характер выдвижения «великой личности» не связан здесь с отбором и конкуренцией. Речь идет лишь

о ее замене на другую личность, как бы стоящую до поры до времени в очереди, «в резерве».

Поэтому необходима дальнейшая теоретическая проработка данной проблемы на новом, более глубоком методологическом и категориальном уровне. Такая установка соответствует современному состоянию научной философии и диалектики, требующему конструктивного решения проблем, перехода от абстрактно-всеобщей диалектики к диалектике конкретно-всеобщей. Последняя вскрывает целый «пласт» новых диалектических закономерностей, к числу которых относится и закономерность отбора, отражающая объективно действующий всеобщий механизм развития [1, с. 7–8]. Фактически принцип отбора на протяжении XX – начала XXI в. приобрел значение общесистемного, общенаучного принципа, который применяется «от астрономии до психологии» [3, с. 296]. Думается, что то же относится к синергетике как неклассической науке, близкой к марксистской диалектике. Как общая теория самоорганизации синергетика — это пограничная область между философией и конкретной наукой, мост, связывающий философию с наукой. Не вдаваясь в дискуссию о соотношении синергетики и диалектики, следует признать, что и та и другая предлагают целый ряд инновационных идей, в частности, новые подходы к решению проблемы роли личности в истории государства и общества. Будучи фундаментальной феноменологией и эссенциологией самоорганизации, синергетика разработала свой мощный понятийный аппарат, включающий такие важнейшие категории, как порядок и хаос, тезаурус, выбор, отбор и суперотбор, детектор и селектор, бифуркация и аттрактор.

Согласно синергетике в процессах самоорганизации любых структур обнаруживаются стадии хаоса и порядка. Причем переход может быть от одних форм хаоса к другим формам хаоса, а не только к формам порядка. Это переходы от порядка к хаосу и от хаоса к порядку. Так и человеческая история является чередованием хаоса и порядка. Образ порядка — это отряд солдат, марширующих на военном параде. Это множество элементов, между которыми существуют устойчивые, повторяющиеся отношения как в пространстве, так и во времени. Образ же хаоса — это толпа, охваченная паникой. Здесь нет устойчивых повторяющихся отношений ни в пространстве, ни во времени.

Порядок и хаос вездесущи, они есть в экономической, политической и социокультурной сфе-

рах. Они есть и в биологической, и в исторической, и в космической реальности, и т.д. Порядок и хаос — это состояния объективной реальности, они носят предельно общий характер и эквивалентны философским категориям. Можно говорить об онтологическом аспекте понятий порядка и хаоса (неживая, живая природа и общество) и о гносеологическом аспекте самоорганизации как чередовании наших мыслей от порядка к хаосу. Аксиологический уровень — это уровень желаний, ценностей и идеалов, где может существовать идеологический порядок и идеологический хаос. И культура также подвержена самоорганизации: культурный порядок и культурный хаос. Невозможно поэтому согласиться с тем, что синергетика в вопросе о роли личности в истории в методологическом плане носит переходный от имперсонализма к персонализму характер. Ибо она признает решающую роль личности на отдельных отрезках истории — в точках бифуркации, но отрицает ее в иные периоды [2, с. 39]. Роль личности может действительно усиливаться, а может и уменьшаться в определенные исторические периоды, совершая переходы как к усилению, так и к ослаблению, и обратно. Поэтому как и в отношении марксистской концепции в рамках синергетического подхода уже невозможно говорить только о таком переходе. Подобно переходу от хаоса к порядку и от порядка к хаосу возможен качественный переход от персонализма к имперсонализму. А сама идея взаимосвязи противоположностей и перехода их друг в друга полностью соответствуют как диалектической, так и синергетической парадигме научной философии. Равным образом синергетика рассматривает развитие не только как качественное усложнение структур по формуле «от более простого к более сложному», в ней учитываются и процессы хаотизации, переходы от сложного к простому. Такого рода переходы от порядка к хаосу и от хаоса к порядку хорошо известны в истории человечества.

В конце XX в. некоторые мыслители стали отрицать глобальный прогресс [9]. Но что понимать под прогрессом? Если линейный, лапласовский прогресс, то его действительно нет. Но на смену этому линейному прогрессу приходят нелинейный прогресс и нелинейный детерминизм. Этот прогресс включает в себя «ветвистость», «волнистость» процессов: процессы иерархизации достигают максимума, а затем начинается распад, который, конечно, имеет также свои пределы. Есть и предел упрощения (распада) и предел усложнения (синтез). Так создаются и рушатся

империи. Но из хаоса вновь рождаются новый порядок, новая иерархия. Если тоталитаризм — это культ порядка, а анархизм — культ свободы, то либерализм есть синтез порядка и свободы. Поэтому в каждом случае процессы выбора и отбора «великой личности» должны иметь специфические особенности.

Таким образом, происходят процессы новообразования, с одной стороны, и процессы сохранения старого — с другой. Существует «винтовое или спиральное время» как единство обратимости и необратимости (примеры: возрождение объединенной Германии после разгрома Германии фашистской; возрождение политической иерархии в современной России после развала Советского Союза). Таковы универсальные эволюционные идеи синергетики. Но именно они должны лежать в основе анализа проблемы роли личности, взятой уже на уровне особенного.

В критических ситуациях общество нуждается в особых руководителях. На протяжении уже нескольких десятилетий западные страны не выдвигают таких «сильных» лидеров, как Рузвельт, Черчилль или де Голль, способных выдвигать и реализовывать новые, стратегические идеи. Старые же методы (и старые лидеры) выходу из кризиса не помогают, а скорее усугубляют кризис. Система «скатывается» к так называемым «странным» аттракторам. Другими словами, к такой ситуации, где исчерпывается все «известное» и наступает «неизвестное». Наступает эпоха бифуркаций, как бы развилка нескольких качеств на несколько других качеств, одного сценария на несколько других сценариев. Многозначность сценариев находится в одной точке, и проблема стоит как проблема выбора одного из сценариев. Если бы не было бифуркации, то свобода личности в принципе не могла бы существовать.

В эпоху бифуркаций велика роль случайностей. Она резко отличается от эпохи стабильности, характеризующейся наличием более жестких детерминаций и уменьшением роли личности в истории. Напротив, эпоха бифуркаций требует усиления роли личности в истории. Это также свидетельствует о том, что свобода может быть решающим фактором эволюции общества лишь в определенные (революционные) периоды истории. В эпоху бифуркаций свобода наблюдаема, социально значима, существенна и персонифицирована лидерами нового, идущего на смену старому. Здесь свобода существенна, как и случайность в самоорганизующейся системе, и сменяется эпохой «подавления свободы», когда роль ин-

дивидуальных инициатив наименьшая, почти никак не влияющая на текущую общественную жизнь, «маятник истории» качается то в сторону хаоса, то в сторону порядка, выдвигая соответствующие этим периодам требования к историческим личностям.

Одни претенденты на роль лидера (не обладающие нужными качествами) выбраковываются, другие — остаются, сохраняются, получают возможность претворять свои идеи в жизнь. Происходит сложный процесс отбора личности, которая затем начинает играть выдающуюся роль в истории. Только пересечение в данном месте и периоде определенных персональных качеств отдельного человека и сопутствующих им внешних условий позволяет сыграть роль в истории именно определенной «великой» личности.

Подобные мысли в завуалированной форме уже были у различных мыслителей. Одни полагали, что выбрать адекватного решаемым страной задачам правителя можно путем его активного обучения до или после вступления в должность. Другие (главным образом в Средние века) считали, что Бог продляет жизнь послушным его воле властителям и укорачивает другим, «плохим». Тем самым субъектами отбора правителя оказывались либо отдельные мыслители-наставники, либо сверхъестественные силы.

Однако обе позиции неверны. Отбор личностей происходит в рамках исторического процесса. В нем всегда имеет место единство материального и идеального, здесь нельзя ставить вопрос о том, что первично, а что вторично. Такое единство может быть построено на основе примата материального (т.е. материальных ценностей), а может — на основе примата идеального (т.е. идеалов) или же на основе того и другого. В этой ситуации именно отбор, подобно режиссеру, придирчиво производит «кастинг» актеров, пробуя их на разных ролях, дает время созреть, «прощает» совершенные ошибки и не выпускает со сцены, пока спектакль не будет доигран до конца. Применение понятия отбора необходимо для осуществления синтеза внутренних и внешних факторов, обуславливающих деятельность исторической личности, разрешение метафизической антиномии персоналистской и имперсоналистской парадигм.

Общеизвестно, что Дарвин в своем фундаментальном научном труде «Происхождение видов путем естественного отбора» впервые охарактеризовал отбор как творческий, движущий фактор эволюционного биологического процесса.

Вместе с тем сам ученый понимал, что значение селективного принципа — принципа отбора простирается далеко за рамки собственно биологического исследования и имеет фундаментальное значение и для антропогенеза, и для истории общества. Понятие отбора становится одной из важных категорий синергетики. Как и в продолжающемся синтезе материализма и диалектики, синергетика осуществляет переход от понятия отбора «вообще» к его проработке применительно к истории и социальной практике [8]. Так, в биологическом мире природа «тестирует» различные живые организмы на предмет их выживания в среде обитания. В обществе свобода наиболее отчетливо проявляется в зоне социальных бифуркаций, в условиях количественных переходов за границы меры и возникновения новых качеств внутри социума. Бифуркационный взрыв проявляется как качественный скачок. Свобода предполагает выбор в точке бифуркации одного из множества возможных путей развития как индивида, так и общества. Человек свободно выбирает ту или иную возможность — и этот выбор становится поводом (последним в ряду условий), который заводит механизм социального отбора. Последний является движущей силой социального развития, в частности отбора и устранения «великой личности». Поэтому необходимо обратиться к основным факторам отбора: тезаурус, детектор и селектор.

Социальный отбор предполагает, что есть то, из чего выбирают; есть то, кто выбирает; есть то, чем руководствуются при выборе. Первое — это тезаурус (сокровищница, набор возможностей, вариантов). Второе — это детектор (кто выбирает, кто ищет нужный выбор). Третье — это селектор (на основе чего выбирают, принцип, которым будут руководствоваться при выборе).

Синергетическая парадигма интерпретирует выбор как флуктуацию, позволяющую случайности формировать новую структуру соотношения возможностей (вероятностей), новый тезаурус и новый детектор. Он выбирает из тезауруса определенную структуру, превращая ее из возможности в действительность. В роли детектора выступает внутреннее взаимодействие элементов социальной системы. Такое взаимодействие противоречиво: это не только конкуренция противодействующих друг другу элементов, но и кооперация элементов, содействующих друг другу в этой «борьбе». Поведение этого «единства» известно в истории как «изменение соотношения сил» в той или иной социальной ситуации [7, с. 24–25]. Вы-

бор перетекает в отбор или становится элементом отбора, утрачивая свой вес в событии.

В процесс социального отбора вмешивается третий фактор, названный селектором. Он обеспечивает выбор из множества возможностей чего-то одного, чем мы руководствуемся, каким идеалом, ценностью, чтобы знать, что будет выбрано. Так, электорат может выбрать лидера страны, исходя из идеала «сильной руки», а может и исходя из идеала «либерала».

Только взаимодействие всех трех факторов делает понятной творческую силу социального отбора и способность творить «чудеса», которые проявляются в диспропорциональности следствия и причины. Речь идет о нелинейности второго рода в отличие от «линейных» процессов, для которых характерна пропорциональность следствия причине. Тогда малые воздействия могут приводить к очень большим последствиям, а большие — к совершенно незначительным последствиям [7, с. 26]. Новый тезаурус и новый детектор приводят структуру к определенному аттрактору, предзаданному на данной социальной среде. Аттрактором называется устойчивое состояние системы, которое как бы «притягивает» (*attrahere* — лат. притягивать) к себе множество «траекторий» системы, определяемых различными начальными условиями. Если система попадает в сферу аттрактора, то она неизбежно эволюционирует к этому устойчивому состоянию.

«Балом правит» отбор, выбор же играет роль повода — последнего в ряду необходимых условий, запускающего механизм социального отбора. На этом фоне возникает проблема роли личности в истории (случайный фактор, флуктуация микроуровня), но особенно — проблема социального аттрактора. Можно сказать, что аттрактор — это реальная структура, принадлежащая самой эволюционирующей системе и воспроизводимая ею всякий раз в той или иной форме. В системе воспроизводства социального бытия в рамках исторической динамики случайным образом (флуктуации, выбор/отбор) возникает «выход на аттрактор», начинается воспроизводство какого-либо продукта, удовлетворяющего определенную потребность. При этом случается и несовпадение: продукт производится, а нужная потребность не удовлетворяется. Таким «продуктом» может быть информация, организация, поведенческая норма, отношение, класс вещей или определенный тип людей. Если вести речь в терминах А. Тойнби, то аттрактор — это «ответ» системы на «вызов» среды (времени). «Ответ» — это процесс воспроиз-

водства определенного продукта, необходимого для потребностей социума в данный момент времени. Таким «ответом» может стать «великая личность», необходимая социуму в данной исторической ситуации, либо для его «расцвета», а может быть, и «на погибель».

«Попасть в конус действия аттрактора» означает для общества то, что оно вынуждено до известных пределов удовлетворять собственные потребности. Если нужный продукт (в данном случае — лидер, «великая» личность) не производится и система испытывает кризис или даже гибнет (как государство или этнос), то такая ситуация характеризуется определенным типом странных аттракторов. Другими словами, конечный продукт (лидер по принципу «свято место пусто не бывает») не удовлетворяет потребности общества, не вписывается в систему его воспроизводства. Система испытывает «застой», кризис, быть может, даже распад, потерю суверенитета и др. Если же потребность в лидере удовлетворяется, а система продолжает воспроизводиться, то такой тип ситуации называется простым аттрактором. При этом необходимо помнить, что понятие социального аттрактора включает в себя способ функционирования общественного производства, каковых (способов) ограниченное число. Система не может производить то, что выходит за рамки ее возможностей. Так, Гитлер, воюя на два фронта, исчерпал возможности тогдашней Германии, приведя ее в конечном счете к капитуляции. Отсюда следует, что количество возможных аттракторов, в которые может угодить (попасть, скатиться) система, ограничено. Аттрактор — не причина тех или иных изменений в социуме, он — структура функционирования общества в определенных условиях. Он предстает как необходимость, с которой не может не считаться ни один из «великих» людей эпохи. Данная необходимость объективно противостоит замыслам и воле правителя, ограничивая его свободу действия. А это значит, что на теоретическом уровне необходим учет объективной диалектики персоналистской и имперсоналистской парадигм, учет «органических» и «неорганических», объективных и субъективных обстоятельств исполнения «великой» личностью своей роли в истории. Синтез позиций возможен лишь на основе диалектики и синергетики.

Поскольку аттрактор предстает как необходимость, то заставить систему в этих условиях (со стороны отдельного субъекта) отказаться от формы функционирования, от структуры воспроиз-

водства весьма затруднительно. Поэтому, вопреки волюнтаристским подходам, выход на тот или иной социальный аттрактор формирует не выбор исторической личности, а сложная система социального отбора (детектор). Даже если выбор производит монарх, то не всегда абсолютный властитель может получить выход на воспроизводство необходимого для общества продукта. Нередко дело заканчивается бесполезной тратой людских и материальных ресурсов, особенно когда государство превращается в «сверхмашину».

Ряд современных публикаций свидетельствуют о возобновлении после продолжительного забвения интереса российских философов к проблеме роли личности в истории [2, 5, 6], что должно только приветствоваться. Вместе с тем в отмеченных и других работах фактически не используются богатые синергетические проработки данной проблемы. Более того, сформулированные выводы исследований не выходят даже на уровень диалектического решения антиномии персонализма и имперсонализма. Так, синтез данных противоположностей видится на пути вычленения всех позитивных элементов, имеющих как в персоналистской, так и в имперсоналистской парадигмах с тем, чтобы прийти к адекватным оценкам роли, которую играет какая-либо личность в историческом процессе [2, с. 117]. На деле никакого синтеза не получится, поскольку он предполагает принципиально новые «качественные» подходы к решению проблем. И даже там, где инструментально используется понятие отбора для синтеза противоположных концепций, сам отбор интерпретируется поверхностно, лишь на эмпирическом и описательно историческом (иллюстративном) уровне исследования. Здесь нет места внутреннему взаимодействию элементов социальной системы, а сам «исторический субъект» выступает поэтому изолированно, скорее как некий «Робинзон», волею случая ставший «великой личностью». Сама же социальная среда суживается до нескольких других, таких же отдельных, единичных индивидов. И лишь только между ними и происходит «борьба».

И все «случаи», работающие на выдвижение «великой личности», носят внешний, не связанный с идеалами и ценностями характер. Как будто в обществе, в том или ином его классе или социальном слое вообще отсутствуют идеологические, политические, экономические интересы, ценности и идеалы. Но без них нет и самого выбора. При этом чрезмерно большое внимание уделяется биологическим «случайностям» — об-

стоятельствам и фактам рождения будущей исторической личности, ее выживанию при тех или иных трагических обстоятельствах или выживанию его родителей, отца, матери [2, с. 106–111]. Однако, помимо мистического воображения, невозможно перейти от «случайного» сохранения жизни младенца Наполеона (который из чрева матери упал на пол) к его взлету к вершинам власти во Франции. Оставшись живым при рождении, Наполеон обрел лишь такую же абстрактную возможность стать «великой личностью», как и те миллионы людей, которые остались жить, но так и не стали выдающимися руководителями. Одно дело отбор биологический, но совсем другое — отбор социальный. В первом случае все подчиняется естественным процессам, а во втором — определяются принципиально иными, общественными процессами, в рамках которых только и происходит становление человека как личности. Социальный отбор переводит ситуацию из сферы бесконечной абстрактной возможности появления «великой личности» из миллионов ему подобных к возможности конкретно-исторической. Здесь начинаются (и заканчиваются) свободы человека, лежащие в основе осознанных процессов выбора и отбора «великой личности».

В заключение можно констатировать как принципиальную близость марксистской и синергетической парадигм в решении проблемы роли личности в истории, так и определенные различия между ними.

Такая близость определяется, во-первых, их последовательно научным характером, что позволяет успешно преодолевать различного рода идеалистические, мистические, волюнтаристские и субъективистские подходы к данной тематике. При этом марксизм и синергетика избегают и социал-дарвинизма как в целом, так и в интерпретации «механизмов» отбора применительно к человеческому сообществу.

Во-вторых, близость данных концепций основана на глубокой диалектической идее принципиального единства личности, общества и человеческой истории, единства свободы и необходимости, объективных (независимых от воли личности) обстоятельств, а также ее субъективных качеств. Место, роль и оценка «великой личности» зависят в конечном счете от того, совпадают или не совпадают идеалы этой личности с идеалами наиболее креативных классов и социальных групп социума. Наконец, их сближает представление о движении человечества к некоему притягательному будущему, будь то коммунизм или

аттрактор, в приближении к которым все более будут совпадать идеалы личности с идеалами общечеловеческими.

Вместе с тем необходимо отметить, что различие между марксизмом (диалектикой) и синергетикой связано с используемым в них тезаурусом понятийно-категориального аппарата. Упрекать же марксизм в том, что он, в отличие от синергетики, не признавал творческой функции хаоса и случайности, было бы неисторичным. А потому соотношение диалектики и синергетики следует оценивать скорее как стадии развития универсальной теории эволюции, в которой есть место для их дальнейшего развития и взаимообогащения.

Список литературы

1. *Внутских А.Ю.* Отбор в природе и отбор в обществе: опыт конкретно-всеобщей теории. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2006. 335 с.
2. *Душкова З.В., Нехамкин В.А.* Роль личности в истории: современный взгляд: монография. М.: Изд. дом Душковой, 2011. 160 с.
3. *Малиновский А.А.* Системная логика дарвинизма // Тектология. Теория систем. Теоретическая биология. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 426 с.
4. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. 907 с.
5. *Полькина О.О.* К вопросу о роли личности в истории // Ломоносовские чтения, 2004. М.: ТЕИС, 2005. С. 90–93.
6. *Померанц Г.С.* История в сослагательном наклонении // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 55–66.
7. *Синергетическая теория ценностей: коллективная монография / под ред. В.П. Бранского, С.Д. Пожарского.* СПб.: ЛЕМА, 2012. 168 с.
8. *Синергетическая философия истории / под ред. В.П. Бранского, С.Д. Пожарского.* Рязань: Копи-Принт, 2009. 314 с.
9. *Шанин Теодор.* Идея прогресса // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 33–37.

THE ROLE OF PERSONALITY IN HISTORY: DIALECTICAL AND SYNERGISTIC APPROACHES

Alexei F. Rodyukov

*Petersburg State University of Telecommunications;
61, Moika river emb., Saint Petersburg, 191186, Russia*

The attempt to compare the Marxist paradigm and synergistic with respect to the problem of the role of personality in history was firstly taken. The similarity of these concepts was noted. Firstly, was noticed the scientific character. Secondly was noticed a deep fundamental idea of dialectical unity of the individual, society and human history, the unity of freedom and necessity, of objective (independent of the will of the individual circumstances) and subjective qualities.

Key words: personalism; impersonalism; selection; social selection; thesaurus; detector; selector.

УДК 130.2: 800.1

ФИЛОСОФСКИЕ МЕТАФОРЫ В ТЕКСТАХ КУЛЬТУРЫ*Г.А. Ермоленко, С.Б. Кожевников*

В статье предпринят анализ метафор, содержащих интерпретации культурно-значимой символики сквозь призму философских текстов. Авторы показывают значение метафор для структурирования и организации смысловой ткани текстов культуры, где метафоры используются преимущественно в тех концептуальных рамках, которые связываются с той или иной философской традицией.

Ключевые слова: метафора; культура; философия; текст; структура; смысл; концепция; язык.

Традиционно метафора рассматривалась как троп, фигура речи и относилась к сфере литературоведения. XX век порождает новую стратегию изучения метафоры — как специфической мыслительной практики, выходящей за рамки словообразования. Метафора становится предметом философских исследований, представляющим познавательный и методологический интерес. Существенный компонент теории метафоры — практика интерпретаций. В связи с переосмыслением роли метафоры в процессе познания особенно важна возможность релевантного употребления философских метафор и адекватного понимания их значений. Каковы причины трудностей восприятия иносказательного содержания метафор и каковы возможные пути их преодоления — вот основные вопросы, которые необходимо разрешить. Но прежде всего необходимо выяснить, что вообще значит понять метафору.

И здесь мы сталкиваемся с первой трудностью — со сложностью обнаружения метафоры и проведения границы между буквальными и метафорическими значениями. Эта сложность, безусловно, возникает не во всех случаях метафорического употребления. Вполне очевидно, что называть бытие абсурдом — значит использовать метафору. Но вместе с тем есть бесчисленное множество случаев, когда метафору отличить от слова с обычным значением не так просто. Метафоричность целого ряда философских терминов не может быть зафиксирована непосредственно. К ним, в частности, можно отнести такие, как «Я» И.Г. Фихте, «Абсолютная идея» Г.В.Ф. Гегеля, «Воля» А. Шопенгауэра, «Бессознательное» Н. Гартмана. Интерпретируя их содержание на основе обыденной понятийной системы, мы неиз-

бежно оказываемся выключенными из подлинного смыслового пространства философского текста. Особую ценность в практике философского дискурса приобретает процедура обнаружения метафоры.

Исследуя ее, мы должны выяснить, исходя из каких принципов можно разграничить метафорическое и буквальное значения: на основе их существенного разведения или же на базе фиксации прагматических различий. Иными словами, необходимо установить природу уникальности метафорических значений. И первой очевидностью на этом пути становится признание семантической ускоренности различий метафорических и буквальных значений. Это вполне оправданно, так как не подлежит сомнению тот факт, что интерпретация метафоры в правилах естественного языка и формальной логики приводит нас к непониманию содержания философского текста. Так, совершенно непонятным становится практически любой его отрезок. Приведем к примеру отрывок из работы М.К. Мамардашвили «Философия — это сознание вслух»: «Философский акт состоит в том, чтобы заблокировать в себе нашу манию мыслить картинками. И когда мы убираем картинки и предметные референции из нашего сознания, мы начинаем мыслить. Это означает, что наше мышление всегда гранично или на пределе. Я поясню: то, что философы называют смыслом — смыслом истории или смыслом мироздания — это то, что никогда не реализуется в пространстве и времени. И никогда не исполняется в виде какого-нибудь события или состояния» [6, с. 60–61].

Буквальное понимание метафорического отождествления обыденного мышления с «манией мыслить картинками» сразу же разрушает про-

Ермоленко Галина Алексеевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии; Кубанский государственный университет; 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149; konzepters@yandex.ru.

Кожевников Сергей Борисович — доктор философских наук, профессор кафедры философии, наук; Кубанский государственный университет; 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149; konzepter@yandex.ru.

ясняющий эффект метафоры. Исчезает не только метафора, раскрывающая специфику философского мышления, но и последовательность философского повествования. Текст утрачивает свою семантическую целостность, теряет деятельный характер и застывает. Поэтому неизбежным для нас становится выделение метафоры из числа прочих употреблений языка философии. Но здесь возникает новый вопрос: если значение метафоры не тождественно буквальному значению, то как оно может быть проинтерпретировано? На признании различия значений метафорических и буквальных выражений строится трехфазная модель понимания метафоры, в соответствии с которой на первом этапе устанавливается буквальное значение выражения, на втором — это значение сопоставляется с контекстом. И на третьем начинается поиск метафорического значения [9, с. 166].

Эта модель предполагает, что понимание метафорических значений требует больших усилий, чем понимание буквальных выражений. Буквальные выражения считаются в ней внеконтекстуальными, хотя на практике мы часто убеждаемся в том, что и буквальная предикация не всегда поддается строгому описанию. Понимание ее так же зависит от контекста, как и понимание метафоры. К примеру, такой широко распространенный термин, как «структура», будучи используемым в самых разных науках, приобрел чрезмерную расплывчатость. В математике это представление о чем-то скрытом, внутреннем и в то же время представление о схеме, модели. В лингвистике он породил учение структурализма, им обозначают все лингвистические операции. В этнологии о нем говорят как о методе исследований. Тем самым отталкиваться в интерпретации метафоры от значений буквальных выражений — это все равно, что стремиться пояснить непонятное через не менее непонятное.

Так, Дж. Серль убедительно показал, что буквальное значение может быть установлено только на основе общефонового значения и зависит от определенных фактических представлений, находящихся в фоне и не входящих в буквальное значение. Эта фоновая информация и позволяет нам применять буквальные значения: «Тем самым даже в буквальных высказываниях, где значение говорящего совпадает со значением предложения, вклад говорящего в высказывание больше, чем просто семантическое содержание предложения: это семантическое содержание задает набор условий истинности только относительно набора предложений говорящего, и чтобы коммуникация

была успешной, эти предложения должны разделяться слушающим» [8, с. 311].

Дж. Серль выделяет три свойства буквальных высказываний, которые необходимо учитывать при описании метафор. Во-первых, буквальное значение совпадает со значением высказывания говорящего: в буквальном высказывании говорящий имеет в виду то, что он говорит. Во-вторых, значение буквального выражения задается относительно набора фоновых предложений, которые не входят в семантическое содержание предложения. В-третьих, буквальное значение так же, как и метафорические, связаны с понятием сходства [8, с. 311]. Таким образом, очевидной становится невозможность полного отрицания семантического различия метафорических и буквальных значений. Нам удалось убедиться в том, что в семантическом отношении между метафорами и буквальными выражениями больше общего, чем различного. Между тем нами было также показано и то, что метафора не может быть проинтерпретирована исходя из формально-логического подхода, так как он не может фиксировать скрытый смысл высказывания.

Теоретически можно предположить два возможных пути решения сформулированной нами проблемы. Во-первых, отождествление метафоры с одним из видов буквальных выражений и, как следствие, интерпретация ее в соответствии с правилами естественного языка. Во-вторых, отказ от поиска адекватной в когнитивном отношении субституции метафоры. Допуская первое, можно предположить, что метафора представляет не обычное буквальное выражение, а его новое, «расширенное» значение [4, с. 176]. Причем это «расширение» в таком случае обозначает новую сущность, обладает прямой референцией к объекту. Но тогда, как замечает Д. Дэвидсон, «стирается разница между метафорой и введением в лексикон нового слова: объяснить таким образом метафору — значит уничтожить ее» [4, с. 176].

Метафоры действительно обогащают язык философии новыми терминами, но значения этих терминов не имеют устойчивых семантических характеристик. Зачастую в одном и том же тексте они могут быть разными. Так, в работе «Введение в философию» М.К. Мамардашвили называет «замкнутым кругом» возникающие трудности при изложении своего понимания философских проблем, замечая, что «делал непозволительные вещи для строгого разговора: сравнения, использовал метафоры, обыденные примеры и пр., потому что иначе я бы оказался в замкнутом кругу. Мне

приходилось бы объяснять какие-то вещи, употребляя уже специальный язык философии, а он сам не объяснен, и поэтому был бы замкнутый логический круг» [5, с. 52]. И тут же слово «круг» он использует, раскрывая свое понимание бытия: бытие — «сфера, созданная вечным движением точки, — круг» [5, с. 53]; «сфера, центр которой нигде, а окружность везде», полнота бытия — «собираение себя вокруг какого-то центра» [5, с. 54]. В каждом из рассмотренных случаев значение нового термина, вводимого автором текста, совершенно различно. В первом примере термин «круг» означает неэффективную работу мысли, а во втором он призван обозначить бытие как атрибут индивидуального сознания.

Иначе интерпретируется новый термин с буквальным значением, введенный в философский текст. Так, Э. Гуссерль, описывая процесс феноменологической редукции, переход от естественной к феноменологической установке, использует термин «эпохе», который в его философии начинает означать воздержание от суждений о мире. Целесообразность введения нового термина обусловлена здесь осознанием недостатка языковых средств классической философии и необходимостью обозначения новой философской реальности, новой онтологической области, открытой Э. Гуссерлем. При этом термин «эпохе» сохраняется как устойчивое семантическое образование не только в текстах Э. Гуссерля, но и в работах его последователей. Открывая новый способ опыта, мышления, теоретизирования, он формулирует отказ философа от постановки вопросов о бытии, ценностях, красоте, пользе, добре и т.д. [3, с. 188].

Тем самым невозможность отождествления метафоры со словарным нововведением не подлежит сомнению. Метафора не может быть проинтерпретирована как разновидность буквального значения. Между тем очевидным это становится только в контексте новой теории референции. Восходящая же к эпохе античности метафизическая теория значения, считающая значение строго определенным отношением между языком и миром, обосновывает субституциональный взгляд на метафору. Согласно этой точке зрения метафора служит для передачи смысла, который мог бы быть выражен буквально. Использование ее вызвано недостатком традиционных терминов для выражения новых реалий или же стремлением найти краткий эквивалент буквальным значениям. Интерпретация метафоры в рамках этой теории уподобляется дешифровке, разгадыванию.

Субституциональный взгляд на метафору настолько укоренился, что продолжает оказывать влияние на современные представления о содержании метафорических высказываний. Так, на нем основывается определение метафоры, данное в эстетическом словаре. Оно утверждает, что метафора — это перенесение значений одного предмета на другой при осознании их различия. Но вместе с тем широкое распространение в современной науке новой теории референции, основанной на концепциях значений Г. Фреге и Б. Рассела, подвергает сомнению возможность адекватной в когнитивном отношении субституции метафоры. Значение метафоры признается принципиально отличным от значений буквальных выражений.

Очевидной становится невозможность окончательной и полной субституции метафоры. Это убедительно показал Д. Дэвидсон, отрицая конечность и пропозициональность содержания метафор: «На самом деле то, что представляет нашему вниманию метафора, не ограничено и не пропозиционально. Когда мы задаемся целью сказать, что “означает” метафора, то вскоре понимаем, что перечислению не может быть конца. Если кто-то водит пальцем по береговой линии на карте или любуется красотой и искусностью линии в рисунках Пикассо, то к чему именно привлечено его внимание? Можно было бы назвать бесконечное множество моментов, ибо идея полноты и исчерпанности к такому перечислению неприложима. Сколько же фактов или пропозиций передается фотографией или картиной: ни одного, бесконечное множество или один большой факт, который не поддается выражению? Это плохой вопрос. Картина не нуждается ни в тысяче слов, ни в любом другом их количестве. Между картиной и словом невозможен эквивалентный обмен» [4, с. 191].

Признание принципиального отличия метафорических значений от буквальных влечет за собой два важных вывода для нашего поиска средств реконструкции метафорических значений. Первый из них заключается в том, что значение метафоры не может быть перефразировано, подвергнуто формально-логическому объяснению. Второй приводит нас к мысли о том, что интерпретация не сводима к познанию некоторой истины или факта. Она не образует новой предметной области. Между тем известно, что метафора образует новое значение. Логично предположить, что оно должно опираться на прежнюю предметную область и на соответствующие ей

значения. Ими же могут быть только буквальные значения. Вполне ясно, что полное исключение буквальных выражений из предложения приводит к созданию загадок и аллегорий, также уничтожающих эффект метафоры, как и передача ее смысла другими словами. Единственную возможность реконструировать значение метафоры в философском тексте предоставляет анализ буквальных значений, так как ничто, кроме них, не является в такой степени доступным нашему пониманию. Но тогда не вполне проясненным становится то, как нам при этом избежать простого перефразирования метафоры. Ведь это тоже влечет за собой потерю специфики ее содержания. Особый интерес для нас представляют идеи Д. Дэвидсона, который также строит свои размышления о путях реконструкции метафорических значений на основе анализа буквальных.

Д. Дэвидсон исходит из того, что метафоры означают только то, что означают входящие в них слова, взятые в своем буквальном значении. Но это не отрицает и тот факт, что метафора содержит в себе «изюминку». В противном случае, как он утверждает, значения стертых метафор (ставших частью языка) коренным образом не отличались бы от значений живых метафор. Но это отличие, бесспорно, существует, что позволяет предположить, что эффект метафоры заключается не в ее значении. Считая теорию метафорического значения заблуждением, Д. Дэвидсон идентифицирует скрытое содержание метафоры с тем воздействием, которое метафора на нас оказывает. Он утверждает, что нужно «делать упор на содержании мыслей, которые вызывает метафора, и вкладывать это содержание в саму метафору» [4, с. 189]. Он совершенно справедливо акцентирует внимание не на том, что означает метафора, а на том, как связана метафора с тем, что она заставляет нас увидеть: «Нам представляется, будто существует некоторое содержание, которое нужно “схватить”, в то время как речь идет о том, к чему метафора привлекает наше внимание» [4, с. 191].

Д. Дэвидсон приходит к выводу о том, что наши попытки буквально описать содержание метафоры просто обречены на провал. Метафору он целиком относит к сфере употребления и именно с ней связывает скрытый смысл метафоры: «Метафора, делая некоторое буквальное утверждение, заставляет нас увидеть один предмет как бы в свете другого, что и влечет за собой прозрение» [4, с. 192]. Более того, интерпретация метафорических выражений бессмысленна. Зачем интер-

претировать то, что и так лежит на поверхности? Внимание исследователей должно быть привлечено к выявлению способа употребления метафорой буквальных значений. Между тем речь не идет об ограничении метафорой содержания буквальных выражений. Значение метафоры вообще не описывает какой-либо факт, оно лишь способствует его адекватному восприятию: «Полагать, что метафора достигнет своей цели только путем передачи закодированного сообщения, — это все равно что думать, что поднатворивший интерпретатор может передавать прозой смысл шутки или фантазии. Шутка, фантазия, метафора могут, подобно изображению или удару по голове, помочь оценить некоторый факт и даже не передают его содержания» [4, с. 190].

Д. Дэвидсон тем самым вполне справедливо исключает из процедуры понимания метафор необходимость поиска адекватных им в когнитивном отношении субституций. Теорию интерпретации он ориентирует на исследование прагматических аспектов значения метафоры. В целесообразности такой переориентации легко убедиться. Возьмем, к примеру, насыщенное метафорами предложение из текста Г. Риккерта «Философия жизни». Так, автор пишет: «В мышлении и философствовании мы будем с любовью заглядывать в очи жизни, ища сверкающего в них “золота”, и будем хранить его, поскольку это совместимо вообще с мышлением» [7, с. 332]. Попробуем заменить все метафорические выражения буквальными и проследить, как от этого будет меняться содержание текста. Исключая метафоры, предложение Г. Риккерта можно воспроизвести следующим образом: «В своем мышлении и философствовании мы будем учитывать антропологические проблемы, так как они тоже имеют философскую природу». Тем самым метафора «заглядывать в очи жизни» может быть перефразирована только как «учитывать антропологические проблемы», а метафора «хранить сверкающее “золото”» — как «иметь философскую природу».

Очевидной становится несоизмеримость содержания метафор и их буквальных эквивалентов. Перефразируя метафоры, мы все-таки не можем понять, почему Г. Риккерт считает проблемы жизни философскими. Приписывая метафорам строгие значения, мы не только получаем неполное представление о сути философского высказывания, но и в конечном счете — неправильное представление. За пределами нашего внимания остается самое главное — то, как сам автор оценивает его достоверность, и мы оказываемся вы-

нужденными приписывать свою оценку, так как всякое понимание — прежде всего акт оценки. Учитывая оценочную компоненту метафоры, попытаемся выявить те смысловые акценты, которые расставляет сам автор. Так, в метафорическом употреблении Г. Риккертом слова «любовь» по отношению к антропологическим проблемам чувствуется его вера в их философские перспективы, индивидуальное принятие и восторженное отношение. Метафора «заглядывать в очи жизни» указывает на то, что Г. Риккерт считает необходимым исследовать не все, что связано с жизнью человека, а только наиболее существенное. И вместе с тем она акцентирует внимание на возможности продуцировать при решении антропологических проблем достоверные философские суждения. В метафоре «сверкающее “золото”» Г. Риккерт демонстрирует свое отношение к результатам анализа проблем жизни как к имеющим непреходящую философскую ценность. И в то же время он показывает их очевидность, заметность, легкость обнаружения. Метафорическое употребление слова «хранить» говорит о намерениях автора избрать эффективную методологию для анализа антропологических проблем.

Сводя интерпретируемое предложение к простейшим вопросам и давая на них ответы с помощью тех акцентов, которые расставляют в философском тексте метафоры, мы можем разрешить поставленную нами изначально проблему. Обнаруженные нами причины необходимости философского анализа проблем жизни заключаются в следующем. Во-первых, анализ проблем жизни может быть проведен на базе специальных методологических принципов и завершиться вынесением достоверных суждений. Во-вторых, объектом этого анализа является то, что наиболее ценно, существенно. И, в-третьих, расширяя традиционный объект философии за счет включения в него того, что кажется очевидным, проблемы жизни вносят дополнительные когнитивные перспективы в философское познание.

Таким образом, на примере конкретного предложения мы убедились в неэффективности интерпретации метафоры по аналогии с буквальными выражениями. От этого, как было нами показано, страдает как понимание всего философского текста, так и непосредственно связанное с ним понимание метафоры. Нами было продемонстрировано и то, что значение метафоры не имеет специфического объекта описания, его роль сводится к расстановке акцентов и даче оценок. Относя эффект метафоры исключительно к сфере

употребления, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом о том, что представляет собой эта сфера. И здесь важными для нашего исследования оказываются идеи М. Блэка. Формулируя интеракционистскую точку зрения на эту проблему, М. Блэк называет окружение метафоры «рамкой». «Рамка» метафоры обозначает то, что способствует правильному пониманию «фокуса» метафоры, ее скрытого смысла. А это те особые обстоятельства, в которых возникает метафора: интонация, словесное окружение, исторический фон и т.п. В «рамку» метафоры входит и оценка автора. Но вместе с тем невозможно унифицировать определение степени весомости метафоры. Стандартных правил взаимодействия «рамки» и «фокуса» метафоры не существует. М. Блэк утверждает, что для того, «чтобы понять, что имеет в виду говорящий, нам надо знать, насколько “серьезно” он относится к фокусу метафоры. (Довольствуется ли он приблизительным синонимом или выбирает именно это слово, которое и является единственно возможным? Должны ли мы воспринимать это слово как само собой разумеющееся и обращать внимание только на его наиболее общие импликации — или же мы должны более подробно остановиться на его не столь очевидных ассоциациях?) В живой речи большую помощь нам могут оказать эмфаза и интонация. Но в письменном или в печатном тексте нет даже этих минимальных показателей» [1, с. 157].

Какие же средства могут быть нами использованы для реконструкции значений метафор в философских текстах? С точки зрения интеракционистской теории для понимания метафоры необходимо владеть системой общепринятых ассоциаций, которую актуализирует та или иная метафора. Процедуру этой актуализации М. Блэк сравнивает с наблюдением за ночным небом через закопченное стекло: «Предположим, что я смотрю на ночное небо через закопченное стекло, на котором в некоторых местах прорисованы чистые линии. Тогда я буду видеть только те звезды, которые лежат на этих линиях, а картину звездного неба можно будет рассматривать как организованную системой этих линий. Нельзя ли считать метафору таким же стеклом, а систему общепринятых ассоциаций фокусного слова — сетью прорисованных линий?» [1, с. 165]. «Систему общепринятых ассоциаций» М. Блэк называет контекстом, от которого и зависит значение метафоры.

Определяющая роль контекста в процессе интерпретации метафоры была замечена еще в раннем Средневековье, и сейчас она уже общее место

в герменевтической традиции. Однако на фоне этой, казалось бы, тотальной изученности непонятым остается самое главное — каковы необходимые для интерпретации метафоры границы контекста. В философском тексте эти границы не могут заканчиваться на «системе общепринятых ассоциаций». Границы понимания устанавливаются самим текстом. Малейшие же изменения его структуры влекут за собой переосмысление метафоры, а зачастую — даже утрату ее скрытого смысла. И в этом легко убедиться на примере классического для философии термина «идея».

В платоновских диалогах он, как известно, имеет метафорическое значение. В буквальном смысле он обозначал то, что видимо: ту изменчивую реальность, которая открыта глазу. В контексте же диалогов Платона он указывает на зримость незримого, на то, что разуму становятся открытыми по своей природе незримые сущности и ум видит их отчетливее глаза. Интересны для нас и те метаморфозы, которые претерпевает термин «идея» в современных философских текстах. Известно, что, став классическим термином, он приобрел устойчивое содержание. Его метафоричность стерлась, но последнее не помешало ему участвовать в современных словообразовательных процессах языка философии. Так, на почве термина «идея» возникают не только новые термины (идеология, идеализм, идейность, идеализация, идеал), но и новые метафоры. Их образование протекает в пространстве новых текстов. Так, содержание метафоры «эйдетическая память», обозначающее память, лежащую в основе всякого образного мышления, становится понятным при чтении конкретного текста, в данном случае — работы Л.С. Выготского и А.Р. Лурии «Этюды по истории поведения».

Для понимания метафоры оказывается недостаточным знания словарных значений образующих ее буквальных выражений. Необходимо понять философскую мысль, прочесть весь текст. Метафора не может быть проинтерпретирована внутри ограниченного контекста, так как она не имеет эмпирического научного смысла. Смысл метафоры определяется мыслью автора философского текста. В одном тексте метафорическое выражение, употребляясь сотни и даже тысячи раз, все равно останется метафорой, тогда как в другом оно может быть воспринято сразу же как буквальное.

Метафора возникает всякий раз заново в каждом новом тексте. Но в то же время ее содержание мы не можем свести и к проявлению необу-

данной хаотичности мысли. Будучи элементом текста, метафора подчиняется организационной структуре текста, его внутренней логике. И учредителем этой логики является не только сам автор текста. За каждым текстом стоит система языка, единое знаковое пространство, в пределах которого происходит смыслотворчество автора и интерпретатора. Текст как создается, так и истолковывается с учетом терминологического употребления слов, так как всякое слово в нем уже предполагает определенное значение. Поэтому, чтобы понять значение метафоры философского текста, нужно прежде всего установить значения употребляемых в философском тексте терминов. И в этом смысле на содержание метафоры оказывают влияние буквальные значения. Они выступают как семантический контекст метафорического выражения. В качестве примера приведем отрывок из текста Э. Гуссерля «Картезианские размышления»: «В противоположность Декарту, мы углубимся в разрешение задачи по раскрытию бесконечного поля трансцендентального опыта. Декартова очевидность, очевидность положения “ego cogito, ergo sum”, не приносит плода, поскольку он пренебрег не только прояснением чистого методического смысла трансцендентального эпохе, но и вниманием к тому, что ego само может до бесконечности систематически истолковывать себя посредством трансцендентального опыта» [3, с. 93].

Вполне очевидно, что для понимания метафоры Э. Гуссерля «трансцендентальный опыт — бесконечное поле» необходимо прежде всего выяснить значение термина «трансцендентальный опыт», а для понимания метафорического указания Э. Гуссерля на бесплодность «очевидности Декарта» требуется знать не только, что и почему казалось Декарту очевидным, но и то, как это было переосмыслено Э. Гуссерлем в контексте его феноменологии. Поэтому контекстом, в котором мы интерпретируем метафору, становится сама философская традиция. Наше владение философской лексикой оказывается невозможным без ощущения принадлежности к традиции, без ощущения того, что мы не только говорим, но и мыслим по ее правилам.

И в этом плане особую важность для поиска эффективных путей интерпретации метафор философских текстов приобретает реабилитация понятий «авторитет» и «традиция», которая была проделана Х.-Г. Гадамером. Связывая негативный смысл этих понятий, возникающий в эпоху Просвещения, с идеей абсолютного самоконструиро-

вания разума, Х.-Г. Гадамер требует их принципиального пересмотра. Он полагает, что авторитет становится источником предрассудков только тогда, когда он занимает место собственных суждений. Но в остальных случаях он может являться источником истины. Х.-Г. Гадамер отрицает господствовавшее в эпоху Просвещения мнение о том, что авторитет влечет за собой отречение от разума и подчинение. Он считает, что авторитет покоится на действии самого разума.

С деятельностью разума Х.-Г. Гадамер связывает и роль традиции в нашем познании. Снимая противоположность между историей и знанием о ней, Х.-Г. Гадамер приходит к выводу о том, что включение традиции в процедуру познания может быть плодотворно для герменевтики: «Правильнее будет мыслить историческое сознание не как нечто радикально новое — чем оно кажется на первый взгляд — но как новый момент в рамках изначального человеческого отношения к прошлому. Следует, другими словами, признать в нашем отношении к истории момент традиции и поставить вопрос о его плодотворности для герменевтики» [2, с. 336].

Естественно предположить, что, оказывая влияние на познание в целом, традиция во многом определяет и значения метафор. И в этом плане метафору тоже правильнее было бы мыслить не как нечто радикально новое, а как феномен, содержание которого имеет историко-культурные координаты. Ведь вполне очевидно, что в текстах, принадлежащих к иным философским традициям, один и тот же термин может иметь разные смыслы. В одну эпоху он может употребляться в буквальном значении, в другую — в метафорическом, что делает его совершенно непонятным без учета его принадлежности к той или иной философской традиции.

Это, в частности, относится к термину «симулакр». Генетически связанный в классической эстетике с теорией мимесиса, он на протяжении столетий означал подобие действительности как результат подражания ей, был одним из синонимов художественного образа. Но уже в эпоху нового времени термин «симулакр» приобретает метафорическое значение. Он начинает связываться с игрой, подменой действительности. Но на этом исторические метаморфозы термина не заканчиваются. Его новая, современная жизнь начинается в 80-е гг. XX в. в контексте эстетики постмодернизма. Термин «симулакр» вообще утрачивает в ней свое прежнее миметическое значение. Став одним из ключевых понятий постмо-

дернистской эстетики, он символизирует нечто противоположное — конец подражания, референциальности. Значение термина «симулакр» изменяется вплоть до своей противоположности: если в классической эстетике оно было связано с подобием реальности, то в современной оно полностью утрачивает этот смысловой оттенок и сводится к пустой форме, видимости, правдоподобному подобию. В этом значении его употребляет Г. Беме: «Эстетизация реальности началась давно, тогда, когда начали включать в эстетику воображение, внешний вид, сферу симулакра (*der Simulakra* — видимость), что в конечном счете привело к вытеснению реальности» [10, S. 13].

Таким образом, важнейшей задачей становится определение той философской традиции, к которой принадлежит текст, а следовательно, и метафорическое выражение. И здесь нас прежде всего интересует обнаружение тех философских теорий, которые оказали влияние на формирование философского текста, той концепции истины, в рамках которой осуществлялся подбор средств аргументации. Так, изменения содержания термина «симулакр» могут быть зафиксированы на основе разграничения принципов античной и постмодернистской эстетики. Но вполне понятно и то, что философская традиция не должна объяснить все факты, встречающиеся на ее пути. Ее назначение мы видим только в том, чтобы очертить наиболее общие границы того контекста, в котором происходит формирование значений метафорических выражений.

Список литературы

1. *Блэк М.* Метафора // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 153–173.
2. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 700 с.
3. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Философия как строгая наука. Новочеркасск: САГУНА, 1994. 353 с.
4. *Дэвидстон Д.* Что означают метафоры // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 173–193.
5. *Мамардашвили М.К.* Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996. 430 с.
6. *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992. 189 с.
7. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 411 с.
8. *Серль Дж.* Метафора // Теории метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990.

- С. 307–341. 1985. 220 с.
9. *Философские основания научной теории*. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 10. *Vohme G. Atmosphere*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. 203 S.
-

PHILOSOPHICAL METAPHORS IN CULTURAL TEXTS

Galina A. Ermolenko, Sergey B. Kozhevnikov

Kuban State University; 149, Stavropolskaya str., Krasnodar, 350040, Russia

The article is devoted to analysis of metaphor's interpretation means in philosophical texts. The authors show that metaphors are subordinated to text's organizational structure. She comes to the conclusion that metaphor's interpretation procedure is always under the influence of philosophical tradition that text belongs to.

Key words: metaphor; culture; philosophy; text, structure; meaning; concept; language.

УДК 130.2

ФЕНОМЕН МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Е.В. Кузнецова

Предмет исследования — феномен массовой культуры. Автор выделяет характерные черты этого явления и дифференцирует массовую культуру индустриального общества и массовую культуру постиндустриального общества. Рассмотрены опасности, связанные с дальнейшим развитием массовой культуры, подчеркивается важность сохранения этнических культур.

Ключевые слова: массовая культура; индустриальная цивилизация; массы; элита; средства массовой информации; иллюзии; клип-культура; коммуникация.

Теории Просвещения с культом равенства всех, с отказом от религиозных традиций и формированием доктрины рационализма легли в основу идеи самодостаточности бытия отдельного человека.

Средневековый человек, как отмечал философ и католический священник Р. Гвардини, «был абсолютно меньше Бога, но, безусловно, больше всякой другой твари, он был послушен высшей воли», но стоял «открытый со всех сторон Божьему взору» и «сам направлял во все стороны энергию духовного господства над миром» [5, с. 134]. Человек Просвещения и всей эпохи Нового времени уничтожил в своей душе чувство Бога и стал постигать мир как результат естественных природных процессов. Именно эпоха Нового времени, а именно индустриальная цивилизация, сложившаяся на данном историческом отрезке, сформировала тип массового потребителя, обладателя таких качеств, как вседоступность и вседозволенность. Научно-техническая революция позволила человечеству сделать немало жизненно необходимых открытий, но в то же время успехи в области науки и техники сформировали безграничную веру в возможности человеческого мышления. Слишком большая роль стала отводиться логике и рациональности. К. Лебак утверждает, что одна из основных ошибок человечества заключается в преобладании рационального метода познания как единственно верного.

Непоколебимая вера в рассудок привела еще к одной беде индустриальной эпохи — утрате духовного и нравственного начал в человеческой сущности. Одним из серьезнейших дефектов сознания современного человека стало чувство абсо-

лютного и ничем не ограниченного превосходства над природой. Р. Атфилд видит причину возникновения многих глобальных проблем в вере в прогресс, унаследованной от эпохи Просвещения и немецких метафизиков и абсолютизированной в эпоху индустриального капитализма, что дало оправдание безжалостной эксплуатации природных богатств. «Совершенно ошибочно считать, — пишет Р. Атфилд, — что если людям — существам моральным — столь всерьез многое вверено, то это непременно должно означать отсутствие моральных запретов на практике. Господь, по Библии, заботится о благосостоянии всего живого, а не только человека, и люди в соответствии с этим обязаны заботиться о природе, не разрушать ее целостность в подчинении собственным нуждам» [1, с. 232].

Однако по своей сути человек, провозгласив себя Господином на Земле, наедине с самим собой оставался слабым и нуждался в психологической защите, функцию которой ранее выполняла религия. В Новое время религиозные традиции были разрушены и функция защиты передана массовой культуре, создавшей и подарившей человеку новый иллюзорный мир.

Впервые в философских работах и социально-психологических исследованиях конца XIX в. и рубежа XIX–XX вв. были осмыслены феномены массы и массовой культуры, как следствие, элиты и элитарной культуры.

Одним из первых, кто поставил вопрос о существовании принципиально нового типа культуры, был представитель немецкой философской школы И. Гердер. Он разделял «культуру ученых» и «культуру народа». «Культура народа» —

это не что иное, как простая культура, не требующая каких-либо специальных условий (подготовки, образования) для усвоения. А. Шопенгауэр и Ф. Ницше обосновали достаточно четко понятия «массовой» и «элитарной» культуры.

А. Шопенгауэр рассматривал человечество как состоящее из «людей пользы», способных только к воспроизведению, и «людей гения», ориентированных на художественно-творческую деятельность. В работах Ф. Ницше обосновывается мысль о «сверхчеловеке», некоем аристократе духа, наделенном творческими способностями, эстетической восприимчивостью. Большая же часть человечества — люди неполноценные, принижённые до состояния рабов и орудий, и пожертвовать их жизнями во имя будущего Ницше считал возможным.

Русский социолог Н.К. Михайловский рассматривал понятия «одиноким человек» и «человек в массе». По его мнению, это два совершенно разных существа, где человек как часть массы становится воплощением стадности, шаблонности. Для такого субъекта характерны преобладание эмоции над разумом, утрата личной ответственности, нарушение контроля над своими действиями. В массе, как правило, у человека нивелируется нравственное начало.

Н.А. Бердяев также рассуждал о противопоставлении элитарной культуры массовой, подлинной культуры — цивилизации. Он считал, что «высшая культура нужна лишь немногим», а «для средней массы человечества нужна лишь средняя культура» [2, с. 259]. Согласно его позиции, подлинная культура может быть создана только родовой элитой, аристократией, а не буржуазией, не имеющей укоренившихся аристократических традиций, и не пролетариатом, даже не стремящимся к этому.

Идеи Бердяева близки знаменитому испанскому философу Х. Ортеге-и-Гассету, теоретически обосновавшему феномен массовой культуры и массовости. Массовая культура, как он считал, — это культура массового человека, воспринимающего жизнь как поле наслаждений, убежденного, что общество и государство должны удовлетворять его желания [12, с. 121–122]. Под «человеком массы» Ортега-и-Гассет понимал не социальный тип личности, а психологический феномен, считая, что социальное происхождение не определяет характер и уровень образованности. Он писал, что и в среде рабочих можно встретить исключительные характеры.

Массовый человек ограничен, стереотипен, ему для завершенности картины мира требуется

набор стандартизированных ситуаций. В то же время ему необходим мир фантазий и иллюзий, где он спасается от сложностей окружающего мира.

З. Фрейд, основатель психоанализа, со своей стороны также пытался рассматривать массу как феномен через призму эмоциональных, любовных, либидозных привязанностей. Он доказывал, что Эрос — стремление к любви и Танатос — стремление к смерти в равной степени позитивны, пронизаны одновременно и эротическим, и агрессивным началом. При этом Эрос выступает как инстинкт сохранения рода, Танатос — как инстинкт самосохранения, и если первый конструктивен всегда, то второй может выступать и как деструктивное начало. Фрейд считал, что вся человеческая история — это жестокость и половое влечение, тесно связанные друг с другом [17, с. 425]. Соответственно, если мы проанализируем содержание продуктов современной массовой культуры, то убедимся, что психоаналитик был действительно прав, поскольку в данных продуктах отражаются оба эти инстинкта.

Работами К. Манхейма ознаменован новый этап в осмыслении массы и массовой культуры. Проблему массовой культуры К. Манхейм рассматривал через социальные, политические, экономические процессы, происходившие в обществе [9, с. 41]. Причем феномен возникновения массовой культуры он объяснял социальными трансформациями не только массы, но и элиты. Изменение статуса высокой культуры в обществе связано, как он считал, с увеличением числа элитарных групп, утратой их обособленности, взаимной нейтрализацией, и произошло все это благодаря формированию в обществе массовой демократии. Размывание элиты повлекло за собой и политические уровни элитарной культуры.

С тех пор как была сформулирована теория индустриализма, массовая культура как типичный феномен индустриального общества стала объектом всеобщего внимания исследователей. Основными причинами возникновения и распространения массовой культуры принято считать:

- урбанизацию;
- разрушение сословных отношений и общинных связей;
- начало становления гражданского общества;
- распространение образования.

Специалисты выделяют на сегодняшний день следующие атрибуты массовой культуры: преобладание потребительского отношения к информативно-культурным ценностям, приобретаемым в развлекательных целях как предметы купли-

продажи; многократное репродуцирование этих предметов и их стереотипизация с помощью новейших технических средств; акцент на клишированных модных формах и рекламируемых стилях; усредненность вкусов, снижение интеллектуальных критериев; тяга к взаимоподражательству и единообразию в усвоении этих тенденций, закрепляемых с помощью СМИ, в первую очередь с помощью аудиовизуальных средств.

Но мнения по поводу массовой культуры (mass culture) расходятся. Ряд аналитиков высказывает точку зрения, что стандартизация, повышающая прибыльность массовой культуры, распространяемой в глобальных масштабах с помощью СМИ, приучает потребителей к китчу, к диктату моды и ее стереотипов, что препятствует сохранению и развитию интеллектуально-художественных традиций национальных культур и мировой культуры в целом. К этому ведет коммерциализация и интеграция средств массовой информации с рекламным бизнесом, поскольку прибыль и интеллектуально-культурная деятельность, общественные функции СМИ несовместимы.

Во второй половине XX в. родились такие понятия, как «человек-локатор» (Д. Рисмен), «одномерный человек» (Г. Маркузе), «самоотчужденная личность» (Э. Фромм).

Э. Фромм считает, что причина одиночества современного человека, его отчужденности от социальных институтов кроется в экономической деятельности, в стремлении достичь финансовой независимости. При капитализме, по мнению Э. Фромма, человек превратился в «деталь гигантской экономической машины», по отношению к которой он совершенно ничтожен [18, с. 90]. Наилучший способ уйти из действительности, в которой человек ощущает себя беспомощным и слабым, — массовая культура с ее компенсаторной функцией. Но в таком мире человек не является самим собой, исчезает «различие между собственным “Я” и окружающим миром».

Центральное положение концепции Г. Маркузе сводится к тому, что житель современной цивилизации находится под властью «тоталитарного универсума технической рациональности». Человек, вынужденный конформистски приспособливаться к окружающему миру, имеет потребительскую идеологию, отсюда его «одномерность», т.е. ориентированность только на сохранение общества в его существующем виде, потребление и приобретение, а не на созидание и творение [10, с. 92].

Д. Рисмен связывает изменение качественных характеристик человека с переориентацией его внутренней событийности на внешнюю, что проявляется в потребности не выделяться из окружающего мира, жить будучи управляемым радаром, то есть как человек-локатор [20].

Д. Белл, в отличие от своих предшественников, систематизировал значение понятия «масса»:

- 1) масса как недифференцированное множество (в противоположность классу), характерными чертами которой в данном случае являются конформизм, безответственность, потеря индивидуальности;
- 2) масса как синоним невежественности, серости, необразованности;
- 3) масса как механизированное общество, жизнь массы в данном случае регламентируется полностью цивилизационными достижениями и нормами;
- 4) масса как бюрократизированное общество, когда все решения принимаются наверху, а основные производители теряют свои личные характеристики;
- 5) масса как толпа (психологическая трактовка Г. Лебона и З. Фрейда) [19].

По мнению самого Д. Белла, масса — это однородная, преобладающая часть населения, а массовая культура — все то, что составляло когда-то достояние элиты, а теперь доступна всем.

Но массовая культура 1990–2000-х гг., безусловно, отличается от массовой культуры 1950–1980-х гг. Коллажность культуры, эклектичное сочетание «всего со всем» рассматривается как новое «естественное» состояние для отдельного человека и для социума. Выделяются новые социокультурные группы, границы между которыми совершенно размыты, так как очень часто меняются критерии их классификации — вовлеченность в те или иные культурные практики. По справедливому убеждению многих авторов, своим нынешним обликом культура обязана в первую очередь средствам массовой коммуникации (СМК).

По мнению известного канадского исследователя в области СМК М. Маклюэна, решающим фактором процесса формирования конкретной социально-экономической системы, а значит, двигателем исторического прогресса выступает смена технологий, порождающая смену способа коммуникации [8]. Тип общества в значительной мере определяется доминирующим в этом обществе типом коммуникации, а человеческое восприятие — скоростью передачи транслируемой информации. Средства коммуникации определя-

ют структуру знания, регулируют принципы восприятия пространства и времени, навязывая их как отдельной личности, так и обществу в целом. Маклюэн считает, что создание новых технических средств, доступных обществу, носит революционный характер, весь путь развития цивилизации — это создание и развитие того или иного способа коммуникации. В частности, в истории цивилизации Маклюэн выделил три основных этапа:

- 1) первобытная дописьменная культура с устными формами связи и передачи информации, основанная на принципах коллективного образа жизни;
- 2) письменно-печатная культура («галактика Гуттенберга»), заменившая коллективизм индивидуализмом;
- 3) современный этап, когда общение происходит на электронном основе — с помощью радиотелевизионных и сетевых СМК, идет активное возрождение аудиовизуального.

Маклюэн убежден, что изобретение электрических и электронных средств массовой коммуникации совершили переворот в жизни человечества, сокрушив время и пространство и превратив мир в «глобальную деревню». Благодаря СМК, современный человек попадает в ситуацию «плюрализма миров и культур». Особое место Маклюэн уделяет телевидению, которому присущи следующие характерные свойства:

- мозаичность построения телевизионного изображения, представляющего весь мир в качестве набора несоединенных между собой сообщений;
- резонанс этих сообщений в воспринимающем их сознании, объединяющий их в целостное смысловое единство.

Для Маклюэна телевидение — мозаичное средство общения, образующееся из множества точек и пятен. Зритель активно участвует в освоении телевизионной мозаики, складывает свою собственную картинку в зависимости от уровня своего образования, жизненного опыта, менталитета и настроения в тот или иной момент просмотра телепередачи. С помощью современных СМК человек способен оценить и идентифицировать себя.

Э. Тоффлер продолжает вслед за Маклюэном изучать культуру информационного общества во взаимосвязи с СМК.

Современная культура — это имиджевая культура, клип-культура, как ее обозначает Э. Тоффлер. Она формирует такие уникальные формы восприятия, как «зэппинг», когда путем

безостановочного переключения каналов телевидения создается новый образ, состоящий из обрывков информации и осколков впечатлений. Телевидение конца XX – начала XXI в. — это набор «блицев»: полуминутного рекламного ролика, фрагментов песен и стихотворений, мультфильма и т.д. «Люди третьей волны ... залпом глотают огромное количество информации, они учатся создавать свои собственные “полосы” идей из того разорванного материала, который обрушивают на них новые средства информации» [14, с. 277]. Основная черта новой реальности — это большой объем информации, зачастую современный человек не успевает ее обрабатывать должным образом. В таких условиях, по мнению американского футуролога, естественным становится переход к личности нового типа — информационно-адаптированной, способной к адекватному восприятию полученной информации и ее использованию в своей деятельности.

В новом обществе под индивидуальные потребительские нужды подлаживается и культура. Уровень потребляемой культуры становится иным по сравнению с цивилизацией второй волны (индустриальной): массовая культура продолжает существовать, удовлетворяя нужды и желания большей части населения, однако элитарная культура начинает играть роль культурного образца. Этот феномен Тоффлер обозначает терминами «индивидуализация личности» и «демассификация культуры».

М. Кастельс считает, что понятия «масса» и «массовая культура» сохраняются в информационном обществе, но в измененном варианте [6, с. 202]. Культурная индустрия, как считает М. Кастельс, ориентирована, во-первых, «на экономику здравого смысла». Во-вторых, новые экономические формы достаточно стандартизированы, что предполагает, как прежде, унификацию культурного продукта. В-третьих, функция психологической защиты по-прежнему присуща массовой культуре, так как человек всегда нуждается в определенной «разгрузке» и «отдыхе».

Феномен массовой культуры продолжает существовать в информационном обществе в виде индустрии развлечений, а также в областях, связанных со стандартизированным мышлением. Социальной основой массовой культуры остается та часть общества, которая отчуждена от структур управления экономикой нового типа и вынуждена адаптироваться ко всем происходящим процессам.

Еще один исследователь феномена массовой культуры в современном обществе — итальянский философ и семиотик У. Эко. Он считает, что ос-

новая проблема, связанная с изменением способа трансляции информации, состоит не в крайней степени ее визуализации, а в сохранении у субъектов способности к ее критическому восприятию [16, с. 185]. У. Эко считает, что в будущем общество будет состоять из представителей визуальной культуры и элиты. Представители визуальной культуры не будут иметь возможность проверять информацию на предмет ее соответствия образам и понятиям реального мира и предпочтут получать готовые определения. Элита будет способна к отбору и применению информации.

По мнению Эко, современная культура создает виртуальное пространство, являющееся одновременно реальным и иллюзорным. Это некая знаковая совокупность, дублирующая мир, однако подобный процесс копирования мира является необходимым элементом восприятия субъекта, так как вне знаковости мир как бы не существует. Любой символический мир для Эко, будь то мир фотографии или кино, — кодированная реальность, дублирующая подлинную, позволяющая субъекту интерпретировать и конструировать мир вокруг себя. Не случайно в этой связи Э. Тоффлер указывает, что важнейшее свойство мышления жителя цивилизации третьей волны — это способность не к анализу, а к синтезу [15, с. 305].

Известный французский философ и социолог А. Моль, как и многие другие исследователи, признает, что характер современной культуры мозаичный, то есть это «целое, собранное из отдельных кусков» [11, с. 353]. «Необходимо свыкнуться с мыслью, что мы живем в окружении мозаичной культуры, что именно эта культура определяет наши поступки». Моль считает, что «мозаичная культура» является совокупным продуктом избытка всевозможных знаний и действия технических средств массовой коммуникации. Он пишет, что было бы ошибочным относить к культуре только произведения искусства, для него культура — «семантические или эстетические факты» повседневной жизни.

Следует, безусловно, согласиться с Модем в том, что культура настоящего — это набор различного рода явлений, когда на месте одного возникает другое, предыдущее исчезает, стирается подобно компьютерному тексту. И практически любое культурное явление, любой фрагмент на какое-то время может стать образом, т.е. мы имеем дело с «рассыпанием» и «собираанием» картин puzzle или калейдоскопом (термин принадлежит К. Леви-Строссу). В то же время как всякий puzzle, так и современная массовая культура не являются подлинной реальностью, а реально-

стью вымышленной, искусственной, гиперреальностью.

Массовую культуру как культуру гиперреальности рассматривал не кто иной, как Ж. Бодрийяр [3, с. 76]. Единица неподлинного смысла, существующего в культуре, называется им «симулякр».

Основная идея Бодрийяра заключается в том, что то, что мы пытаемся понять как проявление реальности, есть только образ реальности. Симулякр отрицает реальность, прячет, скрывает ее. В то же время реальность — единственное, что не существует. Реальность — то, чему можно найти только виртуальный эквивалент (симулякр). Бодрийяр уточняет, что реальность — не то, что можно воспроизвести, а то, что уже воспроизведено, т.е. чем больше реального, существующего, тем меньше реальности. На первой стадии существования знака симулякр отражает глубинную реальность, на второй — маскирует глубину реальность, на третьей — маскирует отсутствие глубинной реальности, на четвертой — полностью порывает с реальностью и становится собственно симулякром. После формирования симулякра обмен между знаками и реальностью прекращается: знаки взаимодействуют только друг с другом и образуют гиперреальность, состоящую из знаков. Бодрийяр рассматривает в качестве симулякров самые разнообразные события и явления современности и делает вывод об их виртуальности, так как они наполняются смыслом только благодаря своей перманентной повторяемости и трансляции по средствам массовой информации (коммуникации). Современные средства массовой коммуникации, по мнению Бодрийяра, заменяют собой реальность, подменяют ее, симулируют.

Еще одна проблема творчества Ж. Бодрийяра — телесность. Он считает, что разгул сексуальности в современной массовой культуре — признак общей болезни, это общий разгул форм масскульты, период «одичания» людей. Но современная массовая культура имитирует, симулирует эротизм. Изменить качество культуры может только насильственное ограничение «оргий» и практика запретов различного рода.

Российский исследователь В. Подорога также обращается к проблеме современной массовой культуры [13, с. 319]. Так, в современной культуре в целом В. Подорога выделяет три страты:

- 1) культуру труда (сюда относится все, что определяется задачами экономии человеческих усилий во времени–пространстве);

- 2) культуру памяти (по-другому эту культуру можно назвать «высокой» или элитарной);
- 3) культуру свободного времени (важнейшая страта, с точки зрения автора, представляющая собой не что иное, как индустрию развлечений, т.е. массовую культуру).

Подорога отмечает, что современная массовая культура или культура развлечений постепенно подчиняет себе страту высокой культуры, встраивает ее в те потребности, которые рождаются в массмедийной индустрии образов. «Высокая культура» разрушается, перестает существовать как влиятельная страта, маргинализируется, оказывается в ведении узкого круга знатоков. Носители высокой культуры вынуждены подстраиваться под желания масс, стараются услужить вкусам толпы, чтобы выжить.

В. Подорога выдвигает интересную гипотезу, заключающуюся в следующем: то, что мы называем массовой культурой, не культура, а среда, в которой одни культуры гибнут, другие трансформируются, третьи начинают быстро развиваться. И мировая культура станет в скором будущем глобальной, массовой.

Попробуем подвести некоторые итоги проделанному анализу и сделать выводы о том, что же представляет собой современная массовая культура и каковы перспективы развития культуры и человечества в целом.

Главным содержанием человеческой деятельности, безусловно, всегда являлась культура как творение и созидание. Между тем все явственнее обозначились разногласия, несоразмерность между культурными ценностями, традициями духовной жизни и достижениями технического уровня. Очевидно, что формируется особенный тип общественной формации — техногенный.

Техносфера — это механизм, необходимый для интеграции человечества при помощи единой сети коммуникации. Но в то же время техновещество требует огромного количества энергии биосферы для поддержания своего функционирования. И, как следствие, значительная трансформация биосферы: преобразованы естественные ландшафты, уничтожены или находятся на грани вымирания тысячи видов живых существ, меняется состояние атмосферы, распространяется «парниковый эффект». Между тем еще В.И. Вернадский достаточно определенно высказался относительно подобного рода изменений в биосфере: своими действиями человек разрушает равновесие в природе и калечит ее [4]. Отсюда отчуждение человека от природы.

Техногенная цивилизация поставила человека в трудные условия существования. Моральное право стало правом одного человека, вседозволенностью и вседоступностью, на частном интересе стало основываться все общество. Погоня за материальными достижениями — одна из причин доминирования массовой культуры, так как качество ее продуктов измеряется оценкой потребителя, т.е. покупкой или непокупкой, высоким или низким рейтингом и т.д. Философия массовой культуры — это философия успеха, в первую очередь материального.

Погоня за успехом, стремление к полной независимости отнимают у жителя техногенной или индустриальной цивилизации много сил, как физических, так и душевных. В этой связи легко объясняется реализация масскультом защитной психологической функции. Таким образом, благодаря современным СМК, а также ряду других технических средств, массовая культура создает новую реальность — виртуальную, подменяя подлинную. И все, с чем мы имеем дело в современной массовой культуре, — симулякры по Ж. Бодрийяру. При этом данная культура представляет собой набор отдельных эпизодов, фрагментов, клипов. Но это уже черта массовой культуры не эпохи индустриальной цивилизации, а наступающей эпохи информационной цивилизации, когда каждый человек выстраивает из предложенных ему фрагментов свою «картинку-puzzle». На этапе наступления цивилизации третьей волны узкая специализация остается позади, будущее — за мышлением глобальным, всеохватывающим. И элитарная культура, исчезающая сейчас, по мнению многих исследователей, сохранится в качестве культурного образца. Если же этого не случится и элитарная культура будет окончательно размыта под давлением массовой, то, к сожалению, содержание культуры будущего сохранится прежним и будет порождать агрессию и стремление удовлетворить телесные желания и потребности, т.е. удовлетворение инстинктов Эроса и Танатоса по З. Фрейду.

Говоря о необходимости сохранения элитарной культуры, отметим, что сохранение элитарной культуры означает во многом сохранение этнонациональных культур. Культурная унификация, осуществляемая сегодняшней массовой культурой, отчасти нивелируется за счет многообразия форм, в которых она выступает. В этом проявляются ее высокая адаптивность, пластичность и гибкость, способность сохранять свои сущностные качества при значительных внешних трансформациях. Мы можем говорить, что сего-

дняшняя массовая культура имеет различные варианты: американский, японский, российский [7, с. 100].

Масскульт — планетарный феномен, обусловленный ростом высоких технологий и объединением информационного пространства. Но все же было бы ошибкой отождествлять создание единой мировой культуры на основе межкультурной интеграции и глобализацию на основе стереотипизированных образцов масскульта. Не случайно во второй половине XX в. на фоне глобализационных процессов возникла тенденция культурной дифференциации. Не только понимание и уважение других этнокультурных традиций и ценностей, но и осознание своих собственных может и должно явиться условием дальнейшего развития межкультурных коммуникаций и диалога культур. А современная массовая культура в ее глобальном варианте — это система ценностей, образ жизни, манера и способ мышления американской культурной модели. За каждой этнонациональной культурой стоят своеобразие менталитета, ценностные приоритеты, традиции, обычаи, в противоположность массовой культуре — иллюзорной, основывающейся исключительно на научно-техническом прогрессе и зависящей от него, абсурдной зачастую из-за желания угодить как можно более широкой аудитории. От путей решения этой проблемы зависит содержание жизни будущих поколений, поколений цивилизации третьей волны.

Список литературы

1. *Атфилд Р.* Этика экологической ответственности // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Просвещение, 1990. С. 203–257.
2. *Бердяев Н.* Философия неравенства. М.: ИМА–пресс, 1990. 286 с.
3. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Рольф, 2000. 387 с.
4. *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
5. *Гвардини Р.* Конец нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 127–163.
6. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Наука, 2000. 606 с.
7. *Костина А.В.* Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: КомКнига, 2006. 350 с.
8. *Маклюэн М.* Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. М.: Аккад. проект: Фонд. Мир, 2005. 486 с.
9. *Манхейм К.* Человек и общество в век преобразования. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. 220 с.
10. *Маркузе Г.* Одномерный человек. Минск: Харвест, 2003. 384 с.
11. *Моль А.* Социодинамика культуры. М.: КомКнига, 2005. 416 с.
12. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 119–154.
13. *Подорога В.* Культура и реальность. Заметки на полях // Массовая культура: современные западные исследования. М.: Прагматика культуры, 2005. С. 308–337.
14. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2002. 784 с.
15. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М.: АСТ, 2003. 557 с.
16. *Усманова У.* Умберто Эко: Парадоксы интерпретации. Минск.: Пропилей, 2000. 200 с.
17. *Фрейд З.* Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989. 448 с.
18. *Фромм Э.* Бегство от свободы. Минск: Харвест, 2003. 383 с.
19. *Bell D.* The End of Ideology. Glencoe, 1964. P. 22–25.
20. *Riesmen D.* The Lonely Crowd. N.Y., 1953. 359 p.

PHENOMENON OF MASS CULTURE: PROBLEMS AND CONTROVERSIES

Evgeniya V. Kuznetsova

*Naberezhnye Chelny Branch of University of Management «TISBI»;
10, Tatarstan str., Naberezhnye Chelny, 423825, Russia*

The subject of investigation of the author is mass culture as a phenomenon. The author determines characteristic features of mass culture and differentiates mass culture of industrial society and mass culture of postindustrial society. She highlights all dangers that exist in the development of mass culture and underlines the importance of ethnic cultures' keeping.

Key words: mass culture, industrial society, mass, elite, mass media, illusions, clip-culture, communication.

УДК 1.018

ФЕНОМЕН ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ХУДОЖНИКА**Н.Ю. Мочалова**

В статье рассматривается интересубъективная обусловленность идентичности в рамках реляционной онтологии как фундаментальной формы бытия. Диалектика обретения самоидентичности анализируется в рамках нарративной теории. Формой выражения авторской идентичности в искусстве является категория стиля.

Ключевые слова: диалогизм; персональная идентичность; нарратив; теория действия; онтология художественного.

Человек — автономное существо в бесконечном мире. Идентифицировать личность — значит определить ее границы в разнообразном бытии: место, свойства, характеристики. Активно используемое в социологической, психологической, философской литературе понятие идентичности является транслитерацией термина (латинского по происхождению), имеющего то же значение, что и русское слово «тождество». Соответственно, самоидентификация — это в буквальном смысле процесс достижения тождества с самим собой, самоотождествление.

Необходимо прояснить связность двух значений термина «идентичность», фиксирующих неизменное и изменяющееся в личности. Первое значение — неизменное — фиксирует остающееся тождественным себе, постоянным при временных или качественных измерениях («то же самое» — *idem*, греч. — *homos, homoios*). Это данное в опыте постоянство во времени. Второе значение фиксирует тождественность себе, а не другому — любой индивид есть тот же самый, а не другой (*ipse, autos* — сам). Оба эти значения оказываются связанными, если идентичность понимается как проблематичное существование во времени, подверженное кризисам единство человеческой жизни, проходящее испытание на прочность при контакте с иным, чужим. Обретение новой тождественности — итог исторического, временного изменения жизненной ситуации, особенностей ее деятельности или соответствующего ей сознания и самосознания. *Категория «идентичность» проявляет динамичность индивидуального бытия во времени, а не некую устойчивую вневременную сущность, имманентно присущую индивидуальности.*

С помощью этого понятия пытаются обозначить субстанциональную внутреннюю основу отдельной личности или культуры (общества) в целом. Но именно эту установку на понимание «идентичности» в качестве субстанции как неподверженной изменению сущности не стоит абсолютизировать. Идентичность лишена устойчивого статуса, неизменной субстанциализации — утверждают все без исключения исследователи, что, безусловно, не опровергает ее основополагающего фундаментального основания.

Существо проблемы персональной идентичности формулируется в виде дилеммы: **личность должна быть тождественна себе**, ибо она удерживает противоречивость всех переживаний, поступков, планов на протяжении всей жизни; **личность не должна быть тождественной себе** на основании включенности ее в контекст изменяющегося бытия, что неизбежно предполагает и ее внутреннее самоизменение. Обозначенная дилемма предполагает использование термина «идентичность» в двух контекстах: *в контексте сравнения* (противоположное значение «идентичному» выражается в терминах «другой», «иной», «чужой», «неравный», «обратный») и *в контексте развития, темпоральности* (термин «идентичность» становится по значению противоположным «изменившемуся», «непостоянному», «развивающемуся»).

Разработка каждого из контекстов предполагает использование различных исследовательских стратегий. Классические формы философии и психологии центрируются в основном на проработке первого контекста существования идентичности, усматривая суть проблемы в психологической непрерывности существования личности,

основанной на функционировании ее мозга. Эта доведенная до логического предела аналитически объективирующая установка сознания элиминирует субъективность персонального Я, рассматривая ее универсально-неопосредованно, игнорируя качественные изменения ее внутреннего мира. Осмысление идентичности в контексте развития является более продуктивным, ибо реально фиксирует приобщенность человека к изменяющемуся бытию, формирующему сложную динамику взаимоотношений системы «мира и человека». Следовательно, при анализе персональной идентичности важно не только зафиксировать сущностное «тождество – различие», но и динамическое «тождество – изменение». Важно учитывать конституированность феномена персональной идентичности *процессом ее формирования и изменяющимися межсубъектными отношениями*.

Следует рассматривать проблему персональной идентичности как проблему определения границ человеческого Я, персонального измерения человека, его уникального отличия от других.

Изначальная процедура самоидентификации сопряжена с определением внешнего, извне бытия. Именно иное, внаходимое, не-Я ограничивает поле моего персонального существования, идентифицирует мою самость. Как писал С. Жижек, «для обретения самоидентификации, самоидентичности субъект должен идентифицироваться с воображаемым другим — должен подвергнуть себя отчуждению, выявить свою идентичность вовне себя...» [1, с. 110].

Таким образом, непрерывность и связность являются необходимыми условиями персональной идентичности, которые могут быть реализованы «в специфических условиях интерсубъективности, где самопонимание человека неотделимо от реакций на него других людей, прежде всего — составляющих круг, в котором человек вращается» [4, с. 10]. Такое понимание идентичности расходится с классической философской и психологической традицией, рассматривающей персональную идентичность «Я» по модели субстанции и ее атрибутов либо вещи и ее свойств.

Парадигмой, позволяющей обнаружить интерсубъективную обусловленность идентичности, является реляционная онтология, представляющая динамические отношения как фундаментальную форму бытия. Эта междисциплинарная идея в различных аспектах научных исследований нашла отражение у Ч. Пирса, У. Джеймса, Р. Карнапа, М. Бахтина,

В.А. Малахова, И.В. Вагина, Е.Г. Трубиной, Е.О. Труфановой и П. Рикера. Человеческое «Я» берется в его бытии с другими, как уникальная часть человеческой общности, которая и формируется этой общностью.

«Люди существуют в истории, она не завершена, как не завершены и они сами, но с самого начала конституэнтном их самоопределения являются их отношения с другими людьми», — изначально определяет важность интерсубъективных установок Е.Г. Трубина [7, с. 53]. В диссертационном исследовании автора интерсубъективная концепция персональной идентичности рассматривается как философия нарратива, как рассказ человека о себе, складывание истории жизни. Персональная идентичность дискурсивно опосредована самопониманием человека, поэтому методологическим пространством, в котором разворачивается данное исследование, становится прежде всего герменевтика. Герменевтика доказывает, что самопознание и самопонимание человека есть интерпретативный процесс, составляющий важную часть онтологии субъекта. Согласно такой позиции персональная идентичность оказывается опосредованной своей собственной интерпретативной активностью.

Нам импонирует продуктивная идея исследования Е.Г. Трубиной о рефлексии личности как креативном процессе самоконструирования применительно к модифицируемой персональной идентичности художника. Обращаясь к герменевтике, особенно в варианте П. Рикера, как методологически тонкому и адекватному исследованию персональной идентичности, опосредованной своей собственной рефлексией, обопремся на идеи, близкие Е. Трубиной.

Фундаментальный план разработки понятия «самоидентичность» представлен в XX в. работами Г. Марселя, Э. Левинаса, П. Рикера. Начиная с Г. Марселя обнаруживается различие модусов человеческого существования: внутреннего и внешнего, подлинного и неподлинного, бытия и обладания, объективируемого и необъективируемого [4]. Человек является носителем некоего содержания, которое может быть у него отнято и потому его следует сохранять от притязаний другого. Различение модусов обладания и бытия как неподлинного и подлинного существования фиксируется философом через обороты речи — человек талант может *иметь*, а гением может только *быть*. С точки зрения Г. Марселя, подлинная объективация себя невозможна, ибо не соответствует незамкнутости бытия, потому и существова-

ние в модусе обладания всегда питает иллюзии. Для того чтобы зафиксировать модус обладания, я должен воспринимать себя как *другой*, как противостоящий мне «ты», различая в себе внутреннюю и внешнюю стороны. В качестве другого человек существует именно в модусе обладания, которое противоречиво, обманчиво, порабощительно. Установка на обладание, на управление собой и другими превращает человека в вещь, провоцируя отказаться от своего подлинного бытия (сущность которого в открытости, разомкнутости миру и другим людям). Человек становится собой, идентичен сам себе, лишь превосходя самого себя в бытии для другого, в подлинном творчестве как продолжении своего бытия для «ты».

Продолжая исследования диалектики бытия и обладания, Э. Левинас настаивает на существенном различии акта-существования и существующего, потенциально наличного и реализованного. Важно осуществить акт **гипостазиса**, который соединяет анонимное предбытие (акт-существование) с существованием, делая сущее из имеющегося сущим, т.е. конкретным, реализованным, ставшим, осуществленным. Акт гипостазиса рождает субъекта, который не просто обладает своим бытием, а может им распоряжаться. Для художника же проблема «собираения себя» в акте творчества как реализации творческого потенциала принципиально важна, что представляет методологию Э. Левинаса для исследователей художественного творчества как процесса весьма плодотворной. Но границы владения собой, своим существованием не находятся во власти самого субъекта, иначе говоря, он не определяет их произвольно, своевольно, а, напротив, вынужден поддерживать. Именно благодаря неполноте владения собой субъект имеет потенциальную возможность встречи с другой персональной идентичностью, не претендуя на обладание ею. Возникает возможность подлинного общения как герменевтическое раскрытие тайны чужого, нередуцируемого к отношению обладания.

П. Рикер, так же, как и Г. Марсель, вычленяет личный и безличный аспекты человеческих взаимоотношений, объективируемых в языковых формах, политических, правовых институтах, художественной деятельности. У Рикера безличные отношения с другими людьми не трактуются как однозначно негативные. Именно эти отношения в большей степени и формируют конкретное бытие человека, плоть его повседневности, проявляя «воплощенное». П. Рикер настаивает на том, что **реально деятельный характер человеческой**

жизни проявляется через поступки, которыми человек выстраивает историю своей жизни как чередуемое расположение фактов. **Это конструктивное, воплощенное повествование о себе другим, являясь воспроизведением деятельного отношения к жизни, составляет основу идентичности человека и для себя, и для других.** (Такой деятельностный методологический подход П. Рикера к определению персональной идентичности в аспекте нашего исследования более предпочтителен в сравнении с методологией Е. Трубиной, согласно которой креативность персональной идентичности выводится из авторской рефлексивности, стройности нарративного анализа.)

Рикер стремится по-новому говорить о личности, определяя ее как «очаг позиций», субъекта вовлечения. Прежде всего личность — это бытие, для которого сущностным определением его участи является перелом, кризис, выходящий за пределы экономического, социального и культурного пространства. **Речь идет об экзистенциальном понимании кризиса человеческого существования.** Персональный кризис человека, по Рикеру, включает в себя следующие моменты: ощущение себя «сдвинутым с места»; утрату ценностных ориентиров; предельное чувство невыносимости, возникающее как следствие крайней неустойчивости и неопределенности внутреннего состояния. Ответом человека на кризис является принятие им новой позиции, **«личность-позиции»** как поведения во времени: создание новой шкалы ценностей, способной воодушевить человека, обрести новый смысл и цель. Вовлеченность оценивается уже не как черта личности, а как императив, становится ее критерием: личность отождествляет себя с превосходящим ее делом. Критерий вовлеченности проявляется в такой добродетели, как «верность делу», сосредотачивающей деятельность человека относительно выбранного направления. Благодаря «верности делу» человек обретает собственную идентичность.

Сформулированную в «Конфликте интерпретаций» методологию исследования явлений культуры и человека как ее субъекта П. Рикер развил и обогатил в последующих работах: «Живая метафора», «От текста к действию», «Я-сам как другой», «Путь признания». Обобщением представлений о человеке стала работа «Я-сам как другой». Способность человека быть «я» сопряжена с целым спектром проблем: самоидентичность, самость, самопризнание, самооценка, самоуваже-

ние, совесть, ответственность, обязательства, «я» и «другой» и т.п. Сам автор способность к самоидентичности определяет через ряд обязательных слагаемых: 1. «Я могу говорить». Способность говорить, вступать в общение с другими посредством языка. 2. «Я могу действовать». Способность вмешиваться в ход вещей посредством действий, усилий, прокладывать свой путь в физическом мире. 3. «Я могу рассказать о себе». Способность рассказывать о своей жизни и, следовательно, формировать собственную идентичность посредством повествования, основываясь на своих воспоминаниях. 4. Способность быть субъектом действия, рассматривать самого себя в качестве автора собственных поступков, то есть быть вменяемым [5, с. 15–16].

В книге «Путь признания», последней опубликованной при жизни ученого, последовательно раскрывается осознание человеком своей самости, своего «я» и человеческой взаимности через сложный путь от непризнания, «асимметрии» «я» — «другой» до взаимности, от солипсизма до признания другого, а от признания другого — до признательности, бескорыстия, чувства любви, до «жизни вместе» [6]. Идея признания особым образом связана с идеей идентичности, которая последовательно освещается автором в трех очерках. Динамика, направляющая исследование, состоит в переориентации — в грамматическом плане — глагола «признавать» от ее употребления в активном залоге к использованию в пассивном залоге: я активно признаю нечто (вещи, явления, других людей), затем самого себя, и я прошу, чтобы меня признали другие.

Гипотеза работы Рикера состоит в том, что потенциальные философские способы употребления глагола «признавать/узнавать» могут быть употреблены в соответствии с траекторией, ведущей от использования его в активном залоге к использованию в пассивном залоге. Этот грамматический поворот несет на себе след инверсии того же масштаба, произведенной в плане философском. «Признавать» в качестве акта выражает претензию, *claim*, на интеллектуальное овладение полем значений, значимых высказываний. В конечном пункте движения мысли по означенной траектории просьба о признании выражает ожидание, которое может быть удовлетворено в форме взаимного признания, остается ли оно недостижимой мечтой или требует процедур и институций, возводящих акт признания на уровень признания художника как таланта или гения.

В первом очерке «Признание/узнавание как идентификация» идет речь о признании-идентификации через философское значение пары «идентифицировать/различать». Признание чего-то как того же самого, самому себе идентичного, а не иного, чем оно само, предполагает отличие его от всякого другого. Отношение между тождественным и иным является на этом уровне анализа отношением исключения, речь идет о теоретическом суждении восприятия или о практическом суждении выбора. «Идентифицировать» и «различать» составляет нераздельную глагольную пару: для того чтобы идентифицировать, нужно различить и, различая, идентифицировать. «Предмет, нечто — вот объектный визави, побуждающий нас соединить глаголы “различать” и “идентифицировать”. Тогда именно определение этого нечто является конечной целью движения вспять, в направлении исходных допущений. Различить это нечто, будь то идея, вещь или личность, значит, его идентифицировать», — заключает П. Рикер [6, с. 30].

На этой стадии то, что верно по отношению к вещам, верно и для людей: только ошибка более драматична, персональная идентификация противостоит опыту неузнавания. «Хорошо знакомые люди, которых изменило разрушительное время, кажутся “нацепившими личину”, и неотступно встает вопрос: тот ли это человек или другой?», — поясняет Рикер [6, с. 145].

Это первое философское значение подтверждает две семантические характеристики, соединяющиеся в употреблении глагола в активном залоге, — инициативу сознания в овладении смыслом и исходную квазинеразличимость «признания/узнавания» и «познания».

Во втором очерке «Самопризнание» раскрывается идея персональной идентичности. Идентичность в личной форме предстает как рефлексивность «я», которое, самообозначаясь, признает само себя. Рикер сразу же дает название этому рефлексивному «я-сам» — *ipseite* («самость»), французский эквивалент слов *self* и *selfhood*. Решающий импульс к тому, что Рикер называет «герменевтикой “Я”», был задан картезианской философией *cogito* и теорией рефлексии Джона Локка. Вслед за Декартом трансцендентальная философия Канта и Фихте превратила рефлексивное «я» в центральную проблему всей теории философии. Следующим шагом стало распространение рефлексивной проблематики в практическую область: проведенному Кантом разграничению в «Критике чистого разума» теоретическо-

го и практического разума. Однако от этого разграничения, по мысли Рикера, в выигрыше оказалась моральная философия и философия права, а не теория действия: «Я» носитель автономии — не было охарактеризовано через его способность к самообозначению вовне, а толковалось как синоним воли, которая в синтетическом суждении, лежащем в основе идеи автономии, соотносится с идеей закона.

Чем можно объяснить это исчезновение «самости» в трактовке моральной автономии? В кантовском исследовании категорического императива главным критерием его категорического характера является универсальность, которая требует от максим нашего действия соответствия тесту на универсальность. Но Кант не объясняет, откуда происходят эти максимы. Восполнить этот «пробел» Канта Поль Рикер считает возможным и необходимым через **теорию действия** как практического поля, в котором действуют нормы. Рикер рисует портрет «человека могущего», созданного при помощи рефлексии над его способностями. «На мой взгляд, — пишет П. Рикер, — череда наиболее примечательных образов “я могу” является главной опорой рефлексивного анализа, где “Я могу”, рассмотренное в многообразии его словоупотреблений, придало бы наибольшую масштабность идее действия» [6, с. 90]. Самопризнание, таким образом, обретается в развертывании образов «я могу», которые в определенной совокупности и образуют портрет человека способного, его собственное пространство самообозначения как потенциал развития личности.

Феноменология человека могущего вбирает в себя различные формы самой способности действовать: от способности говорить и рассказывать до способности вменяемости, и заключает последовательно данные ответы на вопросы: «кто говорит?», «кто действует?», «кто рассказывает о себе?», «кто способен к вменению себе собственных действий?».

Именно в рамках нарративной теории развивается конкретная диалектика самоидентичности и самости, прежде чем достичь кульминации в третьей части — теории взаимного признания. Два конститутивных значения личной идентичности — неподвижная идентичность *idem*, самоидентичность и подвижная идентичность *ipse*, «я», пройдя путь от некоей вещи к «я», возвысилась до экзистенциального уровня идентичности, где Другой способен повлиять на самоидентичное. Второй очерк рассматривает диалектику

самоидентичности через содействие или противодействие реализации способностей.

Завершает свой диалектический проект признания автор через обоснование диалектики рефлексивности и инаковости в форме взаимного признания. Во взаимном признании проблема идентичности достигает кульминации: самая подлинная идентичность человека, делающая его тем, кто он есть, требует от другого признания себя в достигнутом статусе, образе, роли. По отношению к персональному творчеству художника — это признание его уникальной авторской манеры, стиля.

Изначальная асимметрия понятий «один» и «другой» противоречит идее обоюдности, сохраняя риск предать забвению имманентные различия. Признание асимметрии, которой угрожало забвение, оборачивается признанием незаменимого характера при контакте друг с другом: один не есть другой, обмениваются дарами, а не социальными позициями. Вторая причина сохранения стержня собственной идентичности при контакте с иным — в сердцевине взаимности сохраняется дистанцирование, уважительность к частной сфере жизни. Взаимность не обязательно оборачивается слиянием, утратой самоидентичности в любви, дружбе, братстве, существующих на уровне отдельных индивидов или больших коллективов.

Обретение человеком абсолютной уверенности в собственной идентичности происходит благодаря признанию другим богатства его способностей. В каждой новой модальности «я могу» явно или неявно присутствует соотносительность с другим. Вот почему «во взаимном признании завершает путь самопризнание» [6, с. 258]. Будучи формально добровольным, дар непременно предполагает ответный жест. В опыте церемониального обмена дарами философ видит превосходство великодушия, бескорыстия, ответственности, гостеприимства, содержание которых приобретает не только этическое, но общефилософское значение, так актуально созвучное современным проблемам культуры.

Для нашего анализа персональной идентичности художника важна исследованная П. Рикером конструктивная роль искусства, художественного произведения в отношении его самости. Художественный текст за счет деятельного характера расположения фактов творчески подражает действительности («мимесис») и, будучи прочтенным другим, вызывает к себе отношение, основанное на идентификации (персонажа

и воспринимающего). Именно благодаря идентификации меняется сам читатель, происходит рефигурация его самости. Изменение идентичности читателя через текст не происходит механически, однонаправленно. Читатель сам создает свое отношение к тексту, его автору, также творчески активно он может, не ограничиваясь иллюзорным миром фантазий, изменить и свою жизнь в соответствии с новой идентификацией. Познание себя подлинного через преобразование себя дает человеку шанс стать таким, каким он себя познает. Тогда моя конструкция себя — это не самообман, не кажимость, а сознательно осуществляемая позиция.

Только такое понимание идентичности как деятельной реализации, выражаемой в повествовании о себе и для себя, по П. Рикеру, устойчиво к испытанию, которому подвергается человек в современной культуре, переживая кризис своей идентичности. Об этой оптимизирующей социокультурной предназначенности искусства говорит анализ исторических форм художественной репрезентативности.

Итак, персональная идентичность формируется через диалектическое единство автономного, убежденного в своих правах и возможностях человека с другими людьми, которые подтверждают укорененность личности в социальной реальности и способствуют ее творческому самораскрытию и реализации.

Пространство само-обозначения как самопризнание, как осмысленное изложение последовательных образов «я могу» является для П. Рикера конкретной феноменологической данностью, подтверждающей диалектику самооткровенности и самости через нарративную историю [8, с. 90]. «Персональная тождественность должна установить определенные отношения между психологической непрерывностью и связностью личности. От личности не требуется всегда соответствовать “единству слова и дела”, важен рассказ о себе от своего имени, от первого лица, от имени Я (нарративная связность). Если этот рассказ связан и последователен — идентичность налицо», — заключает свое исследование Е.Г. Трубина [8, с. 145].

Рассмотренные позиции современного философского знания на проблемы персональной самооткровенности объединяет общее понимание основания идентичности, выраженное как нарративная связность. Последняя понимается как когерентная история личности о самой себе, история своей жизни. Осознавая ненадежность ис-

кренности рассказа о своей жизни, Е. Трубина тем не менее не подвергает сомнению достаточность нарративного дискурса как критерия самоидентичности на том основании, что «он является результатом действий самой персоны» и «обусловлен активной авторизирующей (творческой) работой личности как действующего агента по интеграции и материализации планов и проектов личности» [там же].

Действует ли этот критерий применительно к субъекту художественной деятельности, способен ли внутренне связный рассказ о планах своего творчества, об оценке его результатов стать достоверным показателем тождественности личности творческого человека? Достаточно ли саморефлексивной оценки себя как художника (успешного или непризнанного, верного своим принципам или предавшего свой талант, принимаемого обществом или отвергнутого им) или нет? Как совместить в одном человеке две ипостаси — собственно человеческую и творческую? Должны ли они находиться в абсолютном согласии с собой либо принцип творческого рассогласования, диспозиционности, неуспокоенности сущностно необходим для творческой состоятельности?

Художественно-онтологическая проблема самооткровенности художественной персональности, условий реализации идентичности художника в творчестве и посредством бытия в искусстве требует рассмотрения многих онтологических аспектов системы «творец – творение». Многоплановая активность субъекта художественного творчества может быть осмыслена как междисциплинарная проблема, требующая интеллектуальных усилий эстетики, антропологии, психологии, культурологии, искусствознания, семиотики.

Создаваемая художником художественная реальность содержит экзистенциальный компонент субъективности ее создателя. Уникальное исследование специфической художественной онтологии провел Л.А. Закс в работе «Проблемные поля онтологии искусства», усматривая бытие и функционирование искусства в рождении художественной реальности как «тайнственно-чудесного единства ее бытийности и художественности» [2]. По мысли автора, парадоксальность исследования искусства заключается в том, что «в искусстве, в его специфическом художественном идеальном “пространстве” художественность и бытийность (онтологичность) функционально сопряжены, “системны”, взаимополагают друг друга и, самое главное, имеют общие корни, так что чисто фе-

номенологически невозможно мыслить их порознь или по традиционной каузальной схеме «причина – следствие» [2, с. 23]. Ведь, по сути, идеальный мир художественного произведения воспринимается и переживается нами как художественный только при условии его «бытийного воздействия», имеющего идентичную нашей самобытную и самодвижущуюся реальность, которая, при всей ее онтологической иллюзорности, способна создать эффект подлинно художественного восприятия и переживания.

В своем «бытии для нас» художественная реальность при всей ее «вымышленности», «культурной сделанности», «искусственности» должна восприниматься как абсолютно естественное, подлинное, непреднамеренное, органичное живому человеческому, природному бытию явление. «Эффект реальности» как существенный признак бытия художественного мира должен быть осмыслен двояко. Прежде всего это «узнавание» чужого-своего, иллюзия признания, самоотчужденности через художественную условность, укорененность своей самости в чужой идентичности. Но независимо от непосредственного акта художественного восприятия «эффект реальности» гарантирует особый статус самозаконного существования художественной реальности, обладающей своими уникальными пространством, временем, самодвижением, логикой, закономерностями, системностью и целостностью. Это самодостаточное художественное «бытие в себе и для себя», обладающее собственной органикой существования, неподвластной даже силе авторского сознания. «Уже возникновение художественного образа в сознании автора имеет характер “непреднамеренности” и спонтанности, не столько управляемой намерением (“заданием”, как говорили русские “формалисты”) и волей творца, сколько управляющей ими» [2, с. 25].

При определенных условиях актуализации отношения между художественными образами произведения искусства и активным сознанием воспринимающего выходят «за пределы чисто феноменологических», «эффект реальности» органично становится «эффектом уподобления», события (А.Ф. Еремеев). В этом аспекте художественный мир не только «явлен», представлен, нейтрально зафиксирован в своей данности художественным сознанием воспринимающего, но и субъективно оценен и осмыслен им настолько созвучно-искренне, интимно-доверительно, что происходит вещественное физическое уплотнение условно-вымышленной виртуальной реальности

до реально осязаемой и чувственно воспринимаемой. Это и есть экзистенциальное бытие активного художественного сознания воспринимающего; «идеальная» жизнь образов в сознании оборачивается в искусстве духовно-душевно-телесной «жизнью в образе» [2, с. 26]. Бытийствуют через художественные образы и те, кто их творит, и те, кто их воспринимает.

Существует ли некая инвариантная программа художественной деятельности творца, и если таковая существует, выполняет ли она системообразующую роль в его деятельности? Согласившись с идеей целостности и интегративности художественного мироотношения, исследователь неизбежно встает перед задачей обнаружения конкретных форм воплощения авторской идентичности художника как уникального художественного феномена.

Формой выражения целостного своеобразия художественного творчества конкретного художника является категория стиля. Будучи репрезентативной формой самоотчужденности, авторский стиль как попытка само-определения испытывает давление со стороны объективных механизмов реализации индивидуальной программы творчества, подчинения культурным формам и мифологемам. Выбор определенной авторской стратегии творчества не может быть абсолютно произвольным.

Не согласившись с идеей целостности и интегративности художественного творчества как атрибутивных характеристик последнего, исследовательский интерес перенаправляется в сторону размагничности, отсутствия интенционального ядра творческих усилий художника, смене парадигм деятельности. В подобной ситуации анализа деятельности художника исследователь неизбежно должен определиться относительно критериев персональной идентичности — формальных (стилевых) или содержательных (идея, тема). Что определяет и настойчиво воздействует на творческое кредо художника, каковы механизмы воплощения авторских интенций?

Обращение к теме авторской идентичности в искусстве [3] с необходимостью требует обращения к важнейшим проблемам психологии художественного творчества, в русле которых ментальный план деятельности субъекта является самодостаточным или мягко детерминируемым. Насколько возможно проникнуть в сокровенное ядро художественного творчества, в мастерскую его планов, идей, концептов? Желает ли сам художник быть понятным и узнаваемым, определи-

мым? Где граница, до которой нас допускает автор в своем творчестве и желании быть «разгданным», и можем ли мы отождествить его с многочисленными образами — масками, разъянящими или срывающими его Я?

Логика изложения требует обратиться к проблеме соотношения художника и его творчества и влияния последнего на возможности осмысления художником себя как самотождественного субъекта, сохраняющего верность сущностно-ценностному, эмоционально-смысловому, предметно-символическому выражению себя в мире.

Список литературы

1. *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. В. Софронов. М.: Художественный журнал, 1999. 234 с.
2. *Закс Л.А.* Проблемные поля онтологии искусства // Онтология искусства: сб. науч. статей. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2005. 268 с.
3. *Кривицун О.И.* Творческое сознание художника. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 376 с.
4. *Марсель Г.* Быть и иметь / пер. с фр. И.Н. Полонской. Новочеркасск: САГУНА, 1994. 160 с.
5. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. очерки о герменевтике / пер. с фр. М.: Академ. проект, 2008. 695 с.
6. *Рикер П.* Путь признания. Три очерка / пер. с фр. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2010. 268 с.
7. *Трубина Е.Г.* Персональная идентичность как социально-философская проблема: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 1996. 47 с.
8. *Трубина Е.Г.* Рассказанное Я: Проблема персональной идентичности в философии современности. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 197 с.

THE PHENOMENON OF THE PERSONAL IDENTITY OF THE ARTIST

Nadezda Y. Mochalova

*Nizhny Tagil State Social Pedagogical Academy;
57, Krasnogvardeiskaya str., Nizhny Tagil, 622031, Russia*

The article is devoted intersubjectivity theory conditionality of identity in the framework of the relational ontology as the fundamental form of existence. The dialectics of gaining self-identity is analyzed in the framework of the narrative theory. The form of expression of the author's identity in art is the category of style.

Key words: dialogizm; personal identity; narrative; action theory; ontology of art.

УДК 00.003+130.2

К ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ

Н.В. Серов

Онтологическое множество культурологических данных цветовой семантики систематизировано по критерию воспроизводимых ахромных канонных, эпитетов, идиом и маркеров, что позволило элиминировать личные данные, вкусы и предпочтения различных исследователей. Проведенная работа была основана на понятии «информационная модель», в которой цвет моделировал информацию на уровне семиотического метаязыка для нормальных или экстремальных условий существования сложных систем. Хроматический анализ показал, что белый цвет моделирует женственную социальность, память, прошлое и сознание как компонент интеллекта; серый — мужественность творчества, настоящее и подсознание; черный — женственную сексуальность, будущее и бессознание.

Ключевые слова: онтология; невербальный язык коммуникации; цвет как онтологически идеальное; хроматические модели сложных систем.

Введение

Вообще говоря, основная проблема теории культуры в онтологии сводится к обилию фактического материала, для понимания и классификации которого необходима сколько-нибудь приемлемая теория. Последняя, как известно, до нынешнего времени отсутствовала из-за субъективного проявления человеческого духа [3, 6, 20, 29]. И, разумеется, этой субъективностью обладали как субъекты (ученые), так объекты исследования (реципиенты). Ибо личные данные, вкусы и предпочтения исследователей зачастую включались в основные предпосылки теорий личности, которые, таким образом, служили и служат отражением мыслей и ценностей тех, кто их разработал. Каким же путем можно было решить эту задачу — элиминировать данный двусторонний субъективизм для адекватного представления родовой сущности и природы человека?

Как показали результаты хроматического анализа, для этого необходимо было обратиться к историческому опыту исканий человеческого духа, который, как выяснилось, тысячелетиями воспроизводил себя в определенных характеристиках, и в частности в канонизированных цветах. И, что весьма существенно, эти характеристики практически полностью объективировали все субъективные проявления — как субъектов, так и объектов исследования. Такой подход был принят в «Хроматизме мифа», «Античном хрома-

тизме», «Цвете культуры», «Мышлении и гендере», что позволило сочетать разные языки разных областей науки, а кроме того, искусства и религии для воссоздания естественного интеллекта человека.

Поскольку объектом настоящей работы является язык искусства, создаваемый художником как субъектом эстетического взаимодействия, то это в свою очередь предполагает наличие определенного информационного процесса. Информация же (в отличие от сигнала) обладает онтологически идеальными предикатами, адекватной моделью которых может служить лишь цвет как идеальное и одновременно объективированное мировой культурой и/или в краске, и/или в цветовых канонах как неких универсалиях.

Для начала же попытаемся понять, что такое «цвет» и для этого обратимся к литературе. Оказалось, что дефиниция «цвета» не так проста, как это кажется... К примеру, после четвертьвекового изучения этой проблемы Анна Вежбицкая констатирует: *Концепт «цвета» действительно чрезвычайно сложный, и я не буду пытаться дать его толкование* [2, с. 231]. Подтверждением этому могут служить и выводы Людвиг Витгенштейна: *Логика понятия «цвет» гораздо более сложна, чем это могло бы показаться* [30, р. 29]. Аналогичные заключения о цвете в связи с интеллектом человека сделали специалисты многих научных дисциплин [7, 18, 20, 21, 22].

С чем это может быть связано? Почему до сих пор практически вся философская, культурологическая и/или психологическая литература изучает какого-то абстрактного «человека» и, следовательно, бесцветна, а то и бесполо, — как это замечал еще Гете («суха, мертва наука ваша, а древо жизни пышно зеленеет»)? Не слишком ли мы рациональны и прагматичны? Не уподобились ли мы калькулятору, просчитывающему все и вся? Или мы совсем уже отделились от нашей многовековой природы?

Частичный ответ дает Робин Коллингвуд: *Привычка «стерилизовать» наши чувства, игнорируя их эмоциональный заряд, не является в равной степени общепринятой для людей всех слоев и состояний. Похоже, что она особенно характерна для взрослых и «образованных» людей, принадлежащих к тому, что называют современной европейской цивилизацией. Среди них она более развита у мужчин, чем у женщин, и менее развита у художников, чем у всех остальных. Если заняться так называемой цветовой символикой Средневековья, можно будет заглянуть в мир взрослых и образованных европейцев, которые не стерилизовали свое чувство цвета. В этом мире каждый, кто, увидев какой-либо цвет, осознал это свое ощущение, тут же осознал переживание соответствующей эмоции* [6, с. 153].

Поскольку любая система характеризуется отношениями между ее компонентами, в частности, информацией как идеальным, то цвет оказывается наиболее надежным инструментарием для создания информационной модели. Это связано с тем, что цветовой язык отличается от вербального большей подвижностью семантических значений собственных контекстов. Понятие контекста принято использовать и по отношению к культуре в целом, и по отношению к любым ее формам, вплоть до цветового метаязыка религий, поскольку, вообще говоря, метаязыком является любой язык, при помощи которого начинается формализация.

Так, контекст одного и того же цвета может резко изменять семантику в зависимости от условий его восприятия [19, 29]. Контекст же, как связная целостность, обеспечивающая согласованность своих частей, в хроматизме является носителем целостного значения и рассматривается как основа, цементирующая отдельные знаки зависимостью от заданных факторов. Ибо уже в «Хроматизме мифа» я показал, что характеристи-

ческим свойством цветовой модальности является оппонентный характер переработки перцептов как идеальных распределенных образов, которого не существует ни для осязания, обоняния, вкуса или слуха как функций отработки стимулов, т.е. относительно материальных опредмеченных образов. Для апробации методологии кратко рассмотрим семантику ахромных тонов, чтобы использовать полученные закономерности при эстетическом анализе языка культуры, в частности искусства.

Белый цвет

Обычно белый цвет олицетворял цвет Великой Матери, цвет женщины, ибо белой создана она из белой кости: *«И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену»* (Быт. 2, 22). Вспоминается Марина Цветаева: *«Во всей девчонке ни кровиночки... / Вся, как косыночка, бела»*. Белым цветом наделялись такие свойства человека, как сознательное исполнение долга, социальная сплоченность, сохранение традиций, всеобщая осведомленность и память. В обычных условиях существования племен белизна служила неизменным символом женских качеств. «Белорукая» — эпитет исключительно женских божеств. Замечательный образ белизны женственного цвета выразил Рильке: *«Мне виделось — все женщины на свете / Как бы слились в то белое пятно»*.

В одежды белого цвета из виссона одеваются ангелы и праведники (Прит 31: 22): *«Добротельная жена... виссон и пурпур — одежда ее»*. Как поясняет Библейская энциклопедия, виссон — тончайшая белая ткань из льна или хлопка — служит символом праведности и нравственной чистоты. Буддистские вероучения наделяют белый цвет самообладанием и высшей духовной трансформацией через *женственность мира*: *«Белая Тара — высочайшая духовная трансформация через женственное — Мать всех Будд Ведущая наружу за тьму оков незнания»*. Белый цвет — цвет Матери олицетворяет святость, непорочность, чистоту и спасение. В традиционном Китае белым цветом был канонизирован смысл «женственной категории» ИНЬ. Во всех эпических сказаниях (Махабхарата, Илиада, Одиссея, Давид Сасунский, Нибелунги, Калевала и др.) белым цветом маркируется не только женщина, но и собственно женственность.

В античной Греции в белое одеты жрицы *Афродиты*. И здесь же рождается миф о Белой скале, пролетая мимо которой души умерших теряют *память* о земном существовании. В диалоге «Федр» Платон в рассуждениях о человеческой душе наделил белым цветом *совестливую ее часть, которая чтит законы, традиции и нравы общества*. Поэтому-то и судьи в Афинах надевали белые одежды, и кандидаты на должности в Риме, и почти все сановники должны были носить белые тоги. В Древнем Риме весталки, которые давали обет хранить и девственность, и традиции общества, носили только белые одежды.

В христианстве согласно святому благовествованию от Иоанна (Ев. от Иоанна 1: 1–14): *«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. / И Слово стало плотью и обитало с нами полное благодати и истины»*. Поскольку и вербализация, и опредмечивание относятся преимущественно к функции сознания, то моделирующий его белый цвет в христианстве имеет наиболее существенные значения. К.Г. Юнг постоянно сопоставляет белый цвет с душой, с Божественностью [24, р. 264, 326, 342].

Упомянув, что и Богу-Отцу, и Деве Марии посвящен белый цвет, Р.-Л. Руссо, а вслед за ним и Э. Бремон, и С. Лежен [28; 18, р. 57; 25] приходят к (весьма распространенному среди исследователей цветовой семантики) выводу: «белый — ни мужской, ни женский, поскольку он объединяет оба пола». Ошибочность этого вывода вытекает из хроматического контекста: Богу-Отцу как Творцу посвящен белый свет, Деве Марии — белый цвет. И эту ошибку (смещение представлений о свете и цвете) нельзя считать чисто метафизической, так как нередко ее можно встретить и у физиков-колориметристов, и у физиологов, исследующих цветоощущение, и у психологов, изучающих цветовосприятие, и, наконец, у лингвистов, определяющих предикаты цветообозначений.

В средневековой символике серебристо-белый цвет имеет такие значения, как Луна, женский принцип, девственность. Золото и серебро — два аспекта одной и той же космической реальности. Белый цвет связывался с Луной, серебром, ртутью и чистотой индивидуального света. У алхимиков Луна символизировала «очищенные качества». Ибо и алхимия гласила, что белый цвет — это женский принцип, *белая женщина, белая*

лилия — в общем, женщина [10]. В Средние века белые одежды в миру носили преимущественно те, кто хотел «выказать чистоту и неподкупность сердца», что в хроматизме интерпретируется как проявления ими сознательного следования традициям общества. Белые флаги вывешивали и над тюрьмами, когда там не было преступников, — в знак чистоты и милосердия. Белый флаг символизировал капитуляцию, перемирие, дружбу и добрую волю. Ибо белый цвет всегда сублимировал всю женственность нашего мира в ее обычных условиях существования.

Как отмечает Алла Чернова [15, с. 102], во времена Шекспира белый означал духовность и духовный свет, целомудрие, простоту, невинность, ясность души, девственность, истину и траур: *«Земля мертва и белый плащ на ней»*, — говорит Шекспир в печальном пятом сонете. И, разумеется, здесь белый цвет включает прежде всего семантику прошлого времени. И, разумеется же, с прошлым всегда был связан и саван покойника, и фата невесты, и одежды священников, его сохранявших в традиционности верований. Именно традиционность сознания хранила прошлое в своей сублимированной памяти белого цвета. «В плане же морали, — пишет Элизабет Бремон, — белый цвет ведет нас к таким понятиям, как чистота, опрятность, бессмертие и осмысленность порядка» [18, р. 56]. И эти понятия, безусловно, связаны с цветом грудного молока как цветом материнской сущности — субстанции Матери — как цветом нашей первичной социализации. И социализирующееся сознание младенца как нельзя более восприимчиво к этому цвету. Наглядным хроматическим примером этому может служить правило, сформулированное еще Леонардо да Винчи: «Белое более восприимчиво к любому цвету, чем какая угодно другая поверхность любого тела» [9, § 215]. И эта белизна как нельзя лучше согласуется с концепцией К.Г. Юнга, согласно которой, в частности, архетип Матери является вводящим нас в будущую жизнь, определяемую в младенчестве прежде всего собственной матерью. Не зря же на Западе традиционно называют брак без сексуальных отношений *«белым»*, т.е. чисто сознательным [26, 28].

В аспектах гендерного сопоставления В.Г. Кульпина приводит множество примеров, которые выявляют именно женственную семантику белого цвета для нормальных условий существования [7, с. 97]: «*Мыла Марусенька белые ноги...*». Булат Окуджава также не мог обойти столь очаровательный факт: «*Она по проволке ходила, / Махала белою ногой...*». В связи с белым маркером женственности вспомним и былинку о Михайле Потыке. Во время охоты герой видит необычайной красоты белую лебедь, которая просит не убивать ее и превращается в столь же красивую девушку, имеющую двойное имя Марья Лебедь белая. О лебедь как о метонимическом существе говорил И.Ф. Анненский: «*...Как тогда вы мне кажетесь молоды, / Облака, мои лебеди нежные!*». По замечанию А. Ханзен-Леве [13, с. 527], эротическая «нежность» лебедя связана, с одной стороны, с античным мифом о Леде, с другой — с белоснежностью его оперения, или как писал Александр Блок: «*...Ты вспомни ту нежность, тот ласковый сон, / ... / Когда подходила Ты, стройно-бела, / Как лебедь, к моей глубине...*».

По мнению современных психологов [1, 5, 8, 17], женщинам в белом свойственны бескомпромиссность, некоторая холодность сердца и отсутствие кокетства с мужчинами. Об этом же писали и женщины в начале XX в.: *белый цвет — утверждающий, черный — отрицательный... Женщина, одетая во все белое, внушает мужчине более уважения... Белый цвет отгоняет недобрые и грешные мысли — освещает темноту. Белый цвет требует от нас идеальной чистоты, тем самым часто предохраняет нас от заразы и болезней. Белый цвет чрезвычайно практичен — в отличие от других цветов он не выгорает на солнце, а значит, и выгоден в носке*. Как замечает Элизабет Бремон [18, р. 57], «белый — цвет нерешительности, колебаний, сомнений, пассивности и бессилия». Однако с позиций подсознания этими свойствами наделено именно сознание (как компонент интеллекта), поскольку прежде всего оно связано с памятью прошлого. И сразу же возникает ассоциация с белоснежными одеждами женщин, «жриц времени» и «рабынь календаря», которые хранили, хранят и будут хранить в себе, в своем белом сознании все традиции

прошлого и разумные своей белизной устои общества.

В самом деле, все цвета выгорают «*со временем*», превращаясь в белесоватые и белые, так же, как само время все более и более уходит в прошлое, превращается в «*память человечества*». В «*нетающие снега былых времен*» Франсуа Вийона. Или, как мы читаем у Рильке: «*Как одиноко все и как бело / ...забыв о времени, — оно ушло*». Или, как символизирует память Александр Блок: «*Я всех забыл, кого любил, / Я сердце вьюгой закрутил, / Я бросил сердце с белых гор*». Или, как Марина Цветаева передает метафизику белого сублимата: «*Есть пробелы в памяти, — бельма / На глазах: семь покрывал. / Я не помню тебя отдельно. / Вместо черт — белый провал*». Или, как это выразил Борис Пастернак: «*И все терялось в снежной мгле / Седой и белой*». Или, как поет Юрий Шевчук, «*Белая река — о былом...*». Или, как Алексей Андреев пишет в «Паутине», «*стирательная резинка времени хочет оставить лишь снег*».

Аналогичная семантика белого цвета может быть легко раскрыта и для случаев савана или фаты невесты. Прошлое забирает старое (отжившее свое время) в свои белые архивы памяти не только для того, чтобы дать место новому, но и для того, чтобы это новое могло руководствоваться достижениями отжившего старого. По крайней мере, такова была традиция всех традиционных обществ, видевших в «белых духах предков» своих идеальных наставников, которые оформляли в нечто единое их разрозненные тела и души. И в этом смысле оформленный цвет всегда будет доминировать над неформальным. Так, в постимпрессионизме большое внимание уделялось рамам для живописных полотен. К примеру, Писарро в письме Синьяку отмечал следующие эксперименты Сера: «Картина выглядит совсем иначе, если она обрамлена белым или чем-нибудь еще. Без этого обязательного дополнения нельзя получить решительно никакого представления о солнце или пасмурной погоде» [12, с. 73]. Это оформление вполне можно сопоставить с процессом облачения в слово какой-либо подсознательной идеи при и/или после инсайта. Именно формализация белизной сознания и заканчивает процесс творения. Иначе все останется непонятым, *незавершенным*, как говорят и художники, у которых оформление

цвета в краску является не менее сложным делом, чем оформление чувства в слово у поэтов.

Психологи же считают, что белый цвет — это цвет без эффекта. Это — *«tabula rasa»* (чистая доска), на которой еще предстоит написать нечто содержательное. Как наше сознание, как сознание младенца, впитывающего с белым молоком Матери всю белизну науки жить в обществе. Не зря же Фрезер говорит о *белой нити науки*, увязывая последнюю с рациональностью сознания. Р.Л. Руссо также считает белый цветом *божественной науки и интегрального знания науки современной* [28, р. 87]. И Эдвард де Боно находит в сублимате белого цвета *бесстрастную манеру изложения, оперирование фактами и объективной информацией* [5, с. 56, 239]. И наконец, немецкие исследователи также называют белый цвет символом знаний [23, S. 128].

Отметим в заключение этого раздела, что в «атомарной» модели интеллекта белый цвет сублимирует функции *общемирового* — Материнского сознания. Белый цвет в хроматической модели времен характеризует прошлое — память человечества, которой оно почему-то все больше и больше пренебрегает.

Серый цвет

Археологи и этнологи называют серый цвет керамики *цветом «смены времен»*, так как вместе с красным *он предшествует возникновению каждой новой культуры* [19, 21]. Мифологии практически всех традиционных культур утверждают, что человек создан из глины, грязи, пепла или праха земного. Ибо еще Авраам говорил *«...я, прах и пепел»*. Ибо: *Создал Господь Бог человека из праха земного* (Быт. 2, 7; 18, 27). А ведь до сих пор «человек» во многих языках — это мужчина. И одежды современного мужчины — серые, *из пепла и праха...* В христианских канонах за серым цветом закрепилось значение телесной смерти и духовного бессмертия [7, с. 360]. Средневековая Европа называет «серый» цветом джентльменов, цветом высшего света и т.п. И одновременно геральдика обозначает несчастье и страдание. *Серый цвет встречается, впрочем, довольно часто в одежде для торжественных случаев; вероятно, и трауру он придавал некоторый эгегический нюанс*, — отмечает Й. Хейзинга, обсуждая цвет одежд эпохи Возрождения [14, с. 306]. Возникает и каббалистический «цвет мудрости». Цвета одежды масона, по-

свящаемого в высшие степени приобщения к таинствам ложи, — серые. О серых же цветах «униформы современных чиновников» говорить вообще не приходится — сегодня это видит каждый. Как пишет о мужской моде конца XX в. Ульрих Бер [1, с. 141], *«серый костюм — самая популярная форма одежды. Он говорит об исполнении, стремящемся к успеху и уверенности в завтрашнем дне, мужчине»*. Или, как это выразил в свое время М.Ю. Лермонтов: *«На нем треугольная шляпа и / Серый походный сюртук»*. «Серый — это классический нейтральный цвет, — пишут Купер и Мэттьюз, — он умеренно консервативен, традиционен и говорит об интеллигентности, деловитости и уме» [8, с. 40, 47]. Любопытную психоаналитическую трактовку серого цвета приводит Мишель Пастуро [26, р. 171]. Так, он анализирует сказку о Красной Шапочке с позиций Зигмунда Фрейда и усматривает какую-то непонятную, чисто мужскую настойчивость серого волка съесть сначала бабушку и лишь потом полакомиться Красной Шапочкой. «Серый кардинал» — человек, правящий незаметно, за спинами красных, белых и т.п. И только потом — по прошествии времени, т.е. в прошедшем времени — выясняется его истинная роль [5, с. 147]. Серый же — это время настоящее. И в Фаусте замечательным образом Гете связывает с серым цветом именно настоящее время: *«Ведь удалось Ахиллу в Ферах / Как, верно, ведомо тебе / С ней жить вне наших рамок серых, / Вне времени, на зло судьбе!»*. Или, как в «Зеркале» — разумеется, отражающем только настоящее время — Борис Пастернак упоминает тень с ее серыми полутонами настоящего: *«Там книгу читает Тень»*. Или, как говорит Иосиф Бродский то же о зеркалах — с их принципиально неразделимым настоящим: *«Там в моде серый цвет — цвет времени и бревен»*.

Лиц, специализирующихся на изучении цветовой семантики, возможно, заинтересует *зеркальная проблема настоящего*. И здесь следует обратить внимание на тот факт, что зеркало меняет левое направление на правое и наоборот. Так, крестное знамение православных в зеркальном отражении соответствует крестному знаменю католиков. Аналогично этому отображение стимульных цветов — при переходе от красного через зеленый к синему в цветовом круге — Ньютоном, Ламбертом, Юнгом, Гельмгольцем, Максвеллом и Джаддом располагалось *по часовой*

стрелке. В то же время расположение перцептивных цветов Гете, Рунге, Шопенгауэром, Герингом, Оствальдом, МКО, DIN и NCS — *против часовой стрелки*. Таким образом, данные физиков и физиологов оказались *зеркальным отображением* данных, полученных психологами и художниками.

Отсюда можно предположить, что существует определенная взаимодополнительность данных физиков и физиологов, с одной стороны, и психологов с другой. *Левое* же и *правое* направление цветов в цветовом круге с позиций латерализации объясняется преимущественным расположением цветообозначений стимульных цветов в левом полушарии головного мозга и перцептивных — в правом. В хроматизме латерализация связана с определенной *стереотипией* функций левого полушария (сознания) и функциональной *индивидуализацией* правого (подсознания). Именно здесь мы сталкиваемся с проблемой архетипичности цветовых образов в подсознании. Ведь если бы они были строго индивидуальными, то не являлись бы архетипическими, т.е. присущими *коллективному бессознательному*. В хроматизме же вслед за Юнгом постулируется, что все люди на Земле неосознанно обладают тождественными архетипами, т.е. сублимированными образами в подсознании.

Поэтому я обращаю особое внимание на тот факт, что индивидуальными являются не образы подсознания, а лишь их попытки осознанно материального воплощения, т.е. *способность адекватного опредмечивания архетипов* в реалиях, в красках или словах в силу таланта или умения опредметить их, т.е. претворить такими, какие они есть в нашей душе, — в коллективном бессознательном человечества. Для этого надо быть гением или пророком, как утверждал К.Г. Юнг. Как известно, пророками, творцами великих учений в истории мировой культуры были исключительно мужчины. Соотнесенность же мужского пола и серого цвета вытекает и из поговорок, приводимых В.И. Далем: «Хоть кафтан сер, а ум черт не съел», «У серого армяка казна толста» и т.д. и т.п. А ведь серый — единственный цвет, который может видеть даже дальтоник. В самом деле, для серого не существует ни дополнительных, ни контрастных цветов. И этим он принципиально отличен от них, поскольку содержит в себе их оппозиционное единство. Снимает в себе, как сказал бы Гегель, противоречия любых воз-

можных проявлений крайности. Принимая все это во внимание, можно полагать, что архетипы уже изначально заложены в подсознании Творца как образ-концепты. И в процессе творческой сублимации ему остается лишь все более и более приближаться к адекватности их опредмечивания в своем труде.

Андрей Белый заметил, что *воплощение небытия в бытие, придающее последнему призрачность, символизирует серый цвет*. Действительно, переход в неизвестное будущее (пугающее черное) из белого (осмысленного) бытия незаметен, призрачен, как наше настоящее. Лишь мгновение назад мы были в нем, а его уже нет. Это мгновение — уже бывшее прошлое, т.е. осмысленное белое прошлое, как мы убедились в предыдущем разделе. Настоящее же творчество всегда находится в этом настоящем времени — в этой *туманной незаметности творения нового* сублимирующим подсознанием творца. Как отмечал Гегель [4, с. 230], «у голландцев совершенство колорита может быть объяснено тем, что они при неизменно туманном горизонте постоянно имели перед собой представление серого фона и эта сумрачность побуждала их изучать цвета во всех их действиях и разнообразии освещения, отражения, бликов и т.д., выявлять их и находить в этом главную задачу своего искусства» (разрядка моя. — Н.С.). Для ответа на вопрос о смысле серого цвета привлечем последующие рассуждения Гегеля, который, акцентируя абстрактную основу всякого колорита в оппозиции *светлое — темное*, пишет: «Если пустить в ход эту противоположность и ее опосредования сами по себе, без дальнейших различий цвета, то таким образом обнаружатся лишь противоположности белого как света и черного как тени, а также переходы и нюансы, из которых складывается рисунок и которые входят в собственно классический элемент формы...» (разрядка моя. — Н.С.). Отсюда можно заключить, что один из элементов серости — *оппозиционная суть формования*.

Психологи полагают, что серый цвет является максимально ненавязчивым. В самом деле, человек постоянно пребывает в сером цвете собственного свечения сетчатки, которое так же незаметно и ненавязчиво, как и настоящее время или собственное подсознание. Поэтому он привык к его очевидности и не может воспринимать его имен-

но в силу этой очевидности. Ибо, как заметил Жан-Жак Руссо, «требуется много философии, чтобы однажды увидеть то, что находится перед глазами каждый день» [цит. по: 2, с. 286]. Или, как отмечал Людвиг Витгенштейн [3, с. 131], *наиболее важные для нас аспекты вещей скрыты из-за своей простоты и повседневности. (Их не замечают, — потому что они всегда перед глазами.) Подлинные основания исследования их совсем не привлекают внимание человека. До тех пор пока это не бросится ему в глаза. — Иначе говоря: то, чего мы не замечаем, будучи увидено однажды, оказывается самым захватывающим и сильным.*

Итак, можно заключить, что серый цвет является сублимированным архетипом хроматизма. В хроматической модели интеллекта серый проявляет *творческие черты общемирового подсознания*. Временной аспект этого сублимата — *незаметное настоящее*.

Черный цвет

Черный цвет часто обозначал смерть, обморок, сон или тьму. Связывают его и с бессознательным состоянием, с опытом помрачения, затмения сознания [10, 24, 26] Вместе с тем конфуцианство усмотрело в этом цвете символику мудрости и знания, наделяя именно *черным цветом «женственную категорию Инь»*. В рассуждениях о душе человеческой Платон, в диалоге «Федр», наделил черным цветом именно эту, *бессовестную ее часть, которая (вопреки традициям общества) неистово добивается своих низменных желаний*. В хроматизме эта бессовестная часть души человеческой, или, как ее определил Платон, *«друг наглости и похвальбы»*, несет семантику всех телесных потребностей, т.е. бессознания — всего того, что Фрейд обозначал *бессознательным* и связывал с сексуальностью. Нередко в мифах черный цвет сопоставлен с *опасной, inferнальной стихией*, с иррациональностью и непознаваемостью будущего времени, с мистическим влечением к женскому лону: *«Дщери Иерусалимские! Черна я, но красива...»* (Псн. П. 1, 4). Еще Виктор Гюго и Рихард Вагнер отмечали прямую близость черного цвета и материнского начала (*рождение из черного и ночь как мать зарождения*). Карл Густав Юнг также утверждал, что для древних натурфилософов символом тела была дева. Колдовство всегда считалось женским делом. Вообще говоря, магию

как функцию женского бессознания уже Фрезер называл *«черной нитью»*. Аналогичное мнение высказывал и Юнг: *«Русалки представляют собой еще инстинктивную первую ступень этого колдовского женского существа, которое мы называем Анимой. Известны также сирены, мелюзины, феи, ундины, дочери лесного короля, ламии, суккубы, заманивающие юношей и высасывающие из них жизнь... Боялись этих существ настолько, что даже их впечатляющие эротические повадки не считались главной характеристикой. ...Анима консервативна, она в целостности сохраняет в себе древнее человечество»* [16, с. 114–117]. То есть черный цвет самым тесным образом связан со скрытой энергией природы. И, безусловно, — с энергией женственной природы человека, его бессознания. Как отмечает французская исследовательница цвета Элизабет Бремон, *«черный это цвет нашего бессознания, то есть всего того, чего мы не знаем сами о себе»* [18, р. 78].

Существует связь между черным цветом и сексуальной привлекательностью. У арабов выражение *«чернота глаз»* означает возлюбленную, *«чернота сердца»* — любовь. У мусульманских женщин черный является цветом повседневной одежды. Ибо в культуре ислама черный цвет ценили гораздо выше, чем в средневековой Европе. Любовная страсть покрыта темнотой и тайной; стало быть, черное может символизировать нечто сокровенное и страстно желанное. Так, в средневековом эпосе герой вещает подруге: *«Сядь предо мной — / найшу на тебя / черную похоть...»*. Этого же значения придерживался Шекспир в «Отелло»: *Ты для того ль бледна, как белый лист, / Чтоб вывести чернилами «блудница»? В «Лукреции» Шекспир еще более актуализирует смысл этого цвета: На черных крыльях похоти хмельной... Стефан Цвейг вообще обозначил противоречие черного цвета и общепринятой морали белого как «черный флаг аморализма». Ибо Черный — это абсолютное поглощение всех цветов. И «света» с его условностями, моралью и порядком. Об этом же говорят и устойчивые словосочетания типа «черная работа», «черный рынок», «черный юмор» и т.п. Вспомним былинку о Михайло Потыке, договор с которым для Марьи Лебеди белой осознанно или бессознательно оказывается способом погубить мужа под видом любви к нему. Во втором сюжетном типе ее намерение вполне обдуманно, в земле она превра-*

щается в змею, угрожающую Потыку. То есть поведение Марьи Лебеди белой, превратившейся в девушку, и Марьи-жены, превратившейся в змею, контрастно. Первая просит взять ее в жены, вторая стремится погубить, пожрать мужа. Между тем все это исходит от одного и того же былинного персонажа. Как объяснить такую двойственность в поведении героини? Плавание, проглатывание, поглощение — известные деяния, связанные с мифологическим змеем. Ибо, как констатирует Аге Ханзен-Леви [13, с. 122], Первозмей в образе Уробороса, глотающего самого себя, — символ единства и цельности, встречающийся во всех мифологиях. Космогонической функции Уробороса соответствует сотериологическая функция преображения души — ведь во всех культах инициацию символизирует «проглатывание и рождение». Здесь змей представляет собой ту «утробу», в которую погружается герой, чтобы впоследствии регенерироваться из возлюбленной-матери. Отверстие в земле — это «лоно Земли, плодovitость которой представлена связанной с нею змеей». Показательно, что и проглатывание, и рождение непосредственно связаны с женственным характером черного цвета, т.е. непознаваемо черного бессознания женщины, доминирующего в экстремальных состояниях, а именно в трауре, во сне и сексуе. «...Бездонность сумрака, неразрешенность сна, / Из угля черного — рождение алмаза. / Нам правда каждый раз — сверхчужденно дана, / Когда мы вступим в луч священного экстаза...» (Бальмонт).

В наше время критерии кардинально изменились и черный цвет — как оппозиционный к традиционному белому — с началом III тысячелетия стал символом утонченности и элегантности. Не свидетельствует ли это об экстремальных условиях существования нашей культуры? Это до сих пор удивляет психологов: нравится одно, выбирают другое, а носят третье... Здесь-то мы и видим всю «противоречивость» логики женского интеллекта, всю жизненность логики бытия в одной и той же «женственной» категории *Инь*: сознанию нравится белый, для мужа выбирается серый, а для себя, для бессознания — черный. И здесь же мы сталкиваемся с якобы противоречивой «цельностью» этой логики в масштабе мировой культуры. Как известно, на Западе женщины обычно носят белые одежды («Женщина в белом» и т.п.), тогда как на Востоке — черные (черные мандилы у хевсурок, черные покрывала (буибуи)

у кениек и т.п.). В трауре же, как и в любых других экстремальных условиях жизни, женщины надевают черное на Западе и белое на Востоке. То есть во всех случаях женщина оказывается правой — и белый и черный являются женскими цветами *Инь*. Женщине остается лишь выбирать.

Заключение

Единство архетипа и его опредмечиваемого художником образа в женском воплощении, по видимому, является своего рода диалектическим, т.к. может быть представлено лишь в процессе — в его вечной динамике. И как и в рамках архаического гностического мышления, так и сегодня этот процесс может трактоваться как превращение познающего в познаваемое, т.е. как «субстанциальное уравнивание» созерцателя и созерцаемого, по определению Ханзен-Леви [13, с. 329]. В этой герметичности творчества, вероятно, и коренится та «беспредметность», которая позволяет соединять в символизме образа поэтику, философию и эстетику. В постсимволистском абстракционизме Кандинского или Малевича эта беспредметность одновременно подвергается дальнейшей демифологизации и ремифологизации: она расчленяется и поднимается до полного охвата некой трансцендирующей самое себя современности.

Черным цветом в христианстве наделяется Дьявол и Ад. Наверное, об этом размышлял Юнг, когда писал: «...человек в целом, без сомнения, хорош куда менее, чем он о себе думает или чем ему хотелось бы быть. Каждому из нас сопутствует в жизни Тень, и чем меньше она присутствует в сознательной жизни индивида, тем чернее и больше эта Тень. Если нечто низкое осознается, у нас всегда есть шанс исправиться... Тень — это не что-то целиком скверное, а просто низшее, примитивное, неприспособленное и неудобное. В нее входят и такие низшие качества, детские и примитивные, которые могли бы обновить и украсить человеческое существование, но “сего не дано”. Образованная публика, цвет нашей нынешней цивилизации, оторвалась от своих корней и готова вообще утратить связь с землей» [16, с. 117, 182].

Так как черные предметы всегда кажутся тяжелее остальных, то в теории композиции отмечается, что черный цвет дает неправильное ощущение формы предмета, поскольку заглушает

светотень. В хроматизме же эта бесформенность черного цвета объясняется тем, что он сублимирует в себе информацию будущего времени, которая никак не может быть полностью оформлена, опредмечена, осознана в настоящем. Разумеется, этический взгляд на цвета дает многое для понимания их семантики. Однако при этом остается непонятным причина, по которой именно

Рис. 1. Чаша со сценой «Грехопадение», середина XVI в. [11, с. 217]

Для наглядности сопоставим сцену «Грехопадение» середины XVI в. [11, с. 217] с представлением женственности, по Ман Рейу, в образе 1924 г. «Вчера, Сегодня, Завтра» [27]. На дне чаши сцена «Грехопадение»: в центре на фоне пейзажа, под деревом, ствол которого обвил змей с женским торсом, фигура Евы, всем видом стремящаяся к змею, к которому протянута ее левая рука. В правой же она держит ветвь с плодами, привлекающими внимание сидящего рядом Адама. Этот сюжет иллюстрирует библейское сказание о первородном грехе (Быт. 3, 1–6). Бог создал первых людей — Адама и Еву — и поселил их в саду Эдемском. «И были оба наги... и не стыдились». Только один завет дал Создатель человеку — не вкушать плодов от дерева познания добра и зла. Но дьявол в образе змея обольстил Еву, говоря, что, вкусив запретный плод, люди станут «как боги, знающие добро и зло». Женщина сама отведала плод и дала Адаму.

Ман Рей удивительным образом использует этот архетипический — постоянно воспроизводимый в истории взаимоотношений Бога, Дьявола, мужчины и женщины — сюжет. На фоне ослепительно-телесного алмаза с «направляющими нас вверх» руками резко выделен «указующий вниз»

черным цветом символизировалась Мать-земля, Деметра, Кора. Или почему в христианской миниатюре, в церковной и станковой живописи Дева Мария нередко изображалась при Благовещении в черных одеждах; или почему гениальность меланхоликов часто характеризовалась черным цветом. Хроматизм как научная дисциплина отвечает на эти вопросы достаточно ясно и определенно.

Рис. 2. Ман Рей «Вчера, Сегодня, Завтра», 1924 г. [27]

треугольник порождающего угля познания — познания черного (в своей непознаваемости) будущего, или, как говорит Ман Рей, «завтра». Вспоминается Бальмонт: «...Черный уголь — символ жизни, а не смерти для меня: — / Был Огонь здесь, говорю я, будет вновь напев Огня. / И не черный ли нам уголь, чтоб украсить светлый час, / Из себя производит ярко-праздничный алмаз...».

Итак, остается лишь заключить настоящее сообщение риторическими вопросами «познания», ибо заинтересованные лица всегда найдут адекватные ответы в коллективном бессознательном собственного интеллекта. Не архетипично ли звучит образ завивающих друг друга ножек, если столь же грациозно змей обвивался вокруг дерева, увивая за собой Еву? Не традиционен ли образ Адама, занятого яблоком и тысячелетиями игнорирующего эту противоречивую метафизичность женственности? И так ли уж незаметно наше настоящее, цвет которого столь зримо представлен Творцом в его амбивалентности? Не образ ли нашего мира запечатлел Ман Рей в этом контрастирующем противостоянии черного и белого, «верха» и «низа», «вчера» и «завтра»? В этом сочетании женственности мира и его эстетического преобразования в произведениях искусства, по всей

видимости, и заключается язык искусства как средство межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Бер У. Что означают цвета. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 222 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 412 с.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. 612 с.
4. Гегель. Эстетика. М.: Искусство, 1971. Т. 3. 621 с.
5. Де Боно Э. Шесть шляп мышления. СПб.: Питер, 1997. 256 с.
6. Коллингвуд Р.Дж. Принципы искусства (Теория воображения). М.: Языки рус. культуры, 1999. 328 с.
7. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета. М.: МГУ, 2001. 472 с.
8. Купер М., Мэтьюз А. Язык цвета. М.: ЭКСМО, 2001. 144 с.
9. Леонардо да Винчи. Избр. произв. М.: Академия, 1935. 384 с.
10. Рабинович В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М.: Наука, 1979. 388 с.
11. Раппе Т.В., Булкина Л.С. Лиможские расписные эмали в собрании Эрмитажа. СПб.: ГЭ, 2005. 342 с.
12. Ревалд Дж. Постимпрессионизм. М.; Л.: Искусство, 1962. 432 с.
13. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб.: Академ. проект, 2003. 816 с.
14. Хейзинга Й. Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М.: Наука, 1988. 542 с.
15. Чернова А. ...Все краски мира, кроме желтой. М.: Искусство, 1987. 222 с.
16. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
17. Bourdin D. Le langage secret des couleurs. P.: Grancher, 2006. 254 p.
18. Bremond E. L'intelligence de la couleur. P.: Albin Michel, 2002. 256 p.
19. Brusatin M. Histoire des couleurs. P.: Flammarion, 2003. 192 p.
20. Elie M. Couleurs & theories. Anthologie commentée. Nice: Ovadia, 2010. 230 p.
21. Finlay V. Das Geheimnis der Farben: Eine Kulturgeschichte. B.: List Taschenbuch, 2011. 462 s.
22. Forman Y. (red.) La couleur: nature, histoire et decoration. P.: Le Temps Apprivoise, 1993. 256 p.
23. Gericke L., Schöne K. Das Phänomen Farbe. Zur Geschichte und Theorie ihrer Anwendung. B.: Henschelverlag, 1970. 174 s.
24. Jung C.G. The Red Book. Liber Novus / ed. S. Shamdasani. N.Y.; L.: W.W. Norton & Co., 2009. 404 p.
25. Lejeune S., Blin-Barrois B. (red.) Parlons couleur: langage, codes, création. Roussillon: Édisud-Ôkhra, 2006. 128 p.
26. Pastoureau M. Dictionnaire des couleurs de notre temps. Symbolique et societe. P.: BONNETON, 1999. 256 p.
27. Phototheque numerique. URL: <http://www.manray-photo.com/catalog> (дата обращения: 15.01.2013).
28. Rousseau R.-L. Le langage des couleurs. St. Jean de Braye: Dangles, 1980. 270 p.
29. Spence D.P. Subliminal perception and perceptual defense: two sides of a single problem // Behav. Sci. 1967. V. 12, № 3. P. 133–193.
30. Wittgenstein L. Remarks on colour / ed. G.E.M. Anscombe. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1977. 128 p.

ABOUT ONTOLOGICAL THEORY OF CULTURE

Nicolay V. Serov

*Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work;
13 a, 12th line, Saint Petersburg, 199178, Russia*

Author systematized the many cultural data on the color semantics reproduced achromatic canons, epithets, idioms and markers, which allowed eliminating personal information, tastes and preferences of the different researchers. The work was based on the concept of information model, in which the color information on the level of simulated semiotic meta-language for normal and extreme conditions for the existence of complex systems. Chromatic analysis showed that the white color simulates feminine sociability, memory, the past and consciousness as a component of intelligence, gray — masculine creativity, the present and the subconscious, black — feminine sexuality, the future and unconsciousness.

Key words: non-verbal language of communication; color as ontologically ideal; chromatic models of complex systems.

УДК 111.81-130.3-291.11

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ДУХОВНОСТИ**К.М. Товбин**

В статье на основе методологии традиционалистской школы рассматривается понятие традиционной духовности. «Традиция» (Полная, или Священная Традиция) противопоставляется «традиции» как сложившейся цивилизационной инерции или ментальному коммуникативному механизму. Традиция противопоставляется как модерну, так и постмодерну, однако рассматривается в сопоставлении с этими эпохами. Содержание традиционной духовности рассматривается в феноменологическом разрезе, через манифестационные параметры, напрямую зависящие от человеческой деятельности и ее смысла.

Ключевые слова: Традиция; Священное; инициация; догмат; надьсторизм; преемственность; самооценочность; пострелигия.

Выделение феноменологической области в традиционной духовности является рабочим приемом, никак не связанным с особенностями традиции, отрицающей членение на онтологическую, феноменологическую и гносеологическую области, как это принято в современном религиоведении. Более того, само такое членение является признаком и средством понятийной секуляризации, приводящим к выделению «ядра» и «периферии» в Традиции, чего в ней попросту нет [7]. Однако, как отмечают философы-традиционалисты, главной проблемой Традиции является замкнутость в рамках собственного понятийного аппарата, доступного только посвященным и «практикующим» [29, с. 587]. Для стороннего наблюдателя Традиция неизменно предстает полем иррациональной преодоленной и имеющей лишь музейный описательный интерес, подменяющий традиционность самобытностью. Виталий Аверьянов пишет: «Традиция — это не то, чем данная культура непохожа на другие культуры, а то, чем она “похожа” на саму себя в своем развитии и изменении, то, что позволяет ей пронести через все изменения неповрежденную идентичность» [4, с. 20]. Потому мне предстоит довольно сложное занятие — приспособить не только сам язык Традиции, но и ее внутреннее устройство переводу на язык современности, в котором уже нет понятий и терминов, могущих выразить суть Традиции. Потому настаиваю на условном характере приводимых ниже дефиниций, надеясь на то, что современная (западная) религиозная эпистемология не до конца утратила

память о традиционном контексте, в рамках которого она возникла.

Традиция есть цепь непрерывной и непрестанной смыслопередачи Священного — именно по этой причине Традиция именуется с заглавной буквы, в отличие от традиции как устоявшегося образа социального бытия [3, с. 73]. Священное здесь понимается не антропоцентрично (как психологический или коммуникативный консенсус [48, с. 339]), но сакроцентрично, потому я воздержусь от генерации понятия Священного, как и все религиоведы, первыми использовавшие это понятие, сконцентрировавшись на обнаружении атрибутов Священного, первым из которых и является Традиция.

В онтологическом плане Традиция фиксирует постоянство и нерушимость связи с трансцендентным источником человеческого существования (родового и индивидуального) — это делает традиционное мышление стационарным и циклическим, радикально отличающимся от модернистского прогрессистского и эволюционистского мировосприятия. Традиция — не арсенал постулатов или гештальтов «коммуникативного механизма» [14, с. 154], не предохранительный способ восприятия новаций [42, с. 153], но цельное сознание, укорененное в принципиальной нерасторжимости трансцендентного и имманентного начал, более того — в неправомерности самого такого разграничения. Прот. Сергей Булгаков писал: «Наличие церковного предания вытекает из самотождества Церкви и единства живущего в ней Духа. Оно есть внешняя, феноменальная манифестация внутреннего, ноуменального единства

Церкви» [12, с. 41]. Принадлежность к Традиции есть принадлежность к Священному, потому компоненты Традиции есть не столько пути к Священному, сколько *проявления самого Священного*.

Феноменологическую сторону Традиции можно назвать стороной динамической, это пространство взаимодействия человека со Священным. Определенные действия, ожидание ответа, получение ответа, восприятие ответа — это зафиксировано в нижеприведенных пунктах, имеющих весьма условную, рабочую структуру. Феноменология Традиции фиксирует проявления Священного; религиоведы, сгенерировавшие понятие Священного в современном религиоведении, само Священное относили только к феноменологии, в онтологическое его измерение не заглядывая [43, с. 11; 66, с. 16]. С одной стороны, такой подход верен, ибо косный онтологический разрез Традиции может быть сведен недобросовестным или секуляризованным умом до набора идеологием (что и происходит при пострелигиозной имитации Традиции [52]). Иными словами, показ Традиции исключительно с онтологической стороны формирует представление о Традиции как о мировоззрении, что принципиально не отвечает самой сути Традиции. Феноменология Традиции дополняет картину, повествуя о действии Священного. Подчеркнем: не о действии человека перед Священным, но о действии *самого Священного*. Гиперболизация этого элемента может нас привести к оккультному эзотеризму, не допускающему никакого философского анализа. Недооценка, напротив, приведет к постмодернистскому игровому представлению о Традиции как о стилистическом, жестикуляционном и символическом наборе. Потому постараемся удержаться в «золотой середине», каковой, по нашему мнению, является философия традиционалистской школы (Р. Генон, Ю. Эвола, Т. Буркхардт, С.Х. Наср, А.Г. Дугин, В.В. Аверьянов и др.), дающей нам и идейно-методологическую основу, и методiku разбора Традиции.

Посвященность

Инициация, по описанию Генона, является отличительной чертой традиционной духовности [16, с. 361], преодолевающей дистанцию трансцендентного и имманентного. По словам Дугина, «это возврат к Божеству того, что от него отдалилось, это приход к Истоку вышедшего из него, это движение вспять» [31, с. 380]. Посвящение имеет в своем арсенале множественные ритуалы, смысл

которых можно выразить логически. Но вербализация — как разумное исповедание упования — никогда не была чертой подлинной инициации. Только духовность модерна, превращаясь в посястороннюю идеологию, стала требовать устной «надписи» у священнодействия. Настоящее посвящение осуществлялось на основе свободной воли субъекта посредством мистических операций. Соответственно, повреждение посвящения могло произойти не столько на логическом уровне, препятствующем выбору и подступу к самому ритуалу, сколько на уровне таинства [56, с. 127]. Таинства внутри каждой традиции всегда изменялись и архаизовались с течением времени, отходя от простоты совершения и понимания. Заморозка чина, которым таинство совершалось, превращение его в косный ритуал есть препятствие неминуемой профанации (понимаемой метафизически, а не психологически). Характерный пример — определенные молитвы из чина православной Божественной литургии, ставшие тайными (читаемыми молча только священниками) для препятствия профанации [24, с. 157–161]. Также можно привести в пример русские православные иконостасы, отгородившие пространство Святого от обозрения молящихся [55, с. 441].

Инициация сохраняется при увеличении зазора между Священным, к которому посвящение должно привести, и мирским [33, с. 342]. С течением времени преодоление этого расстояния для десакрализирующегося человека становится все более трудным — исчезает некая врожденная способность к посвящению [64, с. 435]. Соответственно, действительно посвященных становится все меньше, а посвящение оборачивается якобы посвящением, лишь имитирующим священнодействие, на чем строится симулятивная псевдотрадиционность некоторых пострелигий.

Традиционной инициации Генон противопоставлял *контринициацию* [16, с. 411]. Поскольку, по мнению мыслителя, модерн есть перевертыш Традиции, то, копируя сам принцип посвящения в сакральное, модерн создает искусственные знаково-символические инструменты десакрализации мышления. Более того, наиболее действенным способом является использование именно нежизнеспособных осколков Традиции — их мозаика есть лучшее противодействие Традиции, чем использование «гражданских ритуалов» наподобие российских новогодних [21, с. 662].

Отходя от контринициативности модерна, но не возвратившись в инициативность Традиции, постмодерн плодит множественные псевдоинициа-

ции, мозаично и произвольно комбинирующие самые различные элементы, ставя результирующим параметром экстаз. На таком якобы посвящении зиждутся как новые харизматические движения, так и харизматизация традиционных религий — в частности, католичества (харизматические мессы) и православия (гуруистическое старчество, фетишизм реликвий [49]).

Догматизм

Под догматизмом понимается безусловная преданность предмету веры. В традиционной духовности догматизм не равен современному фундаментализму, возникшему как «тоска по догматам» [10, с. 275]. С позиции традиционалиста догма есть уточнение священного смысла человеческого бытия. Догма возникает на критичной стадии соскальзывания по раскручивающейся книзу спирали мировой апостасии, когда замутняется чистота предания, передающегося от поколения к поколению и от жреца — простолюдинам. В этой ситуации возникает нужда в обращении к вторичной, манифестационной человеческой инстанции — разуму. Так возникает рационализованная догма как указание и предохранение от совершения ошибки, могущей исторгнуть человека из священного пространства и времени [38, с. 6]. Традиция догматизируется, и с этого момента внешним признаком верности Традиции становится следование догме [60, с. 270].

Отклонение от догмы есть ересь, однако ересь выражается не только в рационалистическом отклонении от буквы закона. Поскольку *догма есть наружное обозначение Традиции*, ересью является не столько отклонение от догмата, сколько отклонение от Традиции, обозначаемой догмой. Принцип Традиции как синтеза писаной и неписаной частей блестяще кристаллизован св. Викентием Лириным († 450): *«Во что верили повсюду, всегда, все»* [71, р. 333]. В православной духовности высшей вехой догматизма являются решения VII Вселенского собора, осуждающего как душегубительную ересь всякое отклонение не только от прописанной догмы, но и от всей общепринятой христианской Традиции [27, с. 87]. Именно Седьмой собор интуировал — вследствие идейной войны с воинствующими профанаторами-иконоборцами — наступление десакрализации, выражающейся в оскудении способностей человеческого ума распознавать Священное в Традиции. Поэтому Собор жестко обозначил суть православия-*ортодоксии*, сделав кос-

ность стилем православного образа жизни и богословия.

Представление о догматизме как строгом *мировоззрении* — основа современного секулярного фундаментализма, разграничение которого с традиционализмом есть тема особого исследования. С секулярной точки зрения ересь — выражение неправых мыслей. Такой подход не обнаруживает отклонения от Традиции современного расщепленного ума, заявляющего о верности Традиции, но отклоняющегося от нее на бытийственном и бытовом уровнях.

Полнота

Для человека, стоящего в Традиции, это стояние уже является результатом, а не способом достижения чего-то другого [67, р. 5]. В христианстве, к примеру, согласно учению преп. Иоанна Лествичника, молитва есть средство, а не условие Богообщения [37, с. 239]. Более того, всякий верующий, стоящий в Традиции, не мнит себя таковым, считает недостойным, «грешным паче всякой меры» и непрестанно стремится выйти из этого состояния. Согласно Шуону, разрыв (секуляризация) сознания начинается именно тогда, когда отходит на второе место основная наша деятельность по соединению с Горним — молитва, а на первое место выходит прагматическая область — миропознание [72].

Особо параметр самооценности Традиции касается этической стороны поведения верующего. Для стоящего в Традиции морали как самооценности нет, она существует лишь как посыл, указатель на большее, как единый луч иерофанического сияния [30; с. 148]. Абсолютизация некой абстрактной морали, равноценной самой себе [11, с. 178], есть черта современности, пытающейся возвести сложившийся образ поведения в формат «здравомыслия» [61]. По этой причине всякие антимодернистские интеллектуальные начинания, как правило, начинаются с практикуемой аморальности. Напротив же, модернизация в первую очередь выражается в институционализации морали, например, посредством институционализированной Церкви или протестантской общины, превратившихся в контролеров и редакторов морали.

Современный традиционализм, как в теории, так и в практике, зачастую скатывается в соблазн демонизации: восстав против современности, ей пытаются неразборчиво противопоставить любую «антисовременность» [39]. Мир современности, несмотря на принципиальную эклектичность и

дискретность, является цельным и самодостаточным. Потому война против него приводит к попыткам создания антикопии — элементам современности противопоставляются «аналоги» из старины [29; с. 77]. В итоге такой подражательности мы не получим ничего, кроме экстравагантного ретрофутуризма, эксплуатирующего наглядные элементы Традиции и потому становящемуся противоядием против Полной Традиции. Согласно Генону, лишь привлечение «высших принципов» может сделать «восстание против современности» результативным [18, с. 252], но никак не механическое воспроизводство отщепов Традиции и не идолопоклонство перед ее обломками, чем грешит духовная практика современных религий, именующихся традиционными.

«Повседневность подлинности»

Следует сказать о пронизанности традиционными сакральными принципами каждого аспекта быта. С точки зрения Традиции, во-первых, не может быть мест, отъединенных от сакрального: оно проявляет себя по-разному на политическом, национальном, индивидуальном, бытовом уровне, но все эти проявления едины в своем Истоке [19, с. 258]. Во-вторых, в Традиции особое внимание уделяется именно семье, повседневности, быту как сторонам истинной индивидуальности [23, с. 171].

Богослужением является не какая-то особая деятельность, но каждая сторона деятельности индивида и общества должна тяготеть к обнаружению своей сакральной стороны, и традиционная духовность являет множественные обряды и символы, сопровождающие хозяйственные работы, совместные домашние действия и даже супружеские взаимоотношения [45, с. 380]. Для стояния в Традиции вся повседневность должна выглядеть как «лучезарный храм с вечным служением литургии, объединяющей Бога и мир» [34, с. 349].

В традиционном обществе именно *повседневность* является счетчиком стояния человека в Традиции. Если бытовая сфера претендует на то, чтобы быть чем-то «простым», посюсторонним — это признак секулярного расщепления сознания. Если обращение к Богу присутствует во всех, даже самых интимных и доведенных до автоматизма мелочах, — значит, верующий действительно стоит в Традиции всем своим существом, а не только его рационально частью [13, с. 143].

Община и иерархия

Горизонтальная связанность — такая же основа Традиции, как и вертикальная. Налажен-

ность связей в разных социальных группах и иерархия самих этих групп внутри более обширных создает условия для обеспечения передачи Традиции. Отсутствие связей уже на самом первом уровне — семейном — разрушает способность Традиции самовоспроизводиться. Спаянность семейная, клановая, этническая, национальная, кастовая, цеховая сама по себе не является условием для содержания Традиции, но без нее Традиция неуклонно стремится к фикции. Община же — как «высший нравственный образ человечества» [5, с. 195; 6] — является полем осуществления горних принципов, полем перехода из зверобытия в богобытие. Философ Тарас Сидаш подчеркивает:

«Община — тот же Божественный Ум, в котором момент единства уже не дан непосредственно, но отступил на задний план и сокрылся» [50].

Община является телом Священного — в этом причина как горизонтальной спаянности общины, так и внутренней иерархичности и кастовости [40, с. 52–54]. В идеале община подобна дереву, в котором каждый орган исполняет свое назначение [57, с. 25–27]. Это нашло отражение как в догматах Православной Церкви о соборном (кафолическом) устройстве [59, с. 81], так и в философских учениях славянофилов [47, с. 374] и — в особенности — Платона, наиболее ярко отразившего традиционную взаимосвязь социальной структуры и сакральности: «...Сословие жрецов, обособленное от всех прочих, затем сословие ремесленников, в котором каждый занимается своим ремеслом, ни во что больше не вмешиваясь, и, наконец, сословия пастухов, охотников и земледельцев; да и воинское сословие, как ты, должно быть, заметил сам, отделено от прочих, и членам его закон предписывает не заботиться ни о чем, кроме войны. <...> [этот уклад. — К.Т.] как нельзя лучше подходит к священнодействиям в честь богини, ибо *сродни ей самой* (курсив мой. — К.Т.)» [44, с. 428, 431; также см.: 16, с. 246].

На социальном уровне традиционная общинность проявляет себя как *философия неравенства, кастовая философия* [63, с. 10–11], утверждающая различие уровней служения в соответствии с различными способностями и возможностями, определенными изначально [17]. Виталий Аверьянов пишет:

«Сословия в <...> несут в себе не только социальное, но и духовное измерение, они фиксируют тот образ жизни и те убеждения, которые способен реализовать человек определенной высоты духа. Сословия, касты символизируют не-

одинаковость возможностей разных людей. Бывает право и мораль, создаваемая по образу жизни и суждения святого и пророка. В другом случае — по образу и духу аристократии. В третьем случае — согласно представлениям торговых, ремесленных, земледельческих сословий, смысл которых в более обширном воспроизводстве жизненного цикла. В четвертом случае — по мнениям сословий наемных работников и невольников, жаждущих во что бы то ни стало нивелировать все социальное бытие (пафос равенства). Возможна и представима и мораль пятого случая, в котором ее определяют вообще асоциальные группы, не желающие обустроить окружающую жизнь и нести какую-либо обязанность. Наконец, в шестом, наиболее важном для нас случае существует и в конце истории грозит восторжествовать нрав и закон существ, вовсе неопределимых никакими сословными рамками. Это будет закон паразитический, закон существ-оборотней, способных имитировать разные общественные ценности, но неспособных эти ценности производить» [2, с. 93].

Наличие зазора между кастами приводит к нарушению духовной связи каждого из субъектов общины со Священным. Строгое распределение на касты уже является родом ритуала: старательно исполняя свое предназначение, каждый элемент священного социального тела содействует цельности и здоровью этого тела — в этом корень традиционного освящения повседневности и быта. Исчезновение кастового видения социального — одна из наибольших травм модерна — она нанесена именно индивидуальному сознанию, обрекши его на тягу к миражам псевдоиндивидуальности.

Надындивидуальность

Традиционная духовность самое существенное внимание уделяет философии личности — обоснованию проблемы смысла жизни и деятельности, уточнению понятия «Я» и соотношения его с понятиями «МЫ» и «ОНИ». Проблема эта по-разному лишается в разных традиционных упованиях: с индивидуалистской, коллективистской или соборнической позиций. Однако проблемы бытия личности в мире, полноценности или неполноценности индивидуального бытия, личной ответственности, самосознания и меры свободы — одни из первичных в традиционных религиях, особенно в монотеистических [41, с. 381].

Личность есть отображение Высшего начала, осуществляемое в Традиции посредством ритуала

— инструмента, соединяющего образ с первообразом [35, с. 100]. Мировая история есть последовательное затирание этого начала. Традиционализм исходит из принципа затертости изначальной личности (проистекавшей согласно Элиаде из «прамонотеизма» [25, с. 118]), которая может вновь проявиться только посредством длительной и комплексной духовной работы. Провозглашение авторитета, приоритета и уникальности личности есть не более чем мираж, однако ведущий свой происхождение именно из христианского учения о потенциальном богоподобии человека.

Проблема «мирских догматов» модерна заключается в рассмотрении мира через призму фантазмов «личности», «индивида», «субъекта», в прояснении значимости мира для этих понятий, в действительности являющихся лишь понятийными условностями. Бытийственность Нового времени определяется через условную личность. Даже Священное Рудольфом Отто в первую очередь проявляется через особую ощущаемость его человеком [43, с. 21]. Традиционное представление о личности в корне иное. Традиция надличностна: *человек есть лишь возможность для Священного*, потому свое наибольшее значение человек приобретает, становясь таким проводником [68, р. 110]. В православном богословии это именуется *обожением*. Как говорит св. Афанасий Александрийский, «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом» [8, с. 260]. В Традиции «стать человеком» означало наиболее приблизиться к своему идеальному, световому значению [29, с. 111–112], от которого реальное состояние — лишь функция, тяготеющая к «инфрачеловечности» [20, с. 19], предел которой мы видим в сегодняшнем превращении человека в постчеловека, в киборга («В прошлом боялись того, что люди станут рабами. В будущем надо бояться того, чтобы люди не стали роботами» [58, с. 94]), в звероавтомат («Зверь безгласно, тихо дышит, механизм бездушно считает» [31, с. 368].)

Надысторизм

Традиция внеисторична. История любого человеческого сообщества есть движение *относительно* Традиции как вечных высших принципов бытия [62, с. 10; 70, р. 182]. В итоге, как красочно описал Гесиод, все сообщества так или иначе от Традиции отходят, что и сопровождает их дезинтеграцию [22, с. 54–57], потому рассмотрение Традиции через антропологическую призму неминуемо уводит нас от самой проблематики Традиции в область ее

поступательного искажения [46, с. 21]. Историческая феноменология Священного проявляется в его постепенном отхождении от «мирского» и доступности только посредством сопереживательных практик, техника которых не изменяется под давлением истории [43, с. 257–259; 66, с. 46–47]. Однако Эвола указывал на вырождение самой способности к этому сопереживанию, в оскудении которой и заключается регресс истории [64, с. 435–436]. История есть деградация Традиции [29, с. 415], поскольку фиксирует вычленение и оформление какого-то элемента традиционного мира в самостийное образование (например, «человек», «капитализм», «наука»). Уже само наблюдение за историей есть признак антитрадиционности, поскольку такое наблюдение запечатлевает сравнения дня сегодняшнего со стариной; традиция же — не нечто прошлое, но нечто вечное, вневременное [32, с. 104].

Исходя из этого, «отщепы истории», даже внешне лишённые жизнеспособности, в традиционном мышлении имеют гораздо больший вес, чем самое изощренное мудрствование. Так, Б.А. Успенский подчеркивал, что в русском старообрядчестве под натиском модерна произошла сакрализация текстов, звучаний, произношений — не только переводов, как принято считать [54, с. 239; 53, с. 3]. Таким образом, косный текст ставился важнее грамматики. Текст мертв только снаружи: чем более косной и неподвижной является его оболочка, тем в большей сохранности его содержание.

Бесспорно, в переломные моменты истории в обществе, стремящемся обрести устойчивость, вспыхивает интерес к периодам собственного прошлого, насыщенным целеполаганием. Таким образом, происходит процесс, который старообрядцы-часовенные именовали «подысканием отцов»: исходя из травмированной современности подыскиваются и произвольно комбинируются элементы прошлого, долженствующие — по мысли редактора этих впечатлений — стать опорой для «возрождения» [69; 36, с. 285]. И вместо Традиции является симулякр, симптомирующий лишь о потере ощущения смысла своего исторического бытия. Так порождаются недолговременные кентавры наподобие «динамического консерватизма» [1, с. 38], «модернизации традиционности» [26, с. 348–351], «синергии традиционализма и модернизма» [9, с. 87–88], могущие быть лишь недолговременной идеологической вешкой, но никак не основой для вдохновения социума присутствием сакрального, чем по своей сути и явля-

ется истинная Традиция. На этой же волне происходит нынешняя гальванизация самых разнообразных форм традиционной духовности.

С другой стороны, истинно традиционное понимание истории всегда осмысленно и телеологично [29, с. 83; 65, с. 68–71; 66, с. 88]. При отрицании одномерного августиновского прогрессизма традиционная духовность настаивает на некоем раскрытии смысла времен и смысла человека [15; 28, с. 140]. Постмодерн, нейтрализуя Традицию комбинаторикой ее внешних форм, настаивает на замкнутом и бессмысленном циклизме, в котором единственным смыслом деятельности может быть только игра — сеймоментный всполох в колесе финального цикла. И игра эта не несет никакой нагрузки, кроме удовлетворения наиболее низменных чувств. Согласно традиционной логике истории любое сообщество непременно сползает к социальной однородности низшей касты, ни на что не годной и управляемой только посредством внушения или страха [30, с. 422], чем и характеризуется современная постполитика [51].

Традиционная духовность в своем феноменологическом измерении здесь приведена в сравнении с пострелигиозностью, в наши дни умело имитирующей традиционную внешность. Собственно феноменологического измерения у Традиции нет — его выделение есть условный, рабочий прием, долженствующий показать определенные стороны Традиции современному секулярному человеку, показать так, чтобы не скатиться ни в постмодернистские комбинаторические игры с архаикой, ни в модернистскую концептуализацию Традиции как пройденной стадии развития «цивилизации», ни в холистский язык Традиции — метафизический и закрытый от современного исследователя мощными понятийными барьерами. Безусловно, это исследование имеет смысл только в соединении с изложением онтологической стороны традиционной духовности, поскольку здесь отмечены лишь формы манифестации Священного в восприятии его человеком. Без онтологического, горизонтального подхода к Традиции чисто феноменологическое, вертикальное ее обнаружение может перейти в фантастичность, являющуюся в постмодерне умело используемой вакциной против реального обнаружения Традиции.

Список литературы

1. *Аверьянов В.В.* Либерально-консервативная трактовка социокультурной традиции в контексте отечественной философской мысли // Во-

- просы культурологии. 2009. № 5. С. 34–38.
2. *Аверьянов В.В.* Преодоление доктрины «светского государства» // Северный Катехон. 2005. № 1. С. 93–99.
3. *Аверьянов В.В.* Традиция и традиционализм в общественной мысли России (60–90-е годы XX века) // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 68–77.
4. *Аверьянов В.В.* Традиция как методологическая проблема в отечественной культурологии XX века: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М.: ГАСК, 2012. 33 с.
5. *Аксаков К.С.* Передовые статьи газеты «Молва» // Аксаков К.С. Государство и народ / ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2009. С. 192–229.
6. *Аксаков К.С.* О современном человеке // Аксаков К.С. Государство и народ / ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2009. С. 238–297.
7. *Андреев А.* Традиционализм как методологическая основа // Against Post-Modern World: матер. конференции (15–16.10.2011., Москва, центр «Tradition»). М., 2011. URL: <http://against-postmodern.org/andreev-traditsionalizm-kak-metodologicheskaya-osnova> (дата обращения: 08.03.13).
8. *Афанасий Великий.* Слово о воплощении Бога-Слова, и о пришествии Его к нам во плоти // Афанасий Великий. Творения. Ч. I. Свято-Троицкая Сергиева лавра: Собственная тип., 1902. С. 191–263.
9. *Багдасаров В.Э.* Традиционализм и модернизм: проблема синергического моделирования // Модернизм и традиционализм: проблема ценностного и политического баланса России. М.: Научный эксперт, 2008. Вып. 5(14). С. 8–139.
10. *Бибихин В.В.* Философия и религия // Бибихин В.В. Язык философии. СПб.: Наука, 2007. С. 258–271.
11. *Библер В.С.* На гранях логики культуры. М.: Рус. феноменологическое об-во, 1997. 440 с.
12. *Булгаков С., прот.* Православие: Очерки учения Православной Церкви. Киев: Лыбидь, 1991. 240 с.
13. *Буркхардт Т.* Сакральное искусство Запада и Востока. Принципы и методы. М.: Алетейя, 1999. 216 с.
14. *Быстров В.Ю.* Понятие традиции и проблемы философии религии // Религиоведение. 2004. № 1. С. 154–161.
15. *Вирт Г.* Священный год // Дугин А.Г. Знаки Великого Норда. М.: Вече, 2008. С. 285–288.
16. *Генон Р.* Заметки об инициации // Генон Р. Символика креста. М.: Прогресс–традиция, 2008. С. 141–442.
17. *Генон Р.* Индийская кастовая доктрина // Плюс. 2010. № 1. С. 23–24.
18. *Генон Р.* Кризис современного мира (пер. Любимовой Т.Б.) // Генон Р. Избранные произведения. М.: Беловодье, 2004. С. 149–300.
19. *Генон Р.* Кризис современного мира (пер. Мелентьевой Н.В.) // Генон Р. Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008. С. 5–140.
20. *Генон Р.* Очерки о традиции и метафизике. СПб.: Азбука–классика, 2010. 320 с.
21. *Генон Р.* Царство количества и знамения времени // Генон Р. Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008. С. 443–712.
22. *Гесиод.* Труды и дни // Гесиод. Полное собрание текстов. М.: Лабиринт, 2001. С. 51–75.
23. *Гиренок Ф.И.* Патология русского ума. Картография дословности. М.: Аграф, 1998. 416 с.
24. *Голубцов А.П.* Из чтений по церковной археологии и литургике. Сергиев Посад, 1918. 290 с.
25. *Горохов А.А.* Феноменология религии Мирчи Элиаде. СПб.: Алетейя, 2011. 160 с.
26. *Гофман А.Б.* Социология традиции и современная Россия // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 7 / ред. М.К. Горшков. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 334–351.
27. *Григорий (Грabbе), ep.* Каноны Православной Церкви. Ч. 1. Джорданвилль: Holy Trinity Orthodox Mission, 2001. 98 с.
28. *Джемаль Г.Д.* Дауд vs Джалут. М.: Социально-политическая мысль, 2010. 388 с.
29. *Дугин А.Г.* Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение, 2009. 744 с.
30. *Дугин А.Г.* Философия политики. М.: Арктогея, 2004. 616 с.
31. *Дугин А.Г.* Философия традиционализма. М.: Арктогея–Центр, 2002. 624 с.
32. *Дугин А.Г.* Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб.: Амфора, 2009. 351 с.
33. *Жирав Р.* Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 400 с.
34. *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество: в 2 т. / ред. В.В. Нехотин. М.: Ин-т ДИ-ДИК: Квадрига, 2009. 688 с.
35. *Зильберман Д.Б.* Традиция как коммуникация: трансляция ценностей; письменность // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 76–105.
36. *Илларионов Г.А.* Возвратные процессы традиционализма на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 2. С. 281–286.
37. *Иоанн Лествичник.* Лествица. СПб.: Типография № 6, 1995. 316 с.
38. *Карташев А.В.* Вселенские соборы. Минск:

- Харвест, 2008. 640 с.
39. *Корнев С.* Трансгрессивная революция: Посвящение в постмодерн-фундаментализм. 2001. URL: http://kornev.chat.ru/trans_re.htm (дата обращения: 08.03.13).
 40. *Куценков А.А.* Эволюция индийской касты. М.: Наука, 1983. 326 с.
 41. *Лосский В.Н.* Догматическое богословие // Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Сергиев Посад: Изд-во СТСЛ, 2012. С. 379–545.
 42. *Маркарян Э.С.* Теория культуры и современная наука. М.: Мысль, 1983. 284 с.
 43. *Отто Р.* Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 272 с.
 44. *Платон.* Государство // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 79–420.
 45. *Плюханова М.Б.* О национальных свойствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. Т. 3. М., 1996. С. 380–459.
 46. *Полонская И.Н.* Социокультурная традиция: онтология и динамика: автореф. дис.... д-ра филос. наук. Ростов н/Д: РГУ, 2006. 56 с.
 47. *Самарин Ю.Ф.* Революционный консерватизм. Письмо Р. Фадееву по поводу его книги «Русское общество в настоящем и будущем (чем нам быть)» // Самарин Ю.Ф. Православие и народность / ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. С. 369–426.
 48. *Самыгин С.И., Нечипуренко В.И., Полонская И.Н.* Религиоведение: социология и психология религии. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 672 с.
 49. *Сержантов П., диак.* Православие и харизматизм // Богослов.Ru: Научно-богословский журнал. М., 2007–2012. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/397746.html> (дата обращения: 08.03.13).
 50. *Сидаш Т.Г.* От Евангелия к Единоверию. Сайт Тараса Сидаша. СПб., 2011. URL: <http://sidashtaras.ru/?idx=466> (дата обращения: 09.03.13).
 51. *Товбин К.М.* Параметры постполитики // VI Всерос. конгресс политологов «Россия в глобальном мире: Институты и стратегии политического взаимодействия» (Москва, 22–24 ноября 2012 г.): материалы. М.: РАПН, 2012. С. 460–461.
 52. *Товбин К.М.* Постмодернистская религиозность в традиционалистической оценке // Знание. Понимание. Умение: Информ.-гуманит. портал. 2012. № 5. М., 2006–2013. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/5/Tovbin_Postmodern-Religionism/ (дата обращения: 06.08.13).
 53. *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. I: Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. 608 с.
 54. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв). М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
 55. *Флоренский П.А., свящ.* Иконостас // Флоренский П.А., свящ. Собр.соч.: в 4 т. Т. 2 / сост. Андроник (Трубачев), иг. М.: Мысль, 1996. С. 419–526.
 56. *Флоренский П.А., свящ.* Философия культа (Опыт православной антропологии) / сост. Андроник (Трубачев), иг. М.: Мысль, 2004. 685 с.
 57. *Флоровский Г.В.* Богословские отрывки // Путь: Орган русской религиозной мысли / ред. Н.А. Бердяев. 1931. № 31. С. 3–29.
 58. *Фромм Э.* Современное положение человека // Фромм Э. Догмат о Христе. М.: Олимп: АСТ–ЛТД, 1998. С. 89–96.
 59. *Хомяков А.С.* Ответ русского русскому (Письмо к редактору «L'Union Chretienne» о значении слов «кафолический» и «соборный». По поводу речи отца Гагарина, иезуита) // Хомяков А.С. Всемирная задача России / ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. С. 75–82.
 60. *Чаттерджи С., Датта Д.* Введение в индийскую философию. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 378 с.
 61. *Шмеман А., прот.* Богослужение в секулярный век / Сайт об отце Александре Шмемане. URL: http://www.shmeman.ru/modules/myarticles/article_storyid_5.html (дата обращения: 06.03.13).
 62. *Эвола Ю.* Люди и руины // Эвола Ю. Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. М.: АСТ, 2007. С. 5–268.
 63. *Эвола Ю.* Метафизика войны. Тамбов: Полкус, 2008. 168 с.
 64. *Эвола Ю.* Оседлать тигра. СПб.: Владимир Даль, 2005. 510 с.
 65. *Элиаде М.* Аспекты мифа. М.: Инвест–ППП, 1994. 240 с.
 66. *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
 67. *Cutsinger J.S.* Introduction // Prayer Fashions Man: Frithjof Schuon on the Spiritual Life / ed. J.S. Cutsinger. Bloomington: World Wisdom, 2005. P. 5–15.
 68. *Guénon R.* Perspectives on Initiation / ed. S.D. Fohr. NY: Sophia Perennis, 1946. 308 p.
 69. *Hobsbaum E.* Inventing Traditions // The Invention of Tradition / ed.: E. Hobsbaum, T. Ranger. Melbourne: Cambridge University Press, 1984. P. 1–14.
 70. *Nasr S.H., Jahanbegloo R.* In search of the sacred: A conversation with Seyyed Hossein Nasr on his life and thought. Santa Barbara: Praeger, 2010.

- 408 p.
71. *Pelikan J.* The Christian Tradition: A History of the Development of Doctrine. Vol. 1: The Emergence of the Catholic Tradition (100–600). Chicago: The University of Chicago, 1971. 420 p.
72. *Schuon F.* Christian Gnosis // Aymard J.-B., Laude P. Frithjof Schuon: life and teachings. NY.: State University of New York Press, 2004. P. 133–135.
-

THE PHENOMENOLOGY OF THE TRADITIONAL SPIRITUALITY

Kyryll M. Tovbin

*Branch of the Far Eastern Federal University in Yuzhno-Sakhalinsk;
30, Gorky str. Yuzhno-Sakhalinsk, 693020, Russia*

In article by means of methodology of Traditionalist school the concept of Traditional Spirituality is considered and opened. «Tradition» (Full, or Sacred Tradition) is opposed to «tradition» as to the civilizational way or the mental communicative mechanism. The Tradition is opposed both to the Modernity, and the Postmodernity, however is considered in comparison to these eras. The maintenance of traditional spirituality is considered from the phenomenological point of view, through manifestation parameters, directly depending on human activity and its sense

Key words: Tradition; Sacred; initiation; dogma; suprahistoricism; continuation; worthiness; post-religion.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923

**ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ «БЛАГОПОЛУЧНЫХ»
И «ПРОБЛЕМНЫХ» ПОДРОСТКОВ И СТАРШЕКЛАССНИКОВ****Т.Н. Яблонская**

В статье рассматривается феномен идентичности личности, его структура как единство когнитивного, эмоционального, коннотативного и ценностного компонентов. Эмпирическое исследование проводилось с помощью методик «Кто я» и опросника на основе полуструктурированного интервью Дж. Марсиа. Проанализированы содержание, уровни развития идентичности «благополучных» и «проблемных» подростков и старшеклассников; отличия особенностей идентичности опрошенных. Выявлено, что более высокий уровень развития идентичности характеризует «благополучных», что проявляется в более дифференцированном и полном образе Я, его позитивной модальности и согласованности, четкой профессиональной перспективе будущего, более высоких статусах идентичности практически во всех сферах жизнедеятельности.

Ключевые слова: идентичность; самоидентификация; социальная идентичность; личностная идентичность.

Актуальность. Изучение феномена идентичности личности является достаточно популярным направлением исследований в зарубежной и отечественной психологии. В то же время существующие теоретические и прикладные исследования проблемы идентичности и ее отдельных структурных компонентов (М.И. Боришевский, В.Л. Зливков, К.В. Коростелина, Дж. Марсиа, Е.Л. Солдатова, Л.Б. Шнейдер и др.) не исчерпывают всех аспектов проблемы [2, 4, 5, 9, 17]. В частности, остаются дискуссионными вопросы структуры и содержания идентичности, ее развития в онтогенезе личности в зависимости от тех или иных условий развития. С учетом современных трансформационных процессов, коснувшихся практически всех аспектов развития общества, особенно актуальной становится проблема изучения особенностей идентичности детей в зависимости от тех психологических условий ее развития, которые складываются в семьях.

Целью статьи является изучение и сравнение особенностей идентичности «благополучных» и «проблемных» подростков и старшеклассников в контексте выявления психологических условий развития идентичности ребенка в семье.

Анализ психологических исследований свидетельствует о том, что идентичность личности — сложный, многомерный феномен, который рассматривается в психологических исследованиях разных направлений: личностно ориентированного (Т. Бьюдженталь, А. Маслоу, Р. Мей, К. Роджерс, В. Франкл и др.); в рамках социально-психологической проблематики (Г.М. Андреева, Э. Эриксон, В.И. Павленко, Д. Тернер, Г. Теджфел и др.); в контексте теорий возрастных кризисов развития как специфический феномен юности (М.И. Боришевский, А. Ватерман, И.В. Дубровина, Э. Эриксон, И.С. Кон, Дж. Марсиа и др.); как глубинный феномен (Д. Винникотт, Х. Кохут, Р. Лейнг, К. Хорни и др.).

Становление идентичности происходит через обобщение, кристаллизацию детских идентификаций, ролевого опыта и опыта социальных влияний, оценок и ожиданий окружающих (Э. Эриксон, Дж. Марсиа и др.) [13, 17]. В подростковом возрасте актуализируется достижение идентичности через принятие ряда осознанных решений относительно своей ценностной позиции в социуме, поиск социальных основ личной определенности и

устойчивости, выбор ролевой и групповой принадлежности.

Рассматривая соотношение феноменов идентичности и идентификации, исследователи отмечают, что идентификация выступает основным механизмом идентичности (М.И. Боришевский, Э. Эриксон и др.) [2, 13] и по сути является процессом классификации, категоризации объектов, людей, событий либо отождествления субъекта с ними (Р. Дженкинс) [16].

В то же время содержание идентичности личности рассматривается как синтез идентификаций, которые возникают в процессе социализации индивида [1, 3, 4, 10]. Согласно концепции С. Московичи, сознание человека организовано по типу идентификационной матрицы, основа которой состоит из множества принадлежностей личности (идентичностей), среди которых можно выделить общечеловеческую, гендерную, религиозную, этическую, профессиональную и др. [18].

В структуре идентичности исследователи выделяют личностную и социальную составляющие (Дж. Мид, Ю. Хабермас и др.), которые отражают соотношение социальной детерминации идентичности и самодетерминации личности. Так, согласно Ю. Хабермасу, Я-идентичность состоит из совокупности двух измерений — личностной и социальной идентичностей и реализуется в процессе балансирования между ними [15].

Х. Теджфел подчеркивает социальную природу идентичности, которую он рассматривает как совокупность всех социальных идентификаций, используемых индивидом при самоопределении [19]. Автор считает, что регуляция поведения индивида осуществляется с помощью актуализации одной из двух подструктур Я-концепции — личностной (самоопределения в терминах уникально-индивидуальных характеристик физических, интеллектуальных, моральных черт) или социальной идентичности (самоопределения через членство в определенных социальных общностях). В каждый данный момент актуализируется одна из двух подсистем, которая определяет выбор человеком формы поведения — как индивида или как члена группы.

Весомый вклад в развитие психологических представлений о феномене идентичности личности внесли также российские и отечественные ученые (М.И. Боришевский, В.Л. Зливков, Е.Л. Солдатова, Л.Б. Шнейдер и др.). Так, Е.Л. Солдатова изучает эго-идентичность как сложную динамичную структуру, которая развивается в течение всей жизни че-

ловека, актуализируясь в периоды нормативных кризисов развития [9]. В.Л. Зливков провел основательное исследование идентичности в ракурсе профессиональной деятельности педагога [4]. В исследованиях М.И. Боришевского, П.И. Гнатенко, Л.Б. Шнейдер и других ученых изучаются разные аспекты личностной и социальной идентичности, в частности, особенностей индивидуальной самооценки, становление Я-концепции, переживание групповой принадлежности, процесс и результаты социального сравнения [2, 3, 5, 10, 12].

Основываясь на взглядах Э. Эриксона, Е.Л. Солдатовой, Л.Б. Шнейдер и других исследователей, мы определяем *идентичность* личности как сложную динамичную систему представлений личности о самой себе и связанных с ними переживаний, которая складывается в результате синтеза определений индивида значимыми другими и его самоопределений и апробируется в акте выбора. Идентичность может рассматриваться как психологическое ядро личности, поскольку включает в себя ведущие, определяющие для личности составляющие — аспекты ее самосознания, ценностно-смысловую и регулятивную сферы.

В структуре идентичности мы выделяем когнитивную, эмоциональную и коннотивную сферы. В частности, к *когнитивной сфере* идентичности мы отнесли отдельные самоидентификации, самохарактеристики ребенка, а на более поздних возрастных этапах — его образ Я и Я-концепцию. К *эмоциональной сфере* идентичности отнесены переживания самотождественности, аутентичности, эмоционального единства, идентификации с определенными объектами, группами. Эти переживания составляют основу раннего жизненного опыта ребенка, а с возрастом усложняются и трансформируются в более широкую систему отношений к окружающему миру и самому себе, самооенок личности. К *коннотивной сфере* были отнесены образцы поведения и роли, которые соответствуют идентификационной модели на ранних стадиях развития, процесс самоопределения как акт совершения выбора — на более поздних этапах онтогенеза.

Отдельное место в структуре идентичности занимает, по нашему мнению, *ценностная сфера*, которую мы рассматриваем как «сквозную» характеристику, связанную с представлениями и отношением индивида к самому себе и окружающей действительности и проявляющуюся наибо-

лее полно в поведении, поступках субъекта. Считаем это правомерным на основе того, что ценности рассматриваются как основа личности (М.И. Боришевский, Д.А. Леонтьев и др. [2; 7]), неотъемлемый компонент идентичности (А. Ваттерман, К.В. Коростелина, Дж. Марсиа и др.), а некоторые исследователи выделяют подструктуру ценностной идентичности (К. Камиллери [14]). Ценности непосредственно связаны с представлениями личности о смысле жизни. Выступая важным элементом структуры идентичности, они играют ведущую роль в формировании личности, поскольку на их основе создается эталон, образ будущего (Л.Б. Шнейдер [12]).

Поскольку целью нашего исследования было выявление закономерностей развития идентичности ребенка в системе семейных отношений, одной из его задач стало сравнение психологических условий, складывающихся в семьях разных групп детей. Так, мы выбрали для сравнения три группы детей в возрасте 15–17 лет:

1) дети, которые обучаются в общеобразовательной школе и при этом не имеют значительных личностных и поведенческих проблем. Эта группа стала контрольной относительно двух других (62 опрошенных, из которых 31 девочка, 31 мальчик);

2) дети, которые обучаются в специализированной школе творческой направленности (44 опрошенных, из которых 30 девочек, 14 мальчиков);

3) дети с проблемами поведения, которые находились на учете службы по делам детей в связи с совершенным правонарушением (37 опрошенных, мальчики).

Наша рабочая гипотеза состояла в том, что идентичность как системное образование, ядро личности, будет отличаться по содержанию, структуре, уровню развития в выбранных группах детей, причем в значительной степени именно из-за специфики семейных отношений как важного фактора ее развития.

Так, мы предположили, что у художественно одаренных детей развитие идентичности происходит более интенсивно и сбалансированно, причем системообразующим фактором этого развития выступает, с одной стороны, ярко выраженная индивидуальность и ее осознание ребенком, а с другой стороны, благоприятные условия ее развития со стороны семьи.

Напротив, семьи подростков, характеризующихся поведенческими девиациями, отличаются, по нашему предположению, значительными системными нарушениями — как структурно-ролевыми, так и содержательными, что не способствует развитию идентичности детей. Идентичность таких детей будет отличаться низким уровнем развития (диффузный статус) или негативной формой, внутренней противоречивостью, ценностной деформацией.

Такие экспериментальные группы были выбраны по следующим соображениям. Выбор для исследования детей с поведенческими девиациями был обусловлен тем, что в системной концепции, которая выступила методологической основой исследования, любые психологические симптомы, поведенческие расстройства ребенка рассматриваются как признак нарушенных семейных взаимоотношений (А.Я. Варга, Дж. Хейли, А.В. Черников и др.), семейных дисфункций [11]. С другой стороны, поведение с отклонениями непосредственно связано с процессом развития идентичности личности, поскольку является проявлением несформированности прежде всего ценностного и коннотативного аспектов идентичности либо ее деформации, в частности в форме негативной идентичности. Наше исследование «неблагополучных» подростков и юношей проводилось на базе службы по делам детей, в рамках программы профилактической работы с несовершеннолетними, которые совершили правонарушение, осуждены с отсрочкой приговора и находились на учете службы. Задействовав в исследовании эту группу подростков/юношей и их семей, мы исходили из того, что сам факт совершения правонарушения свидетельствует о деформации ценностно-смысловой сферы, которую мы рассматриваем как системообразующую в системе идентичности личности.

Противоположный полюс идентичности представлен зрелой, достигнутой идентичностью, ядро которой составляют осознанное, позитивное Я, сформированные на основе индивидуального опыта ценности личности. Семьи, которые способствуют формированию такого представления о себе, опыта и ценностей у ребенка, есть среди разных категорий детей. Но все же мы предположили, что больше их окажется среди семей одаренных детей, которые всячески поддерживают развитие способностей ребенка, чем и объясняется выбор другой экспериментальной группы.

Эмпирическое исследование особенностей идентичности разных групп подростков и старшеклассников проводилось с помощью теста М. Куна-Т. Макпартленда [6], анкеты и/или методики незаконченных предложений на основе полуструктурированного интервью Дж. Марсиа в модификации В.Р. Орестовой, А.А. Карабановой [8].

Проведя психологическое обследование, мы определили содержание и структуру идентичности, выраженность ее статусов в разных группах подростков и юношей, которые сравнивались между собой. Результаты исследования структуры и содержания идентичности опрошенных разных групп представлены в табл. 1.

Как видно из табл. 1, наиболее существенные отличия между группами исследуемых зафиксированы относительно таких категорий самоописаний, как «профессиональная идентичность», «личностные черты», интегральный показатель полноты самоописания, а у мальчиков также категория «интересы, намерения». Правда, выявленные отличия в основном не достигают уровня значимости по φ^* -критерию Фишера, а фиксируются как тенденция, более выраженная у мальчиков, которая проявляется в более высоком уровне профессиональной идентичности художественно-одаренных мальчиков по сравнению с другими группами, а также в определенности их интересов, намерений. Интегральные показатели полноты самоописаний значимо отличаются: этот показатель существенно ниже в группе подростков-правонарушителей по сравнению с контрольной группой ($\varphi^* = 2,53$ при $p \leq 0,005$) и по сравнению с группой художественно-одаренных подростков и старшеклассников ($\varphi^* = 2,75$ при $p \leq 0,002$).

Проанализируем эти и другие выявленные отличия в содержании и структуре исследуемых групп подростков и старшеклассников. В частности, число самохарактеристик, которые, очевидно, могут рассматриваться как более поверхност-

ные по сравнению с другими — формально-биографические данные, описание внешности и физиологических особенностей (*люблю поспать, люблю поест* и т.д.), преобладает в группе подростков и юношей, которые находятся на учете службы по делам детей. В других группах исследуемых они выражены значительно меньше, особенно в группе художественно-одаренных детей.

Среди объективных характеристик в этой группе опрошенных в наибольшей степени по сравнению с другими представлены идентификация с человечеством, личностная и половая идентификация, социальные и семейные роли. Но наиболее существенными являются отличия в сфере профессиональной идентификации: в самоописаниях 68 % художественно-одаренных подростков и старшеклассников выразительно звучит профессиональный аспект, причем в форме не потенциального, будущего Я, а Я-настоящего: «Я — художник... творец... актриса». В контрольной группе количество детей, в самоописаниях которых присутствует профессиональный аспект, составляет лишь 8 % опрошенных, а в группе подростков, совершивших правонарушение, едва достигает 4 %. Такие отличия свидетельствуют о развитой профессиональной идентичности художественно-одаренных детей, по сравнению с которыми другие группы подростков и старшеклассников выглядят достаточно незрелыми, инфантильными в плане профессионального самоопределения.

Такой низкий показатель самохарактеристик, репрезентирующих будущее Я в группе опрошенных-правонарушителей, объясняется еще и дискретностью Я во времени этих исследуемых. Это выражается в том, что большинство таких детей отрицают свое прошлое в связи с противоправным поступком и не способны или не решаются строить жизненные перспективы, склонны жить сегодняшним днем.

Таблица 1. Структура и содержание идентичности опрошенных разных групп (по результатам контент-анализа теста Куна-Макпартленда, n = 143, %)

Категории самоописания	Экспериментальные группы			Контрольная группа	
	Мальчики-правонарушители, n = 37	Художественно-одаренные дети		Девочки, n = 31	Мальчики, n = 31
		девочки, n = 30	мальчики, n = 14		
<i>Формально-биографические данные</i>					
Анкетные данные	4,2	1,6	3,2	2,1	2,2
Описание внешности	5,0	1,7	0,5	2,1	2,1
Физиологические особенности	2,7	0,3	0,9	0,1	0,4
<i>Объективные характеристики</i>					
Идентификация с человечеством	3,9	2,9	4,5	3,7	3,6
Личностная идентификация	0,5	1,9	2,3	2,6	0,9
Половая идентификация	2,5	2,1	4,5	2,6	1,5
Семейные роли	1,8	4,8	5,9	7,1	1,9
Социальные роли	5,5	4,5	6,4	8,6	5,3
Потенциальное (будущее) Я	0,3	0,5	0,9	1,6	0,9
в том числе профессиональная идентификация	0,1	3,8	6,4	0,6	0,3
Идентификация с ровесниками (возраст)	0,4	0,9	0,9	0,1	0,3
Национальная идентификация	–	0,5	0,5	0,2	0,5
Гражданская идентификация	–	0,2	0,5	–	0,8
Географическая принадлежность	–	0,5	1,8	0,1	–
<i>Субъективные характеристики</i>					
Личностные черты	23,1	32,2	23,6	44,7	31,3
в том числе негативные	1,5	0,9	1,8	2,6	1,3
Интересы, намерения	7,2	5,7	19,1	8,4	8,4
Ценности	0,3	3,6	1,8	1,7	0,6
Религиозные взгляды	–	0,2	–	0,1	0,6
<i>Общие показатели</i>					
Полнота	41,4	69,0	79,1	82,8	73,8
Полнота и дифференцированность, уровни	1,2	2,3	2,6	2,2	2,0
Согласованность, уровни	1,1	2,4	2,7	2,3	1,9
Модальность, уровни	1,8	2,8	2,9	2,4	1,9

Субъективные характеристики по суммарному показателю преобладают в контрольной группе. Среди этих самохарактеристик выразительно представлена в самоописаниях категория «личностные черты», по которой низшие значения отмечаются в группе «проблемных» детей, а высшие — в контрольной группе. Художественно-одаренные подростки и старшеклассники несколько реже по сравнению с обычными школьниками склонны описывать себя в категориях личностных черт, но модальность их характеристик более позитивная, чем в других группах исследуемых. Эти дети также достаточно активны в разных видах деятельности, о чем свидетельствует значительный удельный вес в их самоописаниях категории «интересы, намерения», особенно у

мальчиков. Также более выразительно в группе этих детей представлен ценностный аспект, их общественная миссия (*мыслитель; творец; тот, кто изменяет реальность; носитель искусства* и др.).

Выделенные нами общие показатели — полнота и дифференцированность Я, согласованность, модальность Я — в группе художественно-одаренных детей имеют наиболее высокие значения, а в группе несовершеннолетних правонарушителей — наиболее низкие. Это значит, что последние — в основном лица, не склонные к самоанализу, имеют несогласованные, амбивалентные представления о себе, тогда как самосознание художественно-одаренных детей отличается когни-

тивной сложностью, их представления о себе более согласованны и позитивны.

Что касается развития идентичности исследуемых разных групп, показателем которого вы-

ступает ее статус в разных сферах жизнедеятельности личности, то зафиксированы такие данные (табл. 2).

Таблица 2. Представленность статусов идентичности опрошенных разных групп (n = 143, %)

Статусы идентичности в разных сферах жизнедеятельности		Экспериментальные группы			Контрольная группа	
		Мальчики-правонарушители, n = 37	Художественно-одаренные дети		Девочки, n = 31	Мальчики, n = 31
	девочки, n = 30		мальчики, n = 14			
Профессиональная	диффузная	70,2	10,0	7,1	16,3	26,0
	предрешенная	16,3	3,3	–	18,2	32,9
	мораторий	8,1	26,7	57,1	30,0	26,0
	достигнутая	5,4	60,0	35,8	35,0	15,1
Религиозная	диффузная	70,2	46,7	57,4	36,2	58,9
	предрешенная	24,4	16,7	14,2	38,8	31,6
	мораторий	5,4	30,0	21,3	18,8	6,8
	достигнутая	–	6,6	7,1	6,2	2,7
Политическая	диффузная	91,9	83,4	85,8	88,8	82,2
	предрешенная	8,1	13,3	14,2	5,0	5,5
	мораторий	–	3,3	–	6,2	9,6
	достигнутая	–	–	–	–	2,7
Любовь	диффузная	67,6	10,0	14,2	17,4	43,8
	предрешенная	10,8	3,3	–	15,0	8,2
	мораторий	21,6	40,0	64,5	48,8	42,5
	достигнутая	–	46,7	21,3	18,8	5,5
Дружба	диффузная	40,5	6,6	–	3,8	19,2
	предрешенная	8,1	–	–	1,2	1,3
	мораторий	51,4	50,0	42,9	52,5	64,4
	достигнутая	–	43,4	57,1	42,5	15,1
Семья	диффузная	54,1	10,0	28,5	26,2	37,0
	предрешенная	40,5	40,0	35,5	33,8	53,4
	мораторий	5,4	26,7	21,3	28,0	9,6
	достигнутая	–	23,3	14,2	12,0	–
Гендерная	диффузная	43,3	33,4	28,6	31,3	45,3
	предрешенная	56,7	23,3	43,0	46,2	53,4
	мораторий	–	20,0	14,2	10,0	1,4
	достигнутая	–	23,3	14,2	12,5	–

Проанализируем более детально особенности идентичности подростков и старшекласников из разных групп, поскольку ее показатели существенно отличаются в разных сферах жизнедеятельности опрошенных.

Как видно из табл. 2, подростки и юноши с проблемами поведения отличаются наиболее низкими уровнями профессиональной идентичности: они либо вообще не задумываются над проблемой профессионального самоопределения, либо соглашаются на варианты, которые предлагают им значимые близкие. Отличия показателей развития идентичности исследуемых этой группы по сравнению с контрольной достигают высокого уровня значимости: относительно статуса диффузной идентичности — $\varphi^* = 3,77$ при $p \leq 0,000$; предрешенной идентичности — $\varphi^* = 1,61$ при $p \leq 0,054$; моратория — $\varphi^* = 2,03$ при $p \leq 0,021$. Существенной характеристикой одаренных детей в этой сфере является то, что большинство из них имеют достигнутый статус идентичности или рассматривают несколько конкретных альтернатив выбора профессии (мораторий), при этом родители имеют «совещательный» голос. Показатели статусов идентичности этой группы подростков и юношей значительно отличаются от показателей контрольной группы (диффузная идентичность — $\varphi^* = 1,65$ при $p \leq 0,049$; предрешенная — $\varphi^* = 3,74$ при $p \leq 0,000$; мораторий — $\varphi^* = 2,00$ при $p \leq 0,023$; достигнутая идентичность — на уровне тенденции — $\varphi^* = 1,51$ при $p \leq 0,066$), а по сравнению с группой подростков-правонарушителей эти отличия еще более существенны. Показатели художественно-одаренных девочек также значительно отличаются от показателей представительниц контрольной группы относительно выраженности предрешенной ($\varphi^* = 2,01$ при $p \leq 0,022$) и достигнутой идентичности ($\varphi^* = 1,97$ при $p \leq 0,024$).

Религиозные и философские взгляды большинства подростков и старшекласников не сформованы или заимствованы у родителей и прародителей. Высокие статусы идентичности в этой сфере выражены в наибольшей степени у художественно-одаренных детей и девочек из контрольной группы; в наименьшей — у мальчиков, состоящих на учете службы по делам детей. Так, количество художественно-одаренных мальчиков, имеющих статус предрешенной идентичности, значительно меньше, чем в контрольной группе ($\varphi^* = 1,31$ при $p \leq 0,095$), что свидетельствует

об их самостоятельности, активности в формировании собственного мировоззрения, а их показатели достигнутого статуса идентичности значительно отличаются от показателей подростков-правонарушителей ($\varphi^* = 1,66$ при $p \leq 0,048$). Среди опрошенных девочек в этой сфере идентичности более высокие статусы зафиксированы также в группе художественно-одаренных детей ($\varphi^* = 1,96$ при $p \leq 0,025$ для статуса «мораторий»).

Большинство подростков и юношей, независимо от группы исследуемых, не интересуются политикой; некоторый интерес к ней проявляют лишь представители контрольной группы и совсем мало — художественно-одаренные дети, объясняющие собственную незаинтересованность прежде всего осознанием своего иного предназначения — творчества. Типичными для них являются ответы: «Включившись в политическую деятельность... никогда не включусь в это... мне будет скучно... терпеть не могу политику и все, что с ней связано». Незначительная часть мальчиков контрольной группы все же «примеряют» на себя возможность в будущем заниматься политикой, говорят о некотором интересе и поиске собственных политических позиций. Наибольшие отличия зафиксированы относительно статуса «мораторий»: показатели представителей контрольной группы значительно выше показателей опрошенных из обеих экспериментальных групп ($\varphi^* = 2,51$ при $p \leq 0,005$ при сравнении с группой подростков-правонарушителей и $\varphi^* = 1,90$ при $p \leq 0,029$ при сравнении с художественно-одаренными мальчиками).

Как видно из табл. 2, над основами отношений любви в наименьшей степени задумываются подростки и юноши, совершившие правонарушение: большинство из них имеют статус диффузной или предрешенной идентичности, чем значительно отличаются от группы художественно-одаренных мальчиков (относительно диффузной идентичности $\varphi^* = 3,69$ при $p \leq 0,000$; относительно предрешенной идентичности $\varphi^* = 2,07$ при $p \leq 0,019$) и от представителей контрольной группы (относительно предрешенной идентичности $\varphi^* = 1,74$ при $p \leq 0,041$). Художественно-одаренные дети отличаются более высокими статусами идентичности в этой сфере, что основывается на определенном опыте отношений и стремлении осмыслить их сущность, природу, принять

соответствующие решения для себя относительно того, каким образом строить эти отношения. Так, более высокие по сравнению с представителями контрольной группы статусы идентичности художественно-одаренных мальчиков в сфере любви отмечаются на уровне тенденции, а при сравнении их с группой подростков-правонарушителей значимо отличаются (относительно статуса «мораторий» $\varphi^* = 2,86$ при $p \leq 0,001$, относительно статуса «достигнутая идентичность» $\varphi^* = 2,99$ при $p \leq 0,000$). Между группами девочек значимые отличия зафиксированы относительно предрешенной ($\varphi^* = 1,68$ при $p \leq 0,046$) и достигнутой идентичности ($\varphi^* = 2,37$ при $p \leq 0,008$). Как среди художественно-одаренных детей, так и среди представителей контрольной группы более высокие уровни идентичности в этой сфере характеризуют девочек по сравнению с мальчиками.

В сфере дружбы более однородную картину демонстрируют представители группы художественно-одаренных детей и контрольной группы, тогда как мальчики-правонарушители характеризуются более низкими уровнями идентичности, что означает не отсутствие у них друзей, а меньшую осмысленность этих отношений, понимание и принятие их ценностных основ. Так, среди художественно-одаренных мальчиков не выявлены обладатели статусов диффузной и предрешенной идентичности в сфере дружбы, чем они значимо отличаются от контрольной группы (относительно диффузной идентичности $\varphi^* = 2,76$ при $p \leq 0,002$) и особенно группы правонарушителей (относительно диффузной идентичности $\varphi^* = 4,34$ при $p \leq 0,000$, предрешенной идентичности $\varphi^* = 1,78$ при $p \leq 0,038$). Соответственно, выраженность более высоких статусов идентичности в этой группе значимо выше по сравнению с другими группами. Особенно это касается достигнутой идентичности, показатели которой выше по сравнению с контрольной группой ($\varphi^* = 2,85$ при $p \leq 0,001$) и группой правонарушителей ($\varphi^* = 5,4$ при $p \leq 0,000$).

В сфере семьи мальчики и девочки из контрольной группы достаточно сильно отличаются: мальчики демонстрируют в целом большую зависимость от семьи, что проявляется в преобладании у них предрешенной идентичности. Предрешенная идентичность в сфере семьи проявляется, в частности, в том, что индивид некритично заим-

ствует модель родительской семьи или же, наоборот, полностью отрицает ее, не осознавая четко, что ему нравится, а что нет в родительской семье, что он мог бы «взять» для построения собственной семьи в будущем. У художественно-одаренных детей эти отличия не такие существенные за счет того, что мальчики имеют более высокие уровни идентичности в этой сфере. При сравнении разных групп исследуемых выявлено, что мальчики-правонарушители демонстрируют более низкие статусы идентичности – диффузию как неактуальность этой сферы для них (отличия значимы по сравнению с контрольной группой на уровне тенденции, по сравнению с художественно-одаренными мальчиками $\varphi^* = 1,68$ при $p \leq 0,046$) либо предрешенную идентичность, как правило, в форме отрицания родительской модели (отличия не достигают уровня значимости). Статус достигнутой идентичности отмечается у 14,2 % художественно-одаренных мальчиков, что свидетельствует о значимости отличий групп по этому показателю ($\varphi^* = 2,4$ при $p \leq 0,007$ при сравнении с группой подростков-правонарушителей и $\varphi^* = 2,34$ при $p \leq 0,01$ при сравнении с контрольной группой). Группы девочек значимо отличаются лишь по показателю диффузного статуса идентичности, который преобладает в контрольной группе ($\varphi^* = 1,68$ при $p \leq 0,046$).

В сфере гендерной идентичности, как видно из табл. 2, девочки обеих групп и художественно-одаренные ребята отличаются более высокими статусами: так, наряду с диффузией и предрешенной идентичностью, которая проявляется в принятии своего пола и связанных с ним ролей, стереотипов без их критического осмысления, у этих опрошенных отмечаются статусы моратория и достигнутой идентичности. Например, среди ответов этих опрошенных встречаются такие: «Родиться представителем другого пола... *было бы интересно ...неважно, все мы равны*». Тогда как подростков и юношей, совершивших правонарушение, характеризует преимущественно диффузия идентичности или предрешенная идентичность в этой сфере, что выражается, в частности, подчеркнутой маскулинностью, непринятием каких-либо других точек зрения, утверждениями о бессмысленности самого вопроса, агрессивной настроенностью относительно лиц нетрадиционной ориентации. Это подтверждается выявленными значимыми отличиями показателей более

высоких статусов идентичности художественно-одаренных мальчиков по сравнению с контрольной группой (относительно статуса «мораторий» $\varphi^* = 1,67$ при $p \leq 0,047$, относительно достигнутой идентичности — на уровне тенденции) и особенно с группой подростков-правонарушителей (относительно статуса «мораторий» и «достигнутая идентичность» $\varphi^* = 2,39$ при $p \leq 0,007$). Группы девочек в этой сфере идентичности значимо отличаются выраженностью предрешенной идентичности ($\varphi^* = 1,9$ при $p \leq 0,029$).

Таким образом, идентичность представителей разных групп, существенно отличается по уровню своего развития: наиболее развитая идентичность в разных сферах жизнедеятельности характеризует художественно-одаренных детей, наименее развитая, незрелая — подростков и юношей, стоящих на учете службы по делам детей из-за совершенного правонарушения. Опрошенные, которые составили контрольную группу, имеют, в основном, средние между этими двумя экспериментальными группами показатели.

Подводя **итоги** исследования, следует подчеркнуть, что выявлены значительные отличия как относительно содержания, так и относительно уровней (статусов) развития идентичности подростков и юношей разных групп. Более высокий уровень развития идентичности характеризует художественно-одаренных детей, которые опережают детей из других групп по ряду признаков: дифференцированность и полнота Я, позитивная модальность и согласованность Я, существование четкой профессиональной перспективы будущего, показателями более высоких статусов идентичности практически во всех сферах жизнедеятельности. Идентичность «проблемных» подростков и юношей отличается более низким уровнем дифференцированности и полноты, согласованности Я, выраженной дискретностью Я во временном континууме, что выражается в отсутствии жизненной и профессиональной перспективы, значительной представленности таких статусов идентичности, как диффузия и предрешенность.

Выявленные отличия содержания и уровней развития идентичности разных категорий подростков и юношей закономерно ставят вопрос о необходимости изучения психологических условий ее развития, в частности, тех, которые складываются в семейном окружении.

Список литературы

1. Антонова Р.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143.
2. Боришевський М.Й. Дорога до себе: від основ суб'єктності до вершин духовності : монографія. Київ: Академвидав, 2010. 416 с. (Сер. Монограф).
3. Гнатенко П.И., Павленко В.Н. Идентичность: Философский и психологический анализ. Киев, 1999. 466 с.
4. Зливков В.Л. Самоідентифікація в педагогічній комунікації. Київ: Україн. центр політ. менеджменту, 2005. 140 с.
5. Коростелина К.В. Система социальных идентичностей: опыт анализа этнической ситуации в Крыму. Симферополь: Доля, 2002. 255 с.
6. Кун М., Макпартленд Т. Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология / под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 180–187.
7. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. 2-е изд. М.: Смысл, 1997. 64 с.
8. Орестова В.Р., Карбанова О.А. Методы исследования идентичности в концепции статусов эго-идентичности Дж. Марсиа // Психология и школа. 2005. № 1. С. 39–90.
9. Солдатова Е.Л. Эго-идентичность в нормативных кризисах развития // Вопросы психологии. 2006. № 5. С. 74–84.
10. Попова М.В. Становление персональной идентичности в юношеском возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Н. Новгород, 2005. 26 с.
11. Черников А.В. Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики. 3-е изд., испр. и доп. М.: Независимая фирма «Класс», 2005. 208 с.
12. Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М.: Моск. психолого-социальный ин-т, 2007. 128 с.
13. Эриксон Э. Идентичность. Юность и кризис. М., 1996. 344 с.
14. Camilleri C., Malevska-Peyre H. Socialization and Identity strategies // Handbook of Cross Cultural psychology / ed.: Berry J.W., Poortinga Y.H., Pandey J.J. Allyn and Bacon, 1997. V. 2. P. 43–68.
15. Hobermas J. Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1976. 346 s.
16. Jenkins R. Social identity. London: Routledge,

1996. 206 p.
17. *Marsia J.E.* Identity in Adolescence // *Handbook of Adolescent Psychology* / ed. Adelson J. N.Y.: John Wiley, 1980. P. 213–231.
18. *Moscovici S.* Notes towards a description of Social Representation. *European Journal of Social Psychology*, 1988. 18. P. 211–250.
19. *Tajfel H.* Social identity and intergroup relations. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982. 328 p.
-

PECULIARITIES OF IDENTITY OF «PROBLEM-FREE» AND «PROBLEM»
TEENAGERS AND HIGH-SCHOOL STUDENTS

Tatyana N. Yablonska

Institute of Psychology of NAPS of Ukraine; 2, Pankovskaya str., Kiev, 01033, Ukraine

The phenomenon of person's identity, its structure as the unity of cognitive, emotional, conative and value components are examined in this article. Empirical research was conducted with the help of the methods «Who I am?» (Kuhn-McPartland, 1954) and the questionnaire, created on the basis of the method of parametric interview of J. Marcia. The author analyses the matter and levels of identity's development of «problem-free» and «problem» teenagers and high-school students, the differences of peculiarities of their identities. The author states that the higher level of identity is reached by «problem-free» children, which is reflected in more differentiated and full self-image, its positive modality and harmony, distinct professional perspective of the future, higher statuses of identity almost in all spheres of vital activity.

Key words: identity; self-identification; social identity; personal identity.

УДК 159.922

THE RESPONSIBILITY AS AN INDICATOR OF INFORMATION READINESS OF FUTURE ENGINEERS TO THEIR PROFESSION

E.K. Papakitsa

The article presents the results of theoretical rationale and experimental verification of the level of development of responsibility as an indicator of information readiness of future engineers to their profession. The responsibility is shown as a basic indicator of information readiness of a personality of future engineer implementing information searching activity. The level of development of responsibility is defined. The received result of the research in spite of the sex, age and chosen profession of future engineers is analyzed.

Key words: information readiness, future engineers, training, responsibility, information.

Modern information society, being characterized by growing volumes of information promptly, demands much to the formation of the personality of an engineer. First of all, to his readiness to carry out all range of information searching activity — from search of sources of information and methods of its extraction to the analysis, classification, ways of its converting and distribution.

While researching [11] it was defined that information readiness of future engineers is a complex of knowledge, skills, personal features and motives which provide aspiration to carry out information searching activity for solving their professional tasks.

It is important to emphasize that information searching activity means work with different sources of information, including the work with digital channels of got data. Free access to information source its use and further distribution demand from the identity of future engineer the ability to predict possible negative consequences of engineering work, and at the same time to take responsibility for these results.

The analysis of scientific literature showed that the problem of formation of responsibility as an indicator of information readiness of a personality of future engineers to their profession wasn't an object of special research. At the same time, in modern psychology there is theoretical and practical material on various aspects of responsibility of the personality (K. Muzdybaev [9], V.P. Pryadein [13], etc.).

Therefore, there is an objective need to research psychological features of formation of responsibility as an indicator of information readiness of future engineers to their profession in modern conditions, i.e. ability to analyze own actions in information searching work.

The main approaches to researching responsibilities as an indicator of information readiness of future engineers to their profession

In modern psychology there are two main approaches to studying the responsibility: research of its separate aspects and its system research [13].

In this work some aspects of responsibility of the identity of a personality engineers are considered: responsibility as a moral category; freedom and responsibility ratio; social responsibility; responsibility as action and formation of responsibility.

The problem of professional responsibility of an engineer is very difficult and diverse indeed. The problem consists of many factors and is in direct dependence on more common problem of relationship of science, moral and ethics.

Today there is a number of versions of ethical codes which contain norms directed on responsible use of information and protection of information systems from viruses and mistakes that were artificially created. There is a certain sphere information ethics for professionals that is professional ethics for experts who deal in information sphere such as programmers, experts in IT technologies, librarians, etc. Information ethics can solve a number of problems — such as selection and information assessment, control of information use, information security and adequacy of information [10]. However, only observance of these norms isn't enough. The responsibility should be created in the structure of a personality of an engineer while making some solutions in information searching process.

Because the work of an engineer in any field of scientific-industrial complex has humanistic orienta-

tion. It means that the main criterion of activity of an engineer is welfare of people.

So, now regulation of activity of an engineer is carried out based on ethical standards and principles. One of such principles, according to K. Mitchem, is the principle of responsibility [8].

Different variants of interpretation of responsibility have been developed in philosophy of technology. In scientists opinion (X. Lenk, G. Roppol, etc.), for determining the responsibility group of fundamental values from different spheres of social existence should be accepted. They are the development of a personality, society, human welfare, health of people technical security, environmental quality, ecological efficiency of technology and its functional suitability of the equipment [7]. Responsibility, according to researcher A.V. Kanka, provides not only integration of these fundamental values with various applied ethics in the field of activity of an engineer, but also their continuous transformation for future development of society [5].

According to the philosopher E. Agazzi [1], responsibility assumes freedom existence as only for free beings it is possible to recognize a sense of responsibility. It is clear that, on the one hand, responsibility is inconceivable without freedom, but on the other hand — freedom without responsibility becomes an arbitrariness. Behind the solution of this dilemma there is freedom of choice of the person in society. So, the person always has a possibility of choice. At the same time he should have responsibility for the choice. According to psychology of existentialism [14] a person is admitted not only free, but also responsible for the choice.

In other words, the man has right to make decisions and do actions, but at the same time he has to be responsible personally for the consequences, instead of shift the blame for negative results of the decisions and actions on others. It belongs to so-called problem of «personal responsibility» in the ratio with a free choice of the personality.

At the same time within social responsibility where responsibility is considered as a certain ratio between the personality and society and it is directed on the benefit of the society. Decisions are made, which satisfy purposes and values of mankind. Social responsibility is the concept which integrates in itself general human values, ethical standards of behavior of workers of different level and forms of ownership. This concept is formed on the basis of the international standard of social responsibility of ISO 26000. At the beginning of 2003 ISO (The international organization of standardization) created a strategic con-

sultative group concerning social responsibility. There were representatives of different countries and various organizations. The main task is in definition of possible contribution of ISO to development of programs of social responsibility [6]. It should be added that a number of countries including Ukraine, joined working out of this standard. This standard clears up the interrelation between the principles of social responsibility and structures of organizational management.

Responsibility from the position of action or not the action, but conscious, we tend to consider through the deed as a personal form of behavior. The deed, according to M.M. Bakhtin [2], possesses such properties: as axiology, responsibility, eventfulness. In turn, the content of the deed defines moral behavior of a personality, his valuable attitude not only to the results of his work, but to the information itself as it is stated in our work.

An important indicator of formation of information readiness of future engineers is, in our opinion, the responsible relation to the information as to something valuable. The value of the information (according to E. Shpranger) is objective education, independent from the subject, resisting to it and it can influence it [15]. Thus information is considered especially valuable, when it helps to achieve the goal [4]. So value can be considered as information, the attitude to the information, anticipation of possible negative consequences for use of this information and at the same time readiness to take responsibility for these consequences. It is necessary to notice that by mastering the information volume does not always prove the level of responsibility for receiving results and its use.

In this regard it is possible to define the task in the system of professional training of future engineers at the present stage is a formation of responsibility. Today in the programs of training of future engineers in higher educational institutions attention isn't paid to the development of such special courses which could promote the formation of the responsible personality of a future engineer while performing information searching actions. Students are prepared narrowly moreover only according to their specialization. One of problems of modern education, in our opinion, is using of traditional forms and training methods which don't give the chance of responsibility formation as an indicator of information readiness of a personality of future engineers to their profession. At the same time application of active methods of training leads to the formation of future engineers, re-

sponsible attitude for possible negative consequences while conducting information searching activity.

Empirical research

Research objective

Investigate experimentally the level of development of responsibility in the structure of information readiness of future engineers to their profession. Carry out the analysis of the received result of the investigation depending on a sex, age and the selected specialty.

Selection

For definition of the level of development of responsibility as an indicator of information readiness of future engineers to the profession the selection (N = 412) was formed from the students of two faculties of technical university: mining-and-geological and computer sciences and technologies of the highest technical educational institution. The distribution depending on a sex was as follows: 47,6 % — men, 52,4 % — women. By the age students were distributed accordingly into three age categories: 36 % — students of 17–18 years, 35 % — 19–20 years, 31 % — students of 21 and older.

Method

For this aim a diagnostic instrument was worked out «Responsibility for using of information», that allows to study attitudes toward the information as to the value and to define the level of development of responsibility for its usage in the structure of informative readiness of future engineer their profession [12].

Statistical analysis of the results of the research was carried out with the help of the software package SPSS 13.0 for Windows.

Discussion of the results

According to the results of the empirical study an insufficient level (16,0 % at $p < 0,05$) of the development of responsibility was identified.

The analysis of the results states that the polled does not realize the possible negative consequences of the use of information in the in diverse activity (in educational and in everyday life).

That is why it is possible they are not fully aware of their responsibility for the consequences of the use of this information. It can be assumed that the information is not valuable for the respondents. They do not understand that possession of information has already value.

Along with this the differences in the level of development of the responsibility in the structure of information readiness of future engineers of informa-

tion between faculties can be observed. So students of mining-and-geological faculty have the higher level of development of responsibility for the consequences of the use of the found information in their actions, exactly — 17,5 %, at the same time the students of computer sciences and technologies faculty the level of development of responsibility is less than — 14,6 %, at the statistical value of $p < 0,05$.

These differences can be explained by the fact that the students of different technical faculties of information technologies (computer system specialists, system programmers, telecommunication specialists), these were included to some extent could contribute to the formation of a particular subculture — cyber culture.

As any culture, cyber culture is determined primarily by its values, traditions, rules, way of life, language, forming a kind of environment. It is a kind of a regulator the process of thinking and behavior.

By the way, there is its own social stratification in these environments. So, the information for the representatives of this group is common heritage and, in their opinion, and everyone can use it for this own purpose.

On the other hand, it can be assumed that not all future engineers of computer sciences and technologies consider themselves being in this community for which has its own values and norms in the information activity. They are not aware of possible negative consequences of using information. Their actions are aimed to free dissemination and unrestricted access to diverse information only for educational purposes. We believe that this gives reasons to explain apparent difference in the levels of development of the responsibility depending on the specialization of future engineers.

The levels of development of the responsibility in the structure of the informative readiness of future engineers from the sex attract attention. So, future female engineers have higher level of responsibility (18,5 %) than future men engineers (13,5 %). It is worth mentioning that differences in the development of responsibility in the studied depending on the sex are consistent with the position of the gender perspective. On basis of this it is stated that a woman is a norm of moral qualities. She strives to positive development in social activity. She is more responsible for her actions, seeks to control external revealing of aggression [3].

Minor differences in the level of development of responsibility in the structure of information readiness of future engineers from age were found. Thus, the level of responsibility increases with age 19–20

years (approximately the third year) reaches its maximum — 16,9 %. At the age of 21 and older the level begins to fall to 14,8 %, with $p < 0,05$. It is agreed that the 3rd year in high school, first coincides with the beginning of specialization, which often leads to narrowing of the sphere of interests of future engineers, and secondly, to the third course under the influence of new environmental conditions priorities in life begin to change which are characterized by whole assimilation of values, self-determination, the beginning of the formation of cognitive and information requirements to new environment.

Conclusion

The responsibility is a basic indicator of readiness information of a future engineer in the implementation of information searching activity.

Insufficient level of the development of the responsibility as an indicator of future engineers information readiness to professional work was found. The differences in the level of the development of the responsibility depending on sex, age, and selected specialty were identified.

Formation of responsible attitude to the information searching activity is one of components of the formation of information readiness of a future engineer.

Literature

1. *Agazzi E.* Moral measurement of science and technology. Moscow: MFF, 1998. 344 p. (in Russian)
2. *Bakhtin M.M.* To the philosophy of the deed. // Philosophy and sociology of science and technology. Moscow: Science, 1986. P. 80–160. (in Russian)
3. *Byrne Sh.* Gender psychology. St. Petersburg: Prime EVROZNAK, 2002. 320 p. (in Russian)
4. *Chernavskii D.C.* Synergetics and information. Dynamic theory of information. Moscow: Editorial URSS, 2004. 288 p. (in Russian)
5. *Kanke A.V.* The modern ethic: textbook. Moscow: Omega-L, 2007. 394 p. (in Russian)
6. *Lazorenko O, Kolyshko P. et al.* The textbook of CSR. Basic information on corporate social responsibility. Kiev: Energy, 2008. 96 p. (in Ukrainian)
7. *Lenk H.* Thoughts about modern technology. Moscow: Aspect Press, 1996. 183 p. (in Russian)
8. *Mitchem K.* What is the philosophy of technology? Moscow: Aspect Press, 1995. 149 p. (in Russian)
9. *Muzdybaev K.* Psychology of responsibility. Moscow: Librokom, 2010. 248 p. (in Russian)
10. *Nazarov V.N.* Applied Ethics. Textbook. Moscow: Gardariki, 2005. 304 p. (in Russian)
11. *Papakitsa E.K.* The model of information readiness of future engineers to the profession // The actual problems of psychology. Kiev: Institute of Psychology named after G.S. Kostiuk of APS Ukraine, 2010. Т 1. В. 29, P. 46–51. (in Ukrainian)
12. *Papakitsa E.K.* The article considers the results of experimental studies based on motivational-value component of information readiness of future engineers to the profession // Visnyk postgraduate studies. Kiev: Dorado-Print, 2011. № 5(18). P. 299–306. (in Ukrainian)
13. *Pryadein V.P.* The responsibility as a systemic quality of a personality: studies allowance. Yekaterinburg: UrSPU, 2001. 209 p. (in Russian)
14. *Frankl V.* Man is it search of sense. Moscow: Progress, 1990. 368 p. (in Russian)
15. *Zhdan A.N.* History of psychology: textbook. Moscow: MSU, 1990. 367 p. (in Russian)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Елена Константиновна Папакица

Университет менеджмента образования АПН Украины; Украина, 04053, Киев, ул. Артема, 52 а

В статье представлены результаты теоретического обоснования и экспериментальной проверки уровня развития ответственности как показателя информационной готовности будущих инженеров к профессиональной деятельности. Показано, что ответственность является базовым показателем информационной готовности личности будущего инженера при осуществлении информационно-поисковой деятельности. Определен уровень развития ответственности и проанализирован полученный результат исследования в зависимости от пола, возраста и выбранной специальности будущих инженеров.

Ключевые слова: информационная готовность, будущие инженеры, профессиональная подготовка, ответственность, информация.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.344.24

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В САМООПРЕДЕЛЕНИИ
ЛИЧНОСТИ*****В.С. Волегов***

Профессиональное самоопределение личности рассматривается в статье как элемент жизненного самоопределения, связанный с подготовкой индивида к интеграции в социально-профессиональную структуру общества. На основе характеристик профессии М. Вебера предпринята попытка оценить значимость собственно профессионального комплекса данного процесса, выявить специфику реализации профессионального выбора, соотнести и его с имеющимися теоретическими моделями.

Ключевые слова: профессия; теория черт; самоопределение; мотивы профессионального выбора; рынок труда.

В связи с демографическими изменениями и трансформационными процессами в современном российском обществе на первый план выдвигается рациональное использование человеческих ресурсов. Прежде всего речь идет о повышении эффективности интеграции молодого поколения в сферу труда и производства, т.е. ее о профессиональном самоопределении.

Профессиональное самоопределение является одним из элементов более широкого процесса жизненного самоопределения личности, т.е. включения индивида в сложную систему социокультурных отношений той общности, в которой он находится. Самоопределение личности — это процесс социализации: происходит индивидуальный выбор собственной позиции, определяются субъективные цели и средства их достижения [1, с. 300]. Применительно к социально-трудовой сфере общественной жизни этот процесс представляет собой выбор предпочтительного будущего социально-трудового статуса и путей его достижения. Ввиду того что процесс выбора профессии реализуется на достаточно длительном временном отрезке, затрагивающем разные этапы становления личности, в нем следует выделить несколько составных частей: формирование образа наиболее привлекательного вида деятельности, определение необходимых шагов для включения в указанную избранную профессию: опре-

деление своего соответствия качествам, требуемым от специалистов, выбор необходимого уровня образования и учебного заведения [7].

Определяя профессиональное самоопределение как «процесс формирования личностью своего отношения к профессионально-трудовой среде и способ ее самореализации через согласование личностных и социально-профессиональных потребностей» [1, с. 63], необходимо прежде всего определить предметное поле данной разновидности самоопределения личности, т.е. выделить наиболее значимые характеристики профессионального поля.

Процесс постоянной дифференциации профессионального поля, все возрастающее значение специализированной деятельности для устойчивости социальной системы обусловили пристальное внимание к данной проблеме общественных наук. Социальные последствия данного процесса оцениваются по-разному: если для Г. Спенсера это было одним из проявлений прогресса, для Э. Дюркгейма [10, с. 139] — основой органической солидарности, объединяющей современное общество, то Н.К. Михайловскому его польза казалась сомнительной: дифференциация труда ведет к разрушению целостности личности [14, с. 53], однако значимость данного процесса для общественной жизни не вызывает сомнений.

К определению содержания термина «профессия» есть несколько подходов. Если в советской и постсоветской традиции под профессией понимается «род трудовой деятельности, занятий, определяемый производственно-технологическим разделением труда и его функциональным содержанием», предполагающий «необходимый минимум знаний, умений и навыков, по которым человеку обеспечивается возможность обучения» [16, с. 369], то в англоязычной литературе к определению подход более детализированный.

В различных специализированных видах трудовой деятельности выделяются два уровня: «*Occupation*» — род занятий и «*Professions*» [15, с. 131] — профессии, отражающие различный уровень общественного престижа той или иной деятельности, уровень образования [13, с. 37]. Подобная детализация позволяет локализовать время выделения первых — классических — профессий европейским Средневековьем (XII–XIII вв.). В качестве катализаторов профессионализации данных видов занятий называется появление университетов, развитие гильдий [7, с. 33], влияние Церкви. Другим важным признаком профессии, отличающей ее представителей от античных рабов, выполнявших специализированную деятельность и обучавшихся ей, является возможность свободной трудовой самореализации «специалистов» [17, р. 2259].

Важной вехой в развитии теоретических представлений о феномене профессии является творчество М. Вебера. Обращение к данной проблематике обнаруживается в большинстве его работ. Прежде всего привлекает внимание его определение профессии как «длительной деятельности, которая (обычно) служит источником дохода человека и тем самым является прочной экономической основой его существования». Кроме того, по мнению Вебера, корни профессионального труда и профессиональной этики находятся в культурном феномене: этическая оценка специализированного труда обнаруживается им в монашеской аскезе и «обретении уверенности в спасении посредством деятельности в рамках своей профессии» [5, с. 122]. Специальные лекции посвящены двум крупным областям трудовой деятельности: государственному управлению («Политика как призвание и профессия») и науке и академическому преподаванию («Наука как призвание и профессия») [5, с. 8].

Выделению профессий (офицер, юрист, чиновник — таков, по Веберу, перечень первых профессий) в целостное социальное образование *европейское общество*, считает Вебер, обязано потребностям рационализации политического устройства. Характеризуя первые профессии, автор формулирует перечень качеств, образующих идеальный тип профессионала, закладывая основу «теории черт» [13, с. 38]:

- высокая квалификация;
- многолетняя профессиональная подготовка;
- сословная честь;
- беспристрастное исполнение обязанностей [5, с. 657].

У Вебера же можно найти и важные для дальнейшего развития социологии профессий рассуждения о функциональной необходимости существования профессии профессионального политика и необходимости наличия ряда средств для выполнения им необходимых действий [5, с. 648].

Анализ исследований, сделанных в данном направлении, позволил группе исследователей сектора социологии профессий и профессиональных групп Института социологии Российской академии выделить три центральные характеристики профессии:

- профессиональные специальные знания и опыт;
- профессиональная этика;
- профессиональная автономия [13, с. 39].

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что основными характеристиками при определении содержания термина «профессия» является наличие специализированной человеческой деятельности, позволяющей решать две главные жизненные задачи: добывание средств к существованию и самореализация личности. Еще одной отличительной чертой профессии является необходимость обучения ее основам, владения определенной суммой знаний [3, с. 7].

Специализация трудовой деятельности, борьба за признание своих компетенций уникальными и несводимыми к деятельности других профессионалов приводит и к формированию специфических культурных образований [4, с. 85–112]: профессиональная идентичность, фольклор, традиции.

Исходя из всего этого, можно заключить, что профессиональный статус человека, требующий

определенного образовательного уровня и во многом определяющий положение человека в обществе, имеет немалое значение при изучении социальной структуры и стратификации современного общества с высоким уровнем разделения труда.

Таким образом, описанную выше структуру профессионального самоопределения необходимо дополнить рядом существенных моментов, связанных не только с выбором специальности и учебного заведения, но и с формированием у самоопределяющейся личности целостного комплекса компетенций, сопряженных с той или иной специализированной деятельностью, включая и нормативные элементы (профессиональная этика и самоидентификация с профессией).

В данной работе при проведении анализа мы основывались на материалах двух социологических исследований: панельного исследования профессиональных планов старшеклассников в Пермском крае, проведенного НП ВПО «Прикамский социальный институт» в 2012–2013 гг. (методом раздаточного анкетирования было опрошено 606 учащихся старших классов из 19 общеобразовательных учреждений Пермского края, способ отбора респондентов — метод доступной выборки), и разведывательного исследования мотивов и факторов профессионального выбора студентов, получающих среднеспециальное и высшее образование на примере НОУ СПО «Прикамский современный социально-гуманитарный колледж» и ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», проведенное нами в 2012 г. (в общей сложности опрошено 142 респондента, метод раздаточного анкетирования, способ отбора респондентов в колледже — гнездовая выборка, в ПГНИУ — квотная).

Ситуация с ориентацией на развитие профессиональных компетенций у опрошенных школьников выглядит достаточно оптимистично. В определении планов на ближайшее будущее старшеклассники демонстрируют достаточно высокую степень ориентации на продолжение образования: почти две трети (63,1 %) опрошенных заявляют о нацеленности на получение профессионального образования, еще 30 % указывают на желание совмещать учебу и работу. Однако если образ будущей образовательной траектории прописывается у выпускников достаточно четко (определен необходимый уровень профессио-

нального заведения, специальность и учебное заведение), то определенность с будущим местом работы падает по мере приближения к моменту реализации выбора, более того, исчезает и уверенность в трудоустройстве [2, с. 63].

Опрос старшеклассников показывает, что к 11-му классу определяются дальнейшие планы: четыре из пяти выпускников заявляют, что выбрали свою будущую специальность, однако большая половина из них не уверены в своем выборе [2, с. 13]. Результаты данного исследования указывают и на то, что к моменту окончания общеобразовательной школы происходит трансформация факторов выбора будущей специальности: среди разнообразных факторов выбора профессии на первый план выступает интерес к содержанию работы, оттесняя стремление реализовать свои способности. Замыкает перечень факторов размер будущей заработной платы [2, с. 17–18]. Характерно, что гарантия трудоустройства определяет выбор профессиональной траектории только у трети опрошенных, немногим меньше выпускников руководствуются общественным престижем профессии.

Попытка реконструкции выбора учащимися учреждений среднего профессионального и высшего образования специальности обучения включала несколько блоков вопросов. Небольшие объемы выборочной совокупности и невероятный характер выборки накладывают существенные ограничения на распространение результатов исследования на всю совокупность студентов обследуемых учреждений.

Приоритеты студентов колледжа и университета при выборе профессии (см. рис. 1) разнятся: двое из пяти студентов колледжа на первое место поместили универсальность полученных знаний и навыков (их востребованность на рынке труда в целом), для учащихся же университета более важным оказывается интерес к специальности и только потом — универсальность получаемого образования. Группа студентов, для которых определяющим фактором выбора профессии оказалась общественный престиж профессии, оказалась третьей по численности (среди студентов колледжа они делят эту позицию с выбравшими специальность обучения исходя из величины будущего дохода).

Востребованность избранной профессии оказалась определяющим мотивом поступления только для незначительного числа опрошенных,

причем среди студентов, получающих высшее образование, их доля оказалась практически в два раза ниже, чем у учащихся колледжа, уступая да-

же выбору специальности при неудачном поступлении на обучение по желаемой программе.

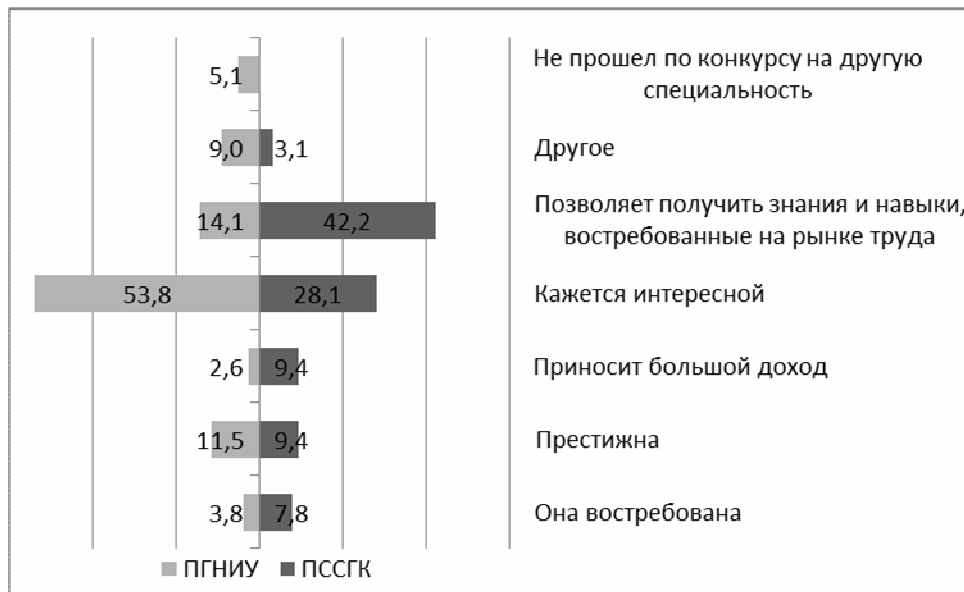

Рис. 1. «Почему Вы выбрали данную специальность?», %

Рис. 2. Распределение мотивов выбора профессии в зависимости от профиля обучения, %

Детализация результатов распределения ответов на данный вопрос в университете (рис. 2) дает достаточно интересный срез данных. Лидирующим фактором при выборе специальности в обеих группах студентов университета оказался субъективный интерес к специальности, однако в ос-

тальных позициях заметны существенные различия.

Характерно, что студенты социально-гуманитарного профиля (в отличие от естественно-научного) практически не указывают на востребованность профессии как причину поступления. Для них более характерна ориентация не на

узкопрофессиональные, а на универсальные знания, востребованные на рынке труда. Значительно реже среди них и ориентация на престиж профессии. Поступление на специальность как результат

использования запасных вариантов в большей степени распространено среди учащихся социально-экономического направления.

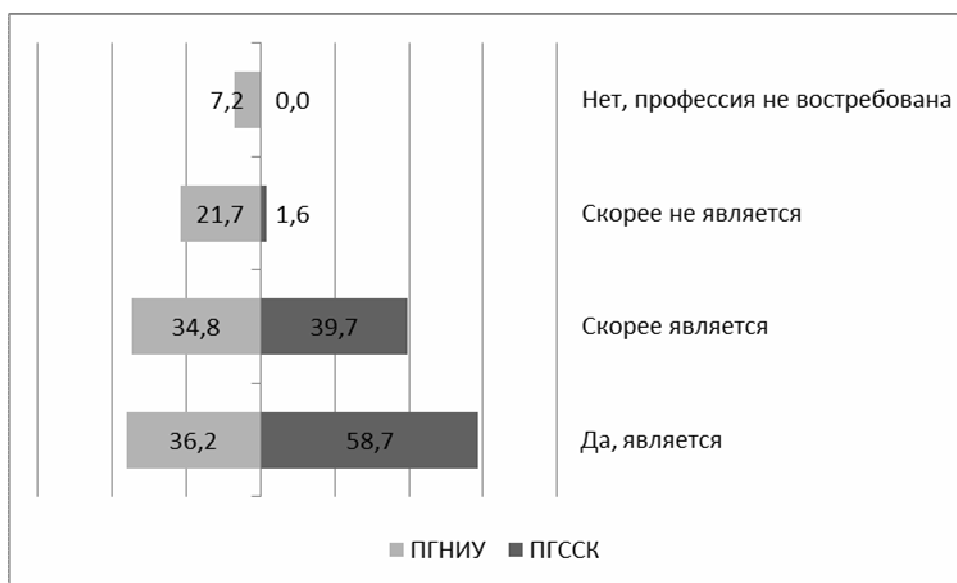

Рис. 3. «Является ли выбранная Вами профессия, по Вашему мнению, востребованной на рынке труда?», %

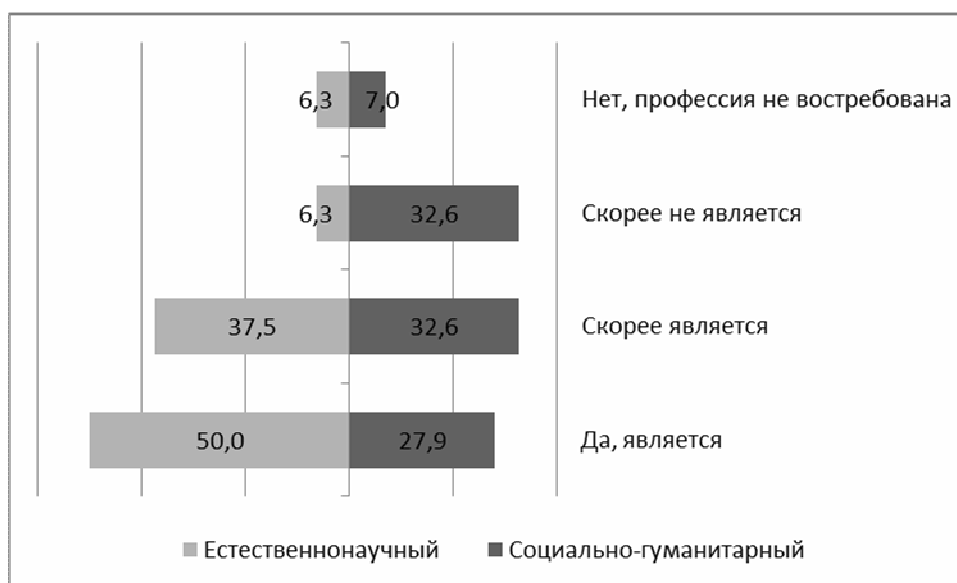

Рис. 4. Востребованность выбранной специальности у студентов ПГНИУ разного профиля обучения, % ($\tau_c = 0,004$, $\tau_r = 0,024$, приближительная значимость 0,528)

Отсутствие ориентации на востребованность будущей специальности в момент выбора направления подготовки само по себе является важной особенностью профессионального выбора: определяя его через согласование личностных интересов и объективных потребностей воспроизводства

социально-профессиональной структуры общества, на этапе выбора профиля обучения можно столкнуться с иным явлением: у большого числа студентов выбор обуславливается исключительно субъективной предрасположенностью к определенной сфере знания. Важно понять, является ли

востребованность профессии на рынке труда (точнее, представление о ней) регулятором первоначального отбора круга интересующих абитуриента специальностей.

Студенты колледжа по результатам исследования в большей степени проявляют оптимизм в оценке востребованности выбранной ими профессии. Важно уточнить, что в выборку студентов ПССГК входят обучающиеся специальностям «Менеджмент» и «Право и организация социального обеспечения». Выпускники, получившие данные специальности, наиболее часто в последние годы обращаются в Агентство по занятости населения Пермского края [8, 9]. Утверждение востребованности выбранной профессии лидирует и среди учащихся университета, однако около 30 % студентов отказываются считать свою специальность востребованной на рынке труда.

Агрегирование признака путем построения индекса¹ позволило еще более четко выявить различия в определении профессиональной траектории: этот показатель по колледжу оказывается почти в два раза выше, чем по университету (77,75 и 35,55 пунктов соответственно).

При опросе студентов ПГНИУ (признак «профиль обучения») выяснилось, что менее всего востребованной свою профессию на рынке труда склонны считать представители социально-гуманитарного профиля. Если среди «естественников» свою профессию невостребованной считают 12,6 %, то среди «гуманитариев» таких 39,6 %.

Расчет индекса представлений о востребованности профессии показал значительное расхождение в представлениях востребованности (у студентов социально-гуманитарного профиля индекс ниже почти в три раза, чем у студентов с естественно-научного профиля — 20,9 против 59,4).

Иными словами, значительная часть студентов выбирает специальность не только без учета потребностей рынка труда, но в случае понимания, что внешней потребности в ней нет. Более того, почти четверть опрошенных студентов университета после окончания профессионального

образования планирует трудовую деятельность, не связанную с полученной специальностью.

Итак, основываясь на результатах анализа, обратимся к имеющимся представлениям о профессиональном самоопределении. В модели, предложенной И.С. Коном [12, с. 148], принятие решения об определении профессиональной траектории включает два варианта выбора: выбор уровня квалификации и выбор специальности, однако имеющиеся данные указывают на существенную особенность данного процесса на современном этапе. Связь между двумя сторонами профессионального выбора размыта: выбор будущей специальности оказывается не связан не только с уровнем образования, но и с получаемой специальностью. Более того, под вопросом оказываются и выделенные выше характеристики профессии: самоидентификация с профессиональным сообществом и принятие профессиональной этики. Указанная проблема имеет не только сугубо теоретическое значение: в условиях растущей демографической нагрузки на трудоспособное население повышается значимость эффективности трудовой деятельности.

Список литературы

1. *Ананьина Е.В.* Готовность старшеклассников к профессиональному самоопределению // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование, здравоохранение, физическая культура. 2006. № 9. С. 62–67.
2. *Антипов А.Г., Волегов В.С., Захаров Н.Н.* Профессиональные планы старшеклассников (по материалам социологического исследования в Пермском крае): монография / Прикам. социал. ин-т. Пермь, 2013. 124 с.
3. *Антонов Д.Н., Антонова И.А.* Источниковая база изучения профессий и труда в России // Историческое профессиоведение: источники, методы, технологии анализа. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 19–27.
4. *Антропология профессий или посторонним вход разрешен* / под ред. П. Романова, Е. Ярославской-Смирновой. М.: Ваиант: ЦСПГИ, 2011. 356 с.
5. *Вебер М.* Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
6. *Владимиров В.Н.* Историческое профессиоведение — на пути к изучению истории профессий и профессиональной мобильности // Историческое профессиоведение: источники, методы, технологии анализа. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та,

¹ Индекс рассчитывался по формуле

$$I_{\text{вн}} = B + 0,5CB - 0,5CH - H$$

где *B* — доля считающих профессию востребованной, *CB* — доля ответов «скорее востребована», *CH* — «скорее не востребована», *H* — «не востребована».

2007. С. 7–18.
7. *Волков В.А., Чириков Е.П.* Профессия и профессионализм как предмет отечественных и зарубежных исследований // Науч. труды Сев.-Зап. академии гос. службы. 2011. Т. 2, № 1. С. 2–42.
 8. *Выпускники: состояние регистрируемого рынка труда выпускников в 2010 году: информ. бюл.* Пермь, 2011. 70 с.
 9. *Выпускники: состояние регистрируемого рынка труда выпускников в 2011 году: информ. бюл.* Пермь, 2012. 72 с.
 10. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / пер. с фр. А.Б. Гофмана, примеч. В.В. Сапова. М.: Канон, 1996. 432 с.
 11. *Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю.* Словарь по педагогике. М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Изд. центр «МарТ», 2005. 448 с.
 12. *Кон И.С.* Психология юношеского возраста (Проблемы формирования личности): учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1979. 175 с.
 13. *Мансуров В.А., Юрченко О.В.* Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 36–46.
 14. *Михайловский Н.К.* Что такое прогресс? / под ред. Р.В. Иванова-Разумника. Изд. 2-е. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 216 с.
 15. *Парсонс Т.* Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1997. 270 с.
 16. *Социологический словарь* / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.М. Москвичев. М.: Норма, 2008. 608 с.
 17. *Encyclopedia of Sociology* / Edgar F. Borgatta, editor-in-chief, Rhonda Montgomery, managing editor. Vol. 3. 2nd ed. 3481 p.
-

PROFESSIONAL COMPLEX OF SELF-DETERMINATION

Vladimir S. Volegov

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Professional self-determination is considered in the article as section self-determination associated with the preparation of personality to integrate into the social and occupational structure of society. On the basis of the Weber's characteristics of a profession the author attempts to assess the importance of professional complex of this process, identify the specific character of implementation of vocational choices and consistency with the existing theoretical models.

Key words: profession, theory of trait; self-determination, motives of professional choice; labor market.

УДК 316.346.32 (476)

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.С. Бабосова

В статье рассмотрены особенности и перспективы инновационной активности молодежи. Обозначена специфика социологического интереса к данному феномену. Охарактеризовано понятие «инновационная активность», определены его ключевые особенности.

Ключевые слова: инновационная активность; инновационный потенциал; молодежь.

Перевод экономики и других сфер белорусского общества в режим инновационного развития в значительной мере актуализировал значимость интенсивного развития науки и производства и активного включения в этот процесс молодежи. Это обуславливает необходимость всестороннего комплексного, в том числе и социологического, исследования особенностей и перспектив инновационного потенциала молодых людей. В связи с этим весьма актуальным становится исследование того, что и чем именно привлекает молодое поколение участвовать в инновационной, в том числе и научной, деятельности, а что препятствует этому. Проблемная ситуация детерминируется существующими противоречиями между такими факторами, как потребность общества в повышении инновационного потенциала молодежи и его низким уровнем у молодых людей, способных реализовать свой творческий потенциал в интересах научно-исследовательской и проектно-конструкторской инновационной деятельности.

На рубеже XX–XXI вв. белорусское общество вступило в качественно новый исторический период — переход к постиндустриальному, креативному обществу знаний. В таких условиях белорусская модель социально-экономического развития должна быть дополнена новым содержанием, направленным на системную модернизацию общества. В связи с этим в последние годы достаточно четко была определена стратегия национальной политики Беларуси — в качестве приоритетных факторов общественного социально-экономического развития определены наука и инновации. Государственной программой инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг., одобренной Президиумом Совета мини-

стров Республики Беларусь, предусмотрен целый ряд различных мероприятий — как реализация конкретных инновационных проектов в отдельных областях и регионах: разработка мер по совершенствованию национальной инновационной системы, механизмов стимулирования инновационной деятельности, укреплению нормативной базы, развитию государственно-частного партнерства.

Стоит отметить, что в рамках постсоветского пространства Беларусь была и является первой страной, в которой определены и приняты конкретные практические решения по формированию и реализации стратегии инновационного развития. В 2006 г. впервые была принята Концепция национальной инновационной системы, в 2007 г. — Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2007–2010 гг., направленная на формирование и развитие национальной инновационной системы. В целях дальнейшего повышения инновационной активности организаций в 2010 г. была принята Концепция Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на период 2011–2015 гг., а также Стратегия технологического развития Республики Беларусь на период до 2015 г. и Государственная программа освоения в производстве новых и высоких технологий. Национальная инновационная система (НИС) базируется на взаимодействии входящих в ее состав структурных компонентов, оказывающих влияние на создание, освоение и реализацию инноваций в Беларуси. Если обратить пристальное внимание на другие экономики, то можно заметить, что там преобладают нанотехнологии, биотехнологии и другие перспективные высокотехнологичные и

прибыльные направления, в то время как Беларусь значительно отстает от развитых стран по ряду показателей результативности инновационного развития. Если такое положение дел сохранится, то разрыв в экономическом развитии будет неизбежно увеличиваться, что обуславливает необходимость инноваций и их важность для долгосрочного экономического роста и повышения конкурентоспособности нашей страны.

Что же представляет собой инновационный потенциал? Это своеобразный ресурс личности, который при определенных условиях может проявить себя в качестве фактора инновационной активности. Инновационная активность, в свою очередь, представляет собой такую форму активности, которая предполагает выход за границы и пределы устоявшихся установок и поведенческих стереотипов. При этом необходимо наличие таких ситуативных факторов, как инновационные возможности индивида и наличие среды, которая восприимчива к таким возможностям, где становится возможной их реализация. На основе анализа основных социологических концепций мотивации, созданных А. Маслоу, Д. МакКлеландом, Ф. Герцбергом и другими исследователями, можно определить детерминанты инновационной активности молодежи. Основной мыслью *таких мотивационных концепций* является определение внутренних побуждений (называемых потребностями), которые заставляют людей действовать установленным способом. Согласно Д. МакКлеланду, успехи в области инновационно-научной деятельности зависят не только от способностей, навыков и знаний. Главным мотивом, делающим работу высокопродуктивной, является мотив достижения, мобилирующий творческие способности личности на выявление проблем, постановку и решение вытекающих из них конкретных задач. Согласно исследованиям МакКлеланда, мотив достижения является производным от базового побуждения «делать что-то лучше», причем не для одобрения или награды, а «ради самого процесса», что очень важно для инновационной деятельности [9, p. 228]. Он выделил такие основополагающие характеристики мотива достижения, как стремление к инновационной деятельности, высокое чувство ответственности, планирование действий, готовность к риску. В области научно-исследовательской деятельности мотивация достижения может усиливаться в тех случаях, когда молодой ученый сталкивается со сложной или неразработанной научной про-

блемой или попадает в ситуацию, когда ему необходимо овладеть каким-либо навыком, новой компьютерной программой или лабораторным оборудованием. По мнению МакКлеланда, «мотив достижения» связывается с такими целями, которым присуще, прежде всего, сопоставление с критериями успешности» [9, p. 125].

В динамике факторов, обуславливающих инновационную активность молодежи в современном обществе, существует противоречивая связь негативных и позитивных тенденций. Негативное воздействие на молодежную инновационную активность оказывает невысокий инновационный потенциал, недостаточная инновационная активность промышленных предприятий, высокая стоимость нововведений и длительные сроки их окупаемости. В связи с низкой восприимчивостью к инновациям белорусских предприятий и организаций возникает серьезный барьер на пути научно-инновационного развития и формирования у молодежи четко выраженной мотивации на включение в научно-исследовательскую и проектно-конструкторскую деятельность.

Еще одна негативная тенденция, оказывающая отрицательное воздействие на инновационную активность, проявляется в снижении в Беларуси, по сравнению с передовыми в экономическом и научно-техническом отношении странами, объемов финансирования, выделяемого на научные исследования и разработки. Сравнение объемов финансирования исследований и разработок в расчете на душу населения (в долларах США по паритету покупательной способности) показывает, что развитые страны отличаются по объему ресурсов, выделяемых на цели научных исследований и разработок, однако стремятся обеспечить примерно равные возможности для исследователей.

Следует обратить внимание и на такой важный фактор, каковым является непосредственная заинтересованность конкретного работника в активном участии в инновационном процессе. Если на уровне деятельности предприятий и организаций в Беларуси проблема стимулирования инновационной деятельности решается более или менее удовлетворительно, то этого нельзя сказать о стимулировании конкретных разработчиков научно-технических новшеств. Отсутствие логично построенного и эффективно действующего законодательства в области защиты интеллектуальной собственности приводит к тому, что конкретный работник имеет к разработке технического нов-

шества, в которой он участвует, только сиюминутный интерес — как к источнику получения текущей заработной платы и не более. В лучшем случае он при достаточно хорошем финансовом состоянии организации, где он работает, например в Институте порошковой металлургии НАН Беларуси, разработает технологическую новинку и получит патент, владельцем которого обычно является организация. Распорядителем интеллектуальной собственности в большинстве случаев является государство в лице органа государственного управления, которому подчинена организация, а непосредственный создатель новых технологических изобретений чаще всего не участвует в жизненном процессе законченной разработки и не пользуется благами, полученными от реализации. Этим в большинстве случаев объясняется низкий уровень мотивированности талантливых выпускников высших учебных заведений к работе в научных и научно-производственных организациях, занимающихся созданием технической и технологической новаторской продукции. Этим же фактом объясняется и низкий удельный вес кандидатов и докторов наук в производственной сфере.

Кроме того, существует целый ряд мотивационных факторов, обусловивших своим совокупным воздействием резкое сокращение количества молодых людей, участвующих в инновационно-научной деятельности.

Среди этих факторов следует прежде всего выделить крайне низкий по молодежным меркам уровень заработной платы работников научной сферы. Если в 80-х гг. XX в. доктор наук получал заработную плату, в 5 раз превышающую зарплату инженера, то после развала СССР размер зарплаты этих категорий работников сравнялся, а наиболее квалифицированные и высокооплачиваемые инженеры, работающие в престижных фирмах и банках, стали получать доходы, значительно превышающие по своим размерам доходы профессором. А что уж тут говорить о зарплате старших лаборантов и младших научных сотрудников, с должностей которых, как правило, и начинается научная карьера молодого человека [7].

Вторым материальным фактором, резко снизившим инновационную активность и включенность молодежи в науку, стали оснащенные устаревшим оборудованием рабочие места в большинстве научно-исследовательских учреждений. Если молодые люди имеют возможность (а это чаще всего так) сравнить техническую оснащен-

ность большинства современных промышленных предприятий и научно-исследовательских лабораторий, то выбор они чаще всего делают не в пользу научной карьеры.

Третий материальный фактор, снижающий инновационную активность и сужающий пространство выбора молодежью своего жизненного пути в науку, состоит в резко возросших в последнее время трудностях молодых научных сотрудников в приобретении жилья. Молодой человек, избравший для себя в качестве желаемой профессию научного сотрудника или преподавателя вуза, оказывается в гораздо худшей ситуации с решением жилищной проблемы, чем его сверстники и бывшие сокурсники, избравшие другие профессиональные пути. Шансы получить место в академическом или вузовском общежитии у него гораздо ниже, а возможности приобрести льготное кредитование на строительство квартиры значительно меньше, чем в других сферах профессиональной деятельности.

На охарактеризованные материальные факторы, составляющие социальные детерминанты снижения мотивационных устремлений молодежи к профессиональной деятельности в научной сфере и уменьшающие ее инновационную активность, накладываются и ценностно-ориентационные мотивы, свойственные молодежному возрасту. У наиболее продвинутых в социально-психологическом и интеллектуально-волевом отношении молодых людей, как это установил еще знаменитый швейцарский психоаналитик К. Юнг, очень сильно выражена ориентация на социальную экспансию, проявляющаяся в активном стремлении к достижению быстрого успеха. Когда честолюбивый молодой человек видит на экранах телевизоров, в Интернете и прессе упоминания об успешной карьере 30–35-летних предпринимателей, банкиров и министров, то сопоставляет эти данные с карьерой ученых, которые становятся успешными в старшем возрасте, и у него складывается естественное предпочтение не к научной карьере, а к карьере бизнесмена или управленца. К тому же следует учитывать, что в современных книгах, фильмах, театральных постановках гораздо реже фигурируют люди, добившиеся крупных достижений в науке, но очень часто рассказывается о зависимости, завистливости, несправедливости, а нередко и о паразитизме, существующих в научной и околонаучной социальной среде. Все это также осложняет выработку у молодых людей устойчивых

мотивов к включению в научную деятельность и, соответственно, тормозит их инновационную активность.

Еще одним немаловажным обстоятельством, влияющим на снижение инновационной активности молодежи и ее включенности в научную деятельность, является изменение ценностных ориентаций в молодежной среде. В настоящее время исследователи обращают внимание на тот факт, что профессиональные притязания молодых людей перемещаются из сферы научно-исследовательской деятельности в область бизнеса, политики, рекламы, информационного обеспечения. «Социализируясь в условиях межкультурного столкновения и возникшей неопределенности, молодежь одновременно интериоризирует различные образцы, причудливо переплетающиеся в ее сознании. При этом в результате активной реакции на культурные вызовы она расширяет свои духовные потребности и трансгрессивные интересы, ориентируется на референтные группы соотнесения, представленные в массовой культуре, постепенно отдаляется от традиционной культуры старших поколений» [8, с. 46].

Если во времена Советского Союза приоритетными сферами реализации творческого потенциала являлись наука и искусство, то сейчас появилось большое количество новых профессий, открывающих широкие возможности для такой реализации. Закономерным результатом этого процесса стало значительное снижение престижа науки и научно-исследовательской деятельности в обществе. В молодежной среде широко распространено мнение о том, что сегодня быть ученым не модно.

Несмотря на все вышеперечисленные факторы, есть и важные позитивные изменения в научно-инновационной сфере в Республике Беларусь. Среди них одно из самых существенных — освоение новых энергосберегающих технологий и новой техники в ежегодном снижении энергоемкости ВВП: в 2012 г. она снизилась на 3,2 %.

Вторая важная позитивная тенденция в стимулировании инновационной активности и в развитии научной сферы заключается в ежегодном существенном возрастании расходов республиканского бюджета на науку. За период с 2002 по 2012 г. включительно они увеличились с 86,8 млрд. руб. до 1,4 трил. руб. Это расширяет социальное пространство для включения молодежи в научно-исследовательскую деятельность и

для формирования у нее устойчивой мотивации к превращению исследовательской работы в профессиональное жизненное призвание, стимулирует ее инновационную активность.

Третья важная тенденция состоит в повышении интенсивности интеграции науки и производства, о чем свидетельствует увеличение количества заявок и полученных охранных документов исследовательскими организациями на объемы промышленной собственности. В частности, в учреждениях НАН Беларуси за период с 2003 по 2012 г. включительно количество поданных заявок на получение таких документов увеличилось более чем в два раза.

Четвертая положительная тенденция развития научной сферы и повышения инновационной активности проявляется в расширении масштабов участия молодежи в разрабатываемых научно-исследовательских проектах. Так, в 2011 г. на различные конкурсы Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований поступило 1016 заявок, а из них 227 — от молодых ученых. Было принято к финансированию 484 проекта, в том числе 127 проектов молодых исследователей. Отрадно то, что практическую реализацию получили 66 % всех завершенных научно-исследовательских проектов молодых ученых. Все это свидетельствует о наличии определенной инновационной активности, о внимании и включении молодых ученых в исследование актуальных фундаментальных проблем развития современной науки.

Еще одним немаловажным фактором стимулирования инновационной активности является то, что исследователи НАН Беларуси вполне могут влиять на формирование научного творческого мышления учащихся и студентов в результате широкой преподавательской деятельности. Так, в преподавательской деятельности в 2010 г. участвовали более 500 ученых НАН Беларуси, каждый 3-й доктор наук и каждый 7-й кандидат наук читают лекции в белорусских вузах, они подготовили 780 курсов лекций, руководили более чем 1100 дипломниками и магистрантами.

Важнейшим мобилизующим фактором, оказывающим мотивационное влияние на инновационную активность молодежи, является реализация Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг. Основной ее целью является создание современной институциональной модели генерирования, распространения и использования знаний и осно-

ванный на этом перевод экономики и социальной сферы страны в инновационный режим развития. Этот процесс широко пропагандируется в правительственных документах, средствах массовой информации, в деятельности учебных, научно-исследовательских и проектно-конструкторских бюро, в деятельности молодежных объединений и, несомненно, вызовет отклик в среде молодежи, а также будет способствовать формированию у юношества интереса и мотивации к участию в научно-исследовательской деятельности. Конечно, это произойдет не мгновенно, будет иметь несколько «отложенный» характер, поскольку благоприятная инновационная среда формируется у различных социально-демографических групп на протяжении определенного, порой достаточно длительного времени. Но сама социально-психологическая атмосфера, предопределяемая переводом экономики и других сфер общественной жизни на инновационный путь развития, создает благоприятные возможности и условия для формирования у молодых людей, начиная со школьного возраста, инновационного мышления, интереса, способностей к инновационным действиям.

Следует подчеркнуть, что успешное реформирование государства и переход на инновационный путь развития возможны только при активном участии в этом процессе молодежи. От того, насколько государство способно быстро и качественно способствовать решению проблем молодежи в различных сферах, создавать условия для ее самореализации и совершенствования духовных, нравственных и физических качеств, зависит ближайшее будущее. Что же представляет собой молодежь? Это понятие достаточно часто и широко употребляется в повседневном обиходе; с научной точки зрения молодежь можно представить как важную социально-демографическую группу, отличающуюся от других определенными возрастными характеристиками, находящуюся в процессе развития психофизиологической, социокультурной и гражданской зрелости, приспособления к исполнению социальных статусов и ролей, свойственных взрослым людям. Согласно Закону Республики Беларусь от 7 декабря 2009 г. «Об основах государственной молодежной политики» к этой группе можно отнести людей в возрасте от 14 до 31 года, таким образом, молодежь составляет почти четверть населения Республики Беларусь (или 2,345 млн. жителей) (рис. 1) [4, с. 7].

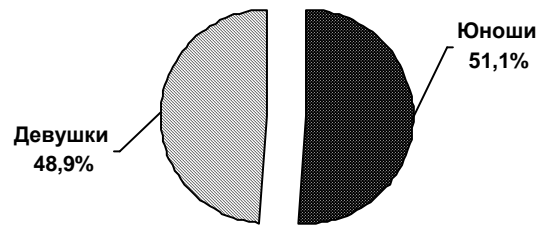

Рис. 1. Численность молодежи Беларуси, %

От того, как пройдет социализация, вступление во взрослую жизнь молодых людей, зависит путь дальнейшего развития страны. Именно поэтому одним из важнейших направлений инновационного развития белорусского общества является целенаправленная деятельность по формированию эффективной молодежной политики, а также вовлечения молодых людей в сферу государственно-общественного управления. Это обуславливает необходимость периодического исследования молодежи, сбора и анализа достоверных сведений о ее жизни, о ее потребностях и интересах. Только на основе получения таких данных о положении молодежи может быть в дальнейшем разработана и реализована молодежная политика.

Активизация в обществе интереса к проблеме инноваций и инновационного развития обусловила активизацию поиска форм и методов ее решения — в первую очередь поддержки талантливой молодежи, привлечения молодых кадров в научно-исследовательскую деятельность. Актуальными атрибутами в наше время становится организация и проведение многочисленных молодежных инновационных форумов, конкурсов, выставок, конференций, бизнес-инкубаторов. Обращая приоритетное внимание на талантливую и перспективную молодежь, общество заботится о своем интеллектуальном богатстве, которое в настоящее время можно рассматривать в качестве единственного неиссякаемого ресурса, который подвержен воспроизведению, преумножению и накоплению.

За последнее время было принято большое количество законов и указов Президента, постановлений Правительства Республики Беларусь в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности, значительная часть которых непосредственно направлена на создание и обеспечение благоприятных условий для учебы и

стимулирования творческой деятельности молодежи. В частности, на это нацелен Указ Президента Республики Беларусь от 26 апреля 2010 г. № 199 «О некоторых вопросах формирования, ведения и использования банков данных одаренной и талантливой молодежи». Таким образом, белорусское государство старается обеспечить непрерывное инновационное развитие общества, в том числе и сделав акцент на создании нормативно-правовой базы развития инновационного потенциала молодежи. «При этом процесс развития инновационного потенциала молодежи, очевидно, должен носить не спонтанный, а целенаправленный характер сообразно приоритетным направлениям научных исследований и инновационной деятельности в Республике Беларусь» [6, с. 75].

Для того чтобы получить более конкретное представление об инновационном потенциале и активности белорусской молодежи, целесообразно обратиться к результатам конкретных социологических исследований. Так, в 2012 г. Институтом социологии НАН Беларуси был проведен республиканский ежегодный мониторинг общественного мнения, одной из задач которого являлось выяснение ценностных ориентаций, в том числе и молодежи. Было опрошено 2107 чел., в том числе 541 молодой человек в возрасте до 29 лет, что составляет 25,7 % от общего количества опрошенных, в том числе 276 юношей и 264 девушки, проживающие в столице и областных центрах, малых городах и сельской местности, что соответствует статистическим данным генеральной совокупности. Это дает основания говорить о некоторых тенденциях, проявившихся во всех молодежных группах респондентов как характерных для белорусской молодежи в целом.

«Экономика знаний», «инновационная экономика», «экономика, основанная на знаниях», — понятия, которые довольно часто можно встретить в обращениях правительства при определении стратегического курса нашей страны. В связи с этим интересным представляется обратиться к вопросу об уровне образования молодежи и ее профессиональной квалификации, что является ключевым фактором в «экономике знаний». Согласно данным мониторинга большая часть молодежи — 37,6 % — имеет среднее специальное образование, 29,7 % — среднее общее образование, 14,4 % — среднее неполное образование (табл. 1).

Таблица 1. Уровень образования молодежи Беларуси

Уровень образования	Количество молодежи, %
Начальное	0,6
Среднее неполное	14,4
Среднее общее	29,7
Среднее специальное	37,6
Незаконченное высшее	3,7
Высшее	13,5
Послевузовское	0,4

В условиях инновационного развития белорусского общества важным условием экономического роста является уровень высшего образования — уровень основного образования, обеспечивающий подготовку квалифицированных специалистов, развитие способностей и интеллектуально-творческого потенциала личности. Всего на сегодняшний день в высших учебных заведениях Беларуси получают образование 442,9 тыс. студентов, или 470 студентов на 10 тыс. населения, что соответствует показателям развитых европейских государств. Анализ статистических данных свидетельствует о том, что численность тех, кто желает получить высшее профессиональное образование, постоянно растет. На сегодняшний день количество студентов, обучающихся в белорусских высших учебных заведениях, более чем в два раза превышает показатель, который был зафиксирован в 1990-е гг. По данным Национального статистического комитета Беларусь по количеству студентов в расчете на 10 тыс. населения (467 чел.) среди стран СНГ уступает только России (523) и Украине (488), но опережает Австрию (314), Италию (343), Японию (315) и Германию (277).

Решающее значение на инновационную активность молодежи оказывает удовлетворенность различными аспектами жизни. Согласно данным ежегодного мониторинга 40,3 % опрошенных молодых людей «удовлетворено» и «скорее удовлетворено» своей работой. Зато в отношении заработной платы/дохода картина является совершенно иной — лишь 18,2 % респондентов удовлетворены своей зарплатой. Степень удовлетворенности работой зависит от множества факторов, как внутренних, так и внешних по отношению к человеку. Однако при большом разнообразии факторов и различной направленности их влияния на человека можно выделить несколько основных

характеристик работы, от которых достаточно устойчиво зависит степень удовлетворенности работой. Что касается остальных аспектов, связанных с работой молодых беларусов, то своей занимаемой должностью удовлетворено 34 %, режимом работы — 41,2 %, своей профессиональной подготовкой — 44,2 % респондентов. Следует отметить в качестве положительного тот факт, что молодые люди в целом удовлетворены уровнем своей подготовки — они понимают, что только наличие качественного образования предоставляет возможность получить в дальнейшем интересную и перспективную работу. Конечно, образование и учеба не гарантируют получение более выгодного положения в профессиональном плане, однако молодой человек, у которого вообще нет никакого диплома, не имеет практически никаких шансов в конкурентной борьбе за перспективное рабочее место. Другими словами, чем сильнее разрыв между предложением и спросом на квалифицированную рабочую силу, тем больше молодой человек должен вкладывать в собственное образование.

Инновационная активность молодежи во многом обусловлена активной жизненной позицией и интересом молодежи к происходящим событиям. Если с таких позиций проанализировать отношение белорусской молодежи к социально-политическим событиям, то можно увидеть следующую картину. Большинство опрошенных молодых людей (53,8 %) в той или иной мере интересуются социально-политическими событиями, которые происходят в Беларуси. Совсем не интересуются такими событиями 12,7 % молодых беларусов (табл. 2).

Таблица 2. Интерес молодежи к политическим событиям, происходящим в Беларуси

<i>Интересуетесь ли Вы политическими событиями, которые происходят в Беларуси?</i>	<i>Количество молодежи, %</i>
Нет ответа	0,4
Интересуюсь	31,8
Скорее интересуюсь	29,7
Скорее не интересуюсь	18,7
Не интересуюсь	11,7
Затрудняюсь ответить	7,7

Для особенностей инновационной активности молодых людей большое значение имеет выясне-

ние их отношения к политическим партиям страны. Как правило, любая политическая партия заинтересована в том, чтобы граждане видели в ней компетентную политическую силу, способную отстаивать ее интересы и разрешать наиболее острые социально-экономические вопросы. Для того чтобы выиграть и получить преимущество в конкурентной политической борьбе, партия нуждается в поддержке избирателей, но для этого граждане должны видеть в ней защитника своих интересов и доверять ей. К сожалению, авторитет белорусских политических партий в молодежной среде невысок из-за их многочисленности, нечеткости программ, слабости социальной базы, отсутствия организованной общественной поддержки. В связи с этим политические партии не имеют поддержки у молодежи и не вызывают у молодых людей желания присоединиться к ним. Так, на вопрос «Если бы в белорусский парламент выборы проводились по партийным спискам, то за какую политическую партию Вы бы проголосовали?» более двух третей опрошенных молодых людей (65,4 %) затруднились ответить, а еще 21,8 % респондентов проголосовали бы против всех. Следует отметить, что практически каждая политическая партия в тот или иной момент осознает значимость молодежной политики в первых, молодежь обладает значительным электоральным потенциалом, во-вторых, молодежь является наиболее перспективным ресурсом инновационного развития общества и именно от ее настроений будет зависеть это развитие. Возможно, что увеличению популярности политических партий может способствовать создание взаимодействующих с ними молодежных организаций, которые способны более активно контактировать с молодыми людьми. Опыт демократических стран показывает, что при определенных условиях такие организации способны создавать резерв для будущей политической деятельности. Кроме того, «сама молодежь должна вызывать, формировать и провоцировать интерес к себе со стороны руководства политических партий... должна сложиться особая социально-политическая ситуация, в которой фактор молодежи может иметь определяющее значение» [3].

Инновационная активность связана и с уровнем социальной напряженности. Она отражает степень адаптации населения, в том числе и молодежи, к происходящим в обществе социально-политическим процессам. Повышение уровня со-

циальной напряженности может проявиться в резком росте недовольства, недоверии к правительству, возникновению протестных форм активности, конфликтности в обществе, тревожности. При определенных изменениях ситуации, особенно связанных с ухудшением качества жизни (имеется в виду не только материальное, но и социальное самочувствие молодежи, возможность ее доступа к образовательным услугам, культурным ценностям и благам жизни), амплитуда политического брожения в молодежной среде способна резко расширить свой размах. Красноречивым свидетельством наличия такой возможности является степень готовности молодых людей принимать участие в различных формах протестных выступлений. Полученные в ходе проведения мониторинга данные свидетельствуют о довольно низком уровне протестной активности молодежи. В частности, респондентам был задан вопрос: «Какой из способов отстаивания своих интересов Вы считаете наиболее эффективным?». Так, возможность своего участия в митингах и демонстрациях подтвердили 3,6 % опрошенных молодых людей, участие в забастовках — 2,0 % (табл. 3).

Значительную роль в формировании инновационной активности молодежи играют СМИ. В условиях инновационного развития белорусского общества медиасистема развивается стремитель-

но. Многообразие типов СМИ, появление и распространение новых технологий в области массовых коммуникаций усиливают и расширяют сферу их влияния. «В этой связи возникает проблема формирования правильного понимания места, роли, методологии позитивного и негативного влияния СМИ на социальную жизнь современного общества во всех ее проявлениях, будь то в политике или воспитании» [2, с. 44].

Наиболее распространенным источником получения молодежью необходимой и актуальной информации о жизни в Беларуси и за рубежом является Интернет. К данному средству информации обращается подавляющее большинство респондентов 79,2 % (табл. 4).

Дальше по мере убывания важности источников информации для молодежи следует телевидение — 66,1 % опрошенных молодых людей предпочитают узнавать информацию из этого источника. Получают политическую информацию по радио и из печатной периодики соответственно 22,5 % респондентов. Кроме того, около четверти опрошенных молодых людей доверяют политической информации, полученной от родственников, друзей и коллег — 27,9 %, а 7,8 % предпочитают официальное информирование по месту работы или учебы.

Таблица 3. Отношение молодежи Беларуси к способам отстаивания интересов

Какой из способов отстаивания своих интересов Вы считаете наиболее эффективным?	Количество молодежи, %
Нет ответа	3,0
Обращение в центральные органы государственной власти	13,7
Обращение в местные органы государственной власти	14,8
Обращение в суд	22,9
Обращение в средства массовой информации	13,3
Использование своих личных связей и знакомств	28,9
Участие в выборах и референдумах	3,3
Участие в деятельности общественных организаций (профсоюзов, ассоциаций и т.д.)	3,8
Участие в деятельности политических партий	1,2
Участие в забастовках	2,0
Участие в митингах, демонстрациях	3,6
Другое	2,7
Ни один из названных способов не считаю эффективным	19,5

Таблица 4. Источники информации, из которых молодежь Беларуси предпочитает получать информацию

Из каких источников Вы обычно получаете информацию?	Количество молодежи, %
Нет ответа	0,6
Телевидение	66,1
Периодические печатные издания	22,5
Интернет	79,2
Радио	22,5
От родственников, друзей, коллег и т.п.	27,9
Официальное информирование по месту работы	7,8
Из других источников	0,2

Глобальная сеть стала неотъемлемой частью жизни современного общества, а количество пользователей этой информационной Сети постоянно увеличивается, в том числе и в Беларуси. Посредством использования Интернета молодой человек получает возможность включаться в новые потоки информации, получать и распространять ее, что стимулирует его инновационную активность. Для большинства молодых людей основным источником получения информации, заслуживающим доверия, является Интернет. Это подтверждается и данными других социологических и маркетинговых исследований, например,

«основная масса белорусских пользователей — люди в возрасте 25–34 лет (30,27 %) и молодежь 19–24 лет (20,67 %)» [5].

Согласно итогам проведенного мониторинга общественного мнения большая часть опрошенных показала себя активными пользователями Интернета: 76,5 % респондентов отметили, что пользуются Интернетом практически каждый день. Делают это не реже 1–2 дней в неделю 12,8 % опрошенных молодых людей, не реже 1–2 раз в месяц — 3,7 %, реже 1 раза в месяц — 2,4 % (рис. 2).

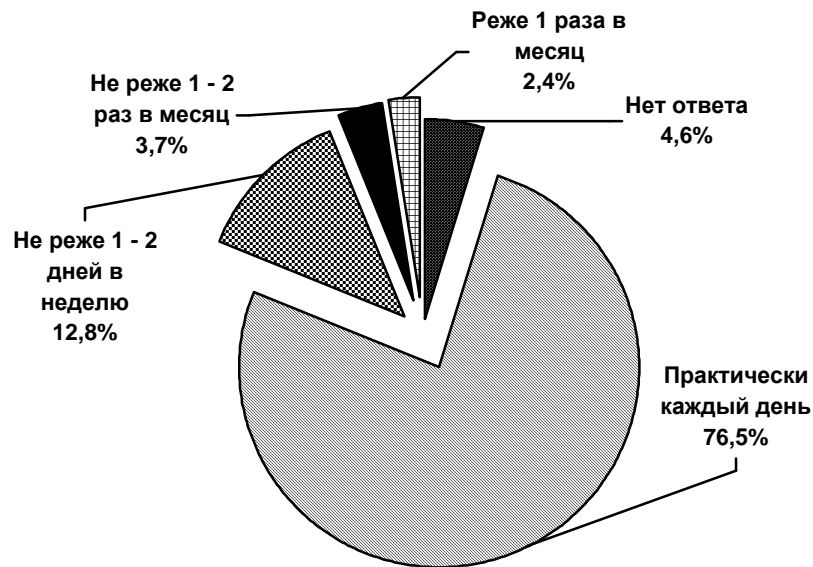

Рис. 2. Частота использования Интернета молодежью Беларуси, %

Интересным представляется узнать, для чего молодежь использует Интернет, какие сайты посещают молодые люди, какими ресурсами пользуются. Отрадным является тот факт, что основным посетителем новостных ресурсов Интернета

является молодежь. Согласно данным исследования европейского исследовательского агентства gemiusAudience, проведенного в июне 2012 г., именно молодые люди составляют около 38 % всей аудитории Интернета в Беларуси и именно

они осуществляют 41 % просмотров Вунет. При этом на просмотр новостных ресурсов приходится примерно 12 % просмотров. В ходе исследования были проанализированы социально-демографические характеристики белорусских пользователей 76 сайтов. Общий охват исследования составил 836.746 чел., которые просмотрели 74,5 млн. страниц и провели на сайтах-участниках почти 1,5 млн. часов. В процентном отношении это эквивалентно измерению 29 % всей аудитории Интернета в Беларуси. По июньским данным исследования gemiusAudience треть посетителей общественно-политических информационных сайтов — молодежь в возрасте 15–24 лет [1].

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что есть определенные факторы, негативно влияющие на инновационную активность молодежи: снижение наукоемкости валового внутреннего продукта, снижение объемов финансирования, выделяемого на научные исследования и разработки; низкая заинтересованность конкретных работников в активном участии в инновационном процессе, крайне низкий уровень заработной платы, трудности в приобретении жилья молодежью. Все эти тенденции находят своеобразное преломление в ценностных ориентациях молодежи. В результате совокупного действия названных тенденций изменяются ценностные ориентации в молодежной среде, а профессиональные притязания молодых людей перемещаются из сферы научно-инновационной деятельности в область бизнеса, политики, рекламы, профессионального спорта.

Несмотря на это, в последние годы в процессе перевода экономики и других сфер общества в режим устойчивого инновационного развития, названные негативные факторы стали ослабевать, расширяется диапазон действия позитивных факторов в развитии науки. К ним относятся: происходящее на основе освоения новых энергосберегающих технологий и новой техники ежегодное снижение энергоемкости ВВП, возрастание расходов республиканского бюджета на науку, все более активное участие молодежи в разнообразных научно-технических проектах; принятие и реализация Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг., в которой предусмотрена активизация включенности молодежи в научно-инновационную деятельность. Все это создает социально-

психологическую атмосферу, благоприятствующую развитию у молодых людей инновационного мышления, устойчивой мотивации к включению в профессиональную научно-исследовательскую деятельность.

Согласно данным социологов, в целом молодежь успешно адаптируется к трансформациям, происходящим в современном обществе. Об этом свидетельствуют стремление получить хорошее образование, удовлетворенность различными аспектами труда, низкий протестный потенциал, интерес к социально-политическим событиям, активное использование современных информационных технологий. Судя по всему, молодежь вполне осознает происходящие в обществе изменения и склонна к инновационной активности, нацелена предпринимать прагматичные конкретные действия, формирующие ее будущее. Следует отметить в качестве положительного тот факт, что государство старается поддерживать стремления молодежи, в частности в отношении инновационной активности — начиная от поиска и отбора инновационных идей и заканчивая процессом продвижения и реализации инноваций на рынке. Так, одним из последних интересных проектов в сфере инновационного развития является республиканский молодежный проект «100 идей для Беларуси», реализуемый при поддержке Белорусского республиканского союза молодежи. Этот проект направлен на активизацию инновационной активности и профессиональной мобильности молодежи, создание и реализацию конкретных исследовательских проектов и перспективных научно-технических разработок, которые представляют практический интерес и могут принести пользу как всей стране в целом, так и отдельным отраслям народного хозяйства и предприятиям.

Список литературы

1. *Аудитория общественно-политических интернет-ресурсов в Беларуси / Изучая белорусский интернет.* Минск, 2012. URL: <http://probelnet.com/content/view/74/38/> (дата обращения: 28.12.2012).
2. *Горохова А.В.* Основные теории медиа-индустрии и коммуникаций в современном массовом обществе // *Вопросы философии.* 2009. № 12. С. 43–55.
3. *Молодежь и политические партии в современной России // Профистарт.* Бурятия, 2010. URL: <http://www.profistart.ru/ps/blog/667.html> (дата обращения: 24.12.2012).

4. *О положении молодежи в Республике Беларусь в 2010.* Министерство образования Республики Беларусь. Минск, 2010. URL: <http://www.rogachevoo.gov.by> (дата обращения: 23.12.2012).
 5. *По данным Gemius, за год в Беларуси пользователей интернета стало на 17 % больше* // Белорусские новости. Минск, 2012. URL: http://naviny.by/rubrics/computer/2012/05/29/ic_news_128_394006/ (дата обращения: 24.12.2012).
 6. *Сапелкин Е.П.* Развитие инновационного потенциала молодежи в условиях системной модернизации экономики и общества // Социология. 2011. № 1. С. 74–82.
 7. *Чупров В.И.* Молодежь в общественном воспроизводстве // Социологические исследования. 1998. № 3. С. 93–106.
 8. *Яковук Т.И.* Возможности самореализации белорусской молодежи в духовной жизни // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 6. С. 161–174.
 9. *McClelland D.* Human Motivation. N.Y., 1988. 676 p.
-

INNOVATIVE YOUTH ACTIVITY: FEATURES AND PROSPECTS

Ekaterina S. Babosova

*Institute of Sociology of National Academy of Sciences of Belarus;
1/2, Surganov str., Minsk, 220072, Belarus*

Author explores the characteristics and prospects of innovative youth activities. Sociological interest in the phenomenon is specified. The concept of «innovative activity» is characterized; its key features are defined. Key words: innovative activity, innovation potential, youth.

УДК 331.556.4

ФАКТОРЫ ЭМИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ**С.В. Болотова**

В статье проведен анализ факторов эмиграции молодежи Республики Бурятия. Рассматриваются основные каналы и последствия миграционных потоков.

Ключевые слова: миграция молодежи; факторы миграции; каналы миграции; рынок труда; безработица; уровень жизни.

Байкальский регион не относится к экономически развитым регионам России. Суровые природно-климатические условия, отдаленность от центра страны, отсутствие развитой инфраструктуры являются сдерживающими факторами развития региона. Как следствие, у молодежи возникают эмиграционные предпочтения.

На сегодняшний день трудовой потенциал недостаточен для освоения расположенных здесь природных ресурсов, территорий, для создания развитой экономики.

Эмиграции подвержено в основном трудоспособное население, чаще это молодые люди, обладающие высокими конкурентными преимуществами, соответствующим социальным капиталом: престижным образованием, знанием языка принимающей страны, хорошим здоровьем, высокой самооценкой и др. Выбытие из республики большого числа молодых людей влияет прежде всего на качественный состав населения, что в свою очередь сказывается на трудовом потенциале населения [1].

Миграция молодежи оказывает значительное влияние на экономику, социальную сферу и внутривнутриполитическое положение страны. В связи с этим становится актуальным выявление причин и факторов, а также социально-экономических последствий миграции молодежи.

Объектом данной статьи является молодежь Республики Бурятия.

Цель статьи — выявить сложившуюся миграционную ситуацию в регионе: общие тенденции, факторы, каналы, социально-экономические последствия эмиграции молодежи Республике Бурятия.

При написании статьи использовались материалы территориальных органов государственной

статистики по Республике Бурятия о динамике численности и структуре населения (в частности, миграции населения, уровня жизни).

Миграция (перемещение людей из одного места проживания в другое) существовала всегда. Она имеет целью улучшение жизненных перспектив и благосостояния тех, кто переезжает. Миграция развивается параллельно с процессами глобализации. В современном мире процесс миграции трудовых ресурсов особенно интенсивен. Трудовая миграция стала неотъемлемой частью международных экономических отношений. Будучи не только экономическим, но и политическим, социальным явлением, миграция имеет значительные последствия как для стран, регионов — доноров, так и для принимающих стран, регионов. Иммиграция, в частности, может вызвать ряд проблем, связанных с этническими, расовыми, религиозными и культурными отличиями иммигрантов от коренного населения. Примеры проявления таких проблем имеются практически во всех принимающих странах, регионах.

Миграция специалистов обусловлена теми же факторами, что и неквалифицированной рабочей силы. В первую очередь надо отметить различный уровень экономического и социального развития стран. Молодые специалисты и ученые покидают свою страну, регион в пользу другой, если находят там более высокое материальное вознаграждение, неограниченные возможности для творчества и саморазвития, лучшее лабораторное оборудование, более комфортные бытовые условия, больше гражданских прав и демократических свобод.

Развитие территории зависит от качества человеческих ресурсов. Инвесторы оценивают их наряду с инфраструктурой бизнеса и прочими ус-

ловиями, влияющими на выбор регионов для размещения проектов. Поэтому усилия Комитета по молодежной политике по привлечению молодежи в республику в конечном итоге направлены на улучшение инвестиционного климата Республики Бурятия.

Особенности эмиграции молодежи в Республике Бурятия определяются социально-экономическими факторами (низкий уровень жизни, безработица, жилищная неустроенность, ограниченные возможности для карьерного роста, отсутствие социальных перспектив), природно-географические факторы (суровые природно-климатические условия, отдаленность от центра страны, большая территория при низкой плотности населения). Снижение экономической привлекательности региона, опустынивание территорий являются наиболее заметными социально-

экономические последствиями миграции. Одной из особенностей миграционных процессов Республики Бурятия является активная миграционная подвижность молодежи. Так, за период с 2005 по 2009 г. отмечается миграционная убыль молодых людей в республике в пределах двух тысяч человек в год. В структуре мигрантов в основном преобладают учебные и трудовые мигранты.

Республика продолжает терять наиболее мобильное население трудоспособного возраста, которое составляет в потоке выбывших из Республики Бурятия 77 %, наблюдается миграционная убыль населения в трудоспособном возрасте — 3397 человек, тогда как в общей численности населения по состоянию на 2011 г. на этот возраст приходится 62 %. Менее подвижно население в возрасте старше трудоспособного (9 %) [5, 6].

Рис. 1

Таблица 1. Миграция молодежи в Республике Бурятия с 2000 по 2009 г. [7]

Год	Прибывшие		Выбывшие		Миграционная убыль (прирост)
	Чел.	% ко всем прибывшим	Чел.	% ко всем выбывшим	
2000	10417	52,0	12373	51,4	-1956
2001	8999	50,4	11580	51,3	-2581
2002	9239	53,3	11213	51,8	-1974
2003	9261	51,2	10718	49,5	-1457
2004	9769	50,3	11620	50,4	-1851
2005	10007	53,0	12420	53,6	-2413
2006	11904	50,8	13704	50,7	-1800
2007	12641	49,6	14043	49,7	-1402
2008	11361	48,2	13240	50,7	-1879
2009	10862	50,8	11979	52,4	-1117

Такое положение ухудшает возрастную структуру и приводит к дальнейшему сокращению доли населения трудоспособного возраста.

Возрастные пики миграции приходятся на молодежь в возрасте 16–29 лет. Наибольшая миграционная активность совпадает с возрастом, ко-

гда принимаются наиболее важные жизненные решения. Этот период начинается с окончанием школы и продолжается несколько лет, в течение которых молодые люди выбирают между учебой и работой, приобретают профессию, решают, где им жить, обзаводятся семьей.

В настоящее время существенно расширились миграционные потоки молодежи с учебными и трудовыми целями за пределы Республики Бурятия и в различные страны мира.

Внутрироссийское направление представляют сезонные работы студенческих и молодежных стройотрядов на Камчатке, Сахалине по очистке рыбы, полевые работы в Анапе, работы бортпроводников, волонтерские работы в лагерях и на объектах будущей Олимпиады в Сочи.

Основными каналами миграции молодежи за границу становятся участие в программах студенческого обмена, проектах обучения, стажировки и т.п.

Нередко студенты прибегают к помощи образовательных центров, подготавливающих абитуриентов к поступлению в вузы за рубежом. Так, через образовательный центр «Полиглот» в г. Улан-Удэ можно поступить в вузы Тайваня, Китая, Канады, Германии, Чехии и ряда других стран.

Другой канал – гранты, стипендии и стажировки международных фондов и организаций длительностью от полугода до нескольких лет, а также стипендий посольств, университетов. На сегодняшний день на российском рынке образовательных программ наибольшую популярность имеют исследовательские гранты организаций Fulbright, IREX, DAAD, фонды Генри Форда, Эдмонда Маски и т.д., страны ЕС, США, Канада, Австралия, Китай и т.д.

Выбор той или иной страны или региона обусловлен географическим местоположением региона или страны, возможностью заработка, безопасностью, условиями въезда и выезда в страну, проводимой миграционной политикой. Большое количество мигрантов принимают страны — экспортеры нефти на Ближнем Востоке (Африка – ЮАР, ОАЭ, Саудовская Аравия), в которых 70 % рабочей силы составляют иностранцы. Многочисленный миграционный поток из России направлен также в страны Северной и Латинской Америки (США, Канада, Аргентина, Бразилия, Венесуэла), Юго-Восточной Азии (Сингапур, Гонконг, Япония).

Среди студенческой молодежи наиболее популярны программы международного обмена: «WorkandTravel», «AuPair», «WorkandStudy», «CampAmerica», социальные и волонтерские проекты в США, Канаду и страны ЕС.

В Республике Бурятия основными центрами, занимающимися образовательными программами обмена и стажировок, являются «Центр международного обмена», «Ангир-Трэвэл», «Мир без границ», «АESEK», «StudentInternational», «Полиглот».

Анализ интервью с представителями региональных центров в Республике Бурятия, а также официальных групп в социальных сетях показал, что наибольший интерес к таким программам проявляют студенты местных вузов 3–5-х курсов, молодые специалисты.

Так, директор «Центра международных обменов» Мария Преловская, отмечает, что наибольшую популярность среди студентов имеет программа «WorkandTravelUSA», потому что она доступна по цене (50.000 руб., включая авиабилет, поиск работодателя, консульский сбор и т.д.) и полностью окупается. Кроме этого, несомненным плюсом являются акции «Приведи 5 друзей и езжай бесплатно», «Возвратим налоги», «Скидка вторичным участникам» и т.д. По данным ЦМО г. Улан-Удэ ежегодно 100–130 студентов из вузов города выезжают в США по программе «WorkandTravel», при том, что наибольшее число выехало в 2010 г. (170 чел.), 2009 г. (180–190 чел.). Помимо США популярными направлениями считаются Канада, Испания, Греция (программа WorkandStudy), Франция, Германия (программа AuPair) и т.д. [1].

Преимущество этих программ состоит в том, что у студентов появляется возможность познакомиться с культурой другой страны, путешествовать, подтянуть уровень владения иностранным языком в живой языковой среде, а также возможность подзаработать во время летних каникул. Как правило, сезонная работы, в том числе и по таким программам включают низкоквалифицированную работу в сфере обслуживания: официанты, горничные, продавцы, няни (бэйби-ситеры), вожатые лагерей и т.д. Однако посредством этих программ многие экономически развитые страны решают не только проблему дешевой рабочей силы, но и проблему депопуляции. Студенты в процессе обучения проходят необходимую адаптацию к стране, к ее культуре, укладу жизни. Таким

образом, для принимающей страны эти мигранты представляют собой ресурс, который не нужно переучивать, адаптировать, «встраивать» в систему. Именно поэтому многие программы студенческого обмена имеют поддержку государственных структур большинства развитых стран.

Вектор эмиграции молодежи Бурятии направлен преимущественно в европейскую часть страны (регионы Центрального федерального округа, в основном Московская область и г. Москва, г. Санкт-Петербург), по регионам Сибирского федерального округа — Новосибирск, Томск, Омск, Красноярск, Иркутск.

В этих городах уже сформированы организованные диаспоры земляков.

В России функционируют:

- Региональная общественная организация «Урчал», в г. Москва.
- Общество бурятской культуры «Ая-ганга» и национально-культурная автономия «Баатар», г. Санкт-Петербург.
- Общество бурятской культуры «Блага», г. Благовещенск.
- Сахалинская РОО «Бурятское землячество «Байкал», г. Южно-Сахалинск.
- «Байкал», г. Мирный,
- «Бурятская община», г. Якутск.
- Областное государственное учреждение «Центр сохранения и развития бурятского этноса», Иркутская область.
- Местная общественная организация «Бурятская национально-культурная автономия «АлтанГэрэл», г. Красноярск.
- Забайкальская региональная общественная организация бурят, г. Чита.
- Национально-культурная бурятская автономия «Байкал», г. Новосибирск.
- Местная национально-культурная автономия г. Томска.
- Община «Байкал», г. Нерюнгри.

Отток самых квалифицированных и мобильных специалистов происходит в страны ближнего и дальнего зарубежья: Украина, Казахстан, Израиль, Германия и др. (отчасти — США, Южная Корея), а также в пограничные страны — Монголия и Китай. Стоимость обучения в Москве и других центральных городах России выше, чем в странах Восточной Европы (Чехия, Польша) и в азиатских странах (Китай, Монголия, Тайвань), где стоимость проживания ниже, условия ком-

фортнее, нет проявлений расизма. Так, в некоторых зарубежных странах сформированы диаспоры выходцев из Республики Бурятия: «Общество бурятской культуры» — Украина; «Фонд развития бурятской культуры и традиций» — Монголия; Европейская ассоциация бурятской культуры и искусства «Гралтан» — Франция; бурятское землячество в Канаде; бурятское культурное общество «Байкал» — Эстония; бурятский культурный центр «Саяны» — Республика Казахстан; «Ассоциация бурятков Испании» — Испания; «Землячество шэнэхэнских бурят из Китайской Народной Республики [1].

В условиях структурной перестройки экономики большую роль играет изучение проблем, связанных с повышением занятости трудоспособного населения, прежде всего — молодежи, как наименее защищенной категории рабочей силы. Ее низкая конкурентоспособность на рынке труда объясняется отсутствием достаточного производственного опыта и необходимого стажа работы по специальности. При этом молодые люди нередко первыми попадают под сокращение при реорганизации предприятий или становятся безработными сразу же после окончания учебного заведения.

На сегодняшний день молодежь характеризуется неустойчивостью жизненных установок, отсутствием производственного стажа и опыта работы и, как следствие, относительно низким профессиональным статусом. Из-за перенасыщенности рынка труда более конкурентоспособными категориями населения молодежь является достаточно выраженной группой риска. В то же время в отличие от других социально уязвимых групп (инвалидов, женщин) молодежь является наиболее перспективной категорией рабочей силы. Еще полностью не сформировавшись как субъект трудовой деятельности, она наиболее восприимчива ко всем изменениям, имеет способность к постоянной смене трудовых функций, огромные возможности профессионального роста, наиболее продолжительный период предстоящей трудовой деятельности.

В условиях рыночных отношений проблема занятости молодежи приобретает новые свойства. С одной стороны, вопросы трудоустройства чрезвычайно значимы для молодых людей, с другой — реализовать свои потребности в профессиональной сфере удастся далеко не каждому.

Проблема трудоустройства заключается в дефиците квалифицированных кадров, деформации профессионально-квалифицированной структуры, низкой мобильности рабочей силы. Сохраняется проблема несбалансированности спроса и предложений на рынке труда и рынке образовательных услуг. Получив специальность, значительная часть молодежи остается невостребованной на рынке труда, другая часть молодых специалистов вынуждена работать не по профессии, постепенно утрачивая полученные знания и навыки.

В Республике Бурятия отмечается дисбаланс в профессиональной пригодности трудового потенциала. С одной стороны, происходит переподготовка специалистов, особенно гуманитарного профиля, с другой — ощущается дефицит высококвалифицированных специалистов в области современных технологий, а также малоквалифицированной рабочей силы [1].

Таблица 2. Количество безработных в Республике Бурятия в 2000–2009 гг. [5, 6]

Год	Безработные		
	Всего, чел.	В том числе в возрасте 16–29 лет, чел.	%
2000	7760	2120	27,3
2001	10882	3148	29,0
2002	8312	1875	22,6
2003	9806	2661	27,1
2004	11803	3175	26,9
2005	14376	4052	28,2
2006	15730	4312	27,4
2007	9290	1432	15,4
2008	9653	2789	28,9
2009	11304	3138	27,8

Рис. 2. Динамика уровня безработицы молодежи в возрасте 16–29 лет (2000–2009 гг.)

В Республике Бурятия высок уровень безработицы среди молодых людей в возрасте 16–26 лет. Среди официально зарегистрированных безработных доля молодежи на протяжении последних 5 лет составляет 35 % и выше.

Высокий уровень безработицы относится к отличительным чертам занятости молодежи: 9,6 % — среди 15–19-летних; 12,4 % — среди 20–24-летних; 23,3 % — среди 25–29-летних при 17,1 % в целом по населению от 15 до 72 лет. В результате, доля молодежи 15–29 лет в составе безработных немного превышает их долю в экономически активном населении.

Безработица — один из наиболее значимых факторов миграции молодежи в силу особой остроты ее негативных последствий.

В первую очередь она мешает обществу развиваться и двигаться вперед с учетом своих потенциальных возможностей, снижаются темпы экономического роста, отстают темпы увеличения валового национального продукта. Недоиспользование производственных возможностей общества поддается прогнозированию. Так, некоторые экономисты считают, что превышение на 1 % реального уровня безработицы над уровнем безработицы при полной занятости ведет к отставанию реального объема валового национального продукта на 2,5 % от потенциального ВВП.

Массовая безработица связана с большими непроизводительными издержками общества. Они проявляются в расходах по социальному страхованию и вспомоществованию, в потерях

государством доходов в виде невыплаченных налогов и взносов на социальное обеспечение.

Непроизводительная растрата человеческих ресурсов ведет к непроизводительной растрате ресурсов финансовых. В случае сокращения уровня безработицы значительную часть этих средств можно было бы направить на производительные цели. Несмотря на условность приведенных расчетов, они дают примерное представление об огромных общественных издержках, которые связаны с массовой безработицей.

Основная тяжесть этих издержек падает на трудящихся, что вызвано прежде всего особенностями финансирования главной статьи расходов, возрастающих во время массовой безработицы — пособий по социальному страхованию [4].

Тем самым система социального страхования, в частности страхования по безработице, является средством перераспределения доходов преимущественно среди самих трудящихся. Иными словами, содержание безработных в конечном итоге оплачивается за счет работающих. Поэтому увеличение числа безработных, а следовательно, и суммы пособий по социальному страхованию ложится дополнительным бременем на семьи занятых.

Помимо чисто экономических издержек нельзя сбрасывать со счетов и значительные социальные и моральные последствия безработицы, ее негативное влияние на общественные ценности и жизненные интересы граждан. Вынужденная бездеятельность значительной массы трудоспособного населения и каждого человека в отдельности ведет к жизненной депрессии, потере квалификации и практических навыков; снижаются моральные устои, растет преступность, теряется самоуважение, распадаются семьи, растет социальная напряженность в обществе, которая характеризуется повышением числа самоубийств, психических и сердечно-сосудистых заболеваний. В конечном итоге подрывается моральное и физическое здоровье общества.

Безработица является одним из факторов, которые затрудняют создание семей. Многие безработные мужчины, лишённые перспективы получения постоянной работы, избегают ответственности, связанной с женитьбой, а женщины отказываются от замужества [3].

Наряду с падением дохода и инфляцией безработица еще и общепризнанный источник стресса. Она ведет к ухудшению здоровья, психиче-

ским сдвигам и алкоголизму. Может возникнуть клиническая депрессия под влиянием чувства уныния, безнадежности и стыда.

При этом выделялись такие симптомы нарушения душевного равновесия, как бессонница, ускоренная потеря веса или его увеличение, суицидальный синдром (мания самоубийства), эмоциональные взрывы или вспышки насилия, усиление (по сравнению с обычным) потребления табака и алкоголя. Таким образом, сдвиги в социально-психологическом состоянии безработных нередко приводят к болезням, связанным с психическим расстройством. Среди заболеваний, особенно распространенных среди безработных, отмечались астма, кожные заболевания (псориаз и др.), боли в пояснице и головные боли.

Увеличение уровня безработицы вызывает рост смертности населения на 2 %, в том числе от сердечно-сосудистых заболеваний и цирроза печени — на 2 %, самоубийств — на 4 % и др.; кроме того, количество обращений в психиатрические лечебницы возрастает на 3,4 %.

Потеря работы и продолжительные безрезультатные попытки трудоустройства служат причиной глубокой психологической травмы, вызывают у безработных устойчивую напряженность.

Значительная часть молодежи обнаруживает, что для нее «дверь к хорошей жизни накрепко закрыта», все более отчетливо сознает свою ненужность обществу, которое не может обеспечить ее достойного места. Отсюда — глубокое разочарование в таком обществе, ведущее к отрицанию его основополагающих ценностей. «Социальная отчужденность» безработной молодежи по-разному сказывается на ее поведении. Прежде всего, безработную молодежь пытаются использовать в своих интересах различные террористические группировки, религиозные секты, и не всегда безуспешно. Огромная безработица, особенно среди молодежи — питательная среда для политических агитаций и реакции.

Массовая хроническая безработица, настроения отчаяния и безысходности создают благоприятные условия для распространения расизма и шовинизма среди безработных, в том числе молодых, для натравливания безработных против этнических и расовых меньшинств [2].

Конечно, связь между безработицей и преступностью не однозначна, подавляющее большинство безработных не становятся на путь на-

рушения закона, не рассматривают преступление как средство решения своих жизненных проблем. Но бесспорно, что увеличение безработицы является нередко питательной средой и для распространения преступности.

Отрицательное воздействие массовой безработицы на жизненный уровень трудящихся проявляется особенно отчетливо через динамику их заработной платы. Массовая безработица существенно затрудняет деятельность профсоюзов по защите интересов трудящихся. Прежде всего она зачастую пагубно влияет на настроения и позиции занятых на производстве. Постоянный страх потерять работу, распространенный в той или иной степени среди всех трудящихся, нередко вызывает стресс, что негативно сказывается на их моральном состоянии и здоровье. Правда, усиление стресса у занятых далеко не всегда отражается соответствующим образом на статистике заболеваний.

Как правило, основная часть безработных лишена возможности профессиональной переподготовки и переквалификации. Поэтому многие безработные вынуждены соглашаться на любую, в том числе нижеоплачиваемую работу, связанную с худшими условиями труда и более низким профессиональным положением. При этом выявляется определенная закономерность: чем более продолжительна безработица, тем выше готовность согласиться на любую работу.

Снижение уровня требований безработных к условиям труда, его оплате, увеличение числа людей, согласных практически на любую работу, ухудшают условия продажи рабочей силы, отрицательно сказываются на материальном положении трудящихся, занятых в общественном производстве.

Для вчерашних выпускников проблема трудоустройства является значимой: практически для каждого работодателя желательно, чтобы кандидат на рабочее место имел уже опыт и стаж работы по специальности.

Не менее важным фактором миграции молодежи является желание решить жилищные проблемы.

Жилищное обеспечение является одной из наиболее острых проблем, которая встает перед молодежью и обществом. Несмотря на модернизацию и реформирование жилищно-коммунального хозяйства, проблемы, вызванные старением жилого фонда и неразвитостью форм

найма жилья, провоцируют рост цен и арендной платы за жилье. Процентные ставки по ипотечным кредитам остаются недоступными для молодых людей. В связи с этим заслуживает внимания реализация приоритетного национального проекта «жилье», в рамках которого были бы предусмотрены жилищные субсидии для молодых семей. Однако, чтобы встать в очередь на получение жилья, молодой семье или специалисту по Федеральной целевой программе «Жилище» нужно оформить множество справок (около 10) от разных ведомств, к тому же сама очередь движется медленно, много бюрократических проволочек. Количество семей, ежегодно получающих субсидию, зависит от финансирования подпрограммы из федерального, республиканского и местного бюджетов [6].

Обеспечение жильем молодых семей — одна из центральных проблем молодежной политики. От ее решения во многом зависят и должное выполнение воспитательных функций в семье, и рост общественной активности молодежи, и улучшение демографической ситуации в стране.

В странах Запада в связи со стабильной экономикой приобрести жилье намного доступнее, чем в России. Например, частный двухэтажный дом с гаражом и задним двориком на Западе примерно сравним по стоимости с двухкомнатной квартирой на окраине Москвы.

В России хорошо зарабатывающий специалист не всегда может приобрести жилье, это при том, что за рубежом недвижимость нередко в разы дешевле, чем в России, и нет проблем с арендой квартир. Там принято снимать квартиру, и это не менее удобно, чем ее купить.

Миграционные процессы оказывают различное влияние на экономику, социальную сферу и внутривнутриполитическое положение как принимающих стран, так и стран-доноров. Баланс позитивных и негативных последствий обуславливается конкретными внутренними условиями каждой страны, ее положением в мировой экономике и международными отношениями.

На современном рынке труда наблюдается перенасыщенность представителей юриспруденции, экономики, социального развития. В то же время имеет место нехватка профессиональных рабочих кадров. Это связано с профессиональной ориентацией молодежи. Проблема трудоустройства заключается в дефиците квалифицированных кадров, деформации профессионально-

квалифицированной структуры, низкой мобильности рабочей силы. Сохраняется проблема несбалансированности спроса и предложений на рынке труда и рынке образовательных услуг, вы-

ходящая за рамки компетенции муниципального образования. Таким образом, создаются предпосылки к возникновению миграционных предпочтений у молодежи.

Таблица 3. Количество молодых семей в Республике Бурятия, состоящих на учете для получения жилой площади в органах местного самоуправления и получивших ее [5]

Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
В очереди на жилье	785	898	1144	1399	1632	1464	1257	1969	3404	4557
Получившие жилплощадь	66	91	118	149	83	16	93	371	348	208

Рис. 3

Миграция специалистов имеет отличные от миграции неквалифицированных рабочих последствия для стран. Миграция неквалифицированных рабочих достаточно благоприятна для страны, региона-донора, т.к. в первую очередь позволяет снизить уровень безработицы, освобождая рабочие места, исчезает напряженность на местном рынке труда. К тому же эмигранты улучшают не только жизненные условия для себя и своей семьи, но и облегчают нагрузку на бюджет и связанные с ней социальные издержки и расходы.

При эмиграции квалифицированных рабочих и инженерно-технического персонала, ученых и специалистов страна, регион-донор оказываются в большом проигрыше. Теряются все капитальные затраты на подготовку этих кадров, рынок теряет самые «соки» рабочей силы, интеллектуальную элиту, творческий потенциал которой служил первоосновой и залогом развития экономики в условиях НТР. Таким образом, страна, регион-донор ухудшают свое сегодняшнее положение, теряют перспективы развития. Соответственно все потери страны, региона-донора оборачиваются выигрышем для другой страны: экономия на переподго-

товку и обучение иностранных специалистов. Таким образом, вследствие эмиграции квалифицированных специалистов снижается экономическая привлекательность регионов-доноров, теряющих работоспособную и грамотную рабочую силу, трудовые ресурсы в наиболее трудоспособном возрасте, происходит старение рабочей силы, опустынивание территории, не оправдывают себя затраты на образование и подготовку специалистов; происходит так называемая «утечка мозгов». В геополитическом плане — ослабление восточных территорий России и перенаселение западных. Это только наиболее заметные социально-экономические последствия эмиграции.

Однако миграция квалифицированных специалистов имеет и ряд положительных последствий: например, если ученые или специалисты из развивающихся стран, регионов, повысив свою квалификацию и поработав в других развитых странах, регионах, вернулись на родину, положив начало научным школам и направлениям, получили образование и поправили материальное положение, т.е. принесли в свои страны, регионы новые знания, квалификацию, достаток своим

семьям. Несомненным является и такое позитивное последствие, как доходы от эмиграции, т.е. денежные переводы эмигрантов в свои страны, регионы оказывают позитивное воздействие на сокращение бедности.

Миграцию, в том числе и возвратную, трудно регулировать. Но можно и нужно прогнозировать последствия миграции для страны, региона и для самих участников миграционного процесса. Это возможно на основе изучения ее причин, направлений миграционных потоков, экономических, социальных и других последствий. Миграционные потоки невозможно перекрыть, запретить. Их можно только с тем или иным успехом регулировать.

Проблемы миграции можно и нужно прогнозировать для страны, региона и для самих участников миграционного процесса.

Таким образом, в Республике Бурятия сложилась устойчивая миграционная убыль, которая является основной причиной сокращения численности постоянного населения. Происходит отток населения из районов столицы республики в другие регионы и страны, что усиливает неравномерность размещения населения на территории республики. В результате миграционной активности населения меняются не в лучшую сторону состав и структура населения, выезжают лица в трудоспособном возрасте, которые наиболее мобильны и здоровы, обладают профессионально-квалификационными качествами. Меняется национальный состав Бурятии, увеличиваются на-

грузка на лиц моложе и старше трудоспособного возраста, углубляется процесс старения населения. Активная миграция среди молодежи влияет и на уровень рождаемости в республике. В связи с этим возрастает значимость сохраняющегося естественного прироста населения республики, который, однако, не замешает миграционную убыль населения.

Список литературы

1. Болотова С.В. Миграция молодежи в РБ // Материалы Междунар. конф. «Проблемы народонаселения России». 2009. Улан-Удэ. С. 115–118.
2. Дмитриев А.В. Миграция. Конфликт, безопасность, сотрудничество: монография. М.: РГСУ, 2009. 354 с.
3. *Мигранты* и принимающее сообщество: ценности толерантности через университет: сб. программ учебных курсов / Исслед. центр «Внутрен. Азия», Межрегион. ин-т обществ. наук при Иркут. гос. ун-те ; гл. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2009. 193 с.
4. *Трудовая* миграция населения и ее влияние на формирование современного рынка труда. Брянск: Дельта, 2007. 177 с.
5. Статистические данные ФСГС ГС по РБ (Бурстат).
6. Молодежь Бурятии: стат. сб. Улан-Удэ, 2008. 38 с.
7. Молодежь Бурятии: стат. сб. Улан-Удэ, 2011. 45 с.

FACTORS OF YOUTH EMIGRATION IN BURYAT REPUBLIC

Svetlana V. Bolotova

*Baikal Institute of Nature Management, Siberian Branch of RAS;
6, Sakhyanova str., Ulan-Ude, 670047, Republic of Buryatia, Russia*

This article analyzes the factors of emigration of young people of the Republic of Buryatia. Migration streams and the effects of migration flows are considered.

Key words: migration of young people; the factors of migration; migration streams; the labor market; unemployment; living standards.

УДК 314.7

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.В. Ляпанов

Дается общая характеристика миграционной ситуации в России, анализируется внутренняя и международная миграции, затрагивается проблема вынужденных переселенцев и беженцев. Прослеживается влияние миграции на демографию и экономику. Рассматриваются различные мнения относительно миграционной политики в современной России. Анализируется развитие законодательной базы миграционной политики, в частности Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 г.

Ключевые слова: демография; миграция; эмиграция; иммиграция; внутрироссийская миграция; международная миграция; беженцы.

Миграционная политика — это система принципов, целей и действий, с помощью которых государство регулирует потоки переселенцев. Она является составляющей государственной политики, так как ее субъектами выступают исключительно органы государственной власти. В вопросе реализации миграционной политики к государственным органам могут быть добавлены органы местного самоуправления, однако они, во-первых, только реализуют, а не формируют миграционную политику, а во-вторых, также являются органами публичной власти и в этом смысле скорее подтверждают выдвинутый тезис, чем опровергают его.

Сегодня в науке сложились две точки зрения относительно миграционной политики. Сторонники первой (А.Г. Вишнеvский, Ж.А. Зайончковская, В.И. Мукомель) доказывают неизбежность массовой миграции в силу демографической нагрузки на экономику (обвал ресурсной составляющей рынка труда) [5, с. 67].

Сторонники второй точки зрения (Д. Валентей, Н. Слепцов, А. Дмитриев) делают акцент на негативных политических и социокультурных последствиях миграции, предполагая, что Российская Федерация должна сохранять сложившийся этноконфессиональный состав населения [1, с. 70].

Истина, как всегда, где-то посередине. Миграционная политика должна, с одной стороны, уменьшать негативные последствия миграции, с

другой — раскрывать конструктивный потенциал притока переселенцев.

Актуальность миграционной тематики обусловлена рядом факторов. Во-первых, демографическая ситуация в стране требует возмещения естественной убыли населения в основном за счет приема иммигрантов. Во-вторых, иммигранты готовы восполнить нехватку рабочих рук, особенно в малопрестижных профессиях. В-третьих, уровень жизни в России является достаточно высоким по сравнению с большинством стран СНГ и некоторыми другими соседними государствами, что служит побудительным фактором для мигрантов. В-четвертых, в последнее время возрос приток мигрантов различных категорий из зарубежных стран в Российскую Федерацию, что, в свою очередь также вызывает ряд проблем.

К числу перечисленных факторов можно добавить последствия не вполне адекватной миграционной политики в России:

1) значительное преобладание нелегальной иммиграции над легальной, что свидетельствует о потере государством контроля над положением в миграционной сфере и является прямой угрозой национальной безопасности России;

2) формирование крупного сегмента теневой экономики, контролируемого мигрантами, что наносит значительный ущерб экономическим интересам России и ее граждан;

3) рост миграции, особенно нелегальной, из зарубежных стран, способствующий постоянному ухудшению криминогенной обстановки во мно-

гих регионах России, что создает угрозу жизни, здоровью и имуществу граждан, правам человека и гражданина, авторитету государства;

4) неуправляемые миграционные процессы в ряде регионов России формируют атмосферу со-

циальной напряженности, часто приобретающей этническую окраску и перерастающей в острые конфликты [6].

Таблица 1. Общая характеристика миграционной ситуации в Российской Федерации в 2010 г.

Характеристика миграции	Кол-во мигрантов, чел.
Прибывшие	2 102 304
Выбывшие	1 944 225
Миграционный прирост	158 079
В том числе в пределах России:	
– прибывшие	1 910 648
– выбывшие	1 910 648
Миграционный прирост	–
<i>Международная миграция</i>	
Прибывшие	191 656
Выбывшие	33 577
Миграционный прирост	158 079
В том числе:	
<i>с государствами-участниками СНГ:</i>	
– прибывшие	171 940
– выбывшие	21 205
Миграционный прирост	150 735
<i>со странами дальнего зарубежья:</i>	
– прибывшие	19 716
– выбывшие	12 372
Миграционный прирост	7 344

В настоящий момент Правительство РФ признает наличие негативных последствий проводимой миграционной политики. Более того, декларируется готовность предпринять меры по их устранению. Однако, по мнению большинства авторов, целостная концепция и тем более стратегия государственной миграционной политики в современной России, к сожалению, отсутствуют.

Прежде чем говорить о каких-либо концептуальных и стратегических моментах миграционной политики, следует проанализировать современную ситуацию в данной сфере.

На 1999–2005 гг. пришлась так называемая демографическая яма — период самой большой убыли населения, которая не могла компенсироваться даже за счет миграции. Увеличение миграционного прироста наблюдается с 2006 г. (рис. 1).

По официальным статистическим данным в 2010 г. миграционный прирост на 65,5 % компенсировал численные потери населения (в 2009 г. миграционный прирост полностью компенсировал численные потери населения и превысил их на 4,2 %).

Внутренние миграции населения являются доминирующим компонентом в миграционных процессах регионов страны, их объемы и направления оказывают заметное влияние на перераспределение численности населения субъектов Российской Федерации. Передвижения внутри страны, связанные со сменой места жительства, в общем миграционном обороте в 2010 г. составляли 91 % против 85 % в 2009 г. (рис. 2).

По данным текущего учета за 2003–2010 гг. во внутрисубъектных миграциях участвовало почти 17 млн чел., или каждый девятый житель России.

В 2001–2010 гг. передвижения внутри страны практически стабилизировались на уровне 1,9–2 млн чел. Спад произошел в 2009 г., когда число мигрантов, сменивших место жительства в пределах страны, сократилось по сравнению с 2008 г. на 227 тыс. чел. и составило 1,7 млн чел.

Во внутренних миграциях поток ориентирован с севера и востока в центр. В отличие от прошлого межпереписного периода, когда привлекательными для жителей России были также юго-

западные территории, в последние 8 лет положительный миграционный прирост сложился в Северо-Западном федеральном округе. Два округа образуют миграционные полюса — Центр, который стягивает население со всей территории страны, и Дальний Восток, который во все регионы население отдает. В 2003–2009 гг. на Центральный округ приходилось 86 % населения, пе-

рераспределенного между округами. При этом практически весь положительный миграционный прирост, получаемый округом во внутрироссийских миграциях, аккумулируют Москва и Московская область (93 %). Сибирь и Дальний Восток потеряли более 350 тыс. своих жителей, что составляет более половины (52 %) перераспределенного между округами населения.

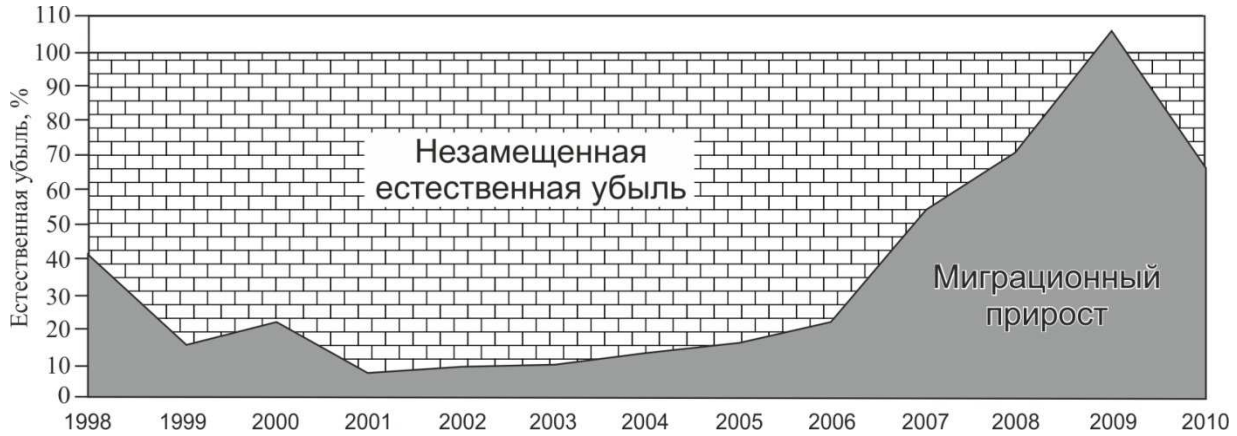

Рис. 1. Замещение естественной убыли населения миграционным приростом

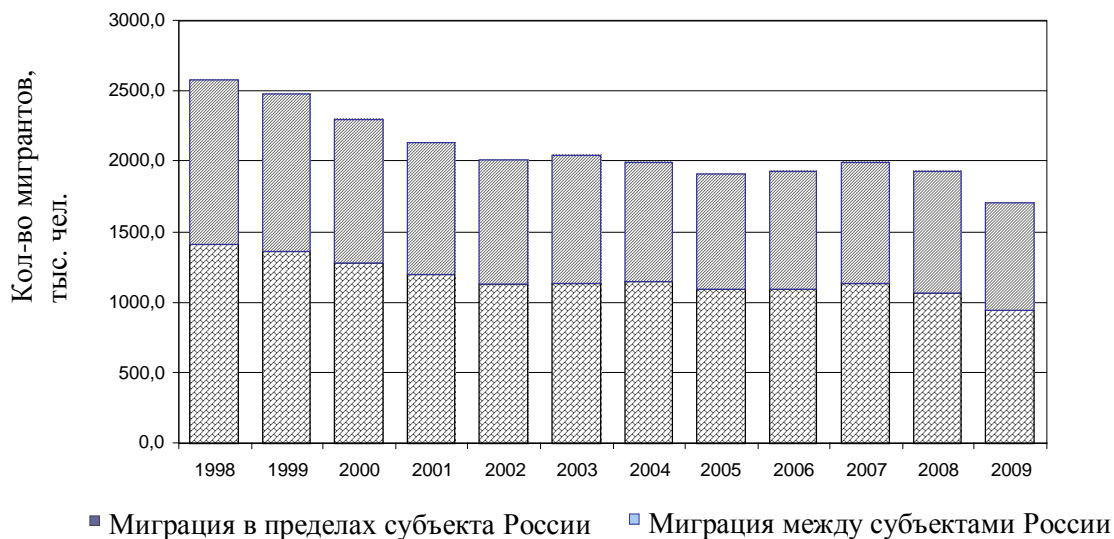

Рис. 2. Внутрироссийская миграция

Внешняя миграция в 2010 г. составляла всего 9 % от общего миграционного оборота против 15 % в 2009 г., однако именно она оказывает влияние на изменение численности населения России в целом.

На учитываемых статистикой объемах международной миграции в большой степени сказываются изменения в законодательстве. В частности, резкое сокращение числа прибывших в

2001 г., по-видимому, объясняется введенными ограничениями приема граждан из стран СНГ. В последующие годы в статистический учет попадали все граждане России, прибывшие на постоянное жительство из-за пределов страны, и иностранные граждане и лица без гражданства, получившие вид на жительство (рис. 3).

Такая ситуация привела к минимизации потоков учитываемых иммигрантов — в 2004 г. их

численность была наименьшей за последние 50 лет. С начала 2007 г. в статистический учет попадают иностранные граждане и лица без гражданства, впервые получившие разрешение на временное проживание. В результате число иммигрантов увеличилось более чем на 100 тыс. человек, или на 54 %. При этом в 1,5 раза возросли

потоки как из стран — участниц СНГ, так и из стран дальнего зарубежья.

Среди всех иммигрантов в 2009 г. около 93 % (261,5 тыс. чел.) составляли бывшие жители стран — участниц СНГ, из них почти половина — выходцы из Украины, Узбекистана и Казахстана (соответственно 45,9, 42,5 и 38,8 тыс. чел.) (рис. 4).

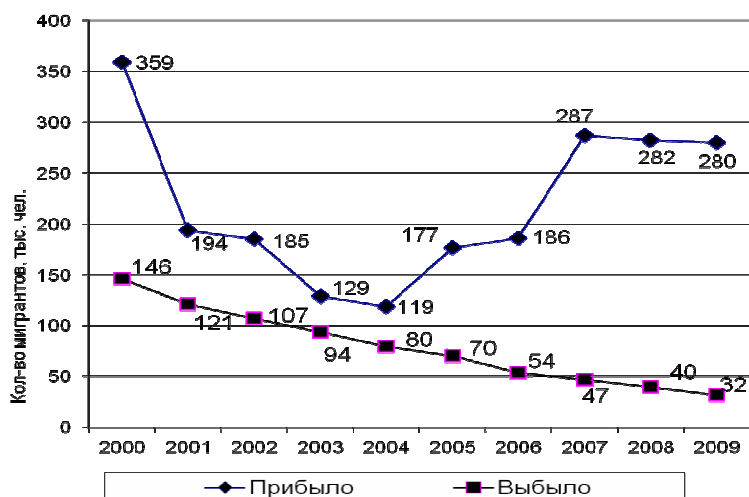

Рис. 3. Международная миграция

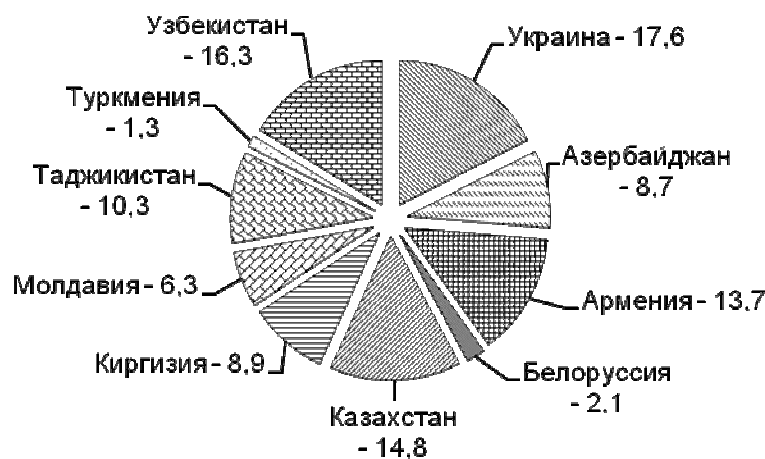

Рис. 4. Удельный вес иммигрантов из стран — участниц СНГ по странам прежнего проживания, %

Наиболее привлекательными для таких иммигрантов в 2009 г. стали Сибирский и Дальневосточный федеральные округа. Среди прибывших из-за пределов России на постоянное место жительства в регионы этих округов — 99 % выходцы из стран — участниц СНГ. Северо-Кавказский и Южный федеральные округа наиболее привлекательны для иммигрантов из дальнего зарубе-

жья, где их доля составляет соответственно 12,6 % и 7,8 %. При этом следует учитывать, что существенный поток иммигрантов в эти федеральные округа составляют прибывшие из Грузии, которая с августа 2009 г. не является членом Содружества Независимых Государств.

Ученная эмиграция на протяжении двух десятилетий ежегодно уменьшается. При этом ее

структура по странам предполагаемого проживания существенно меняется. В начале 1990-х гг. число выбывших в страны — участницы СНГ превышало число выбывших в страны дальнего

зарубежья в 3–5 раз, в 2001–2005 гг. их численность была практически одинаковой, начиная с 2006 г. эмигрантов в страны СНГ стало в 2 раза больше, чем в другие зарубежные страны (рис. 5).

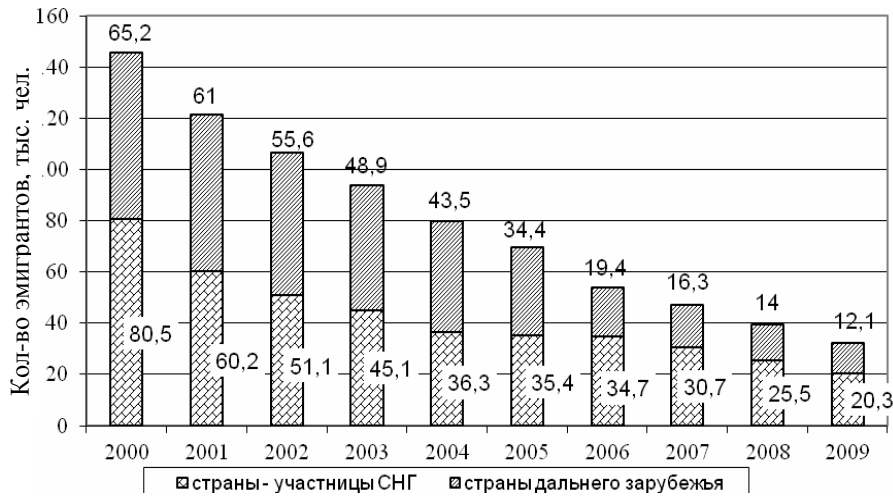

Рис. 5. Учетная эмиграция

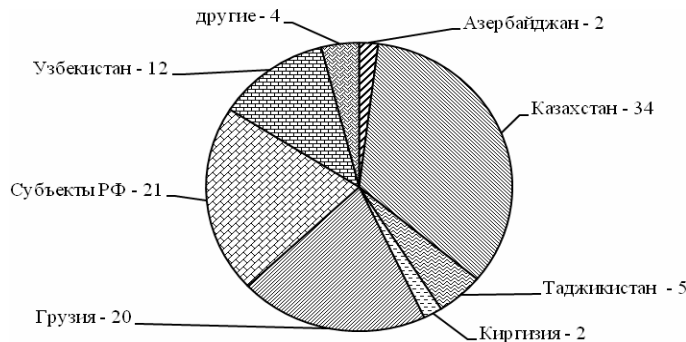

Рис. 6. Удельный вес вынужденных переселенцев и беженцев по странам прежнего проживания на 1 января 2011 г. (с начала регистрации), % к общему числу вынужденных мигрантов

Рассмотрим формирование нормативно-правовой основы миграционной политики в Российской Федерации.

В 1992 г. Россия присоединилась к международной Конвенции о статусе беженцев (1951 г.) и Протоколу о статусе беженцев (1967 г.). На основе либеральной доктрины было принято постановление Правительства РФ от 3 марта 1992 г. № 135 «О мерах по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам». В нем разрешалась регистрация беженцев и вынужденных переселенцев «на жилой площади родных и знакомых, при их согласии, независимо от ее размеров», а также прием на учет «нуждающихся в улучшении жилищных условий без учета времени проживания на данной территории». Нормативный акт

отменял институт прописки для избранного круга лиц, но не предоставлял регионам и местностям финансов для обеспечения новоселов. Социальные последствия для принимающих сообществ, очевидно, не прогнозировались (например, население Северной Осетии и Ингушетии почти удвоилось за счет переселенцев). И наконец, 19 февраля 1993 г. был принят Федеральный закон № 4528-1 «О беженцах» [7], определявший основания и порядок признания беженцем на территории Российской Федерации, установил экономические, социальные и правовые гарантии защиты прав и законных интересов беженцев в соответствии с Конституцией РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права и

международными договорами Российской Федерации.

После развала СССР проблема беженцев стала особенно актуальной, не потеряла она своей актуальности и сегодня. В 2010 г. в территориальных органах ФМС России статус вынужденного переселенца или беженца получили 2 135 человек (в 2009 г. — 4 092 человека). Удельный вес зарегистрированных вынужденных иммигрантов в общей численности прибывших из-за пределов Российской Федерации составил 0,14 % (рис. 6).

По данным ФМС России на 1 января 2011 г. в стране насчитывалось 50,3 тыс. вынужденных переселенцев и беженцев. Более 34 % из них (17,3 тыс.) составляли бывшие жители Казахстана, 20 % (9,9 тыс.) — Грузии, 12 % (6,2 тыс.) — Узбекистана, 5 % (2,6 тыс.) — Таджикистана. Почти 10,5 тыс. человек (21 %) переселились внутри России из регионов с нестабильной общественно-политической обстановкой. Процесс расселения вынужденных мигрантов идет по всем субъектам Российской Федерации. Наибольшее число вынужденных переселенцев и беженцев выбирали новым местом жительства Республику Северная Осетия — Алания (10,1 тыс. человек), 6,5 тыс. — Республику Ингушетию, 2,5 тыс. — Белгородскую область, от 1,8 тыс. до 1,1 тыс. — Самарскую и Оренбургскую области, Краснодарский, Ставропольский и Алтайский края.

18 мая 1992 г. Правительство РФ приняло программу «Миграция», впервые сформулировав принципы миграционной политики:

- свобода выбора беженцами и вынужденными переселенцами места жительства и видов работы;
- запрет высылки данных лиц в страны, откуда они прибыли в Россию;
- недопустимость дискриминации по признакам расы, вероисповедания, гражданства, этничности, социальной группы, политических взглядов и т.п.;
- гарантии прав и свобод, равенство прав с гражданами принимающего государства;
- безусловное соблюдение беженцами законов принимающей страны;
- недопустимость создания привилегий беженцам сравнительно с местными жителями;
- непосредственное личное участие беженцев в обустройстве своей жизни;
- межгосударственная координация помощи данным лицам;

– государственная поддержка занятости и предоставления жилья данным лицам.

Анализ действующего российского законодательства по вопросам миграции подтверждает, что наиболее ранним и во многом «рамочным» актом стал Закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [9].

Наиболее же системный характер имела Федеральная миграционная программа (далее ФМП), утвержденная указом Президента РФ от 9 августа 1994 г. № 1668 [11]. На ее основе затем была принята аналогичная программа на 1998–2000 гг.

ФМП определяла основные понятия и термины миграционной политики: миграцию, ее типы и причины; устанавливала субъектов вынужденной, внутренней и незаконной миграции; уточняла статус лица, в отношении которого применяются ограничения на право въезда и пребывания в Российскую Федерацию.

ФМП определила основную цель миграционной политики как регулирование миграционных потоков; преодоление негативных последствий стихийных процессов миграции; создание условий для беспрепятственной реализации прав мигрантов; обеспечение гуманного отношения к лицам, ищущим убежища в РФ.

Основные задачи миграционной политики:

- защита прав и интересов мигрантов;
 - развитие системы иммиграционного контроля;
 - соблюдение государственных интересов при разработке и реализации миграционной политики;
 - регулирование миграционных потоков с учетом социально-экономического развития и экологической обстановки в регионах, национальной совместимости, специфики психологии мигрантов и климатических особенностей мест расселения;
 - создание условий для приема и размещения мигрантов, стимулирующих их активное участие в адаптации к существующему социально-экономическому положению.
- Миграционная политика основывается на следующих принципах:
- стимулирование рационального территориального распределения потоков вынужденных переселенцев;

- недопустимость дискриминации мигрантов;
- личное участие вынужденных переселенцев в обустройстве на новом месте жительства при государственной поддержке;

- квотирование ежегодного приема беженцев и предоставления временного убежища;

- запрет высылки или принудительного возвращения беженцев в страны, откуда они прибыли, кроме случаев, предусмотренных законодательными актами или международными договорами РФ.

Данная ФМП поставила задачу определить формы взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и органов субъектов РФ, круг их обязанностей и степень ответственности за решение проблем миграции.

Позже, уже на основе Конституции РФ 1993 г., был принят Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [8]. Последующие десять лет правовое регулирование внешней миграции проводилось в основном на основе двусторонних договоров. Кроме того, Российская Федерация ратифицировала многосторонние международные соглашения по вопросам миграции [10].

Первого марта 2003 г. распоряжением Правительства РФ № 256-р была утверждена Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации [4]. Однако, во-первых, данный документ не имеет высшей юридической силы, так как исходит от органа исполнительной власти, во-вторых, он морально и содержательно устарел.

В целом же, как отмечает К.П. Кондрашина, российская миграционная политика прошла в своем развитии три этапа. В 1990-е гг. она была направлена на обеспечение вынужденной миграции лиц, оказавшихся в тяжелом положении в результате распада СССР и сопутствовавших этому вооруженных конфликтов. С 2002 г. основной задачей стал контроль за миграционными процессами и предотвращение незаконной миграции. Наконец, начиная с 2006 г. отмечается некоторая либерализация регулирования, в частности, трудовой миграции: отменена регистрация, введен миграционный учет, привлекаются добровольные мигранты (соотечественники) [2, с. 25].

Современная миграционная политика Российского государства имеет двойственный характер. С одной стороны, ей свойственно противодействие как внутренней, так и внешней нежелатель-

ной миграции, с другой, желание оказать содействие, а в некоторых случаях — поощрение необходимой (желаемой) миграции.

Качественное отличие условий формирования и реализации миграционной политики в настоящее время по сравнению, например, с эпохой СССР состоит в глобальном характере миграционных отношений, проистекающем из общего явления глобализации. Последняя характеризуется как интернационализация общественных отношений, нарастание общего в мировых системах: экономической, политической, культурной и прочих. Проявлениями глобализации являются: совместное регулирование международным и национальным правом некоторых областей внутригосударственной жизни (в том числе миграционных отношений); формирование глобальных финансовых рынков, усиление транснациональных корпораций, расширение круга полномочий международных организаций (ВТО, ЕС), расширение числа международных проблем (к которым относится и пресечение нелегальной миграции).

Серьезное влияние на миграционную политику оказывает и экономическая регионализация, под которой понимается глобализация в ограниченных масштабах, охватывающая группу стран, имеющих общие экономические, культурно-цивилизационные, политические и военные интересы и общее географическое местоположение. Степень консолидации региональных объединений различна, но общими чертами являются внутриблочная либерализация, облегчение условий торговли и инвестиций, а также упрощение миграционных процедур.

Одной из особенностей, которую привносит в миграционную ситуацию взаимодействие глобализации и регионализации, выступает столкновение тенденций внутренней и внешней миграции в различных регионах одного и того же крупного государства, например, на Дальнем Востоке России, где наблюдается тесное взаимодействие внутренней миграции (выраженной в оттоке российского населения в центральные регионы страны) и внешней — приток мигрантов необходим для поддержания функционирования хозяйственного комплекса региона, а также неизбежен в силу опустения пригодных для проживания территорий. В связи с угрожающим российской экономике дефицитом рабочей силы некоторые ответственные специалисты предложили широко использовать китайскую рабочую силу и ввести в России либеральный иммиграционный режим.

Многие, напротив, считают, что массовый въезд в Россию китайских мигрантов нецелесообразен.

Вместе с тем следует признать, что Россия нуждается в иммиграционной политике, учитывающей специфику регионов. Слишком уж велики, в том числе экономические, различия между европейской частью России, Сибирью и Дальним Востоком.

Относительно недавно был исправлен один из серьезных недостатков миграционной политики России, который заключался в отсутствии ее нормативно закреплённой концепции. 13 июня 2012 г. Президентом РФ была утверждена Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [3].

В основу Концепции положен тот факт, что миграционные процессы играют значимую роль в социально-экономическом и демографическом развитии Российской Федерации.

Целями государственной миграционной политики Российской Федерации являются:

а) обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, максимальная защищённость, комфортность и благополучие населения Российской Федерации;

б) стабилизация и увеличение численности постоянного населения Российской Федерации;

в) содействие обеспечению потребности экономики Российской Федерации в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности ее отраслей.

В Концепции подробно прописаны основные направления государственной миграционной политики Российской Федерации в области создания для соотечественников, проживающих за рубежом, эмигрантов и отдельных категорий иностранных граждан условий и стимулов для переселения в Российскую Федерацию на постоянное место жительства; в области разработки дифференцированных механизмов привлечения, отбора и использования иностранной рабочей силы, востребованной российской экономикой; в области содействия развитию внутренней миграции граждан Российской Федерации; в области содействия образовательной (учебной) миграции в Российскую Федерацию и поддержки академической мобильности; в области выполнения гуманитарных обязательств в отношении вынужденных мигрантов; в области содействия адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и при-

нимающим сообществом; в области противодействия незаконной миграции.

Реализовывать государственную миграционную политику Российской Федерации предполагается в три этапа.

Первый этап (2012–2015 гг.):

– разработка и принятие нормативных правовых актов Российской Федерации, обеспечивающих реализацию целей, задач и основных направлений государственной миграционной политики Российской Федерации;

– разработка и апробация программ в рамках реализации основных направлений государственной миграционной политики Российской Федерации;

– создание центров содействия иммиграции в Российскую Федерацию и медицинского освидетельствования иммигрантов, в том числе за рубежом;

– создание инфраструктуры для проживания трудовых мигрантов на основе государственно-частного партнерства;

– создание инфраструктуры для интеграции и адаптации трудовых мигрантов, включая центры информационной и правовой поддержки, курсы изучения языка, истории и культуры Российской Федерации;

– проведение выборочных исследований, включающих вопросы внутренней и международной миграции.

Второй этап (2016–2020 гг.):

– принятие программ в рамках реализации основных направлений государственной миграционной политики Российской Федерации;

– реализация и мониторинг принятых программ в рамках осуществления основных направлений государственной миграционной политики Российской Федерации;

– обобщение и анализ правоприменительной практики принятых нормативных правовых актов Российской Федерации, обеспечивающих реализацию целей, задач и основных направлений государственной миграционной политики Российской Федерации;

– расширение использования информационных технологий для анализа миграционной ситуации и обеспечения государственной миграционной политики Российской Федерации, в том числе уточнение программы статистических и аналитических работ в области внутренней и международной миграции.

По итогам реализации второго этапа предполагается к 2021 г. приостановить миграционный отток населения из районов Сибири и Дальнего Востока.

Третий этап (2021–2025 гг.):

– оценка эффективности принятых программ в рамках реализации основных направлений государственной миграционной политики Российской Федерации;

– уточнение основных стратегических ориентиров, приоритетов и основных направлений реализации государственной миграционной политики Российской Федерации и корректировка соответствующих программ.

По итогам реализации третьего этапа предполагается к 2026 г. обеспечить миграционный приток населения в районы Сибири и Дальнего Востока.

На данный момент сложно делать обоснованные выводы о эффективности предложенных мероприятий. Выскажем надежду на то, что принятие подобного программного документа будет способствовать стабилизации и органическому развитию не только миграционной политики, но и других связанных с ней сфер общественной жизни.

Список литературы

1. *Дмитриев А.В.* Миграция: конфликтное измерение. М.: Альфа-М, 2007. 416 с.
2. *Кондрашина К.П.* Некоторые проблемы административно-правового регулирования в сфере миграционной политики России // *Право и политика.* 2007. № 6. С. 20–32.
3. *Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года* (утв. Президентом РФ 13 июня 2012 г.) // *Ваше право. Миграция.* 2012 г. № 13.
4. *Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации.* Распоряжение Правительства РФ от 1 марта 2003 г. № 256-р // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2003. № 10. Ст. 923.
5. *Лукьянова А.Ю.* Социальный контекст миграционной политики России // *Демографическое будущее России: проблемы и пути решения.* М., 2008. С. 65–72.
6. *Ляпанов А.В.* Социальная политика современной России: теория и практика. Владимир: ВИТ-принт, 2012. 156 с.
7. *О беженцах:* Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 // *Ведомости Съезда нар. депутатов Рос. Федерации и Верхов. Совета Рос. Федерации.* 1993. № 12. Ст. 425.
8. *О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию:* Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ // *Рос. газ.* 1996. 22 авг.
9. *О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации:* Закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 // *Рос. газ.* 2006. 27 июля.
10. *Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией* (Москва, 6 марта 1998 г.); *Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности* (Палермо, 12 декабря 2000 г.) // *Бюл. междунар. договоров.* 2005. № 2.
11. *Федеральная миграционная программа:* Указ Президента РФ от 9 августа 1994 г. № 1668 // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 1994. № 18. Ст. 2065.

PROBLEMS OF MIGRATION POLICY IN MODERN RUSSIA

Artem V. Lyapanov

Vladimir Institute of Law FSIN Russia; 67-e, Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia

Provides an overview of the migration situation in Russia, analysis of internal and international migration, touches upon the problem of internally displaced persons and refugees. Shows the influence of migration on the demography and economics. Considers the different views on the migration policy in modern Russia. Analyzes the development of the legislative framework of migration policy, in particular, the Concept of the state migration policy of the Russian Federation up to 2025.

Key words: demography, migration, emigration, immigration, domestic migration, international migration, refugees.

УДК 070:004.738.5

СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ: К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЛЕГОМЕНОВ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

(Окончание. Начало в предыдущем выпуске)

М.Г. Шилина

Российские практики связей с общественностью (СО) требуют адекватной научной рефлексии, формирования комплексного подхода в исследованиях с целью формирования парадигм научного знания в данной сфере. Результаты проведенного исследования позволяют дефиницировать основные понятия, сформировать основные положения научного знания о СО, выявить научный потенциал данного направления исследований.

Ключевые слова: социальная профессиональная коммуникация; связи с общественностью; научное знание; методология; системно-функциональный подход; понятийно-категориальный аппарат; Интернет; субъект-субъектная коммуникация.

Сущность деятельности связей с общественностью в новейший период

Связи с общественностью в России в настоящее время находятся на стадии формирования. Результаты первого комплексного исследования отечественных институциональных СО, проведенного Ассоциацией компаний-консультантов по связям с общественностью (АКОС) в 2007 г., позволяют выделить ряд характеристик данной сферы: внешние (небольшой объем, неширокое распространение СО, отсутствие современных видов деятельности вследствие их невостребованности), субъектные (у заказчиков — непонимание значимости связей с общественностью, отсутствие стабильных долгосрочных планов; у специалистов — отсутствие адекватной теоретической подготовки, недостаток специализации, невысокий уровень социальной ответственности). Специфические характеристики индустрии российских связей с общественностью, обусловленные ее молодостью, такие как креативность, отсутствие шаблонов, мобильность и молодость кадров, можно расценивать как конкурентные преимущества. В целом новейшие практики отражают функционирование СО как вспомогательной части интегрированных маркетинговых коммуникаций, что характерно для развивающихся индустрий

Практики демонстрируют следующие виды институциональных СО: маркетинговая активность, интегрированные коммуникационные про-

граммы, коммуникационный аудит; консультирование; копирайтинг; корпоративные, кризисные, финансовые коммуникации; связи со СМИ; отношения с общественными, некоммерческими, неправительственными организациями; отношения с государственными органами; отраслевые связи с общественностью; коммуникации с лидерами общественного мнения; организация и проведение специальных мероприятий. Выявлено, что коммуникации менее развиты в области связей с инвесторами, сопровождения судебных процессов, корпоративной социальной ответственности, поддержки спортивно-массовых мероприятий. Таким образом, зафиксирована полипредметность российских связей с общественностью.

Уровень развития индустрии эксперты оценили невысоко (вполне развит – 45 %, недостаточно развит – 30 %, не развит – 25 %). В период кризиса доля затрат на связи с общественностью в корпорациях в среднем была менее 10% общих затрат на маркетинг, в крупных компаниях — около 11 %. Связи с общественностью оказались востребованы крупным российским бизнесом, расходы на аутсорсинг оставались устойчивыми: в среднем 40–41 % в 2007 г., 37–38 % в 2008–2009 гг., в то время как средний бизнес выделял на коммуникации не более 5–20 % (в зависимости от отрасли).

Системный экономический кризис демонстрирует эффективность развитых индустрий, где связи с общественностью выполняют стратегиче-

ские функции в социуме по гармонизации диалога субъектов СО и общественности, и невысокую востребованность отечественной индустрии, что означает необходимость пересмотра отрасли базовых параметров деятельности.

Таким образом, актуальное состояние отечественных связей с общественностью возможно определить как транзитивное; положение индустрии будет зависеть от выбранного направления развития — по традиционной для России маркетинговой модели, характерной для развивающихся стран, или как стратегической сферы деятельности, что соответствует положению СО в развитых странах.

Понятийно-категориальный аппарат связей с общественностью

Российские теоретики пока не пришли к единому мнению в понимании сущности связей с общественностью, не предложены непротиворечивые концепции, система категорий, что во многом обусловлено начальным периодом развития научного знания, молодостью данного вида деятельности, неструктурированностью практик.

Предложим актуальное обоснование сущности деятельности связей с общественностью, введем понятийно-категориальный аппарат, соответствующий реалиям XXI в., основываясь на имеющихся разработках, в первую очередь петербургских ученых [11], и результатах проведенного анализа новейших отечественных и мировых практик связей с общественностью.

Связи с общественностью являются социальной коммуникацией, т.е. процессом передачи информации и обмена ею между социальными акторами (индивидами, группами) по различным каналам в знаковом аспекте, с помощью различных коммуникативных средств (вербальных, невербальных, проч.), в ходе которого происходит формирование новых смыслов.

Социальные коммуникации подразделяют на коммуникацию публичную и непубличную. Публичная коммуникация — вид социальной коммуникации, которая имеет открытый общественный статус, реализуется в публичном пространстве. Непубличная коммуникация — вид социальной коммуникации, не имеющей открытого общественного статуса.

Связи с общественностью традиционно относят к публичной коммуникации, обозначая ее в качестве субстанции СО. Однако в связях с общественностью непубличная коммуникация имеет место во всех форматах служебной институцио-

нальной деятельности: внутренние переговоры, взаимодействия внутри коллектива, документация и т.д. Таким образом, считаем возможным определить непубличную коммуникацию как субстанциональную характеристику деятельности связей с общественностью, что влечет изменения во всех иных категориях.

Определим понятие «предмет связей с общественностью» как социальные практики связей с общественностью (публичные и непубличные), которые являются результатом коммуникации субъектов и объектов связей с общественностью, для реализации целей СО и гармонизации взаимодействия в обществе.

Основной целью связей с общественностью является обеспечение гармонизации процессов в социуме, выстраивание общественных отношений (англ. public relations) с учетом глобальных социально ответственных стратегий благодаря институциональному коммуникационному сопровождению. Гармонизация социального дискурса предусматривает в идеальной ситуации коллаборативную модель связей с общественностью, т.е. классическое понимание связей с общественностью как управления (менеджмента) социальной коммуникацией определяется сегодня не манипулятивной вертикальной, а гетерархической коллаборативной парадигмой, включением в состав субъектов активной аудитории; оптимальным инструментом и средой для реализации подобных стратегий является Интернет, который данные модели коммуникации продуцирует.

Общественность по классическому определению [18, с. 69] трактуется как совокупность индивидов и социальных общностей, которые функционируют в публичной сфере и которыми движут некие общественные интересы и ценности, имеющие публичный статус, т.е. как субстанциональный субъект публичной сферы. Публичный статус обозначим как статус, связанный с открытостью (общедоступностью) и ориентацией на общий интерес (общее благо). С развитием новых каналов коммуникации происходит изменение характеристик и особенностей всех элементов системы и в первую очередь данной категории.

Кардинальным является изменение роли, функций, стратегий общественности с точки зрения включенности в коммуникационный процесс в качестве активной аудитории. Так, расширение участия в социальной коммуникации просьюмеров как акторов, в первую очередь благодаря Интернету. В ситуации потенциальной активности аудитории обозначим общественность как субъ-

екта, однако в несколько ином, функционально-коммуникативном значении — как субъекта, формирующего коммуникацию, наравне со специалистами по СО.

Распространение социально ответственных стратегий и гомогенной горизонтальной коммуникации, Интернета изменяют как понятие «общественность», так и понятие «целевая общественность» как «элемент широкой общественности, интересы и ценности которого связаны с рыночной, социально-политической или иной, имеющей публичный статус, деятельностью субъектов PR» [18, с. 70], которая в гетерархической коммуникации может выступать полноправным участником и даже субъектом СО. Целевая общественность благодаря интернетизации и мобилизации доступа может быть равнозначна глобальной или состоять из одного реципиента (моноаудитория).

Типологически целевая общественность подразделяется на внешнюю, внутреннюю, смешанную, однако данное разделение стоит признать в ситуации прозрачности коммуникации в достаточной степени условным. По приоритетности возможно выделить ключевую целевую общественность (аудиторию), вспомогательную целевую общественность (аудиторию).

Отечественная классическая трактовка субъектной сферы СО [18, с. 76] выделяет субъекта-заказчика как базисного субъекта, исполнителя как технологического субъекта. Базисные субъекты предложено подразделять на предметные (кому / чему делается) и функционально-стратегические (для кого делается); предметные субъекты подразделяются на прямых (индивиды, организации и т.п.) и превращенных (идеологии, мифологии). Технологические субъекты подразделяются на неинституциональных (индивидуальные технологи), квазиинституциональных (специализированные подразделения СО), институциональных (агентства СО).

В актуальной гетерархической парадигме субъектная сфера изменяется: основным стратегическим субъектом-заказчиком в ситуации превалирования глобальных социоэкономических и интернет-стратегий априорно должна выступать широкая общественность — глобальный стратегический субъект, не прямой не номинальный заказчик.

Традиционное причисление идеологий, мифологий к так называемым превращенным субъектам представляется не совсем корректным, поскольку данные процессы не происходят спон-

танно (если они спонтанны, следовательно, не относятся к институциональной сфере), а ангажированы кем-то.

К категории не прямых заказчиков-субъектов отнесем также тех лиц, которые не фигурируют в таком качестве официально (например, владелец корпорации, который не является номинально ее сотрудником).

Номинальными субъектами являются все социальные акторы, которые напрямую официально участвуют в деятельности СО. Это заказчики, институциональные и частные, юридические и физические лица. К субъектам-исполнителям отнесем агентства, которые формально могут называться по-разному (PR-агентство, коммуникационное агентство и т.д.), являются юридическими лицами и действуют официально. Отнесем к этой категории подразделения в организациях (частных, государственных), выполняющие функции в сфере СО вне зависимости от названия.

Предложение петербургских ученых отнести исполнителей к технологическим субъектам сужает сущность деятельности, поскольку службы по связям с общественностью как подразделения и маркетинговой, и стратегической коммуникации выполняют креативные функции, т.е. связи с общественностью относим к креативным индустриям.

К новой подкатегории номинальных субъектов причислим профессиональные общественные организации, фонды, например, Российскую ассоциацию по связям с общественностью (РАСО), региональные организации и т.д.

Результатом (продуктом) связей с общественностью в классической трактовке считают зафиксированные изменения общественного мнения, произошедшие в итоге институциональной деятельности. Фактически общественный дискурс является постоянным контекстом коммуникации связей с общественностью, в условиях распространения интернет-коммуникации — априорно глобальным. Отметим, что оценка результата является одной из существенных профессиональных проблем, связанных с недостаточно развитым инструментарием качественных измерений. Количественные изменения, которые фиксируются как результат деятельности, являются наиболее распространенным параметром результативности, что свидетельствует о начальном этапе становления институциональности.

На основе предложенной системы категорий предлагаем следующее определение связей с общественностью как вида деятельности: связи с

общественностью есть многосторонний процесс эффективной стратегической оптимизации социальной коммуникации и действий определенного социального актора (личности, группы лиц, организации), который реализуется благодаря целенаправленному коллаборативному институциональному взаимодействию с целевыми аудиториями общественности для гармонизации публичного дискурса.

Определение сущности деятельности в сфере связей с общественностью обязательно дополняется требованием соответствия данной деятельности этическим нормам, ценность которых возрастает в транспарентной коммуникативной сфере.

Институциональные связи с общественностью рассматривают и как социальный институт. Функционирование связей с общественностью как института отражено фрагментарно в работах И.А. Алешиной [1], С. Блэка [4], Г.А. Тульчинского [15], И.П. Яковлева [19]; системно с общетеоретических позиций впервые изучено петербургскими учеными (выделены общие признаки социального института, субъекты, нормы, функции, структура).

Понятие «социальный институт», согласно Д.П. Гавре [5, с. 14] и М.С. Комарову [9, с. 146], есть комплекс, охватывающий, с одной стороны, совокупность нормативно-ценностно обусловленных ролей и статусов, предназначенных для удовлетворения определенных социальных потребностей, с другой — социальное образование, созданное для использования ресурсов общества в форме интеракции для удовлетворения этой потребности. Отсюда следует общее понимание института связей с общественностью как функционирующей в социуме устойчивой, нормативно закрепленной совокупности ролей и статусов, предназначенной для решения общественно необходимой задачи — обеспечения эффективных публичных коммуникаций социальных субъектов, — направленной на оптимизацию их отношений с целевой общественностью [18, с. 130].

Логичным представляется дополнить имеющуюся дефиницию указанием на априорную возможность участия активной аудитории в формировании деятельности связей с общественностью как социального института. Развитие Интернета как транспарентного канала и среды будет способствовать процессам обеспечения эффективности публичной коммуникации — при условии целенаправленного конструктивного его использования.

В России социальные институты, в том числе институт связей с общественностью, пока не сформированы окончательно; условия эффективного функционирования СО как социального института (политико-правовые, социально-экономические, культурно-образовательные, коммуникационные, технологические), выделенные на рубеже веков, пока не реализованы; т.е. исследование связей с общественностью в подобном ракурсе с эмпирической и теоретической точек зрения представляется проблематичным.

Для комплексного анализа характеристик связей с общественностью в коммуникативном ракурсе оптимально исследование их как системы. Система связей с общественностью, как определяет автор в рамках данной работы, есть системное динамическое единство субъектов, связанных коммуникацией различного уровня и функционирующих в социуме с целью его гармонизации.

Динамическое единство системы обеспечивает коммуникация. Характеристики актуального дискурса все активнее определяют особенности новейших каналов коммуникации, в первую очередь Интернета, такие как гипертекстуальность, интерактивность, виртуальность, конвергентность, локальность, мультимедийность и т.д.

Рост объемов интернет-коммуникации в общем коммуникационном миксте связей с общественностью, техническая и контентная конвергенция, обуславливающие появление новых форм взаимодействия, основанных на интернет-коммуникации, позволяют заключить: Интернет становится все более значимой коммуникацией системы связей с общественностью, следовательно, его характеристики и трансформации являются для системы связей с общественностью существенными [17, с. 245].

Система связей с общественностью, как и любая иная система, характеризуется динамичностью, но и устойчивостью, т.е., несмотря на внешние и внутренние стабилизирующие, дестабилизирующие и нейтральные импульсы, адаптируется и достигает некоего равновесия (схема в классической трактовке Д. Итона [16, с. 195]). Несмотря на достаточную степень условности схемы, есть возможность выявить два существенных момента: именно коммуникация, а не объект и субъект системы, позволяет функционировать всей системе как единому целому и также это функционирование регулирует. Также можно заключить, что если определяющим связующим элементом системы является коммуникация, то и

для части системы будут действовать аналогичные параметры.

Существенным для нормального функционирования системы связей с общественностью можно назвать социальный контроль, субъектом которого рассматривается каждый, кто действует в интересах широко понимаемого общества. Социальный контроль в системе связей с общественностью в данной работе мы понимаем как совокупность процессов в общественной системе, обеспечивающих ее устойчивость и управление входящими в нее субъектами: индивидуумами, группами, институтами, т.е. как широко трактуемую обратную связь. Введение понятия контроля — и обратной связи — важно для любой системы, особенно для определения схем налаживания и функционирования адаптационного механизма различных частей системы. В данную сферу контроля вовлечены специалисты по связям с общественностью, а также потенциально активная аудитория посредством Интернета.

Появление открытой и доступной коммуникации в Интернете, рост численности и активности аудиторий, развитие текстопорождающей функции Сети обуславливают ситуацию, когда функция социального контроля будет определять новый уровень взаимодействия аудитории и профессиональных коммуникантов, повышать уровень ответственности СО перед обществом, что способствует большей интеграции их в социум.

Сфера связей с общественностью в условиях кризиса, когда преобладают инструментальные маркетинговые стратегии, не развивается в должной мере. СО как социальный институт в этих условиях не востребованы и стагнируют. Таким образом, только благодаря развитию коммуникативной составляющей с использованием динамично растущего Интернета могут возникнуть предпосылки роста сектора связей с общественностью в России, причем не только в русле существующих маркетинговых концепций, но и в русле тенденций, свойственных развитым индустриям.

Базовыми категориями научного знания и практики связей с общественностью являются информация и коммуникация.

Связи с общественностью оперируют информацией социальной, которая производится в процессе человеческой деятельности, отражает факты с точки зрения их общественной значимости и служит для общения между людьми и достижения ими своих целей, т.е. информация рассматривается

в рамках данной работы как движение смыслов в социальном времени и пространстве [2, 6].

Характеристики информации, в том числе связей с общественностью, впервые наиболее системно представлены петербургскими учеными [11, с. 128–137]. Информация как таковая обладает достаточным количеством атрибутивных свойств: информативностью, адекватностью, актуальностью, дискретностью, доступностью, непрерывностью, объективностью, полнотой, точностью, ценностью и т.д. Социальная информация должна быть также истинной, достоверной, систематизированной, комплексной, релевантной, полной, точной, своевременной, оперативной. Критериями оценки социальной информации (по С.Г. Корконосенко) являются новизна, достоверность, доступность, своевременность, соответствие запросам целевой аудитории.

Указанные общие характеристики важны для связей с общественностью, однако у информации СО есть и специфические особенности:

- иницированность означает, что информация исходит от субъекта СО по его инициативе и предназначена для его целевой общественности;
- оптимизированность понимается как способность служить целям создания оптимальной коммуникационной среды для субъекта СО благодаря определенному выбору информации, которая будет необходима для реализации целей СО;
- селективность предполагает скрупулезный отбор информации о субъекте СО для целевой аудитории (критерием для которой теоретически является объективность, на практике — чаще исключительно положительная фактография);
- релевантность информации СО заключается в соответствии информационных запросов аудитории полученному сообщению.

Такие характеристики информации СО, как селективность, иницированность, не отражают в полной мере особенностей процесса формирования информации связей с общественностью и работы с ней, а также проблемы нравственного выбора, который изначально заложен в ситуацию создания социальной информации, основанной не на факте, а на его интерпретации, комментарии; не совсем полно отражают ключевую отличительную черту информации СО, для обозначения которой предлагаем более релевантный, с нашей точки зрения, термин «ангажированность» (от фр. engagement — вовлеченность), который предлага-

ем трактовать как сознательно выбранную общественную позицию [3, 8, 14].

Понятие «ангажированность» в общественно-политический обиход в наиболее употребляемом современном значении (по Ж.-П. Сартру) означает, что человек через совершение нравственного и практического выбора созидает сам себя, существование его есть «тотальный выбор», постоянное определение по отношению к обстоятельствам, необходимость занятия в любой ситуации четкой позиции; при этом невмешательство в события также является формой участия в них. Выбор данной характеристики как наиболее значимой представляется важным с точки зрения фиксации ситуации этического выбора, который встает перед профессиональными акторами, поскольку на практике подобные ключевые вопросы чаще всего игнорируются ради корпоративных целей заказчика.

В числе атрибутивных характеристик особо выделим доступность как существенное свойство именно информации СО; доступность включает целый ряд параметров, среди которых выделим техническую (по каналу), временную, смысловую. Возможность обратной связи, которая описывает новый уровень доступности, достигаемый за счет интерактивности в Интернете.

Существенной характеристикой информации и коммуникации СО в условиях новой информационной парадигмы и распространения Интернета является априорная возможность массового включения в коммуникацию, текстопорождение с использованием любой открытой информации.

В итоге можем зафиксировать важное различие между характеристиками качественной социальной информации и информации связей с общественностью, которое заключается в априорной неполной адекватности, объективности, полноте, точности информации связей с общественностью (и будет усиливаться при включении аудитории в формирование текста). Преодоление данного диссонанса возможно на этапе формирования стратегий СО как социально позитивных.

Введем для обозначения общей цели информирования СО предложенное латинской школой связей с общественностью понятие «комплицитность», т.е. причастность, которое предполагает вовлечение целевых аудиторий в процесс приобщения к корпоративным ценностям, инкорпорированию, чтобы снять возможное некорректное толкование сущности деятельности по институциональному информированию как односторонней управленческой деятельности.

В рамках данного исследования предложим базовую классификацию информации связей с общественностью по целевой аудитории и обозначим разделение на информацию внутреннюю, внешнюю, смешанную. Внутренняя информация носит специализированный характер и распространяется внутри институций — корпораций, агентств, проектных групп, профессиональных сообществ и т.д. Внешняя информация рассчитана на внешние целевые аудитории и широкую общественность. Смешанная информация может быть доступна как внутренним, так и определенным сегментам внешней аудитории. Отметим: открытость и доступность любой информации благодаря Интернету делают данную классификацию достаточно условной.

Обозначим виды информации связей с общественностью (по каналу / носителю): вербальная (письменно-речевая, устно-речевая), визуальная, интернет-информация. Мобильный контент для мобильных носителей (вне зависимости от того, является ли он конвергентной интернет-информацией) также, по мере развития мобильных практик СО, может быть выделен в отдельный вид.

В настоящее время основной объем информации, в том числе для печатных, радио- и телевизионных носителей, является цифровым, поэтому данная классификация потребует пересмотра уже в ближайшем будущем (возможно, родовым будет понятие «электронная информация»).

Отметим: традиционное базовое деление информации связей с общественностью только на вербальную и невербальную [11, с. 196] вряд ли можно считать исчерпывающим из-за распространения цифровизации, конвергенции, Интернета, а также многозначности понятия «невербальная информация», которое в первую очередь ассоциируется с классической трактовкой как информации поведенческой [12, с. 295; 20]. Выделение разновидностей информации СО, сделанное на основе различия знаковых систем, не представляется достаточно корректным при выстраивании новых уровней дифференциации.

На основании выделенных существенных характеристик предложим следующую рабочую дефиницию: информация связей с общественностью — это институциональная социально ангажированная информация, создаваемая в интересах определенного социального актора-субъекта СО и по его заказу, кодируемая специалистами СО с целью инкорпорирования и распространяемая в целевых аудиториях по определенным ка-

налам для оптимизации социального взаимодействия.

Исходя из рабочего определения, когда под коммуникацией следует понимать эффективное синхронное и диахронное взаимодействие социальных субъектов, которое возникает в результате обмена между ними информацией, имеющей смысл для обоих субъектов [6, с. 68], а также проведенного анализа сущности институциональной деятельности и информации, предложим следующее определение: коммуникация в системе связей с общественностью — это взаимодействие между субъектом СО и целевой общественностью для достижения комплицированности и гармонизации социальной коммуникации. Специфика информации и коммуникации связей с общественностью определяют особенность институционального текста как коммуникативной единицы.

В корпусе информации СО до настоящего времени в учебных пособиях описаны некоторые форматы текстов, например только пресс-релиз [13, с. 96–104]; форматы копирайтинга и спичрайтинга [11, с. 196–233]; появилось описание электронного PR-текста [7, с. 107]; единственное комплексное исследование А.Д. Кривоносова «PR-текст в системе публичных коммуникаций» [10] отражает реалии рубежа веков, не включает анализ форматов электронных, цифровых текстов, в том числе гипертекстов Интернета.

В исследовании институционального текста обозначим ряд значимых методологических моментов. Основа текста СО — информация связей с общественностью, которая не фактографична, а оптимизирована, т.е. является комментарийной. Использование в качестве основы текста связей с общественностью комментария как продукта рефлексии соответствует современному пониманию коммуникации, в частности дискурсивно-рефлекторному (по Ю. Хабермасу). То есть текст связей с общественностью предполагает более сложный уровень обработки информации как при его создании, так и при трансляции, потреблении, что определяет более глубокий уровень вовлеченности в коммуникационный процесс как субъекта, так и объекта, необходимость их коллаборации. Таким образом, специфически трактуемая информативность и коммуникативная направленность могут быть названы как наиболее значимые характеристики текста связей с общественностью, определяющие его эффективность.

Отметим: ангажированность как существенная характеристика информации СО, т.е. опора на комментарийность, определяет априорную не-

возможность использования в исследовании текста СО методологии текста литературы и / или журналистики, поскольку данные виды текстов нацелены на выполнение различных функций, в основе их — различные по существу виды информации (факт, художественный образ).

Наряду с понятием «информация связей с общественностью» считаем важным ввести термин «сообщение связей с общественностью», основываясь на необходимости отразить существование некоего «ядра» институциональной информации, т.е. главной идеи, создаваемой в процессе текстопорождения, которую требуется сохранить при многообразии способов фиксации и трансляции информации СО, например при создании комплекса сообщений на основе одной и той же информации для различных каналов: печати, радио, телевидения; при проведении кампании СО с использованием инструментария СО, рекламы, журналистики; при создании мультимедийного сообщения в Интернете и т.д. То есть возможно зафиксировать конвергентность как значимую характеристику сообщения и текста СО. Таким образом, сообщение связей с общественностью есть зафиксированная в знаковой системе основная идея информации СО, предназначенной для целевой аудитории, которая без искажения смысла может быть транслирована по различным каналам.

В лингвистике не сформировано единое понимание текста и типа текста. Исходя из наиболее общей классификации (коммуникативный, структурный, семиотический аспекты) тексты связей с общественностью возможно описать как «тексты, созданные человеком, индивидуальные и коллективные, поликодовые, полифункциональные с точки зрения языковой функции; не имеющие отклонений от языковой нормы, единичные и циклические; в своем преобладании моносемантические; полифункциональные с точки зрения их прагматики» [11, с. 199].

Конвергентность как необходимое условие создания текста связей с общественностью, а также распространение Интернета вносят коррективы в указанные характеристики, однако в целом они сохраняются как наиболее релевантные (в частности, базовый параметр текста как «созданного человеком» в условиях модификации коммуникации в мультисубъектной модели может быть использован для отграничения текстов, которые структурируются программами как тексты СО, но на самом деле таковыми не являются).

Классическая дефиниция текста связей с общественностью предложена с учетом основных компонентов акта коммуникации. Под PR-текстом понимается «вербальный текст (т.е. состоящий из языковых единиц): функционирующий в пространстве публичных коммуникаций; инициированный базисным субъектом PR; направленный одной из групп целевой общественности; содержащий PR-информацию; распространяемый при непосредственном устном контакте с представителями группы целевой общественности либо через СМИ, посредством прямой почтовой или личной доставки; обладающий скрытым или мнимым авторством» [11, с. 198].

Структура процесса коммуникации представлена следующая [11, с. 131]: первичный источник; вторичный источник; исходное сообщение; канал, являющийся типологической разновидностью PR-текста; код в виде жанровой разновидности PR-текста; посредник — орган СМИ и распространённое сообщение — опосредованный через СМИ PR-текст; получатель в виде целевой общественности; результат акта коммуникации — создание оптимальной коммуникационной среды субъекта; обратная связь от получателя (целевой общественности) к субъекту.

Отметим, что в данном определении линейка текстов связей с общественностью сведена к вербальным текстам, что значительно сужает ареал функционирования текстов СО, в частности в связи с распространением гибридных текстов, текстов Интернета. Отметим, что в настоящее время практически все тексты связей с общественностью имеют гибридный характер, что обусловлено дигитализацией и конвергенцией, поскольку даже в линейных текстах СО (на бумажных носителях) непременно должен присутствовать визуальный ряд (например логотип).

Представляется, что прагматическая направленность, модальность, целеполагание, присущие любому тексту, а ангажированному тексту СО в особой мере, могли бы найти более четкое отражение, поскольку именно инкорпорирование как цель создания текста связей с общественностью формирует его характеристики (впрочем, воздействие на определенную целевую аудиторию признается не всеми исследователями, в частности в наиболее значимом исследовании текста СО подобная функция не определена как значимая) [10, с. 117].

Текст СО, обладающий исключительно «скрытым или мнимым авторством», что являлось одним из институциональных постулатов,

сегодня вряд ли послужит формированию этической коммуникации. Также вопросы авторства и инициации в условиях транспарентности инфосферы приобретают новое содержание потому, что сообщения СО формируются не только институциональными коммуникантами, но и активными аудиториями.

Характер распространения текстов СО, зафиксированный в определении, вполне релевантный для распространения вербальных текстов, не отражает возможностей доставки информации в XXI в. и, несомненно, требует актуализации с учетом как новых форматов текстов, так и новых каналов коммуникации. В частности, гипертекст Интернета априорно предполагает равноправное обязательное взаимодействие автора и читателя в формировании конечного сообщения, что оптимально для реализации компlicitных парадигм коммуникации СО.

Итак, предложим рабочее определение: текст связей с общественностью есть знаковая коммуникативная система, содержащая сообщение СО и распространяемая в целевых аудиториях с целью инкорпорирования.

Заключение

Проведенное исследование позволило решить комплекс теоретико-методологических проблем, связанных с формированием пролегоменов научного знания о связях с общественностью как растущего сегмента профессиональной социальной коммуникации в России.

В настоящее время отечественные связи с общественностью как совокупность профессиональных практик и прикладное научное знание не обладают разработанными научно-теоретическими основами, методологией, что обусловлено молодостью институциональной деятельности, отсутствием систематизированного эмпирического материала, количественных и качественных отраслевых исследований.

Методология научного знания о связях с общественностью, как выявлено в ходе исследования подходов к данной научной проблеме, ограничена рамками поиска определения связей с общественностью, выявлением структурно-функциональных связей в системе СО, оперирует исключительно линейными моделями коммуникации, не предполагающими диалога; общественность, несмотря на очевидную смену парадигмы дискурса с информационной на коммуникативную, рассматривается как объект воздействия; интернет-коммуникация изучается фрагментарно.

То есть методология и научное знание о СО существует в рамках статической классической парадигмы познания.

В результате исследования генезиса, актуальных характеристик системы СО и базовых апробированных концепций были сформулированы основные теоретико-методологические положения научного знания о связях с общественностью.

Исследование и комплексная оценка генезиса связей с общественностью показали, что исторически связи с общественностью в современной России формировались как прикладная деятельность в сфере политконсалтинга и маркетинга; СО как стратегическая деятельность, что актуально для развитых индустрий, не рассматривались в первую очередь ввиду отсутствия глобальных стратегий в обществе, государственного и социального заказа; новейшие практики связаны в большей мере с корпоративными связями с общественностью, уменьшением доли политконсалтинга, увеличением объема проектов связей с общественностью государственных структур; при этом специалисты используют в первую очередь вертикальные, односторонние, двусторонние асимметричные модели коммуникации, т.е. устаревшие с точки зрения развитых индустрий и общих тенденций социоэкономического дискурса.

Анализ количественных показателей деятельности базисных субъектов связей с общественностью, проведенный впервые (2007–2010 гг. с привлечением данных 2010–2011 гг.), демонстрирует превалирование маркетингового подхода к СО, характерного для развивающихся индустрий; развитые индустрии выполняют стратегические функции в обществе и востребованы даже в период кризиса.

Исследование актуальных изменений социальной коммуникации и, как следствие, сущности деятельности и категориального аппарата связей с общественностью позволяет зафиксировать общие тенденции изменений в системе СО на категориальном уровне: формируются новые субъектная и объектная сферы; расширяется число субъектов, например за счет появления активной аудитории; возникают новые категории и подкатегории, в частности служебной коммуникации; формируются принципиально новые форматы взаимодействия внутри системы СО и в социуме. То есть российская система связей с общественностью усложняется, развивается; появление новых элементов, таких как активная аудитория, может стать предпосылкой развития российских связей с общественностью не только в русле су-

ществующих маркетинговых концепций, но и в русле тенденций, свойственных развитым индустриям СО.

Предложенное релевантное понимание сущности деятельности связей с общественностью, актуальная трактовка всех категорий, которые выступают элементами системы связей с общественностью, введение и дефиницирование новых понятий, понимание синергетического эффекта, проявляющегося в результате взаимодействия всех элементов, дают возможность определить существенный исследовательский потенциал данной сферы.

Список литературы

1. *Алешина И.А.* Паблик рилейшнз для менеджеров. М., 2003. 480 с.
2. *Афанасьев В.Г.* Социальная информация. М., 1994. 200 с.
3. *Барт Р.* Избранные работы. М., 1989. 616 с.
4. *Блэк С.* Паблик рилейшнз. М., 1989. 320 с.
5. *Гавра Д.П.* Понятие социального института в социологии // Регион: Политика. Экономика. Социология. 1999. № 1–2. С. 14–18.
6. *Гавра Д.П.* Основы теории коммуникации. СПб.: Питер, 2011. 288 с.
7. *Интернет-технологии* в связях с общественностью / под ред. И.А. Быкова, О.Г. Филатовой. СПб., 2010. 275 с.
8. *Камю А.* Бунтующий человек: Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. – 416 с.
9. *Комаров М.С.* О понятии социального института // Введение в социологию. М.: Наука, 1994. 153 с.
10. *Кривоносов А.Д.* PR-текст в системе публичных коммуникаций. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. 254 с.
11. *Кривоносов А.Д., Филатова О.Г., Шишкина М.А.* Основы теории связей с общественностью. СПб.: Питер, 2011. 384 с.
12. *Основы теории коммуникации* / под ред. М.А. Васирика. М.: Гардарики, 2007. 615 с.
13. *Связи с общественностью.* М.: Аспект Пресс, 2011. 196 с.
14. *Толковый словарь* / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М., 2000. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 18.03.2013).
15. *Тульчинский Г.А.* Public Relations: Репутация, влияние, связи с прессой и общественностью, спонсорство. СПб., 1994. 80 с.
16. *Шаран П.* Сравнительная политология. М., 1992. Ч. 1. 226 с.
17. *Шилина М.Г.* Корпоративные интернет-ресурсы в системе связей с общественностью: структура, содержание, особенности развития: дис. ...

- канд. филол. М., 2007. 277 с.
18. *Шишкина М.А.* Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб., 2002. 444 с.
19. *Яковлев И.П.* Паблик рилейшнз в организациях. СПб., 1995. 148 с.
20. *Harper R.G., Wiens A.N., Matassaro J.D.* Nonverbal communication. N.Y.; L.: J. Wiley & Sons, 1978. 355 p.
-

PUBLIC RELATIONS: TO A QUESTION ON FORMING OF PROLEGOMENA OF
SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Marina G. Shilina

*National Research University The Higher School of Economics;
46 B, Volgogradsky av., Moscow, 125319, Russia*

Public relations require adequate scientific reflection, and an integrated theoretical framework to form the paradigm of scientific knowledge in this field in Russia. The research results form the basic provisions of the scientific knowledge of PR and demonstrate the scientific potential of the theme.

Key words: social professional communication, public relations, scientific knowledge, methodology, system and functional framework, conceptual and categorical apparatus, the Internet, subject-to-subject communication.

УДК 316.34

СКРЫТЫЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ И АНТИДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ИНТЕРНЕТА

Д.А. Гугуева

В статье анализируются положительные и отрицательные стороны, которые Интернет привнес в реальную жизнь как российского социума, так и мирового сообщества в целом в отношении развития демократических и антидемократических ресурсов.

Ключевые слова: Интернет; демократический потенциал; антидемократический потенциал; коммуникация; интернет-революции; гражданское общество.

Общая тенденция сегодня — видеть главным образом положительные стороны такого явления, как киберпространство. При этом акцентируется поддержка общегуманистических ценностей онлайн-коммуникации, максимально широкое развитие онлайн-демократии на основе создания условий для универсального доступа к Интернету и реализации программ по интернет-образованию для широких слоев населения. Конечно, демократическую сторону интернет-пространства нельзя отрицать, но нельзя также и не отметить его антидемократические тенденции.

Демократический потенциал Интернета можно проследить по многим показателям: во-первых, это его агитационные возможности, которые могут использоваться как в политике, так и при реализации гражданской инициативы; во-вторых, Интернет может использоваться для прямого волеизъявления граждан, что освобождает их от посещения избирательного участка, позволяет экономить бюджет государства; в-третьих, это возможность свободной печати, каждый может стать журналистом посредством ведения блогов и живых журналов; в-четвертых, прямое общение власти и граждан, посредством организации тематических сайтов, прямых линий, онлайн-конференций и электронного правительства; в-пятых, развитие дистанционного образования, с помощью Сети гражданин может получить образование, не выходя из дома и потратив на это минимум средств; кроме получения профессии Интернет также способствует развитию личности, так как в Сети можно посещать различные онлайн-курсы по интересам — курсы фотографии, вязания, шитья и многие другие. Интернет обладает такими необходимыми для демократическо-

го ресурса характеристиками, как интерактивность, легкость распространения информации и предположительное отсутствие контроля.

Сегодня одни эксперты говорят о кризисе традиционной демократии, другие остаются приверженцами ее классических форм, таких как четырехлетний цикл выборов, референдумы и т.п. Нас интересует то, какие новые возможности открывает Интернет для развития демократии. Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо упомянуть, что процесс формирования демократического общественного мнения включает в себя два элемента: свободный доступ к информации и возможность гражданина ее анализировать и на основе этого принимать решение. Очевидно, что Интернет обеспечивает всем слоям населения свободный доступ к информации и расширяет возможности коммуникации, именно в виртуальном обществе, в котором участники электронной коммуникации равны.

Юрген Хабермас [13, с. 121–123] выдвигал следующие требования к свободной от принуждения коммуникации:

- 1) равенство участников коммуникации и свобода от давления;
- 2) темой дебатов являются значимые для всех общие проблемы;
- 3) запрещается ограничение дискурса и возможность его возобновления по требованию участников.

На первый взгляд кажется, что благодаря Интернету эти требования легко выполнимы. В Интернете невозможна какая-либо политическая цензура, все голоса в электронной коммуникации имеют равный вес, благодаря анонимности растворяются национальные различия. Но при этом,

будучи неконтролируемым, индивидуальное не может «собрать себя» и превращается в цепочку циркуляции информации: получил и переслал дальше. В связи с этим Интернет сегментируется и дифференцируется. «Если коммуницируют пятьдесят миллионов, то индивидуум теряется» [6].

Интернет создает видимость равенства и однородности, на самом деле иерархия не устраняется, остается четкое различие говорящих и слушающих, владельцев информации и пользователей, ведущими оказываются личности с «высоким уровнем образования и влияния», а их отбор осуществляют владельцы канала [6].

Обычный коммуникативный процесс имеет пирамидальную форму, на вершине которой находится источник информации. В Интернете, напротив, существует обратная тенденция: все больше становится тех, кто посылает информацию, и все меньше тех, кто ее слышит [6].

Ярким примером демократической направленности Интернета, а также того, что Интернет может оказывать влияние на реальную жизнь, может послужить история с сайтом WikiLeaks, произошедшая осенью 2010 г. Основатель сайта Джулиан Эссандж опубликовал файлы из онлайн-архива, содержащего переписку Госдепартамента США с посольствами за рубежом. Данное событие вызвало широкий резонанс в ведущих мировых СМИ. При этом защитники демократии считают утечку информации нормальной и полагают, что это будет способствовать осуществлению реальной власти народом, об этом четко говорится в постановлении Американского верховного суда по делу о разглашении документов Пентагона: «...только свободная и не ущемленная пресса способна эффективно выявить лживое и коррумпированное правительство» [15].

В то же время некоторые специалисты относят скандал, связанный с сайтом WikiLeaks, к кибернетической террористической деятельности. Публикации на сайте материалов об Ираке, Афганистане, а также дипломатической переписки госдепартамента США — это кибернетические террористические акты, если под ними понимать «устрашающее информационно-управляющее воздействие на сознание населения и носителей властных полномочий» [15].

До конца проанализировать то, как опубликованные WikiLeaks материалы повлияли на мировую политику, не представляется возможным, но уже сегодня мы можем сказать, что публикация файлов в Сети привела к тому, что владелец сайта

Джулиан Эссандж, заключенный под стражу в Швеции по возбужденному против него делу об изнасиловании, вынужден был попросить политического убежища у государства Эквадор в то время, когда он находился на территории посольства данной страны в Лондоне. Великобритания пыталась лишить дипломатического статуса территорию посольства и задержать Эссанджа силой, для того чтобы выдать его сначала Швеции, а затем США, все это привело к затуханию деятельности сайта WikiLeaks.

Нельзя обойти вниманием еще одно из последних демократических веяний Интернета — это так называемые интернет-революции. Наиболее яркими примерами являются революции, произошедшие в Египте и Тунисе, а также революционные выступления в Москве в 2011 г., где с помощью Интернета объединились люди для протеста против существующего режима. Однако только Интернет не может стать достаточным способом формирования реальной демократической альтернативы правящей партии.

Интернет-революция должна была бы дать людям возможность непосредственно определить альтернативные пути развития страны и ее новых лидеров, но пока Интернет используется в основном как один из инструментов в борьбе за власть различных политических групп.

Политическая борьба социальных движений, переносимая в сетевое пространство, превращает Интернет в новое, организованное по горизонтали пространство властвования. Перспектива дальнейшего развития институтов гражданского общества состоит в возможности построения диалога с новыми сетевыми автономными социальными акторами [1].

Описывая виртуальное пространство, необходимо также обратить внимание на другие его положительные стороны. Большое его достоинство, по нашему мнению, — это мультикультурность. Понятие «мультикультурность» подразумевает не только уважение одной культуры другой, но и создание пространства для диалога, для достижения единства в многообразии всех мировых культур; создание механизмов и концепций, которые способствовали бы этому единству [9]. И все социальные сети, среди пользователей которых жители различных стран, прямо или косвенно способствуют диалогу культур различных наций.

Неоспоримый плюс Интернета — это возможность общаться. Интернет способствует общению индивидов различными способами (видео-, аудио-общение, машинописное) и на самые разнообраз-

ные темы. Для этого существуют различные сервисы — социальные сети, живые журналы, блоги, сообщества по интересам, чаты. В Интернете человек может быть как активным пользователем, т.е. вести свой блог, открыто выражать свое мнение по различным обсуждаемым вопросам, тем самым влияя на мнение других пользователей, так и пассивным участником, т.е. читать статьи.

Кроме того, еще одним значимым достоинством Интернета является круглосуточный доступ к информации, причем распространитель этой информации может находиться на другом конце Земли.

Из этого следует еще один плюс Интернета — свобода перемещения. Конечно, она виртуальна, но все же это действительно свободное путешествие. Благодаря Интернету мы можем путешествовать по Транссибирской магистрали в поезде Москва-Владивосток, побывать в Эрмитаже, Лувре, а также в различных странах и на различных континентах. И это все возможно сделать даже не выходя из дома.

Кроме того, известно, что когда численность микрогруппы достигает одного процента от численности населения страны, эта группа начинает влиять на экономику, политику и вообще на все сферы общественной жизни [11]. Таким образом, Интернет является мощным средством воздействия на массовое сознание.

Но Интернет, как и любое социальное явление, несет в себе и негативный, антидемократический потенциал, который выражается, прежде всего, в том, что доступ к Интернету является ограниченным, т.е. не все граждане могут им воспользоваться, помимо того, что это материально доступно не всем, существует и возрастной ценз, не секрет, что людям старшего поколения сложно использовать сам компьютер, а соответственно и Интернет. Сегодня в Интернете доминирует относительно высокообразованная и хорошо обеспеченная молодая технократическая элита, государство пытается сократить разрыв в доступе к Сети и в качестве бесплатной альтернативы предлагает населению «социальный Интернет», с доступом только на одобренные государством ресурсы, что может рассматриваться как цензура.

Кроме того, необходимо учитывать, что отсутствие контроля в Интернете мнимое, так как адрес любого пользователя является уникальным, и путь каждого можно проследить по его IP-адресу. Помимо этого, интерактивность и легкость распространения информации политики могут использовать и в целях лоббирования и неза-

конного проведения предвыборных кампаний, а заинтересованные группировки могут использовать эти характеристики и для распространения экстремистских идей. К тому же не следует забывать, что свободное распространение информации в киберпространстве может способствовать искажению информации о политических лидерах и распространению слухов. Более того, многие ученые полагают, что развитие информационных технологий может способствовать росту политической пассивности. По мере того как общество становится все более сложным, люди отворачиваются от политики и обращаются к растущему многообразию электронных развлечений. Важно также подчеркнуть, что «демократия в киберпространстве» (например обсуждение политических проблем в Интернете) не означает демократии в реальном мире. Активность в киберпространстве часто «отгорожена от остальной жизни». Обсуждение политических дел в Интернете нечасто приводит к политической активности в реальной жизни [8]. Также Интернет может быть подвержен цензуре, так как есть программы, способные осуществлять контроль за содержимым сайтов и проверять по ключевым словам содержимое миллионов сайтов за короткое время. Таким образом, страница, содержащая нежелательную информацию, может быть найдена — или исключена из результатов поиска — в считанные секунды. К тому же нам известны примеры того, что некоторые режимы применяют хорошо известную специалистам технологию: нанимают людей, которые отслеживают в Интернете «неудобные» дискуссии и своими комментариями уводят их в сторону от темы. В Китае такое подразделение называется «группой пятидесяти центов» — по скромной ставке заработной платы.

Что касается стоимости распространения информации, то ее цена, конечно, совсем невысока, но здесь тоже не все так просто, действительно, поместить информацию в Интернет не сложно, это не требует практически никаких затрат, но, чтобы сделать свою страницу читаемой, необходимо вложение значительных средств. Поэтому небольшие независимые источники не могут соревноваться с большими корпорациями в том, что касается качества информации. Кроме того, недостаточно создать веб-сайт; самое сложное — сделать его известным. Не все издатели могут полагаться на активную рекламу, поскольку это стоит больших денег; таким образом, они снова оказываются в неравных условиях по сравнению

с большими компаниями и правительственными источниками [7].

Помимо всего прочего, обратная связь с представителями партий также не является бесспорной из-за свободного доступа к Интернету всех желающих, у представителей власти нет времени и возможности отреагировать на каждое письмо и учесть все комментарии пользователей, даже при условии, что эти комментарии оставляют компетентные граждане. Чиновники высшего звена «используют соцсети преимущественно как огромную трибуну» [12].

Одним из результатов влияния Интернета на политическое сознание и поведение является более рассредоточенная, более крепко привязанная к своим убеждениям общественность, что делает политический компромисс, столь важный для демократии, более труднодостижимым [12].

К другим минусам интернет-пространства следует отнести вседозволенность, полное отсутствие цензуры, недостоверность представленной информации.

Американский эксперт в области компьютерных технологий Говард Рейнгольд в связи с этим отмечает: «Виртуальные сообщества радуют тем, что в них можно поделиться своим мнением с окружающими, не будучи профессиональным писателем, артистом или телевизионным журналистом. Сейчас любой может стать издателем или вещателем. Огорчают же виртуальные сообщества тем, что в них никто не обязан быть учтивым, доходчивым или хотя бы сведущим в том, о чем взялся говорить. Некоторые высказывают настолько удручающие суждения, так сквернословят или настолько косноязычны, что обсуждения, которые могли бы быть полезными для большинства участников, становятся неэффективными. Одни просто одержимы жаждой внимания к собственной персоне, пусть даже подогреваемой нездоровым интересом. Другие же пользуются безымянностью, чтобы дать волю своей злобе, нетерпимости и жестокости. Интерактивные информационные среды, обеспечивающие общественную коммуникацию, обладают защитой, которой недостает личному (лицом к лицу) общению: собеседники имеют возможность исключить тех, кто злоупотребляет общими ресурсами» [11]. Интернет стирает границы — нет отдельных государств, городов, национальностей и религий, есть только отдельные личности — и каждая из них выступает сама за себя в этом виртуальном мире.

Важную роль в отношениях между государством и гражданским обществом играет публич-

ная сфера, которую Ю. Хабермас понимал как «структуру коммуникаций, укорененных в “мире жизни” с помощью сети различного рода объединений гражданского общества» [13, с. 121].

Развитие интернет-технологий повлекло за собой формирование общества свободного распространения информации, которое все больше стремится к прямой демократии. В современном мире Интернет как часть публичной сферы существенно влияет на формирование социального пространства, выстраивая коммуникативное поле взаимодействия граждан в рамках межличностной, внутригрупповой, групповой и массовой коммуникации. Глобальная информационная сеть открывает широкие возможности для диалога власти и общества в Сети с целью привлечения граждан к принятию решений, к участию в управлении и развитии процесса демократизации [13, с. 116–117].

«Бонусы от власти», которые предоставляют посредством Интернета, — это быстрота и удобство заполнения документов, прямое общение власти с народом, а в будущем — единая база данных жителей всей страны, а возможно, и всей планеты. «Электронное правительство» — один из проектов, направленных на модернизацию России, рассмотрим его подробнее.

Интернет предоставляет возможность моментального общения, эту его возможность используют на государственном уровне. Проект получил название «электронное правительство». Оно рассматривается как единое социально ответственное и информационно открытое, с постоянной обратной связью учреждение (институт) [4]. «Электронное правительство» — это интернет-технологии, обеспечивающие информационное взаимодействие органов власти с населением и институтами гражданского общества [4].

Деятельность системы органов государственной власти в данных условиях является открытой, информационно прозрачной и легкодоступной для граждан. Главное достоинство данной системы заключается в возможности оперативной обратной связи, а также в скорости, доступности и более высоком качестве предоставляемых услуг.

Основная цель создания или, точнее сказать, введения в действие «электронного правительства» — это упрощение сотрудничества правительства и народа, более легкий, быстрый и дешевый способ обеспечения документооборота в стране.

Для создания «электронного правительства» необходимы следующие условия: во-первых, наличие соответствующей политической воли вла-

стей; во-вторых, свободный доступ к Интернету большого количества населения страны; в-третьих, создание рациональной концепции управленческих структур, подготовка нового управленческого аппарата, способного работать в новых условиях, а также информационно-технологическое обеспечение властных структур (использование электронных подписей, электронного документооборота, актуальных баз данных и т.п.).

При введении «электронного правительства» также необходимо учитывать четкое законодательное регулирование, чтобы исключить использование его в антиобщественных целях.

К задачам введения «электронного правительства» относятся:

- расширение сотрудничества между правительственными организациями;
- адаптация администрации к условиям постиндустриального, информационного общества, процессам глобализации;
- сокращение дистанции между народом и правительством;
- внесение в государственные службы конкурентных и договорных начал;
- создание обособленных специализированных управленческих структур с усилившейся ответственностью за результаты деятельности;
- повышение роли этических требований, демократических ценностей;
- активное взаимодействие с гражданским обществом, всеми его членами;
- переориентация государственных интересов на нужды и потребности граждан и др. [10].

В последнее десятилетие многие, прежде всего экономически развитые, страны предприняли целый ряд правовых, организационных, технологических и иных мер в направлении формирования и развития «электронного правительства». В 2005 г. национальные правительства 175 стран (из почти 200 государств — членов ООН) так или иначе использовали Интернет для предоставления информации и услуг. ООН рекомендует всем министерствам иметь свою страничку во Всемирной сети. Большинство государств ныне предоставляют через Интернет доступ к открытой официальной информации на правительственных сайтах. Около 30 % государств предлагают постоянно обновляющиеся информационные услуги, включающие в том числе загрузку и распечатку разрешенных официальных бланков и документов на персональные компьютеры интернет-пользователей [4].

Современный опыт индустриально развитых стран показывает, что в рамках деятельности «электронного правительства» в режиме онлайн для граждан, имеющих возможность регулярно использовать Интернет, стали реально доступными и удобными многие виды государственных услуг. Среди них: электронный запрос многих видов информации (документов, законов, постановлений, статистических сведений, сведений о вакансиях, географических карт); оплата различных платежей по электронным формам (от квартплаты до штрафов и налогов) при наличии механизмов персонификации; получение распространенных форм официальных документов, их заполнение и отправка с идентификацией электронной подписи (включая прием налоговых деклараций, постановку на учет в службе занятости); многие запросы в государственные органы, их регистрация, возможность проверки этапов их прохождения, получение ответа с указанием результата и ответственных за его принятие; поступление в вузы на дистанционные, интерактивные формы образования; заявления в полицию (в случае кражи или угона автомобиля) и т.д. [4].

Но, для того чтобы система работала в полном объеме, необходимы специальные службы, обеспечивающие поддержание баз данных в актуальном состоянии, также необходим достаточный уровень подготовки граждан и их свободный доступ к интернет-сервисам. Как справедливо заметил А. Норман, «средний избиратель вряд ли будет стараться получить информацию по вопросам, которые прямо его не затрагивают» [5]. Следующая проблема — неурегулированные области компетенции между местными, региональными и федеральными органами власти.

Общественность заинтересована в предоставлении услуг «электронного правительства» только при условии конфиденциальности и секретности при взаимодействии с государственной службой (при прозрачности для финансовых органов), гарантиях против мошенничества или взлома компьютеров, бесплатной или дешевой поддержки пользователей. Движущей силой формирующейся в настоящее время новой модели управления являются не только вводимые денежные или технологические ресурсы либо конкретные функциональные результаты, но и то, как эти результаты отразятся на жизни или хозяйственной деятельности потребителей, а также на социальных, экономических или политических изменениях в системе государственного управления [4].

В России подключение к Интернету произошло в 1991 г., к настоящему времени этой информационной технологией охвачены городские ареалы. Однако российская телекоммуникационная структура пока еще недостаточно развита. Как мы уже отмечали выше, по подсчетам Минсвязи РФ постоянных пользователей российской сети Интернета (Рунета) насчитывается 6 млн., а эпизодических — до 20 млн. чел. По общему количеству пользователей Интернета Россия уверенно входит в первую двадцатку государств мира, но по уровню охвата им населения (интернетизация) она находится лишь на 42-м месте (10 % населения).

Аудитория Интернета распределена по территории страны крайне неравномерно. Больше четверти всех пользователей находится в Москве (каждый пятый житель) и Санкт-Петербурге. Уровень интернетизации Москвы и Санкт-Петербурга наивысший в России (20 %), что в три-четыре раза больше, чем на всей остальной территории. Среди федеральных округов первое место по уровню интернетизации занимает Центральный (без учета Москвы) — 17 % (1,6 млн. жителей); далее: Приволжский — 15 %, Северо-Западный — 14 %, Южный — 12 %, Сибирский — 11 %, Уральский и Дальневосточный — по 5 % [4].

В 2008 г. Правительство РФ одобрило концепцию формирования в Российской Федерации «электронного правительства» до 2010 г. В соответствии с программой «Электронная Россия» все основные государственные службы, начиная с администрации Президента РФ, открыли свои сайты, дающие необходимую и обычно достаточно оперативную информацию по соответствующим вопросам. «Электронная Россия» представляет собой единый сервер органов государственной власти Российской Федерации и предлагает широкий круг оперативной и архивной информации о деятельности названных органов. Сервер пользуется популярностью среди активной части гражданского общества, государственных служащих, ученых-обществоведов, студентов социально-гуманитарных вузов, востребован в российском обществе. Вместе с тем центральный сервер «Электронной России» пока еще не «связан» в единую систему с серверами региональных и местных органов власти. Интерактивные формы связи используются эпизодически. Актуально создание единого портала услуг (прежде всего государственных) для широкого круга пользователей [4].

На сегодняшний день мы можем отменить, что концепция формирования «электронного правительства» в России находится в стадии становления и развития, но до конца эта система еще не урегулирована.

Формирование «электронного правительства» находится в неразрывной связи со всем процессом российских реформ, особенно с повышением эффективности государственной службы на основе современных методов управления. Очевиден общий недостаточный уровень развития компьютерных сетей в России как во многих сферах государственной, так и в общественной жизни, отсутствуют соответствующие навыки. Поспешная реализация идеи «электронного правительства» в России может привести к возникновению нового вида социального неравенства — информационного. Информатизация государственных органов подчас смешивается с процессом их насыщения компьютерами, не связанными с интернет-порталами. Остро стоит проблема подготовки управленцев нового типа, что встречает сопротивление консервативной части государственного аппарата. Главной психологической преградой на пути расширения деятельности «электронного правительства» в России является соответствующая бюрократическая ментальность, корпоративные интересы бюрократии [5].

Кроме такого глобального проекта, как «электронное правительство», Интернет все же используется на благо государственных структур, один из ярких примеров этого — онлайн-конференции. Такой способ проводить конференции позволяет представителям общества и власти вести открытый диалог в Интернете. Данные конференции зачастую организовываются веб-редакциями СМИ или организаторами сайтов. Онлайн-конференции дают возможность прямого общения лица (или нескольких лиц) с целевой интернет-аудиторией. При этом аудитория находится в привилегированном положении, пользователи находятся в привычной для себя обстановке и могут с минимальными затратами получить ответы на интересующие их вопросы. Так как общение может быть анонимным, то люди могут открыто говорить о своих проблемах.

В процессе общения ставятся следующие задачи: побуждение граждан к выражению своих мыслей и интересов, касающихся формирования и реализации направлений деятельности органов государственной власти, организация взаимодействия граждан с органами государственной власти и органами местного самоуправления различ-

ных областей, защита прав и свобод граждан, общественных объединений и некоммерческих организаций [2].

Конечно, в онлайн-конференциях принимает участие только та аудитория, у которой есть доступ к Интернету. К тому же иногда такого рода конференции могут отклоняться от изначально заданной темы и сосредотачиваться на тех вопросах, которые интересны участникам, кроме того, зачастую участники конференции кроме вопросов выдвигают предложения по решению сложившейся ситуации. Таким образом, мы можем предположить, что интернет-конференции являются современной «трибуной» для выступлений граждан.

Онлайн-конференции обычно проводятся на сайтах федеральных СМИ («Известия», «Коммерсантъ»), на популярных сетевых ресурсах (www.lenta.ru, www.km.ru). Однако в последнее время заметен рост интернет-конференций на региональных порталах. Практика показывает, что пользователи Сети заинтересованы в беседе с представителями местной власти. Если сравнить две онлайн-конференции на тему ЖКХ, одна из которых проводилась в общероссийском интернет-СМИ www.lenta.ru, а другая на региональном портале www.yuga.ru (гостями последней стали начальник управления регулирования в сфере жилищно-коммунального комплекса и заместитель главы муниципального образования города Краснодара), то очевидно, что людей прежде всего интересует ситуация в их регионе, городе, доме.

Участие в конференциях лиц из властных структур демонстрирует открытость и готовность властей к диалогу, служит признаком того, что собеседники не боятся выйти на прямой диалог, выслушать критику и ответить на любые вопросы. Однако специфика онлайн-конференций, как правило, не позволяет аудитории сразу реагировать на ответ лица, обсуждение становится возможным только после проведения конференции, что позволяет власти дать неполный ответ на острый вопрос, уйти от ответа или, что бывает чаще, переадресовать его другим лицам, т.е. создать «симуляцию общения» [2].

Яркими примерами того, что Интернет является неотъемлемой частью жизни человечества на современном этапе эволюции, могут послужить следующие проекты:

Проект «Justin.tv» был создан 23-летним Джастином Каном в конце марта 2007 г. Обычный, ничем не примечательный человек прикрепил камеру к своей голове и организовал непрерывную

(24/7) трансляцию с камеры на ресурс Justin.tv, который в кратчайшее время стал хитом среди пользователей Интернета. Создатель сервиса общается со своей аудиторией через форум, блог и по электронной почте. Девиз проекта звучит следующим образом: «Waste time watching other people waste time» («Потратьте время на наблюдение за тем, как другие также растрачивают попусту свое время»). Десятки тысяч людей по всему миру последовали этому совету и сделали из проекта Джастина новый интернет-феномен [14].

Еще один интернет-проект, который привлек наше внимание, — это блог российского космонавта — Максима Сураева. В своем дневнике на сайте Роскосмоса Сураев с юмором рассказывает о непростых буднях на борту Международной космической станции. Журнал «Wired» признал блог россиянина более интересным и веселым, чем блог его коллег из США, которые стали первыми делать записи в Сети. Как отмечало издание, блог Сураева «действительно похож на блог живого человека». В нем он затрагивает те вопросы, которые американские космонавты стараются обходить стороной. Например, в одной из записей Сураев рассказывает о том, какие христианские символы есть на орбите. Кроме того, он с юмором пишет о поломках на борту и даже сфотографировался с неработающим насосом, который, по словам космонавта, является новейшей разработкой российского военно-промышленного комплекса и предназначен для шпионской слежки и защиты от инопланетян [3].

Кроме того, необходимо отметить, что Правительство Российской Федерации активно продвигает Интернет в массы, в частности, в Санкт-Петербурге с 2008 г. действует программа обучения компьютерной грамотности людей пожилого возраста «Бабушка-онлайн» – «Дедушка-онлайн». В рамках распространения данной программы к концу 2012 г. планировалось открыть учебные центры для пенсионеров в 45 регионах страны. К 2013 г. запланировано увеличение количества обучаемых по программе до пятидесяти тысяч человек ежегодно. А с 2011 г. в Нижнем Новгороде работает благотворительный проект «Женщина и компьютер: секреты гармонии», рассчитанный на женщин от 25 до 60 лет [8].

Подводя итоги, необходимо отметить, что Интернет сегодня является важным инструментом коммуникации между гражданами, между государством и народом. Благодаря практически полному отсутствию цензуры в Сети и свободно доступу для обученных пользователей Интер-

нет становится площадкой для выражения гражданской инициативы. Представители государственной власти также не оставили Интернет без внимания, в Российской Федерации реализуются такие проекты, как «электронное правительство», интернет-конференции, участие представителей власти в Сети в качестве активных блогеров. Но Интернет имеет ограничения, потому что, во-первых, в Сети доминирует относительно высокообразованная и хорошо оплачиваемая молодая технократическая элита; во-вторых, развитие интернет-технологий повлекло за собой формирование общества свободного распространения информации, которое все больше стремится к прямой демократии; в-третьих, считая Интернет площадкой для развития гражданского общества, необходимо учитывать, что даже в Интернете граждане не чувствуют себя раскованно и не могут свободно излагать свою точку зрения по острым политическим вопросам. Но в последнее время мы можем наблюдать изменение ситуации — ярким примером тому служат события первого полугодия 2012 г., связанные с общественными выступлениями в Москве и других крупных городах России, на которые митингующие были созваны с помощью социальных сетей и интернет-блогов.

Список литературы

1. *Айвазян А.Г.* Интернет как инновационный фактор демократизации общества: дис. канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2006. URL: <http://www.lib.ua-gu.net/diss/cont/206148.html> (дата обращения: 15.07.2012).
2. *Галанова О.Е.* «Коммуникативный жанр» как методологический концепт изучения форм социального взаимодействия // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 17–23.
3. *Дневник космонавта Максима Сураева.* URL: <http://www.federal-space.ru/main.php?id=48> (дата обращения: 07.05.2010).
4. *Ирхин Ю.В.* «Электронное правительство» Великобритании и России // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 28–30.
5. *Ирхин Ю.В.* «Электронное правительство» и общество: мировые реалии и Россия (сравнительный анализ) // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 52–58.
6. *Марков Б.В.* Демократия и Интернет. URL: <http://emag.iis.ru/arc/sf/BPA/01ef235b26348f40c3256a3300415de6> (дата обращения: 11.05.2011).
7. *Михеев А.* Интернет и демократия: как новые информационные технологии влияют на политический процесс. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/miheev_internidemokr/ (дата обращения: 05.05.2010).
8. *Перспектива* проекта «Бабушка-онлайн» – «Дедушка-онлайн» // Полезно для пенсионера. 2012. 5–12 июля. С. 1.
9. *Подшибякин А.* По живому. 1999–2009: LiveJournal в России. М.: Колибри, 2010. С. 67.
10. *Пригожин И.Р.* Сетевое общество // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 24–27.
11. *Ренгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция / пер. с англ. А. Гарькавского. М.: ФАИР-ПРЕССб, 2006. С. 175–176.
12. «*Твиттер*» уполномочен заявить // Российская газета. 2012. 26 ноября. С. 14.
13. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем.; под ред. Д.В. Складнева, послесл. Б.В. Маркова. СПб.: Наука, 2000. 379 с.
14. *Justin.TV:* лайфкастинг в массы. URL: <http://www.rubicon.ru/articles/566.html> (дата обращения: 07.05.2010).
15. *WikiLeaks.ru.* URL: <http://wikileaks.org/wiki/Wikileaks/ru> (дата обращения: 24.08.2011).

HIDDEN DEMOCRATIC AND ANTI-DEMOCRATIC RESOURCES OF INTERNET

Darya A. Gugueva

Southern Federal University; 105/42, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia

Advantages and disadvantages, linked with development of democratic and anti-democratic Internet resources, that the Internet has brought into real life of Russian society, and the world community as a whole, are analyzed in the article.

Key words: Internet; democratic potential anti-democratic potential; communication; the Internet revolution; civil society.

УДК 329 052

ВЛИЯНИЕ «НОВЫХ» СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

Д.И. Каминченко

В статье рассматриваются вопросы, связанные с влиянием технологий «новых» средств массовой информации на институт политических партий. Автор проводит исследование данного вопроса с привлечением известных эмпирических фактов использования блогов и социальных сетей в политическом процессе. Автор придерживается структурно-функционального подхода. В результате он приходит к выводу о возможном влиянии «новых» массмедиа на существующие и возникающие политические партии. Это влияние должно выражаться, прежде всего, в усилении горизонтальных связей в таких партиях.

Ключевые слова: «новые» СМИ; социальные сети; блоги; политические партии; политические институты; политические изменения; сетевая структура.

Последние политические события убедительно продемонстрировали, какой импульс могут придать технологии «новых» средств массовой информации политическим изменениям. Возможность мгновенной передачи текстовых сообщений с помощью популярных интернет-сервисов позволила оперативно выводить на улицы и площади различных городов десятки тысяч человек. Где-то это привело к смене политического руководства, как в Египте, а где-то способствовало проведению властями назревших политических реформ, как, например, в России. Вместе с тем на последовавших в Египте парламентских выборах значительная часть представителей протестных митингов не получили своего представительства в высшем законодательном органе страны. Следствием чего стали оппозиционные митинги. На последовавших после митингов региональных выборах в России представители протестовавших лишь в одном случае смогли преодолеть необходимый процентный барьер. Все это способствует появлению вполне закономерного вопроса: «Могут ли технологии “новых” СМИ, давшие толчок проведению крупных оппозиционных митингов, придать сравнимый, схожий импульс существующим партиям или появлению новых политических партий?» Цель данной работы заключается в том, чтобы рассмотреть возможное потенциальное влияние «новых» СМИ на институт политических партий со структурно-функциональной точки зрения.

Политические партии давно и активно используют технологии «новых» СМИ, особенно в ходе предвыборной кампании. А какое влияние могут оказать данные медиа на сами партии? Способны ли «новые» массмедиа дать такой же импульс созданию новых сильных и конкурентоспособных политических партий, какой был дан известным коллективным формам политического участия? Возможно ли появление сильных, способных реально бороться за высшие государственные посты новых политических партий на поднятой с помощью «новых» СМИ волне политической активности? Существует ли вероятность того, что те силы, которые активно участвовали в протестных митингах, создадут сильные политические партии, которые смогут бороться за статус правящих сил?

Прежде всего необходимо обратить внимание на ряд теоретических аспектов, связанных с институтом политических партий. Целесообразно привести несколько весьма известных дефиниций данной политической категории. К. Джанда в работе «Сравнение политических партий: исследование и теория» упоминает определения известных ученых — Дюверже, Сартори и др. Так, согласно Дюверже, политическая партия есть организация, стремящаяся, в первую очередь, к захвату власти или к участию в ее отправлении и которая опирается на поддержку широких слоев населения [4]. Сартори обозначает партию как любую политическую группу, которая имеет официальное название и участвует в выборах, а также ко-

торая способна замещать государственные должности с помощью участия в выборах [4]. Отечественный ученый А.И. Соловьев отмечает: «...партия сформировалась как специализированная, организационно упорядоченная группа, объединяющая наиболее активных приверженцев тех или иных целей (идеологий, лидеров) и служащая для борьбы за завоевание и использование высшей политической власти» [8, с. 207].

Для проведения намеченного в рамках данной работы исследования необходимо привести теоретическое обоснование такой дефиниции, как «новые» средства массовой информации. Автор данного исследования считает, что «новые» СМИ можно определить как динамичное сетевое образование, предполагающее сбор, обработку и распространение информации, функцию удобной обратной связи между аудиторией и автором, способность связывать людей друг с другом и обмен огромным массивом данных [1, с. 307]. Традиционные СМИ — это печатные газеты, телевидение, радио. «Новые» СМИ — блоги, микроблоги, социальные сети и т.д. В основе «новых» массмедиа находятся функциональные возможности современных информационно-коммуникационных технологий, таких, например, как технологии интернет-блогов и социальных сетей [6, с. 266]. Одним из преимуществ «новых» средств массовой информации по сравнению с традиционными медиа является то, что активную роль в наполнении контента играют сами пользователи Интернета [7, с. 143]. А. Черных считает, что по сравнению с традиционными массмедиа Интернет выигрывает сразу по нескольким параметрам, а именно: мультимедийность, персонализация, интерактивность, отсутствие посредников [9, с. 200–201]. С.Н. Бухарин следующим образом подчеркивает одно из преимуществ основанных на технологиях Интернета «новых» массмедиа: «Самое демократичное СМИ, без цензуры и ограничений в получении и передаче информации» [3, с. 234].

В процессе исследования влияния «новых» средств массовой информации на политические партии со структурно-функциональной точки зрения необходимо определиться с организационной структурой рассматриваемых медиа. В основе «новых» СМИ находится сетевая структура. Какие же основные свойства характерны для сетевой структуры? В своей работе «Психологические аспекты функционирования власти в сетевых структурах» В.А. Бианки, используя метод пентобазисов, выделяет наиболее известные и устойчивые свойства сетевой структуры организации.

Он выводит эти свойства согласно четырем категориям. *Первая* категория — это энергия: управление в Сети. Данная категория включает такие свойства, как использование «слабых связей», частичное лидерство и др. *Вторая* категория — информация: суть Сети. Она включает в себя следующие свойства: власть как владение потоками информации, широкая специализация, децентрализация информационных потоков и др. *Третья* категория — это время: жизнь Сети. В ней находятся ориентированность на результат, мобильность перегруппировки, краткосрочность существования и др. *Четвертая* категория — это пространство: форма Сети. В данную категорию автор включает горизонтальное взаимодействие, многоначалие и др. [2].

Далее, приведя необходимые дефиниции, теоретические и структурно-функциональные аспекты, необходимо рассмотреть, какое влияние способны оказать «новые» медиа на политические партии. По мнению автора, исследование должно отталкиваться от эмпирических фактов влияния «новых» СМИ на коллективные формы политического участия, например, оппозиционные митинги в России в декабре 2011 г., которые привели к ряду политических реформ. Учитывая особенности и обстоятельства того, как повлияла сетевая структура «новых» СМИ на эти факты политического участия, можно провести исследование потенциального воздействия данных медиа на политические партии.

В рамках данной работы целесообразно использовать три фактора, которые вытекают из логики политических событий, в которых особую роль играли рассматриваемые массмедиа. Эти факторы имели место непосредственно в коллективных формах политического участия, в которых особую роль сыграли «новые» медиа. Иными словами, в определенной степени эти факторы были характерны, например, для политической оппозиционной активности в России в декабре 2011 г.

Итак, во-первых, речь идет об отсутствии единого лидера. Как уже отмечалось, в основе структурной организации «новых» медиа находится Сеть, для которой не характерно наличие единого центра принятия решений. Сам сетевой принцип организации, как правило, противопоставляется иерархическому. Сетевая структура «новых» СМИ построена преимущественно на основе горизонтальных, а не вертикальных связей. Такая структура определяет и логику влияния «новых» СМИ на те или иные политические со-

бытия. А что же политические партии? Для них и их организации характерны иерархичность, наличие определенной подчиненности, вертикальных связей, а также лидера. Это может быть лидер партии или руководитель фракции в парламенте. Зачастую лидер играет важнейшую роль в жизни политической партии, например, если речь идет о харизматической политической фигуре. В парламентских республиках лидер победившей на федеральных выборах партии становится премьер-министром. Способна ли сетевая структура «новых» СМИ как-то повлиять на сформировавшийся институт политических партий? Существует ли вероятность, что на волне протестной активности появится новый тип партий с иной, близкой к сетевой, структурой? Причем такая партия, которая реально стала бы способной бороться за высшие места в руководстве страны? Наверное, в условиях сложившихся политических институтов, институциональных особенностей и норм целесообразно предположить в данном случае не появление сильной и конкурентоспособной политической партии с отсутствием единого лидера и с сетевой структурой организации в целом, а то, что «новые» СМИ с присущей им сетевой структурой способны оказать влияние на существующие и возникающие политические партии с позиции увеличения и укрепления в этих партиях не вертикальных, а горизонтальных связей. Как отмечает М. Дюверже в книге «Политические партии», вертикальная связь — это связь, соединяющая организмы, которые подчинены один другому, а горизонтальная связь — это связь между организациями, стоящими «на равной ноге» [5, с. 92].

Второй фактор — это сосредоточенность вокруг конкретной проблемы, иногда весьма узкой. Коллективные формы политического участия, в которых активно были задействованы «новые» СМИ, могут быть охарактеризованы как сконцентрированные вокруг одной проблемы. Это зачастую подразумевает краткосрочность существования такой активности (сформированной вокруг одной проблемы). Такая политическая активность может ослабнуть в результате решения или снижения остроты проблемы. Например, оппозиционная активность, имевшая место в столице России в декабре 2011 г. (и чуть позже), была инициирована результатами парламентских выборов 4 декабря 2011 г. Главная проблема тогда была сформулирована и обозначена в форме требования честных выборов. Вместе с тем, когда на последующих президентских выборах были повсеместно использованы на избирательных участках

web-камеры, острота обозначенной проблемы снизилась. А вскоре и сама оппозиционная митинговая политическая активность уже не достигала тех численных масштабов, которые имели место до того.

Как же данный фактор может повлиять на институт политических партий? Как правило, партии возникают и концентрируются не вокруг одной (тем более узкой) проблемы, а вокруг широкого спектра вопросов. Партии предлагают программные действия в рамках таких вопросов и нацелены на борьбу за власть. Сильная и реально конкурентоспособная политическая партия — это весьма долгосрочный институт. Он не может возникнуть лишь на основе одной проблемы, а затем, если эта проблема будет решена или снизится степень ее остроты, уйти с политической арены. В противном случае, речь будет идти не о сильной и реально способной бороться за высшую власть политической партии, а о временном игроке на политической сцене. Вместе с тем вполне допускается, что на волне недавних коллективных форм политической активности «новые» медиа поспособствуют созданию какой-либо политической партии. Но если эта партия будет сконцентрирована лишь вокруг одной проблемы, то она рискует стать лишь временным актором на политической арене. Кроме того, такая партия, скорее всего, не сможет составить реальную конкуренцию в условиях сложившихся политических и избирательных институтов и норм другим, организованным и сосредоточенным вокруг широкого спектра вопросов крупным политическим партиям, обладающим еще и большим опытом участия в политической борьбе.

Третий фактор — это политическая дифференциация. Из перечисленных выше свойств сетевой структурной организации он вполне соответствует свойству широкой специализации. Для коллективных форм политического участия, в которых активную роль сыграли «новые» СМИ, характерна высокая степень политической дифференциации. Иными словами, например, митинги оппозиции в декабре 2011 г. в Москве собрали на одной площади представителей широкого спектра политических убеждений и взглядов. Это объясняется во многом тем, что сам митинг был в целом сконцентрирован вокруг одной проблемы, выраженной в форме требования честных выборов. Эта проблема сплотила представителей разных политических воззрений. Но политическая партия — это объединение на основе общих взглядов, убеждений и ценностей. Трудно пред-

ставить появление сильной политической партии, которая бы смогла объединить под своими знаменами большинство участников митинга оппозиции в Москве в декабре 2011 г., так как на нем присутствовали представители широкого политического спектра. Хотя появление новых политических партий, объединяющих граждан со схожими политическими взглядами, на волне этой протестной активности вполне реально.

Итак, на волне эмпирических фактов митинговой активности, где важную роль играли технологии «новых» СМИ, возникает вполне оправданный вопрос о возможном влиянии данных технологий на институт политических партий. Исследование данного вопроса требует учета структурно-функциональных характеристик «новых» СМИ, особенностей института политических партий, а также опоры на имеющиеся эмпирические данные о влиянии «новых» медиа на иные формы политического участия. К каким же выводам можно придти в результате подобного исследования? Во-первых, «новые» массмедиа способны оказать влияние на существующие и появляющиеся партийные институты с точки зрения усиления в них горизонтальных связей. Во-вторых, для митингов, где были активно задействованы «новые» СМИ (например митинг оппозиции в российской столице 10 декабря 2011 г.), характерно наличие представителей, имеющих различные политические взгляды, убеждения, но объединенных одной конкретной проблемой. Партия предполагает объединение вокруг общих взглядов, убеждений и норм по широкому спектру вопросов, если она хочет реально бороться за власть. Таким образом, «новые» медиа способны повлиять на возникновение новых политических партий. Однако вызывает сомнения, что одна такая партия способна объединить широкий спектр граждан с различными убеждениями и стать

сильной и способной конкурировать с главными политическими оппонентами, как правило, правящими партиями.

Список литературы

1. *Балуев Д.Г., Каминченко Д.И.* Политическая роль «новых» СМИ в ливийском конфликте // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 2(1). С. 307–313.
2. *Биянки В.А.* Психологические аспекты функционирования власти в сетевых структурах. URL: <http://bianki.ru/docs/nws2.doc> (дата обращения: 16.01.13).
3. *Бухарин С.Н.* Методы и технологии информационных войн. М.: Академ. проект, 2007. 382 с.
4. *Джанда К.* Сравнение политических партий: исследования и теория. URL: <http://pavroz.org/dov/jandaparties.pdf> (дата обращения: 27.01.13).
5. *Дюверже М.* Политические партии. М.: Академ. проект, 2000. 538 с.
6. *Каминченко Д.И., Балуев Д.Г.* Фактор новых средств массовой информации в формировании современного политического индивида // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 1(09). С. 266–270.
7. *Каминченко Д.И.* Причины эффективности использования технологий «новых» СМИ в политической борьбе // Социально-гуманитарные проблемы современности: человек, общество и культура: сб. статей по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (сентябрь, 2012 г.) / науч. ред. Я.А. Максимов. Красноярск: Изд-во Научно-инновационного центра, 2012. С. 143–148.
8. *Соловьев А.И.* Политология: Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2008. 575 с.
9. *Черных А.* Мир современных медиа. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2007. 312 с.

THE INFLUENCE OF «NEW» MEDIA TO POLITICAL PARTIES *Dmiry I. Kaminchenko*

University of Nizhni Novgorod; 23, Gagarin av., Nizhni Novgorod, 603950, Russia

The issues that's connected with impact of the «new» media technology on the political parties is considered in the article. The author implements research into this issue with the famous empirical facts of using of blogs and social networks in the political process. The author sticks the structural — functional approach in the investigation. As a result, he comes to the conclusion about the possible impact of «new» media to existing and emerging political parties. First of all, this impact must be reflected to strengthen horizontal links in such parties.

Key words: «new» media; social network; blogs; political parties; political institutions; political change; the network structure.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия «Вестника Пермского университета» (Серия «Философия. Психология. Социология») принимает к публикации научные статьи, содержащие оригинальные авторские идеи и результаты исследований.

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже).

Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Объем статьи до 1 п.л. (40000 знаков с пробелами). Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Допускаются выделения **полужирным** шрифтом либо *курсивом*, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Не допускается создание рисунка с помощью функции «Рисование». Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки оформляются в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования с обязательным указанием страниц источника цитирования. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3; 5; 7–10] — на несколько работ. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент источника, в скобках указывают порядковый номер источника и его страницы, разделив их запятой: [1, с. 81] или [1, с. 81–82]. Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке. Обязательно указывается: для *книг* — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для *журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для *материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

В конце статьи допускается указание на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

Статья должна иметь название, сопровождаться индексом УДК, а также краткой аннотацией (не более 10 строк) и ключевыми словами (не более 10 слов) на русском и английском языках. К статье прилагается информация об авторе (все позиции на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес (с индексом), телефон, адрес электронной почты. К статье прилагается рецензия научного руководителя (для аспирантов и соискателей).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями.

Материалы необходимо отправлять по адресу fsf-vestnik@yandex.ru

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

INSTRUCTIONS FOR ENGLISH SPEAKING AUTHORS

The Editing Committee of *Perm University Bulletin* (Part *Philosophy. Psychology. Sociology*) is admitting scientific articles for publication containing the author's original ideas and research results.

Microsoft Word (Version 2003 and below) is used for the preparation of articles. Family of author (or first of coauthors) is name of this file.

Article is submitted electronically (RTF format). The volume of article is up to 40000 signs with gaps). Page format — A4, margins — 2cm on each side.

The main body of the text is done by "Normal" style: Font — Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1cm. **Boldface** or *Italics* are allowed. Special symbols can be used in the text (Symbol font). There must be a clear distinction between the letter O and zero 0; 1 (one), I (Roman), l (Latin); hyphen (-) and dash (). Centuries are written with Roman figures (XIX century). Recommended quotation marks «...», inside the quotations use «...”...”...».

Headings of the main sections of article are done in one style.

Do not use automatic lists. Numbered lists are done manually.

Tables are accompanied by title like «Table № 1. Name of Table». Words in tables should be written in full. Full stop should not be used at the end of headings and units of table.

Drawings should be placed in the text in the form of inculcated objects. Captions are placed under the drawings as «Fig.1. Name of Figure».

Full stop is not used at the end of headings and captions to drawings.

Formulas are done in Microsoft Word Equation, version 3.0 and below.

Bibliography references are done in one format with the indication of the pages from the cited source. Numbers of source and pages are given in [1, p. 23]. Page references are not advisable.

Reference sources are placed in the alphabetical order. Please indicate: for **books** — surname and initials of author, title, city, publishing house, year of publication, volume, number of pages; for **journal articles, collections of works** — surname and initials of author, title of article, full name of journal, part, year, volume, number, issue, pages; for **conference materials** — surname and initials of author, title of article, name of issue, date and venue of conference, city, publishing house, year, pages.

At the end of article you can mention the name of the program you were involved in for the implementation of this work, or the name of support foundation.

Your article should be supplemented by a brief annotation (no more than 10 lines) and key words (no more than 10 words) in English and in Russian (if it will be possible).

Your article should have information about author: surname, first name, patronymic name, place of work and position, scientific degree, scientific title, mail address (with postal code), telephone, e-mail address. Post-graduate students should have scientific mentor's reference.

The Editing Board has the right to edit text of article with no change of content, without author's consent.

The author of the manuscript takes personal responsibility for originality of the research and relevance of the presented information. The author takes personal responsibility for intellectual property's objects of copyright, used in the manuscript according to current legislation. The author confirms that the paper has not been published before and will not be published in future. Sending manuscript, the author confirms that he or she has been acquainted with these requirements and agrees with them.

Materials should be sent to: fsf-vestnik@yandex.ru

There is no fee for the publication of manuscript

Вестник Пермского университета
ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2013
Выпуск 3 (15)

Редакторы *Л.П. Сидорова, Л.С. Нечаева*
Корректор *Л.П. Серова*
Компьютерная верстка *Д.Г. Трунова*
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 27.09.2013. Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 22,9.
Тираж 500 экз. Заказ

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15